

ОФИГЕЛИЯ ЛИМОНАРДИ

ПРИНЦ
ВОСТОЧНОГО
ВЕТРА

*книга для легкого и
приятного чтения*

12+

Денис Владимирович Морозов

Принц восточного ветра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67644119

SelfPub; 2023

Аннотация

На летающем острове живут игруны – маленькие крылатые человечки. Но у маленьких человечков – большие проблемы. Адмирал Тар скучает по флоту летучих кораблей и мечтает вернуть славные времена короля Ярвеля Лучезарного. Его внука, юная Тая, готова на все, лишь бы освободить родителей с братом, заключенных в Каменной башне. Злая герцогиня Чуль-Паль задалась целью короновать своего сына Тупиллио, в чем ей помогают неистовый рыцарь Дили Драй и хитрая баронесса Лайра. Ход событий внезапно меняется, когда из дальних странствий возвращается долгожданный принц Леммонт. И сразу же вокруг него закручивается водоворот интриг, заговоров и таинственных событий, венцом которых становится убийство его слуги Равиона. Чтобы освободить родителей и распутать клубок загадок, за расследование берется юная Тая. Ей предстоит разоблачить неуловимого разбойника, ограбившего казну, и раскрыть истинный облик тех, кто скрывается под маской друзей и врагов.

Содержание

Глава 1. Узники Каменной башни.	5
Глава 2. Неожиданные гости	32
Глава 3. Нападение незнакомца	74
Глава 4. Возвращение Леммонта Ярна	100
Глава 5. Ночной Упырь	132
Глава 6. Грозовая корона	163
Глава 7. Цветочный лес	191
Глава 8. Засада	211
Глава 9. Ограбление	253
Глава 10. Принц в руках у преступников	292
Глава 11. Летучий корабль	316
Глава 12. Король воров	351
Глава 13. Пленница	381
Глава 14. Разоблачение	403
Глава 15. Леммонт и Равион	448

Денис Морозов

Принц восточного ветра

Глава 1. Узники Каменной башни.

Облачный мир

Планета Туманная Дымка тонула в облачной пелене. Голубое сияние звезды Светозары красило верхний край неба в лазурный цвет, но ниже ее лучи встречали преграду из туч, среди которых парили в атмосфере летающие острова. Вокруг простиралась бездна без конца и без края, потому что планета целиком состояла из воздуха и не имела твердой поверхности, за исключением островов, остающихся единственной сушей в этом бескрайнем воздушном мире.

Крупнейший из них, Яшмовый остров, медленно проплыл над белоснежной поверхностью туч. Стоило острову попасть в облако, как его окутывал непроглядный туман. Но едва он выныривал из пелены, как свет голубой звезды снова начинал литься на ослепительные снежные шапки, покрывающие вершины гор. Из высокогорных озер и ледников вытекали ручьи, тонкие нити которых тянулись через поля и пастбища.

Огромные шершни, достигающие тридцати сантиметров в длину, деловито жужжали над цветочными лесами. Аромат алых маков, лаванды и мяты несся с ветром к столичному городу, в котором обитали крылатые игруны. Этот на-

род разводил скот, выращивал урожай и путешествовал по островам на летучих кораблях, которые поднимала в воздух сила ветров, дующих здесь непрерывно. Самые рослые из игрунов едва достигали двадцати сантиметров. За плечами у них росли две пары легких, прозрачных, как у стрекозы, крыльев, что давало им возможность порхать в воздухе, не боясь упасть в бездну, начинающуюся сразу за обрывистым краем скал.

Там, далеко внизу, под каменистым дном острова, сверкали ослепительные вспышки молний и грохотали раскаты грома, но тут, в заоблачной вышине, все оставалась спокойным и тихим, и только непроглядный туман поднимался стеной, как в это летнее утро, чтобы окутать белые стены городской крепости, купола храмов и дома столичных жителей.

Первый день месяца Разноцвета

Роскошный трехэтажный особняк Тиброля Тара, Чернорунного графа и адмирала в отставке, ушел во мглу по самую крышу, и только тонкий шпиль с жестяным флюгером в виде кораблика возвышался над туманной пеленой и сверкал под солнцем. Юная Тая, внучка адмирала, металась по комнате и лихорадочно собирала одежду.

– Сейчас, или никогда! – твердила она, пытаясь придать себе решимости.

Снаружи в двери особняка настойчиво барабанили кула-

ки в перчатках с железными бляшками – это воины городской стражи ломились, чтобы перевернуть дом вверх дном. Но Тая не было до них дела. Верные слуги ее деда, лейтенант Ланс Фит и толстый боцман Цыбер Буль, ругались с незваными гостями и громко советовали им проваливать. Однако стражники не сдавались и напирали, нисколько не заботясь о том, что обыск мог оскорбить почтенного хозяина дома.

Тая надеялась, что в суматохе ее не заметят. Перебранка внизу ее не касалась. Ранним утром служанка милейшей баронессы ван Виль принесла ей записочку: «Разбойник Ночной Упырь ограбил сокровищницу. Стража рвет и мечет. Не выходи из дома!»

Не выходить из дома? Ха-ха, как бы не так! Это был тот самый шанс, которого Тая ждала уже много недель.

Заправить узкие лосины в серебристые сапожки на маленьком каблучке удалось в два счета, но вот расшитая сорочка с широкой прорезью на спине никак не хотела застегиваться, и приходилось проявлять чудеса гибкости, чтобы защелкнуть на ней кнопки без посторонней помощи. Алая шапочка и плащ с меховым подбоем давно заждались на сундуке – оставалось схватить и накинуть их.

Прошлой осенью миниатюрная игрунья справила свой семнадцатый день рождения, но для своего возраста она казалась довольно высокой – в ней было никак не меньше девятнадцати сантиметров. Ее ровесники-игруны были выше – кто самую чуточку, а кто и на целую голову. Но Тая

не придавала этому значения, ведь игруны больше привыкли летать, чем ходить пешком, и только стражники с рыцарями ползали по земле в своих тяжеловесных доспехах, не позволявших оторваться и взмыть ввысь.

Вот и на этот раз командир стражей порядка не придумал ничего лучше, чем направиться к парадному крыльцу на нижнем этаже. Ему бы расставить своих вояк цепью вокруг живой изгороди, чтобы никто не сумел ускользнуть со двора. Но он то ли не догадался, то ли решил, что искать разбойников в доме старого адмирала – дело пустое, только долг свой исполнял без особого рвения.

Тая выглянула в окно, но двор был окутан туманом, и разглядеть стражников не удалось. Широкие рукава сорочки колыхались, как паруса – пришлось прижать их к запястьям серебряными браслетами с изображением райских птиц. Осталось надеть на шею цепочку с талисманом в виде счастливой звезды – и конец затянувшимся приготовлениям. Можно трогаться в путь!

Она тихонько прокралась на мансарду, переоборудованную под прихожую. Вместо чердачного оконца тут был проделан полноценный дверной проем. Беглянка выскочила на широкую террасу, служившую посадочной площадкой, и перегнулась через перила. До земли оставалось не меньше трех этажей, но крылатых игрунов такие расстояния не смущали. Тая скинула с плеч синий плащ, подбитый белоснежными мехами, и расправила две пары прозрачных крыльев.

Вжик! – и она мигом слетела на газон, заросший ромашками и одуванчиками. Туман скрывал ее от посторонних глаз. Командир стражников на крыльце не сдавался – он грозил и ругался, требуя впустить его для обыска.

Ругаться с Цыбером Булем? Тая едва не прыснула со смеху. Боцман обрушил на пришельца такой поток отборной флотской брани, что даже матерые охранники растерялись. По счастью, все это происходило с другой стороны здания. Парадное крыльцо предназначалось для дворян и почетных гостей, а вот чердачным входом пользовалась обычно прислуга, ведь летать на своих крыльях привыкло только простонародье, в то время как благородные господа считают это ниже своего достоинства.

Пользуясь тем, что никто ее не замечает, Тая скользнула на задний двор и пробралась в большой деревянный улей, где в отдельных ячейках содержались гигантские езовые шершни. Ее собственный летун по кличке Шептун радостно взмахнул крыльями при виде хозяйки и потерся шерстистым бочком о ее плечо. Тая приладила ему на спину седло, вывела из стойла и взмыла ввысь. Упругие крылья Шептуна загудели так громко, что у Таи сердце ушло в пятки, но служители закона с таким жаром ругались с боцманом, что и ухом не повели.

Юной игрунье пришлось взмыть повыше, чтобы выбраться из тумана. Внизу потянулась кучерявая облачная равнина, слепящая глаза отражением голубоватого светила. Отдель-

ные тучки то и дело попадались на пути, норовя окутать беглянку, но Шептун уверенно огибал их, выбирая путь под ясным, безоблачным небом.

По всему городу шли повальные обыски – снизу, из тумана, доносились грозные крики стражников и горестные вопли столичных жителей, попавших под горячую руку. Но разглядеть Таю стражники не могли, и это было весьма кстати, поскольку задерживаться и вдаваться в долгие объяснения она не собиралась.

Ловко орудуя тонкой уздечкой, беглянка направила Шептуна к горам, снежные шапки которых сверкали вдали. Даже у шустрого шершня ушел целый час на то, чтобы добраться до предгорий.

Солнечный зайчик отразился от прозрачной поверхности Студеного озера и ударил в глаза. Тая зажмурилась и отвернулась. Лучик заиграл на ее золотых волосах, выбившихся из-под алой шапочки, и перескочил на шерстку Шептуна, подсветив черно-желтые полосы на его боках.

На берегу озера высилась мрачная громада Гранитного замка. Глухие стены, облицованные черным мрамором, казались темными зеркалами, в которых отражались окрестные скалы. Эти отражения, темные, как сам мрамор, производили зловещее впечатление. Над стенами возвышалась башня, сложенная из массивных валунов. Ее верхняя площадка оцетинилась зубцами с узкими щелями бойниц, и Тая с ужасом вспомнила, что в суматохе не захватила никакого

оружия – ни рапиры, ни арбалета, ни даже кинжала.

Ее сердце бешено застучало. Этот замок, родовое владение герцогов из династии Паллиандров, представлялся ей цитаделью самых мрачных и злых сил. В это туманное утро перед его стенами не кипела обычная для этих мест суэта. Не съезжались на торг фермеры с пшеницей и овощами, не стучали молотами и топорами ремесленники, и самое главное – не сновала вездесущая стража, которой у Паллиандров было полным-полно.

Тая приподнялась в стременах и издала радостный клич. Ее утренняя задумка оказалась верной – вся стража стянулась в город, искать какого-то разбойника, который посмел покуситься на государственное казначейство. Да и само семейство ныне уже покойного герцога перебралось в столицу, поближе к богатству и власти, а замок оставило для заседаний Ордена Каменной башни, в который входили бароны, составлявшие придворный совет.

Сама башня давно перестала играть роль, ради которой ее возвели – служить последним убежищем защитникам цитадели. Теперь ее превратили в узилище, в котором держали врагов правящего ордена.

Рыцарь в железных доспехах не смог бы перелететь через стену замка, но легкая Тая заставила шершня набрать высоту и опустилась прямо на верхнюю площадку башни, за массивными каменными зубцами.

Клочья тумана еще стелились по двору замка, но, на сча-

стью игруньи, оттуда не доносилось ни топота ног, ни привычного гомона, ни резких окриков охраны. Шептуна пришлось привязать к зубцу, чтобы он не отправился собирать нектар с огромных цветов, призывно распускающих лепестки за стенами замка. Стараясь не шуметь, Тая прокралась по дощатому помосту и скользнула в лаз, ведущий на нижние этажи. Крутая лестница уводила в глубину массивного сооружения, напоминающего темный колодец. В очередной раз пожалев, что не захватила рапиру, Тая выставила ладони вперед, чтобы в потемках случайно не натолкнуться на стражника.

Внутри башни царил мрак, лишь изредка прорезаемый яркими снопами света, льющегося через узкие бойницы. Деревянные ступени под сапогами пронзительно закрипели. Душа девушки ушла в пятки – ей казалось, что на шум непременно выскочит стража и схватит ее еще до того, как она исполнит задуманное. Спускаться пришлось дольше, чем она ожидала, и только на нижнем этаже Тая попала наконец в просторную палату с колоннами, подпиравшими высокие галереи с узорчатыми перильцами.

– Сестренка! – раздался звонкий мальчишеский голос.

К Тае бросился десятилетний игрун в светлой курточке с прорезями для крыльев. Кудрявые волосы цвета спелой пшеницы колыхались, как поле на ветру, зеленые глаза – такие же, как у сестры, сияли от неожиданной радости.

– Микенио! – Тая подхватила его на бегу и обняла. – А

где мама с папой?

– Они здесь, – воскликнул мальчишка. – Только и говорят о тебе.

– Доченька! – послышался обеспокоенный голос.

В палату вошла игрунья средних лет, в шелковом ярко-зеленом платье, расшитом серебряными узорами. Широкие рукава, не стянутые браслетами, всколыхнулись, повторяя движения рук, протянувшихся к дочери.

– Мама! – Тая подхватила брата на руки и бросилась к матери.

– Как ты сюда пробралась? Мы столько раз подавали прошение о свидании, но нам все время отказывали, – сокрушенно произнесла мать.

– Я прилетела за вами, – отрывисто бросила Тая. – Где папа? Собирайтесь, мы едем домой!

Она не заметила, как к ней подошел отец – высокий и статный муж в черном камзоле, перехваченном широким поясом. Узкие брюки, высокие сапоги, в руке – шляпа с пушистым пером, вот только не достает шпаги на перевязи, как приличествует дворянину и капитану воздушного флота.

– Боже, как ты зарос! Тебя не узнать! – Тая погладила отца по густой бороде, в которой тонули его подбородок и щеки.

Лучистые глаза отца смотрели на нее ласково, но в них читалась тревога.

– Дочка, мама права, – с беспокойством произнес капитан Фабиал Тар. – В этой башне мы числимся почетными гостя-

ми, но вежливость наших тюремщиков никого не обманет. На самом деле мы – заключенные. Нас нельзя посещать. Таковы правила, и мы обязаны их соблюдать, иначе станет еще хуже.

– А вот и нет! – с азартом воскликнула Тая. – На верхней площадке привязан Шептун. Мы посадим на него маму с братом, а сами полетим следом. Ты ведь можешь летать?

– Силы пока еще есть, – печально ответил отец. – Но мы в самом осинном гнезде. Тут в каждой камерке слуги Паллиандров. Мы и крылом взмахнуть не успеем.

– Я все продумала, – горячо заговорила беглянка. – В замке почти никого не осталось. Вся стража в столице, ловят разбойника, который ночью ограбил сокровищницу. Если бы вы видели, какой бедлам подняли эти остолопы! Сейчас им не до нас, и другого такого случая мы не дождемся. Хватайте все самое нужное и полетели! Главное – не упустить момент.

– Таисса, ты многого не понимаешь... – Отец погладил золотистую прядь волос, выбившуюся у нее из-под шапочки. Мать взяла из рук Таи мальчика и поставила его на пол.

– Бежать некуда, – продолжал отец. – Мы можем вернуться домой, к твоему деду, но там нас быстро найдут. Дедушку оставили на свободе только потому, что он уже стар, и его служба закончилась. Воздушного флота нет, и не осталось ни одного корабля, на котором можно летать. С этого острова некуда деться. Нас неизбежно поймают и посадят опять, только на этот раз вместе с тобой и дедом, да еще и упрячут

в самый дальний и темный подвал.

– За что? – на глаза Таи навернулись слезы. – За что все это на нас свалилось? Ведь ты не сделал ничего плохого, правда?

– Правда, доченька, – отец снова погладил ее. – Просто теперь всем правит орден Каменной башни, и его бароны до жути боятся памяти о рыцарях Грозового дракона. Настали черные времена.

– Как же так? – Тая опустила на скамью у стены и закрыла лицо ладонями.

По ее щекам покатались слезы.

– Я думала, что скоро мы все снова будем дома, и эта черная башня окажется дурным сном.

– Тебе нужно вернуться как можно быстрее, – настойчиво произнесла мать. – Посадка шершня на вершине башни не могла остаться незамеченной. Хоть стражи и мало, но перед входом в своей караулке еще дежурит этот противный цензурион Шипилио Жмых. Он один хуже целой оравы олухов с копьями и алебардами.

– Да, дочка. Пора возвращаться, но только тебе одной, – твердо добавил отец.

Снаружи послышался скрежет: кто-то вставил ключ в массивную дверь, окованную железом, и со скрипучим лязгом пытался открыть ржавый замок.

– Это Шипилио! Он тебя схватит! – испугалась мать.

Тая быстро чмокнула брата в щечку и бросилась к лест-

нице. В палату ворвался охранник в плотной кожаной куртке с железными пластинками, нашитыми внахлест и образующими чешуйчатую броню. На медном шлеме поблескивал знак цензуриона – надзирателя за общественными нравами и командира небольшого отряда стражи.

– Так и есть: посторонние в охраняемом помещении! – визгливо выкрикнул он, указывая ладонью в перчатке на синий плащ Таи, мелькнувший на лестнице.

Вслед за начальником вбежали четверо рядовых стражей – эти были без шлемов, с растрепанными волосами, в которых застряли опилки. Очевидно, их оторвали от отдыха, который они проводили на кучах стружки, оставленных плотниками. Вместо доспехов их телеса защищали толстые стеганки, распахнутые по случаю летней жары.

– Эй вы, двое, за мной! Остальные – сторожить заключенных! – скомандовал подчиненным цензурион Жмых.

Два стражника схватили родителей Таи и грубо усадили их на скамейки. Двое других бросились за командиром на лестницу, ведущую на вершину башни.

Взбираться наверх по крутой лестнице оказалось трудно даже для легкой Таи. Она сбросила плащ, выпростала крылья и взлетела. Однако размахивать крыльями в тесной башне оказалось не так-то просто: их края задевали за глухие каменные стены, и чтобы не смять их, Тае вновь пришлось перейти на бег.

Она порядком запыхалась, когда выбралась наконец на

верхнюю площадку. Шептуна в пределах видимости не оказалось, и сердце застучало еще громче: неужели своенравный шершень сорвался с привязи и улетел собирать нектар? Однако тут где-то за каменными зубцами послышалось шуршание и звук падающих камней. Тая перегнулась через парапет и заглянула за край. Шершень деловито ползал по боковой стенке, исследуя щели в навесных бойницах, угрожающих тем, кто рискнул бы подступить к башне снизу.

– Шептун, ко мне, живо! – срываясь, крикнула на него беглянка.

Узда, надежно привязанная к зубцу, не отпускала летуна далеко. Тая потянула за ремешок, чтобы быстрее вернуть непонятливое животное, и взгромоздилась ему на спину.

Шипилио Жмых, гремя чешуйками доспехов, уже выползал на площадку. За ним показались двое стражников, оглушительно топающих сапожищами.

– Лети! Ну же! – пятки Таи ударили шершня по шерстистым бочкам.

Шептун нехотя зажужжал и взмыл ввысь.

– Стой! – выкрикнул цензурион, и прыгнул за ним. Но шершень уже оторвался от башни и маневрировал в воздухе. Шипилио ухватился за кончик его гладкого жала и повис, болтая ногами, под которыми простиралось семь ярусов пустого пространства.

– Пошел! Вперед! – Тая хлопала шершня и ладонями, и сапогами, заставляя быстрее убраться из этого опасного ме-

ста.

Шептун качнул брюшком. Ладонь Шипилио скользнула по жалу, не удержалась и сорвалась. Цензурион полетел к земле, громко вопя и ругаясь. Почувствовав облегчение, шершень рванул вперед, унося наездницу прочь.

Двое оставшихся стражников, успевшие выскочить во двор, забегали с расставленными руками, пытаясь поймать падающего начальника. Он наверняка бы расшибся, если бы перед самой землей не успел задрать кожаный доспех на голову и выпустить крылья, которыми тут же принялся махать изо всех сил. Эта отчаянная работа задержала падение, подчиненные подхватили его и помогли опуститься на землю.

– Чего уставились, остолопы? – обрушился на них цензурион. – Выводите ездовых шершеней, и в погоню!

Остатки тумана рассеялись. Тая оглядывалась на преследователей, кусая губы от напряжения, и забывала править уздечкой, но опытный шершень и без приказов знал, куда держать путь. Последние клубы дымки уже не сбивали его с дороги, ветер унес их, и теперь весь остров сиял под лучами взошедшего солнца.

Внизу, под поджатыми лапами шершня, проносились нити голубых ручьев, широкие поля, на которых начинала колоситься пшеница, и пастбища, по которым бродили стада.

Мелькнули уютные белые домики поместья Виль-и-Виртис, утонувшего в зеленых садах. Владения баронов ван Виль и ван Виртис тянулись, насколько хватало глаз, и всюду –

в садах, в огородах, на пашнях, копошились трудолюбивые земледельцы, великое множество которых обитало на этих землях.

Шептун ощутимо занервничал и начал вилять из стороны в сторону, словно пытаясь найти укрытие. Тая оглянулась за спиной на фоне небесной лазури возникли три черные точки. Они летели следом, медленно приближаясь, и вскоре можно было уже рассмотреть стражника в чешуйчатом доспехе и двух его подручных, взгромоздившихся на ездовых шершней.

До города оставалось не меньше получаса по прямой, но Тае вовсе не хотелось, чтобы стражники сели ей на хвост. Она направила Шептуна к облачку, дрейфующему к окраине, и затерялась в туманной дымке.

На какое-то время преследователи потеряли беглянку из вида. Этого хватило, чтобы она достигла обрывистого края острова, за которым простиралась синяя бездна, затянутая облачной пеленой.

В глубине этой бездны гремели чудовищные грозы. Спицы молний прокалывали свинцовую толщу туч. Ураганные ветры носились, словно вырвавшись из мешка всемогущего божества. Но вся эта свистопляска бушевала далеко внизу, под островом, который парил в поднебесье, спокойный и невозмутимый, как облачко, которому ни до кого нет дела.

Обрывистый склон уводил прямо в пропасть. Стоило Тае взглянуть туда – и сердце похолодело. Игруны с детства ис-

пытаются суеверный ужас перед бесконечным простором, разверзающимся у них под ногами. Заглянуть в него – значит посмотреть в лицо своим страхам, а на это решится не каждый. Но Тая набралась смелости и направила Шептуна прямо вниз, хотя и старалась держаться поближе к скалам.

На одном из откосов скалы образовался узкий уступ – достаточный, чтобы ветер нанес сюда немного земли, на которой проросли кривые горные сосны. Шершень сам нашел удобную площадку для приземления. На вертикальных склонах летун держался с удивительной ловкостью, так что хозяйка за него не переживала. Но вот в своих силах она была далеко не уверена – даже имея за спиной две пары крыльев, не так-то просто порхать вверх-вниз вдоль отвесных скал, на которых и уцепиться не за что. Хорошо, что до нижнего края обрыва оставалось еще далеко – соваться на самое дно ни одному игруну и на ум не пришло бы.

Пытаясь унять дрожь, Тая спустилась с седла и прижалась спиной к неровной скале. До кромки уступа оставалась всего пара шагов, и беглянка для верности обхватила руками сосну, торчащую из расщелины.

Скалистая стена летучего острова уходила вверх на добрых двести метров. Эта высота казалась маленькой Тае неодолимой, но еще больше ее голова закружилась, когда она посмотрела вниз – туда, где склон острова обрывался, и начиналась бескрайняя бездна, заполненная грозowymi тучами.

Ее сердце стучало гулко, как колокол. В довершение всех бед, над кромкой обрыва показались шершни стражников во главе с цензурионом Шипилио. Вооруженные вояки не рисковали спускаться – тяжелые доспехи тянули их вниз, так что на обратный подъем у их летунов могло не хватить сил. Однако их храбрости все же хватило на то, чтобы вылететь и сделать круг над обрывом, высматривая беглянку. Не разглядев ее среди горных уступов, стражники рассердились и принялись сталкивать с берега камни, чтобы вызвать обвал. Рой булыжников всех форм и размеров покатился вниз и обрушился на террасу, приютившую Таю.

Шептун возмущенно зашевелил крыльями и загудел. Один из булыжников стукнул по седлу, прикрепленному к его спинке – покрытое кожей дерево смягчило удар, однако грохот раздался такой, как будто ударили в барабан. Шершень прижался к стене и пополз по ее склону, ловко цепляясь лапами за выступы. Тая прикрыла руками голову и попыталась спрятаться под сосной, однако чахлое деревце едва держалось, и его хвойные лапы не могли остановить каменную лавину.

Шершень тем временем нашел в скале щель, куда можно было пролезть, и немедленно этим воспользовался. Тая заметила, что снаружи осталось торчать лишь его полосатое брюшко с острым кончиком жала, и потянулась за ним. Через минуту она втиснулась в узкий проход, за которым началась глубокая и темная пещера.

Как назло, в голове мигом вспыхнула самая неподходящая мысль: Тае вспомнилась, что ее гувернантка, мадам Каппадокия, рассказывала, будто в глубине острова живут каменные чудища, что не ведают жалости и дробят в крошку любого, кто встретится им на пути. Как некстати пришло это воспоминание! Юная игрунья и без того уже натерпелась переживаний. Однако шершень не ведал сомнений и пробирался в глубину неровного лаза, спотыкаясь о камни, и время от времени цепляясь за стены, а то и зависая под потолком.

Тая пару раз оглянулась назад – на свет, пробивающийся через вход. Чем заняты сейчас стражники? Может, они устроили засаду и ждут, когда она выберется на берег? Или они ползут вниз по склону, чтобы схватить ее? В любом случае, возвращаться опасно. Беглянка набралась смелости и похлопала Шептуна по брюшку, подгоняя вперед.

Последние проблески света исчезли у нее за спиной, и настала крошечная тьма. Подземные коридоры ветвились, как высохшие жилы окаменевшего исполина. Тая то попадала в просторные залы, до сводов которых невозможно было не только дотянуться, но и докричаться, то рвала плащ и царапала руки в тесных галереях, где на каждом шагу поджидали острые известняковые сосульки, торчащие и сверху, и снизу. Чтобы обойти их, Шептуну приходилось ползти по стене. Иногда Тае хотелось взлететь, чтобы не стукаться о сосульки, но она опасалась ободрать крылья о стены, невидимые в темноте.

Шершень ловил сквозняки, гуляющие по тоннелям. Он лез туда, откуда дуло сильнее всего, и Тая решила довериться своему летуну и просто следовать за ним, стараясь не думать, куда приведет их очередной рукав подземелья.

После долгих блужданий Шептун выбрался в огромный зал, сквозь высокие своды которого пробивались тусклые лучики света. Пещера под сводами напоминала палату просторного каменного дворца. Над ней явно потрудились опытные мастера – они выровняли пол и стены, и Тая смогла наконец пройти, не опасаясь напороться на острую сосульку. Крупнейшие из сосулк тянулись друг другу навстречу с пола и потолка, образуя колонны, напоминающие окаменевшие песочные часы. Старые мастера и им придали ровную, округлую форму. Тае подумалось, что она попала в замок подземного великана.

– А не припрятаны ли в этой пещере сокровища? – спросила она у шершня, вспомнив старые сказки. – Где тут сундуки с драгоценностями, рыцарские доспехи и украшения из золота и самоцветов?

Но стоило ей обогнуть несколько неровных колонн, подпирающих потолок, как она поняла, что подземный зал скрывает сокровище совершенно другого рода. С широкого возвышения посреди зала на нее глядел нос величественного корабля на деревянных стапелях. Под бушпритом резная фигура грозового дракона расправляла крылья, готовясь ринуться навстречу ветрам. Концы трех высоких мачт терялись

во тьме. От них отходили в стороны поперечные рей, к которым обычно крепился воздушный парус – широкое горизонтальное полотнище, что помогало кораблю поймать ветряной поток и не утонуть в голубом океане, состоящем из одних вихрей. Однако самих парусов – ни основного, несущего, ни дополнительных, вертикальных, Тая нигде не увидела.

– Вот это находка! – восхищенно сказала она.

На Яшмовом острове кораблей не строили уже десять лет – со дня Огненной бури, положившей конец воздухоплаванию. Десять лет не у дел оставались морские волки, матросы и офицеры. Десять лет изнывал в отставке дед Таи, адмирал Тиброль Тар. На заброшенных судоверфях гнили остатки судов, чье строительство не было завершено. Во всем королевстве Ярвеля Лучезарного не осталось ни одного корабля, годного к плаванию.

Тае сразу же вспомнились рассказы деда об особенном корабле, принадлежавшем самому королю. О том, что этот корабль отличался необычайной маневренностью и мог обогнать даже ветер. Но разве он не погиб вместе со всем флотом в тот день, когда шар огня ударил в королевский дворец, обратив его в руины?

Тая обошла стапели, любуясь на покатые борта. Наклонная дорожка, по которой корабли отправляются в плавание, упиралась прямо в стену пещеры. Это поставило Таю в тупик.

– Как же тебя выводили на воздушный простор? – задумчиво спросила она. – Или тебя только построили, но не успели спустить?

Солнечные лучи пробились сквозь щели в далеком своде пещеры и упали на золоченые буквы: «Королевский дракон». Надпись шла по борту корабля узорной вязью. Шершень взлетел, недоверчиво обнюхал фигуру на носу и убедился, что она деревянная. Его жужжание отразилось от стен и наполнило пещеру деловитым гулом.

– Шептун, не шуми так! – испуганно произнесла игрунья. – Кто знает, какие духи затаились среди этих камней?

Но шершень не обратил внимания на предостережение хозяйки. Он всю исследовал палубу, ощупывая ее усиками и хоботком.

– Раз уж ты решил поставить на уши пауков, которые наверняка водятся тут без счета, то поищи паруса! – рассердилась Тая. – Я с детства не видела целых кораблей, но даже мне ясно, что без парусов они не летают. Может, тогда мне удастся посадить на него маму с папой и братиком, и мы улетим? – размечталась она. – Только куда? На остров Горная Круча, который когда-то принадлежал дедушке? Только где теперь этот остров? Буря все разметала. И хозяйство на нем за прошедшие годы наверняка пришло в запустение. Ну, нашел что-нибудь? Эх ты, тварь бессловесная, только и умеешь, что жужжать!

Шершень встал в тревожную стойку и замер. Жужжание

смогло, и даже подвижные усики перестали трепетать в тусклых проблесках света, льющегося сверху. Неожиданно он взлетел на самый верх, выбрал щель, сквозь которую пробивался свет, и начал отчаянно процарапывать в ней проход.

– Молодец, нашел-таки полезное занятие, – похвалила хозяйка, хотя ей и не понравилась нервная нотка, ощущавшаяся в движениях шершня.

У нее за спиной что-то шлепнулось на пол. Тая стремительно оглянулась, но увидела только облачко пыли, поднимающееся от увесистого булыжника, свалившегося невесть откуда.

– Если это паук, то я его не боюсь, – произнесла Тая вслух, чтобы подбодрить себя.

Здоровенные пауки, на которых пастухи катаются, как на лошадках, даже при свете дня многим внушают страх, а уж тут, в подземелье, от них и вовсе можно ждать самого худшего, ведь среди них может попасться и хищник. А хищники, как всем известно, любят полакомиться мясом, и им не объяснишь, что ты – адмиральская внучка и благородная госпожа, которую защищает королевский закон. У пауков закон проще – лопать все, что попадет в их жвала, и темное подземелье – их царство, из которого не сбежишь.

Еще один камень упал совсем в другой стороне – за толстой колонной. Взметнулось облачко пыли, но кто произвел это движение – уловить не удалось. Шершень под потолком словно ошалел и начал прорываться в щель, оставляя на ее

краях клочки шерсти.

– Не боюсь, не боюсь, – дрожащим голосом запела Тая, забираясь на каменный постамент и прижимаясь спиной к покатоному корабельному боку.

Ее взгляд метался от одного угла пещеры к другому, но разглядеть в них что-то из-за темноты было трудно. Пыль клубилась в мрачных закутках за колоннами, и казалось, будто в них мелькают едва различимые тени.

«Откуда взялась посреди зала эта куча камней? Ведь ее не было, разве не так? – бежали в голове мысли, не успевая сменять друг друга. – А эти круглые отпечатки в пыли? Это мои следы, или чьи-то еще?»

Она подняла глаза к своду, чтобы узнать, не нашел ли Шептун выход, а когда опустила их, куча камней, состоящая из плоских округлых булыжников, оказалась ближе на десяток шагов. Несколько мгновений Тая не сводила с них взгляда – камни казались безжизненными и совершенно неподвижными. Она с облегчением стерла со лба холодный пот и рассмеялась:

– Вот какая я бесстрашная освободительница! Стоило провести часик в подземелье – и уже мерещится всякая чушь!

Лучик света упал на ее алую шапочку, сверху посыпались комья земли и труха – это шершень проделал наконец выход наружу.

– Шептун, ко мне! Нам пора улетать! – позвала его Тая.

В этот миг куча камней вдруг взметнулась и сложилась в фигуру, напоминающую чудовищную и кривую гориллу. Обкатанные ветрами камни прилепились друг к другу и застучали, как кости ископаемого скелета.

– Каменное чудище! – взвизгнула Тая. – Только тебя не хватало. Сгинь! Пошло вон! Брысь, кому говорят!

Но монстр, состоявший из оживших камней, и не думал слушаться игруню. Гремя камнями, чудище начало приближаться. Оно надвигалось, взметая вокруг тучи пыли и оставляя за собой округлые следы.

Инстинктивно Тая взмахнула крыльями, но плотный плащ с меховым подбоем не дал им раскрыться, и она затрепыхалась, пытаясь выпутаться из одежды. Сорвав наконец плащ, она набросила его на голову монстра. Пока тот вертелся, сбрасывая накидку, она подпрыгнула и попыталась вскарабкаться на корабль, но не смогла дотянуться до высокого бортика. Монстр выбросил в ее сторону кулак – тот ударился о корабельные доски и рассыпался ворохом камней.

– Шептун! – отчаянно вскрикнула Тая.

Шершень резко спикировал и подставил ей спинку. Тая запрыгнула на седло и вцепилась руками в высокую луку, стараясь держаться как можно крепче, пока летун набирает высоту. Через пару мгновений оба были уже под потолком. Каменное чудище бушевало внизу и размахивало кулаками. Его длинные руки растягивались, как на резинках – расстояние между каменными сочленениями увеличивалось, сжа-

тые кулаки изгибались и заворачивались за колонны. Однако летать тяжелый монстр не мог – все, на что его хватило, это подпрыгнуть, жутко гроыхая каменным скелетом.

Стараниями Шептуна щель в потолке расширилась, однако стоило шершню полезть в нее, как Таю вытряхнуло из седла. Она едва успела обхватить руками узкую талию летуна, соединяющую его грудь и брюшко. Шершень возмущенно загудел – он не выносил, когда его трогали за тонкие части тела.

– Терпи, миленький! Выручай! – забормотала Тая, ласковым голосом пытаясь задобрить питомца.

Шершень протиснулся и выбрался на свет. Игрунье пришлось прижать крылья к спине. Со сжатыми крыльями она ощущала себя беспомощной и неумелой, но после ряда судорожных раскачиваний и подтягиваний пролезть вслед за шершнем удалось и ей. Тяжело дыша, она расправила крылья, проверяя, целы ли они. По счастью, тонкие перепонки не пострадали, а вмятины и изгибы удалось быстро разгладить.

Тая постаралась как можно быстрее отползти от щели по мраморному полу, покрытому узорной мозаикой. Ее ладонь угодила в кучу острой щебенки и прутьев, разбросанных во круг. Поваленные тумбы из яшмы и мрамора, массивные колонны, побитые и выщербленные так, будто орда варваров поколотила их молотками, разбитые и изуродованные барельефы на стенах – все это тонуло в сумрачном свете, про-

никающем через дыры в крыше дворцового зала. Едва бросив взгляд вокруг, Тая догадалась, что попала в заброшенный дворец, уничтоженный стихийным бедствием. Шептун пополз к широкой лестнице, ведущей на верхний этаж, откуда струился дневной свет. Тая попыталась подняться, но угодила коленом в острый край расколотой мраморной плитки и едва не порезалась.

Под полом, в подземной пещере, никак не мог успокоиться каменный монстр. Он подпрыгивал и гремел тяжеловесными сочленениями. Наконец, в щель, через которую выбралась Тая, прыснула струя плоских булыжников. Они приняли форму каменной лапы, которая немедленно начала шарить по полу и молотить по плитам, которые ей удавалось нащупать.

Тая даже не успела испугаться – она мгновенно подскочила и бросилась прочь, подальше от этого чудища, справиться с которым не смогла бы, наверное, и целая армия рыцарей. Взбежав по ступеням за шершнем, она оказалась на цокольном этаже дворца, где некогда располагался парадный вход для приема гостей. Здесь было намного светлее, но дикие травы и густые кусты уже начали захватывать все вокруг, превращая разрушенный дворец в заросли. Птицы свободно влетали через провалившуюся крышу и порхали в ветвях. Отовсюду доносился разноголосый щебет и деловитое жужжание пчел.

Посреди зала высилась величественная статуя короля. Ко-

гда-то ее покрывало золото, отчего изваяние сверкало, поражая гостей, входивших через парадные двери. Но теперь позолота облезла, и казалось, будто одежда правителя порвалась, а кожа слезла с его тела и рук. Несмотря на это жалкое состояние, во взгляде и в позе короля читались мудрость и доброта, и Тая догадалась, что видит перед собой Ярвеля Лучезарного, погибшего десять лет назад, незадолго до Огненной бури.

При одной мысли о чудище, лезущем сквозь щель в полу, игруню бросало то в жар, то в холод. Она выскочила наружу через дверной проем и попала во двор, заросший еще больше, чем внутренние помещения. Вода давно перестала журчать в брошенном фонтане, окруженном арками и галереями. Вокруг не было ни души – горожане боялись приближаться к этому месту, уничтоженному небесным градом. Зато стрекозы и дикие осы носились вокруг в изобилии – они обжили эти заброшенные руины и считали их своим домом.

Из кустов выполз лохматый паук, ростом едва ли не выше Таи. Пять его глаз с интересом уставились на беглянку, жвала задвигались, лапы согнулись и приготовились к гонке.

Что за напасть! Тая схватила Шептуна под уздечку и поскорее потащила его к выходу со двора. Порядочные игруны не шастают по руинам, а уж благородные дамы – тем более. Так сказала бы ее гувернантка, мадам Каппадокия.

Глава 2. Неожиданные гости

Голубоватое светило Туманной Дымки перевалило за полдень, когда Тая выбралась наконец на улицы Облачного Вышеграда, взгромоздившегося на горное плато. Столица игрунов купалась в лучах Светозары. Ветер давно унес последние клочья тумана, и здания из разноцветной яшмы сверкали повсюду, куда падал глаз. Однако даже в разгар дня улицы оставались пусты: жители до сих пор прятались по домам, страшась высунуть нос.

Тая забралась в седло и направила шершня по главной столичной магистрали – проспекту Счастливой звезды, однако и тут вместо привычного шума и толкотни ей встретились только запустение, да редкие группы стражников, до сих пор обыскивающих закоулки. Некоторые из них поднимали голову и провожали беглянку подозрительными взглядами, однако ей удавалось проскочить прежде, чем они решали пуститься в погоню.

До адмиральского дома оставалась всего пара кварталов, когда сбоку, с улицы Медоваров, вынеслись три шершня, на одном из которых восседал старый знакомый – Шипилио Жмых в чешуйчатом доспехе.

– Вот она! Возвращается, как мы и ждали! – с азартом выкрикнул цензурион. – Задрубал, окружай ее! Обар Мотт,

накрывай сверху! Не дайте ей улизнуть!

Оба стражника в мгновение ока приперли Таю со всех сторон. Тот, которого командир назвал Задрубалом, схватил Шептуна за поводья, а тот, которого звали Обар Моттом, потянул шершня на землю и заставил приземлиться. Тая почувствовала себя беспомощной и от обиды прикусила губу.

– Попалась? – торжествовал Шипилио Жмых. – Кто очутился в Каменной башне, тот оттуда не выйдет до тех пор, пока я не выпущу, а тебя я не выпускал. Приготовься, красавица: я отведу тебе в башне отдельную камеру, и если кто-то захочет тебя навестить, то ждать придется очень и очень долго!

Тая вертела головой по сторонам, высматривая знакомых, которые могли бы помочь, но взгляд падал только на запертые двери и окна, закрытые ставнями. Обар Мотт грубо выволок ее из седла. Задрубал потащил шершня прочь от адмиральского дома. Шипилио Жмых набросил Тае на плечи шинель из шерстяного сукна и туго стянул ее поясом, чтобы пленница не смогла расправить крылья.

– Помогите! – робко крикнула Тая, надеясь, что ее услышит кто-то из слуг адмирала.

– Сейчас поможем, – пообещал Шипилио, грубо заталкивая ее на спину своего шершня.

– Спасите! – выкрикнула Тая во весь голос.

– Еще как спасем! Вот бросим на дно башни – там до тебя ни один супостат не доберется.

Задрубал и Обар Мотт заржали над шуткой начальника. В этот миг из бокового проулка на проспект выскочил юный незнакомец в роскошной, украшенной галунами багряной ливрее, какие носили при прежнем правителе слуги высоких и знатных вельмож. За незнакомцем показался целый отряд стражников в железных кольчугах, с копьями и алебардами наперевес.

– Сюда! Мы поймали преступницу! – горделиво выпятился Шипилио Жмых, размахивая руками.

Однако коллеги по службе даже не думали помогать цензуриону. Они неслись за слугой в ливрее и орали на все голоса:

– Стой! Именем герцогини, ты арестован! Остановись, или тебе будет худо!

Не обращая внимания на окрики, незнакомец мчался прямо на Таю, беспомощно барахтающуюся в седле чужого шершня. Шипилио выступил навстречу беглецу и распахнул руки, перекрывая ему путь. Набравший скорость беглец налетел на него и толкнул с такой силой, что цензурион отлетел в сторону и грохнулся на обочину. Его доспех загремел, ударившись о яшмовый бордюр.

– Так тебе, держиморда! – не без злорадства воскликнула Тая.

Задрубал с Обар Моттом мгновенно сообразили, что делать, и начали с двух сторон надвигаться на незнакомца.

– Мне нужен твой шершень! – отрывисто бросил юнец,

хватаясь за седло, в котором восседала Тая.

– Он не мой! – возразила она.

– Не важно!

– Я не могу слезть. У меня руки связаны! – Тая повернулась и показала ему ремень, туго закрученный вокруг шинели.

Незнакомец рывком сдернул с нее ремешок и бесцеремонно спихнул на землю. Шинель, в которую игрунья была закутана, как в кокон, распахнулась, и Тая с облегчением сбросила ее на землю. Слуга в ливрее вскочил на ее место и попытался взлететь, однако служебный шершень заупирался и не захотел подчиняться. Задрубал с Обар Моттом стиснули его с двух сторон.

– Держите! Не дайте ему уйти! – орали чужие стражники, приближаясь.

Они порядком запыхались, к тому же кольчуги и алебарды не позволяли им двигаться слишком быстро. Не дожидаясь, чем кончится эта история, Тая прыгнула к Шептуну и оседлала его. Понятливый летун только и ждал хозяйку – он мигом расправил крылья и зажужжал, отрываясь от яшмовых плиток проспекта.

– Куда смотрите, остолопы? Лиходейка у вас из-под носа уходит! – завопил Шипилио, вставая на карачки.

Но его подчиненные в этот момент были заняты новой жертвой. Убедившись, что поднять в воздух чужого шершня не удастся, незнакомец скрутил ливрею в ком и выпростал из

прорези в камзоле собственные крылья – прозрачные, легкие и широкие. Не успели стражники схватить его за сапоги, как он взлетел над их головами.

– Ничего, долго не пролетаешь. Мы тебя загоняем! – пообещал командир постороннего отряда.

Тая развернула Шептуна к дому, чтобы слинять поскорее, пока про нее забыли. Но незнакомец опустил на нее сверху, опутал шершня ливреей, как попоной, и во второй раз за последние минуты выбросил Таю из седла, пробормотав:

– Прости! Мне он нужнее!

Игрунья вывалилась и едва успела взмахнуть крыльями, чтобы не удариться об уличную плитку, которой был вымощен проспект.

– Ах ты, наглец! – рассерженно заголосила она, глядя вслед улетающему незнакомцу.

Тот уверенно правил Шептуном, дергая его за уздечку. Чужие стражники устремились за ним, гогоча и топя сапогами. Задрубал с Обар Моттом бросились следом, но поднявшийся на ноги Шипилио схватил их за шкурки, резко дернул и заорал:

– Куда, олухи? Забыли про лиходейку? У нас свое дело, им и займитесь!

Тая опомниться не успела, как пухлый Обар Мотт и тощий, как каланча, Задрубал стиснули ее с двух сторон.

– Командир, мы ее поймали! – радостно закричали стражники.

Шипилио Жмых приблизился, потирая ушибы, приподнял Таю за подбородок, и фальшиво ласковым голосом произнес:

– Попалась, голубушка?

Он не обращал никакого внимания на карету, появившуюся за его спиной. Сидевший на козлах кучер правил тройкой запряженных шершней, которые натужно жужжали, натягивая постромки и взлетая на высоту, не превышающую рост игруна. Сама карета стучала колесами по сверкающей плитке, подскакивая на ухабах. Едва Тая заметила светлый герб на дверцах, как в душе ее затрепетала надежда. Герб представлял собой щит, разделенный на белую и лазурную половину. На верхнем, белом поле, под золотым деревом бодались два черных барана, столкнувшись рогами. Семейный знак ее деда, происходившего из рода графов Чернорунных, заставил Таю мстительно улыбнуться.

Шипилио изгалялся вовсю, расписывая, какие ужасы ждут Таю в Каменной башне. Задрубал с Обар Моттом ухмылялись, не подозревая, что выручка уже близко. Кучер натянул вожжи, тройка шершней приземлилась, дверцы кареты распахнулись, и из нее вывалились приземистый, толстый, как колобок, боцман Цыбер Буль, заросший густой бородой, и высокий, стройный, подтянутый лейтенант Ланс Фит, чье лицо было выбрито так гладко, что от подбородка и щек отскакивали солнечные зайчики. Не говоря ни слова, они отпихнули стражников, подняли Таю и понесли ее прямо к ка-

рете.

– Стоять! – вышел из себя цензурион. – Что вы себе позволяете? Эта игрунья – преступница!

– Преступниками становятся только после приговора суда, – обернувшись, небрежно бросил ему лейтенант Фит.

– Вот я и арестовал ее, чтобы доставить на суд! – не унился Шипилио.

– Семейство адмирала попадает под суд герцогини Чуль-Паль, – задиристо возразил боцман Буль. – А ты, железная голова, не суйся не в свое дело!

– Как это не мое дело? – разъярился цензурион. – Да она проникла в особо охраняемое помещение! Режим содержания нарушила!

– Вот и доложишь все это правительнице, – заявил боцман, усаживая Таю на кожаное сиденье.

Задрубал с Обар Моттом подобралась, готовые сорваться с места и пустить в ход алебарды, но Шипилио удержал их, и лишь поскрипел зубами. Шершни расправили крылья, взлетели, и потащили карету в сторону адмиральского дома. Тая оглянулась в оконце, прорубленное в задней стенке, и увидела, как цензурион в ярости дергает себя за усы.

– Цыба, Лансик, как вовремя вы подроспели! – с облегчением поблагодарила она. – Я уж думала, что меня не отпустят.

Лейтенант ответил ей любезным кивком, а вот боцман развернулся всеми своими объемными телесами, припер к

спинке сидения и мягко, но напористо заговорил:

– Девочка, что ж ты творишь? Пожилой адмирал сам не свой. Ты пропала из дома в разгар заварухи. А если с тобой что-то случится? Если тебя арестуют, как эти болваны, или, чего доброго, попадетсЯ разбойник, которого они ищут – что тогда? Кто тебя будет спасать? Ну, где ты была? Говори!

– Я... летала к маме и папе, – несмело призналась Тая.

Боцман охнул и прикрыл глаза пухлой ладонью. Лейтенант Фит поморщился и покачал головой.

– Нам не разрешили их посещать, – как маленькой, напомнил Цыбер Буль.

– Вот я и подумала: пока вся стража в городе, занята другим делом, а они там одни, может, как-нибудь их забрать?

– Ты хотела их освободить? – ледяное спокойствие лейтенанта иссякло, его гладкое, бледное лицо выразило крайнюю степень смятения.

– Что ж ты наделала? – принялся совестить ее боцман. – Ведь это и в самом деле могут посчитать преступлением. Бароны в совете нервничают, им призраки Драконьего ордена по ночам снятся. И где ты намеревалась спрятать своих маму и папу? У нас дома? Ты не подумала, что их сразу найдут?

– Я думала, что дома они окажутся в безопасности, и никто не посмеет... – Тая не смогла договорить.

Только сейчас она осознала, каким наивным был ее план.

– Вот что, – решительно заявил лейтенант Фит. – Про похищение родителей даже не заикайся. Будут спрашивать, го-

вори, что соскучилась по маме и папе, захотела поиграть с братиком, строй из себя юную глупышку, лишнего не болтай.

– Ей и строить ничего не придется, – откликнулся боцман.

– Простите меня! Я не хотела никого подводить! – на глаза

Таи наворачивались слезы.

Она успокоилась только тогда, когда впереди замелькал под солнцем яркий жестяной флюгер в виде кораблика с раздутыми парусами. Однако кучер так резко осадил шершней перед самым крыльцом ее дома, что она снова разволновалась: не случилось ли что с ее дедом? На голову старого адмирала и вправду выпало слишком много испытаний: новые власти подвергли его опале, лишили графского титула, заточили сына с семейством. К тому же, он остался без любимого детища – флота, который когда-то бороздил воздушные просторы Туманной Дымки, открывая неизведанные острова. И тут новая неприятность, и от кого? От родной внучки, в которой он души не чаял. Тая не знала, как показаться ему на глаза.

Однако на этот раз во дворе особняка творилось что-то действительно необычное. Вся лужайка перед крыльцом оказалась запружена богато украшенными каретами. Холеные ездовые шершни в расшитых попонах вальяжно жужжали над одуванчиками, не удостаивая их вниманием. Слуги в ливреях из черного бархата сновали повсюду, шумя и сбиваясь с ног.

Боцман Буль выкатился из кареты, как колобок, и застыл,

тараша серые, как пасмурное небо, глаза. Лейтенант Фит галантно подал Тая руку и помог спуститься на откидную ступеньку.

– Это еще что за нашествие? – пробормотал Буль.

Столпотворение перед крыльцом для него оказалось сюрпризом. Едва Тая разглядела герб на ливреях слуг – серебряного ястреба на вершине башни – как лицо ее вытянулось от удивления.

– Слуги герцога? – спросила она.

– Герцогини, – поправил лейтенант Фит. – И, судя по карете с вензелем ее светлости, она изволила прибыть самостоятельно.

Тая не помнила, чтобы правящая герцогиня из династии Паллиандров когда-либо удостаивала опального адмирала своим вниманием. Ее появление было событием из ряда вон выходящим.

– Вы знали, что она к нам прибудет? – растерянно спросила Тая.

– Если бы! – посетовал Фит. – Нас даже не предупредили. Когда мы отправились на твои поиски, об этом и речи не было.

«Что могло понадобиться нашей правительнице, да еще в такой день, когда все идет кувырком? – думала Тая, пока боцман и лейтенант, толкаясь, провожали ее к крыльцу. – Может, это из-за меня? Только бы деда не обвинили в моих ошибках! Если ему будут грозить – брошусь герцогине в но-

ги и признаюсь, что сама во всем виновата...»

– Как нехорошо вышло! – забеспокоился Фит. – В доме такие важные гости, а внучка хозяина их не встречает. Они могут подумать, что ты выказываешь им неуважение. А ну-ка, пошли быстрее!

Спутники подхватили Таю подмышки и потащили к крыльцу, на котором и без них было не протолкнуться. Однако путь преградили сразу трое рыцарей, закованных в железные доспехи с ног до головы. Тая взглянула в узкие прорези их шлемов и сразу почувствовала разницу между городской стражей, набранной из простонародья, и прирожденными воинами из дворянского сословия, дисциплинированными и преданными своей госпоже.

Старший из рыцарей поднял ладонь в железной перчатке, не позволяя войти.

– Мы – слуги хозяина, а это – его внучка, – униженно затараторил боцман.

Но рыцари не пожелали их слушать. Старший лишь сделал короткий жест, приказывающий им убираться.

– Эй, это мой дом! Чего вы тут встали? – взъелась Тая, но лейтенант с боцманом мигом стащили ее вниз по ступеням.

– Ты что? Это личная гвардия герцогини. С ее охранниками так не разговаривают, – зашептал ей на ухо лейтенант Фит.

– Они не пускают меня в собственный дом! – заупиралась Тая.

– Значит, нужно поискать другой вход, – подмигнул боцман.

Они выбрались из толпы и обогнули широкое здание. На заднем дворе беспечно жужжал Шептун, собирая нектар с больших, как колеса, одуванчиков.

– Смотри-ка, твой шершень уже здесь, – обрадовался боцман Буль. – Вот умное животное – сам умудрился найти дорогу.

– Кто бы мог подумать, что старый морской волк окажется таким простодушным! – Тая ласково погладила Буля по руке, чтобы смягчить смысл своих слов. – У меня отобрал его незнакомец, который выглядел...

– Как? – не дождался продолжения фразы Фит.

– Необычно, – наконец нашлась Тая, беспокойно озираясь по сторонам. – Он выглядел, как слуга знатного господина, однако такой ливреи – с золотым шмелем, парящим над маком – я давно уже не встречала. Даже не помню, где я могла видеть такую.

– Золотой шмель над маком? – Фит остановился, как вкопанный.

– Девочка, тебе померещилось! – расхохотался Буль. – Королевский шмель – герб династии Ярнов. Ливреи с их символами носили до Огненной бури, но сейчас вряд ли найдется сумасшедший, который рискнет показать такой кукиш новым правителям, Паллиандрам.

– Говорю тебе: я видела своими глазами! – Тае казалось

обидным, что ей не верит боцман, которого она знала с детства. – Гляди, вот же она!

Игрунья метнулась к стене дома и подняла с травы потрепанное одеяние с длинными полами и рукавами, украшенное пуговицами и застежками в виде широких лент. Лейтенант Фит расправил его, осмотрел и задумчиво произнес:

– В самом деле: золотой шмель в короне. Такие давно не носят.

– Ты совсем сбрендил? Немедленно скатай и спрячь подальше! – зашипел на товарища боцман. – Сейчас неудачное время, чтобы трясти этим старорежимным значком. Ведь в доме гостит герцогиня, а ей напоминание о прежних королях придется ой как не по душе!

– Верно! – в кои-то веки лейтенант согласился с боцманом. – Тот, кто подкинул эту ливрею, нам явно не друг. Это какие-то происки.

– Вы думаете, ее подкинули? – усомнилась Тая. – Может, стоит поискать незнакомца, который ее носил?

– В любом случае, нужно поторопиться, – скомандовал Фит, освобождаясь от мундира и расправляя крылья.

Он первым взлетел на третий этаж, под самую крышу, и приземлился на террасе перед входом для слуг. Тая вспорхнула за ним, а вот толстому боцману пришлось туго: при одной мысли о том, что придется воспользоваться собственными крыльями, он надулся и побагровел. Но деваться было некуда: с видимой неохотой раскрыв обе пары прозрачных

перепонки, он начал работать ими, производя шума больше, чем шершень.

– Быстрее давай, толстый боров! – прикрикнул сверху лейтенант Фит.

– За борова ты мне ответишь! – посулил боцман.

– Сначала достань меня!

– Достану – пожалеешь!

Буль взлетел на террасу с изяществом петуха, одолевшего подъем на забор. По его багровому лицу с прожилками потек пот.

– Толстый боров! – продолжал дразнить Фит, проскальзывая в двери.

Не успев отдышаться, Буль погнался за ним, но не смог с первого раза протиснуться в узкий входной проем. Тая схватила его за рукав и помогла влезть в прихожую. Первым делом боцман бросился на обидчика, но Тая его удержала и напомнила:

– Цыба, у нас герцогиня!

– Не шуми, старый хрыч! – шикнул на него Фит.

Боцман, уже готовый полезть в драку, вынужден был сдать назад и обрушил на спутника шквал изощренных флотских ругательств, среди которых самым мягким оказалось пожелание засунуть себе ржавый якорь в одно место и ходить с ним в раскоряку до скончания веков. Эту тираду он произнес на одном дыхании, зловещим свистящим шепотом, зато жестикулировал своими толстыми кривыми руками так

красноречиво, что менее привычная к воздухоплавательскому фольклору девушка могла бы и покраснеть.

Едва Тая спустилась по лестнице в свою комнату, как на нее набросилась гувернантка, мадам Каппадокия Грюн.

– Таисса, это недопустимо! – возмущенно заявила мадам, разглядывая подопечную через лорнет на тонкой ручке, который она поднесла к носу. – Как ты можешь отсутствовать в такое время? У нас гости, и какие! Сама герцогиня со всей великолепной свитой, и даже наследником, молодым герцогом!

Мадам Каппадокия закатила глаза, показывая восхищенное преклонение. Тая давно уже просекла, что увядающая гувернантка мечтает выдать ее за богатого аристократа, чтобы обеспечить себе тепленькое местечко, где можно спокойно досидеть остаток жизни. Она без конца пыталась свести ее то с одним женихом, то с другим, но они оказывались то слишком старыми, то слишком страшными.

– Молодой герцог – чудесный, воспитанный, благородный джентльмен! – жужжала над самым ухом мадам Каппадокия. – А какое у него чувство юмора! Какие блистательные дарования! К тому же, он будущий правитель нашего государства. Разве эта не та партия, о которой мечтает всякая уважающая себя девица на выданье? Постой, что это у тебя?

Мадам наконец разглядела в лорнет дыры на рваной сорочке и царапины на локтях и коленях Таи, появившиеся после спасения из подземелья.

– Где ты была? Чем занималась? – возмущению порядочной гувернантки не было предела. – Впрочем, сейчас это неважно. Быстро переодевайся, приводи себя в порядок, и мигом в гостиную – встречать свою судьбу!

Алая шапочка, покрывшаяся грязными пятнами, отправилась в корзину для белья. Туда же полетели сорочка, лосины и сапоги. Тая едва успела смыть пыль дворцовых руин и комья глины, налипшие на ее руки во время блужданий по подземному лабиринту.

Праздничная одежда, соответствующая представлениям мадам Каппадокии о благопристойности, уже поджидала, аккуратно разложенная на кровати. Гувернантка поджала губы, неодобрительно оглядела синяки на боках своей воспитанницы, и протянула ей небесно-голубое платье из мягкого атласа с двумя широкими разрезами для крыльев. Тая натянула его через голову, оправила, застегнула жемчужные пуговицы и посмотрелась в небольшое настольное зеркальце. Длинное платье доходило до пола, что делало его неудобным для уличных вылазок. Зато для приемов в гостинном зале оно подходило в самый раз. Мадам Каппадокия помогла ей пропустить крылья в прорези и аккуратно сложить их за спиной – благородной госпоже не приличествует выставлять напоказ уменьше летать. Затем она приладила кружевной воротник и такие же кружевные манжеты. Широкие рукава, раздувшиеся, словно паруса, гувернантка прищелкнула парой серебряных браслетов, после чего поднесла Тае туфли с серебря-

ными застежками на невысоком каблуке. Надев их, Тая перестала сметать пыль подолом. На узкую талию лег желтый пояс с золотой пряжкой, а на шею воспитанницы гувернантка надела драгоценное ожерелье в виде вьющихся листиков огнецвета, золотое, с маленькими крапинками рубинов, сапфиров и изумрудов. Тая вздохнула с облегчением, решив, что обряд завершен, но лицо Каппадокии приняло такой возмущенный вид, что пришлось задержаться. Заплетя волосы подопечной в две тонкие золотистые косички, мадам увенчала ее чело легкой диадемой в форме переплетенных ветвей чудо-дерева с зеленым, под цвет глаз, изумрудом. Только после этого она поднесла Тае зеркальце и позволила полюбоваться на свою работу.

– Ну вот, даже такую непослушную девочку удалось превратить в благопристойную госпожу, – с удовлетворением произнесла мадам.

– Я не девочка! – взбунтовалась Тая. – Я давно уже вышла из детского возраста.

– Если бы ты вышла из детского возраста, то вела бы себя ответственно и организованно, – нравоучительно изрекла воспитательница.

У Таи не нашлось аргументов, чтобы оспорить сию мудрость.

«А что, если герцогиня явилась по мою душу? – вертелась в голове мысль, пока дева спускалась вслед за разволновавшейся гувернанткой в приемный зал адмиральского дома. –

Что, если она собирается обвинить меня в похищении папы и мамы из Каменной башни? Что, если она надумала окончательно погубить деда, и похоронить даже память о семье Таров?»

Разум подсказывал, что правящая особа вряд ли взялась бы сама за расследование – на это есть рыцари, стражники, слуги, и целый сонм прихлебателей, всегда готовых исполнить любое распоряжение. Но голос разума звучал тихо, а голос страха вопил во всю глотку, взрывая голову изнутри.

«Что же делать? – бежали мысли. – Виниться, каяться, просить милости? Или все отрицать и ни в чем не признаваться? Только бы деда не обвинили, он и так настрадался. В крайнем случае, возьму все на себя».

Решившись, она почувствовала себя увереннее, и пошла навстречу судьбе твердым шагом, как и положено наследнице знатного рода.

– А вот и наша чудесная девочка!

Это были первые слова, которые Тая услышала, вступив в просторный гостиный зал.

Навстречу ей поднялась импозантная дама, разменявшая пятый десяток лет. Перепуганный взгляд Таи скользнул по ее пышному платью из черной парчи, подол которого расширился, как купол собора.

Правящая герцогиня Чуллина Паллиандр, известная также под фамильярным прозвищем Чуль-Паль, от души обняла ее и дважды поцеловала, легонько коснувшись щечек.

По лицу Таи еще продолжала плясать лихорадка, бурными волнами накатывающая изнутри, но она догадалась, что если ее и съедят, то не прямо сейчас.

– Как же так? – укоризненно вымолвил адмирал. – У нас гости, а ты пропадаешь невесть где.

Визит знатных гостей приободрил деда Таи. Из пожилого отставника, скучающего в пустынном доме, он превратился в подтянутого вельможу, в мельчайших тонкостях владеющего искусством придворного обращения. Черный парадный мундир с золотыми эполетами сидел на его молодцеватой фигуре так, будто хозяин имения в нем родился. Аккуратно подстриженная борода с проседью придавала ему благородный вид, и даже заросший рубец, пересекающий лицо от брови до верхней губы, не портил внешность, а делал его еще мужественней.

– Прошу извинить меня, ваша светлость, – пролепетала Тая, опуская перед герцогиней глаза.

Неодобрительный взгляд гувернантки красноречиво напоминал, как должна вести себя благородная девушка в присутствии вышестоящих особ. Тая взяла себя в руки и присела в глубоком реверансе, однако и тут вышел конфуз: на нее ни с того ни с сего напала слабость, ноги подогнулись, и реверанс вышел таким низким, что еще чуть-чуть, и она села бы на пол. «Ай, как неловко!» – поругала себя дева. Однако довольная улыбка, расплывшаяся по лицу мадам Каппадокии, показала, что приседания перед правительницей чем

ниже, тем лучше, а посему ее воспитанница впервые за день показала по-настоящему учтивые манеры.

Ноги отказывались повиноваться, поэтому подыматься пришлось очень медленно. Тая успела рассмотреть серебряную вышивку на платье ее светлости – шитье изображало высокую башню, на вершине которой хищный ястреб расправлял крылья. Таким же высоким, как зубчики башни, казался и стоячий воротничок герцогини, и золотая корона на ее голове – не королевская, но все же достаточно дорогая, чтобы затмить диадему Таи.

Рядом с матерью незамедлительно появился молодой, статный игрун – ее сын и наследник Тупиллио Паллиандр. Насмешливые серые глаза юного герцога уставились на Таю сверху вниз – ей снова пришлось присесть, хотя на этот раз не так низко.

– Ты ведь знакома с моим сыночком? – не заботясь о церемониях, щебетала Чуль-Паль. – Когда вы виделись в последний раз, вы были еще детьми.

– Они и сейчас дети, – встрял в разговор адмирал, надеясь сгладить неловкость от долгого отсутствия внучки.

Но у наследного герцога на этот счет, кажется, имелось другое мнение. Тая припомнила, что он на два года старше ее, однако этого срока наследнику успело хватить, чтобы разбить не одно девичье сердечко. По крайней мере, такая о нем шла молва – подружки Таи любили посплетничать о богатых и знаменитых.

Одного взгляда хватило Тае, чтобы признать: наследник герцогского престола и вправду великолепен. Он возвышался над юной игруней на полголовы. Поверх камзола из черного бархата висела серебряная перевязь, на которой звенела длинная шпага. Такой же герб – башня с ястребом – блистал и на его груди. Каштановые кудри выбивались из-под берета с орлиным пером.

– Сударыня, я счастлив вновь встретить вас после долгого перерыва, – галантно заявил он и поцеловал воздух в миллиметре от ее ручки.

Чему там учила мадам Каппадокия? Все ее наставления разом вылетели из головы, и Тая не нашлась, что ответить. У нее отлегло от души, когда приветственный церемониал подошел к концу, и гости вернулись к оживленному разговору с хозяином дома, от которого их отвлекло появление Таи.

Не успела она сделать в сторону шаг, как ее подхватила под локоть чья-то рука.

– Что ты натворила, хулиганка? – зашептал на ухо взволнованный женский голос. – Я же тебе написала: не выходи из дому! Ты нарочно все делаешь наоборот?

Тая расплылась в улыбке и безропотно позволила увлечь себя в дальний уголок зала, под высокие стрельчатые окна, через которые лился свет. Ей и в голову не приходило сопротивляться своей знакомой – такой великолепной, сияющей молодостью, независимостью и красотой, что Тая в ее присутствии невольно робела и теряла дар речи.

Придворная дама Лайра Кин, гордо носящая титул баронессы ван Виль, словно нарочно задалась целью перевернуть устоявшиеся представления о дворцовой моде. Ее вызывающе яркий кафтан-жюстокор производил впечатление багряного пожара, разгоревшегося посреди яшмового интерьера гостиной. Кружева и золотые шнуры мелькали на нем, создавая таинственные узоры. Черные брюки, заправленные в высокие сапоги со шнуровкой, делали баронессу похожей то ли на амазонку, то ли на капитаншу пиратов. Стоячий воротник, отделанный черными перьями, контрастировал с короткой, но пышной шевелюрой, выкрашенной в снежно-белый цвет. И завершала картину пурпурная роза, воткнутая в пряди, струящиеся по безупречно гладкой, аристократически бледной коже. Такого мятежного вида при дворе не позволял себе никто, однако баронесса ван Виль ходила в любимицах герцогини, и ей сходили с рук любые причуды.

– Баронесса, я так рада вас...

– Сколько раз говорить: не зови меня баронессой! – прервала ее придворная дама. – Для тебя я просто Лайра. Это я врагам баронесса, а тебе, сорванец в платье, я как милая пчелка, разве не так?

Тая звонко расхохоталась, что заставило юного герцога обернуться и с интересом взглянуть на нее.

– Как тебе только на ум пришло ворваться в Каменную башню? – принялась отчитывать ее Лайра Кин.

– Откуда вы зна...

– Это же цитадель правящего ордена! Баронеты из госсвета почувствуют себя так, будто им вставили шило в зад, да еще покрутили!

Лайра захохотала так, что задрожал потолок. Тая млела, следя за тем, как вольно баронесса использует выражения, от которых мадам Каппадокия упала бы в обморок.

– Теперь на тебя постараются повесить всех собак, – не слушая возражений, продолжала гостя. – Будь твердой, и стой на своем. Освободить родителей из плена ты не собиралась. Вломилась к ним только затем, чтобы увидеться. Ведь вам не разрешали свиданий, так?

– Так, но...

– Вот и отлично. Значит, ты беспокоилась, переживала, хотела узнать, цел ли братик, как здоровье папы и мамы, все ли в порядке. Это же так естественно! Если бы ты хотела забрать их с собой, то привезла бы карету, а у тебя только и был что ручной шершень, все верно?

– Верно!

Тая расстроилась и повесила нос. Только теперь ей стало ясно, каким непродуманным оказался ее сумбурный план.

– Дави на жалость, говори, что тебя разлучили с родными, и герцогиня смилостивится.

– Она дедушку не накажет? – бледнея, прикусила губу Тая.

– Не думаю. Она не за этим явилась, – бросила баронесса, с тревогой вглядываясь в дальний конец зала, где правитель-

ница обхаживала смущенного хозяина.

Дом отставного адмирала, лишенного титула и наследственных имений, переживал не лучшие времена, да и к приему таких знатных посетителей никто не готовился. Тиброль Тар ужасно смущался тем, что повар не приготовил заранее пышный обед, достойный таких гостей. Положение выправил сообразительный лейтенант Фит: он принял на себя обязанности дворецкого и подал гостям вино пятнадцатилетней выдержки, сохранившееся в подвале еще с тех времен, когда адмирал владел собственным островком.

Лайра взяла с посеребренного подноса бокал и невинно спросила:

– Ты со мной чокнешься?

Тая украдкой взглянула на мадам Каппадокию: не случится ли у той разрыв мозга, если ее воспитанница на глазах у всех отопьет вина? Но гувернантка вела себя адекватно: она отступила к стеночке и слилась с интерьером так, что ее перестали замечать.

– Знает свое место. Старая школа! – одобрила Лайра, стрельнув в гувернантку глазами.

Тая хихикнула, сняла с подноса хрустальный бокал и столкнула его краешек с бокалом подруги – дзинь-дзинь!

– За почтенного хозяина этого дома! – громко воскликнула Лайра и отпила.

Адмирал привстал из глубоких кресел, в которые он погрузился с гостями, и чинно поклонился. Тая хлебнула вина

– оно пахло свободой и дикими травами, но при этом горчило, так что трудно было решить, чего в нем было больше – желания выпить до дна, или больше не пить никогда.

– Лайра, пойди сюда, ты мне нужна, – позвала герцогиня через весь зал.

Баронесса с готовностью устремила к госпоже. Тая сама не заметила, как ноги понесли ее следом – она даже сказать не могла, почему не в силах оторваться от этой блистательной придворной дамы. Легкая, летящая походка Лайры, шуршание красного кафтана поверх бархатного камзола, расшитого золотом, ее улыбка и независимый нрав – все восхищало Таю, как будто она встретила идеальный образец для подражания.

Герцогиня Чуль-Паль привстала ей навстречу и ласково улыбнулась:

– Милое дитя! Впрочем, она уже выросла, прямо девица на выданье. Наверняка вы, граф, уже посматриваете по сторонам в поисках подходящего жениха?

Тая ужасно смутилась и опустила очи. Но еще больше смутился пожилой адмирал – его не называли графом с тех пор, как лишили чинов. Он не ожидал услышать полузабытый титул из уст герцогини, хотя неожиданность и оказалась приятной.

– Нам не нужны слуги, вы можете их отослать. – Герцогиня распоряжалась уверенно, как у себя дома. – Давайте, я сама налью нашей невесте. Какое у вас замечательное вино,

граф!

– Его изготовили еще до Огненной бури, когда цел был мой остров, – вставил словечко адмирал.

– Ах, эта буря! – посетовала герцогиня. – Как она изменила судьбы. У нас больше нет дальних островов, и нет кораблей, чтобы до них долететь. Раньше все было не так, верно? Давайте-ка выпьем за хорошие старые времена, за разумных вельмож и их внушек, что расцветают и превращаются в невест!

Тая приняла бокал из рук герцогини. Терпкое вино пришлось выпить до дна – Тая подумала, что оставить хотя бы глоточек на доньшке – значит не проявить должного почтения к ее светлости. Мадам Каппадокия даже не шелохнулась. Адмирал сделал гувернантке жест рукой – та приподняла пышные юбки и исчезла в дверях. За ней чинно вышел лейтенант Фит с подносом. В проход заглянул боцман Буль, любопытным взглядом окинул господ, и со вздохом захлопнул дверные створки, оставив хозяев наедине с гостями.

Адмирал тоже допил свой бокал до дна. Ароматное вино чуть горчило, но его действие начало ощущаться. Тае показалось, что в голове запрыгали мелкие чертики. Ей захотелось ущипнуть Лайру, но она удержалась.

– Тупиллио, прояви галантность, займи нашу юную хозяйку, – распорядилась мать.

Наследный герцог поднялся из высокого кресла, подал Тае руку и повел ее в другой конец зала. За спиной Таи

вспыхнул оживленный разговор, в котором участвовали сразу трое: герцогиня Чуль-Паль, адмирал Тар и баронесса Лайра ван Виль.

– Я и не знал, что на окраинах нашей столицы распускается такой чудный цветок, – проникновенно сказал Тупиллио, заглядывая спутнице в глаза.

– Надеюсь, вам не придет в голову этот цветок сорвать? – едва успев произнести эту колкость, Тая почувствовала раскаяние, ведь юный герцог, по всей видимости, хотел сделать ей комплимент. Как некстати дал знать о себе ее острый язык!

– Что вы! – заверил Тупиллио, останавливаясь у окна и разворачивая ее к себе. – Этот цветок нужно холить и лелеять. Если позволите, я стану садовником, который возьмет на себя заботу о нем.

– Заботиться нужно не обо мне, – возразила Тая. – Мои родители и мой брат – вот кто нуждается в заботе.

– А что с ними? – невинно осведомился Тупиллио.

– Они, как выражается стража, «гостят» в Каменной башне. Никто не знает, когда их отпустят из этих гостей. Я навестила их, и теперь мне грозит наказание.

– Наказание? – на лице герцога отразилось негодование. – Я заступлюсь за вас. Вы мне верите? Обещаю.

В этот миг он выглядел таким рыцарственным и галантным, что Тае очень, очень захотелось поверить.

– Через год мне исполнится двадцать лет, и я смогу на-

конец короноваться, – улыбнувшись своим мыслям, продолжил Тупиллио. – В честь коронации мать обещает устроить грандиозный праздник. К нему можно приурочить амнистию, которая освободит всех, кто задержался «в гостях». Я стану королем, и смогу делать все, что пожелаю. Хотите, я подарю волю вашей семье?

– Да, хочу! – горячо воскликнула Тая, и, спохватившись, вежливо добавила:

– Если вам будет угодно...

Тупиллио взял ее под локоток, выказывая расположение:

– Для этого нужно дождаться коронации. Я очень надеюсь, что ваш дедушка поприсутствует на ней среди знатных вельмож. Ведь он считался опорой прежнего короля. Как не хватает теперь этих старых, проверенных командиров! Когда-то на них держалась страна. Поговорите с вашим дедом. Расскажите, как мне нужна его поддержка. Как только я стану королем, все изменится к лучшему – вот увидите!

– Я вам верю, – искренне произнесла Тая. – Но зачем ждать целый год?

– К сожалению, таков закон, – ответил Тупиллио, глядя на нее сверху вниз своими серыми глазами. – Прежняя династия прервалась, и государственный совет должен избрать нового короля, а это такая тягучая волокита! Мне будет приятно, если словечко в мою пользу скажет и наш адмирал – ведь он служил казначеем ордена Грозового дракона, если не ошибаюсь?

– Это было давно, теперь об этом не вспоминают, – смутилась Тая.

Рассуждать вслух об ордене Грозового дракона при Паллиандрах было не принято, и ей казалось странным, что эту тему затронул сам герцог.

– Так вы поговорите с вашим дедом?

– Поговорю, – пообещала Тая.

– Прекрасно. Вы не только красивая, но и весьма дальновидная, – заметил Тупиллио, и тут же добавил, хитро сверкая глазами:

– Может быть, в знак нашей дружбы вы подарите мне поцелуйчик?

– Ой! – предложение оказалось настолько неожиданным, что Тая не нашлась, что ответить.

– Всего один поцелуйчик!

Тупиллио почувствовал, что близок к победе. Он нежно притронулся к плечам Таи и легонько потянул ее к себе.

– На нас же смотрят! – отшатнулась она.

– Вовсе нет! – настаивал он. – Все так увлечены разговором, что не обращают на нас внимания.

– Но моя гувернантка...

– Она давно уже вышла. Никто нам не мешает...

Тупиллио приоткрыл тонкие губы и потянулся к ней.

Бах! – с грохотом распахнулась входная дверь. Тая отпрянула. Лицо Тупиллио изменилось, и он отступил на шаг.

В зал стремительно влетел мощный рыцарь, закованный

в блестящие доспехи. Легкая кольчуга из прочных колечек скрывала за спиной крылья, которые были так надежно упрянтаны, что даже их краешки не торчали из-под звенящего подола. Стальной панцирь с ожерельем прикрывал грудь и горло вошедшего, налокотники, наручи, поножи защищали его ноги и руки, а черный плащ с серебряным ястребом свидетельствовал, что рыцарь принадлежит к свите Паллиандров.

Шлем с цветным гребнем из конского волоса пришелец держал в руках, что позволило Тае разглядеть его лицо – суровое, решительное, с волевым подбородком, выдающимся носом и густыми усами. Непонятно было, как в такой тесный шлем может вместиться его огненно-рыжая шевелюра, похожая на пышную львиную гриву.

Даже высокий лейтенант Фит казался тщедушным рядом с этой громадой. Сам лейтенант, явно обиженный тем, что ему не дают исполнить свои обязанности, просочился следом и объявил:

– Его милость рыцарь Диллирой Драй, барон ван Виртис!

Адмирал обернулся, взглянул на рыцаря и поморщился, как от кислого лимона. Лайра Кин отвернулась и обратила внимание на Таю, чтобы не встречаться с вошедшим взглядом. Зато герцогиня приподнялась, радушно раскинула руки и рекомендовала пришельца:

– Это начальник моей личной охраны. Вы ведь знакомы с ним, адмирал?

– Весьма поверхностно, – нехотя признал Тар, поглаживая

свою короткую бородку.

Он поднялся с кресла и сдержанно раскланялся с вошедшим.

– Дили, ты всех распугал. Что-то случилось? – спросила рыцаря герцогиня.

– Да, ваша светлость, – прогремыхал Дили Драй. – К вам рвется младший цензурион. Утверждает, будто в этом доме скрывается преступница, виновная во всех смертных грехах. Я счел нужным проверить, нет ли тут посторонних.

По коже Таи побежали мурашки. «Ну вот, началось!» – мелькнула паническая мысль. Она с надеждой взглянула на Тупиллио, но тот хлопал глазами, ничего не соображая. «Если герцог и в самом деле такой галантный кавалер, каким хочет казаться, то самое время вспомнить об обещании и заступиться за меня», – подумала Тая.

– Допустить цензуриона? – прогремыхнул Дили Драй.

– Допускай, куда ж от них денешься, – вздохнула Чуль-Паль. – Сегодня с самого утра все стоят на ушах, – посетовала она, склоняясь к адмиралу. – Ночью какой-то разбойник пытался ограбить сокровищницу. Представляете? Самое любопытное, что ему это почти удалось. Он пробрался во двор, вломился в государственное казначейство, и через него проник к хранилищу, где покоится Грозовая корона Ярнов. Вы ведь помните эту корону, граф?

– Да, конечно, – поддержал разговор адмирал. – Золотой венец с девятью зубцами, украшенными самоцветами. В

самом высоком зубце – лазоревый яхонт, синий, как глаза Ярвеля Лучезарного. Этот яхонт светился, когда король надевал венец.

– Именно! И этой короной венчают следующего короля, если все пройдет гладко. А разбойник – вот ведь шельмец – задумал ее стащить. Какая удача, что мой верный Дили оказался на месте. Он остановил татя и пресек грабеж, верно, Дили?

– Все верно, сударыня, – почтительно отозвался рыцарь. – Грабитель был в маске и черном плаще. Мне удалось схватить его за рукав, но он вырвался, разодрав одежду. Оторванный рукав остался у меня. Мы дали городской страже приказ искать мошенников в рваных плащах, но результатов пока нет.

– Вы узнали его? – поинтересовался адмирал.

– Куда там! – Дили Драй оживленно махнул рукой в железной перчатке. – Ночь, суматоха, туман. Он действовал, как невидимка, и больше напоминал духа, чем игруна. Правда, наши сыщики уже установили, что под маской скрывался известный разбойник, которого все называют Ночным Упырем. Но у нас нет на него ничего, кроме прозвища.

– Представьте себе: грабитель вспорхнул и перелетел через стену, как птица, – возмущенно поведала герцогиня. – А моя охрана в железных доспехах слишком тяжела, чтобы летать. Хорошо хоть, что корона не пострадала. Если вор вздумает за ней вернуться, ему не поздоровится.

– Да, мы приготовили для него парочку новых сюрпризов, – подтвердил Дили Драй.

Герцогиня удовлетворенно расхохоталась.

– Ага, вот она, лиходейка! – раздался торжествующий оклик.

В парадный зал адмиральского дома нахально пролез цензурион Шипилио Жмых. Для этого ему пришлось отпихнуть в сторону Цыбера Буля. В одиночку он бы не справился с толстым боцманом, но двое подручных, Задрубал и Обар Мотт, обеспечили перевес в силах.

Забыв посмотреть по сторонам, Шипилио ринулся к Тае и потянулся к ней кривыми руками. Герцог Тупиллио шагнул ему навстречу, приосанился и высокомерно спросил:

– Сударь, как вы смеете нарушать порядок в этом благоприличном семействе?

Шипилио остановился так резко, будто налетел на столб. Его взгляд упал на силуэт Каменной башни с ястребом, серебряной нитью вышитый на герцогском камзоле. Цензурион испуганно отскочил назад и качнул шлемом в низком поклоне.

– Ваша светлость, – пролепетал он. – Простите ради всего святого. Мы тут по службе-с, иначе никак.

Дили Драй подошел сзади, взял цензуриона железной перчаткой за шиворот и развернул к герцогине лицом. Только тут изумленный служака разглядел, в каком обществе очутился.

– И в чем же провинилась эта милая девочка? – едко спросила герцогиня. – Какие ужасные преступления она совершила?

– О, милостивая государыня! – взвыл Шипилио, бросаясь к правительнице.

Дили Драю пришлось придержать его, чтобы он не упал на колени – это было бы чересчур.

– Соблаговолите выслушать вашего самого преданного слугу, и он изложит сей казус самым обстоятельным образом! – от избытка чувств Шипилио заговорил о себе в третьем лице. – Не далее как нонешним утром сия наиковарнейшая злоумышленница обманным путем проникла в особо охраняемое помещение, где содержатся зловредные изменники – капитан Фабиал Тар с супругой и несовершеннолетним ребенком. Сия особа, именуемая Таисса Тар, попыталась освободить заключенных путем их перемещения с помощью транспортного средства – ездового шершня, какого она...

– А ну, стой! – прервала его герцогиня, сверкнув серыми, как пасмурное небо, очами. – Как ты смеешь называть наших почетных гостей заключенными? Капитан Фабиал Тар с семьей гостит у нас по особому приглашению, разве не так, граф?

Ее сверлящий, пронзительный взгляд пал на адмирала.

– Так-то оно так, но ведь... – неуверенно пробормотал Тиброль Тар.

– Вот и я говорю! – с напором продолжила герцогиня. – Каменная башня – не тюрьма. Это цитадель родового имени Паллиандров, сердце чудесного замка, между прочим – памятника архитектуры. Семья адмирала у нас в гостях, ясно?

Ее беспощадный взор вонзился в подавленного цензуриона.

– Не смей называть их ни изменниками, ни заключенными. Чтобы я больше такого не слышала!

«Чего это герцогиня так завелась? – подумала Тая. – Что за шлея попала под ее роскошное черное платье?» Она вопросительно взглянула на своего кавалера, но Тупиллио стоял, в растерянности приоткрыв рот, и смотрел на мать с полным недоумением.

Неожиданный гнев герцогини парализовал цензуриона. Он принялся униженно пятиться, бормоча:

– Виноват, ваша светлость. Не извольте сердиться. Уверю вас: мы все исправим. Учтем ошибки, повысим уровень, впредь не допустим.

– Я хочу, чтобы наши почетные гости ни в чем не испытывали недостатка, – внушала правительница. – Чтобы кормили их по высшему разряду. Чтобы снабжали домашней одеждой, к которой они привыкли. И самое главное – там ведь такая природа! Их выпускают на прогулки?

– Раз в день, государыня. В пределах подконтрольной территории.

– Как раз в день? Безобразие. Выпускайте два раза. Эх,

чего мелочиться – пусть гуляют, когда хотят. Вам это ясно, цензурион?

– Все понял, ваша светлость, все исполним самым надлежащим порядком. А если мы чего допустили, ошибки там, просчеты или другие какие недоработки – то мы мигом поправимся, тут будьте благонадежны!

– Ступайте, цензурион, – смягчилась герцогиня. – Я в вас верю. И чтоб никаких жалоб не поступало!

Шипилио выскочил из зала, как ошпаренный. Задрубал с Обар Моттом припустили за ним.

– Может, пришла пора вернуть гостей домой? – осторожно вставил словечко адмирал. – Погостили, пора и честь знать.

– А вот об этом я с вами хотела поговорить, граф, – герцогиня была сама любезность, тон ее превратился в медовый. – Вы ведь знаете, что в следующем году совет выберет нового короля? Ваше мнение бесценно. Как важно не совершить ошибки! Как важно поддержать верную кандидатуру!

– Ко мне уже давно не обращались с государственными делами, – смутился адмирал. – Но если я чем-то могу услужить вам...

– Еще как можете! – пыталась обаять его герцогиня. – Ведь для многих вы остаетесь знаменем прежней династии. Вы ходили в любимчиках Ярвеля, не скромничайте, все это помнят. У вас, наверное, осталась куча вещей, напоминающих о короле – его орденов, наград, писем?

– Желаете на них взглянуть? – сообразил адмирал.

– Если вас не затруднит...

– Таисса, будь добра, слетай в мой кабинет за ларцом, что стоит в дубовом шкафу у стены, – любезно попросил адмирал.

Тая взяла у него ключик от шкафа и бегом бросилась в кабинет, что находился на втором этаже. Входить сюда имели право только самые близкие, и Тая очень гордилась тем, что пользуется полным доверием деда. Она так торопилась подняться по лестнице, что даже взмахнула крыльями, перелетев сразу через три ступеньки.

Массивный шкаф из мореного дуба угрюмо темнел в углу кабинета, между высоким окном и стеной, увешанной портретами и коврами. Тая всегда побаивалась этой мрачной громады: его толстые дверцы с запорами походили скорее на ворота крепости, да и сам шкаф представлялся не комнатной мебелью, а неприступной твердыней.

Чуть дрогнувшей рукой она отперла его и взяла с полки увесистый золоченый ларец со статуэткой на крышке, изображающей пару черных барашков, столкнувшихся рогами.

Что хранилось в этом ларце? Об этом можно было только гадать. Но, судя по тому, как надежно он был упрятан, дед очень дорожил его содержимым.

Адмирал благодарно кивнул Тае, взял ларец в руки и погладил крышку, как будто раздумывая, стоит ли ее открывать. Но герцогиня сгорала от нетерпения, и он решился.

Под ворохом драгоценностей, у самого доньшка, обтянутого красным бархатом, лежала пачка писем.

– Это они? – срывающимся голосом спросила Чуль-Паль.

– Да. Письма Ярвеля Лучезарного, – робко проговорил адмирал. – По правде сказать, я и не думал, что они могут кого-то заинтересовать. Самого короля давно нет в живых, его династия пресеклась, и только такие старые пни, как я, еще помнят его времена.

– Мой покойный супруг относился к его величеству с глубочайшим почтением, – сказала Чуль-Паль. – Мне хотелось бы сохранить память о короле. Вы не могли бы подарить мне парочку писем?

– Подарить? Парочку?

Адмирал пришел в замешательство и покрутил черный с проседью ус.

– Ну хотя бы одно...

Герцогиня оглянулась на баронессу, та согласно кивнула.

– Одно? Отчего же... конечно, – забормотал адмирал. – Но в них нет ничего любопытного, нет важных событий или политических завещаний. Король просто дает мне распоряжения о строительстве флота и оснащении новых кораблей, о закупке провизии для экипажей и новых маршрутах для экспедиций. Они могут потешить лишь стариковскую память, но нынешних дел не коснутся.

– Мне хочется увидеть строки, написанные рукой Лучезарного монарха, – улынулась Чуль-Паль.

– Тогда, пожалуй, вот это, – решился наконец адмирал. Он выбрал из пачки письмецо в надрезанном конверте.

– Это приказ Ярвеля о подготовке корабля для его сына Лема.

– Прекрасно! Как раз то, что нужно!

Герцогиня выхватила письмо из рук адмирала и передала его баронессе. Лайра тут же упрятала конверт за подкладку кафтана.

– Представьте себе, по городу бродят слухи, что принц Лем может вернуться, – заметила со смешком Чуль-Паль. – Как вам такое?

– Это пустые сплетни, – пожал плечами хозяин.

– Ну а если бы он в самом деле вернулся, то наверняка навестил бы вас, разве нет?

– Это совершенно невероятно, ваша светлость, – потемнел адмирал. – Вне сомнений, принц Леммонт Ярн погиб десять лет назад.

– Вот и я говорю, – вздохнула герцогиня. – Народ чего только не болтает. Если вас вдруг кто спросит, не забудьте, что есть правильные ответы, а есть очень, очень неправильные. И когда мой Тупиллио станет следующим королем – то, возможно, все гости вернуться домой. И всем будет веселье.

Адмирал широко развел руки в стороны, показывая всю полноту своего согласия с мудростью герцогини.

– Подойди ко мне, моя девочка, – ласково произнесла правительница.

Тая неуверенно оглянулась на Тупиллио – тот задумчиво тербил каштановые кудри, выбивающиеся из-под берета. Однако взгляд Лайры ее подбодрил – молодая баронесса энергично кивала ей из-за спины госпожи, подсказывая: давай, действуй, смелее!

Тая робко приблизилась и преклонила колено, чтобы быть не выше сидящей правительницы.

– Дай я тебя обниму, – покровительственно потянулась к ней герцогиня. – Выпей еще бокальчик. Лайра, належь нашей юной красавице. Ты ведь не думала в самом деле увозить маму и папу из башни?

У Таи отнялся язык и пересохло в горле. Пока она пыталась выдавить из себя хоть слово, Лайра пришла ей на помощь:

– Она даже кареты с собой не взяла, прилетела на шершне. Куда бы она посадила целую семью, если бы задумала ее вывезти?

– Вот и я о том же, – благосклонно покивала герцогиня. – Ты, наверное, просто соскучилась по родным?

Тая моргнула и снова не нашла, что ответить. Лайра подсказала:

– Она хотела с братиком поиграть. Не видела его целый год.

– Поиграть с братиком! Как это мило. У Тупиллио тоже есть младшие братья – Вольмо и Кромантино. Вольмо шестнадцать лет, а Кру-Кру только четырнадцать. Разве можно

осуждать девочку за то, что она хотела повидать брата?

Адмирал выдохнул, как будто у него камень упал с души. Тая испытала огромное облегчение. Подошел юный герцог, подал ей руку и помог встать. Герцогиня тоже встала и засобиралась – пышный подол ее платья заскользил по яшмовой плитке пола, изрезанной пестрыми цветными прожилками.

– Как нам не хватает таких добрых старых служак! – с чувством сказала она, прощаясь с адмиралом.

Дед Таи согнулся в низком придворном поклоне. Дили Драй вышел последним и сделал жест рыцарям, до сих пор сторожащим вход. Те мигом снялись с поста и оседлали богатырских шершней, приученных к тяжеловесным наездникам. Тая выбежала проводить визитеров, надеясь, что эта любезность хоть как-то загладит ее опоздание.

– Мы с вами еще увидимся, правда? – многообещающе шепнул ей Тупиллио перед тем, как усесться в карету.

Вереница повозок загрохотала колесами, выруливая на проспект. Рой одиночных всадников взмыл ввысь, прикрывая кортеж с воздуха. Тая помахала ладошкой вслед, особенно стараясь, чтобы ее заметила Лайра.

– Фу, кажется, пронесло. – Боцману Булю понадобилось целое полотенце, чтобы стереть со лба обильно выступивший пот.

Только пожилой адмирал стоял посреди суеты, крепко задумавшись.

– Дедушка, пойдем в дом, – тронула его за руку Тая.

– Да, пойдём, – согласился он. – Нам нужно поговорить.

Глава 3. Нападение незнакомца

Выпитое вино заиграло в голове Таи и принялось настойчиво нашептывать, что неплохо бы отмочить какой-нибудь неожиданный прикольчик. Жаль, что некстати пробудившаяся совесть голосом мадам Каппадокии напомнила, что приличная девушка должна всегда вести себя, как подобает. Тая взяла себя в руки и притворилась, что она вся такая послушная, правильная и воспитанная. Чертик в ее сознании спрятался и сделал вид, что он тут не живет.

Строгий, как всегда тщательно убранный кабинет деда привел ее в чувство. Тая не удержалась и крутанула огромный пузатый глобус, на котором вместо материков вырисовывались направления воздушных потоков. Вообще-то адмирал не поощрял вольного обращения с навигационными инструментами, но Тая с детства любила вертеть этот голубой шар, который казался ей сплошной загадкой, а дед смотрел на ее шалости сквозь пальцы.

Адмирал обогнул дубовый стол, отполированный до зеркального блеска, и остановился у стрельчатого окна, из которого открывался вид на бескрайний простор.

– Герцогиня была странно, до подозрительности любезна, – задумчиво произнес он. – Называла меня графом, а ведь ее супруг лишил меня этого титула. Да и мой собствен-

ный остров давно затерялся среди облаков, так что какой я теперь граф?

– Может, ей понадобилась твоя помощь? – сдержанно спросила Тая. – Ведь ты был самым опытным флотоводцем во всем королевстве.

– В том-то и дело! – с горечью воскликнул адмирал. – Бароны из госсвета запретили строить новые корабли. Они боятся, что земледельцы и пастухи разлетятся с их вотчин. Я граф без графства и адмирал без флота, к тому же в опале и под подозрением. До сих пор Паллиандры с их сворой не только ни о чем меня не просили, но и держали как можно дальше от своего двора. А тут вдруг визит: герцогиня, ее сын-наследник, начальник охраны и приближенная баронесса. Правительнице ни с того ни с сего понадобилось пустячное письмо короля, которого прежде она предпочла бы не вспоминать. К чему все это?

– А они правда отпустят папу и маму, когда коронуется юный герцог?

– Хотелось бы верить, но я ни на что не влияю. Герцогиня намекала, что ее сыну не помешает моя поддержка, вот только зачем я им? До сих пор рыцари Каменной башни обходились без меня. И с твоей выходкой все вышло легче, чем можно было представить. Попытка освобождения заложников – серьезное преступление, за него полагается наказание, особенно для тех, кого считают опасным соперником. Но герцогиня тебя простила! Да еще отругала этого мерзкого

цензуриона, который вздумал к тебе приставать. И между делом спросила, не слышал ли я о возвращении принца...

– Принца Леммонта Ярна? – перебила Тая.

Адмирал прошелся по комнате, повертел глобус и остановился под картиной, изображавшей счастливое семейство в богатых королевских одеждах.

– Я служил лишь одному королю, и принц у него был один, – произнес он. – Не знаю, помнишь ты их или нет. Посмотри – вот король Ярвель Лучезарный из династии Ярнов.

Адмирал указал на дородного мужа в блестящей короне, нарисованного на картине.

– Рядом с ним – его почтеннейшая супруга, королева Алодия. А на руках у нее – сын и наследник престола, принц крови Леммонт. На этой картине ему едва исполнился год, но она была написана задолго до Огненной бури, положившей конец Счастливому веку.

– А за спиной короля – это ты?

– Да, это я, – улыбнулся Тиброль Тар. – Видишь, каким я был молодым? Когда писалась эта картина, тебе было три месяца от роду. Твои папа и мама жили здесь, в этом доме, и горя не знали. Я служил в Адмиралтействе, и под моим началом состоял флот из сотни больших кораблей, плававших во все стороны света.

– Теперь все не так, – заметила Тая.

– Да, все не так, – согласился ее дед. – Десять лет назад король геройски погиб, чтобы спасти свой народ. А спу-

стя несколько месяцев пришла еще худшая беда. В ясном небе вдруг показался сверкающий огненный шар. Он падал с огромной скоростью, и за ним тянулся столб черного дыма. Шар был похож на снаряд, брошенный рукой неведомого космического исполина. Он упал в облачную пелену, и на мгновение я подумал, что все обошлось, но тут же раздался чудовищный взрыв. Облака будто разверзлись, из них вырвались ураганы, закрутился огненный смерч. Буря не утихла неделю. Она вздыбила острова Летучего архипелага, столкнула их друг с другом и уничтожила королевский дворец, а после разметала остатки суши по небесным просторам, так что мы навсегда утратили связь с окрестными землями. Вдовствующая королева погибла, а вместе с ней – все, кому не повезло оказаться в тот день во дворце. По счастью, семилетнего принца незадолго до этих событий отправили на воспитание к родственникам его матери на дальние острова – такова была традиция династии Ярнов. Он должен был повидать свет, набраться ума-разума. Его окружала целая толпа важных придворных и слуг. Корабль скрылся из виду, и больше никто его не видел. После бури нам не на чем было плавать, окрестные острова пропали из поля зрения, а королеву сменил герцог Паллиандр, который привел к власти рыцарей Каменной башни. Из них герцог составил государственный совет. Имена баронов пострадали, они обеднели, и господам советникам жутко не нравилось, что игрушки разлетаются в разные стороны и ищут, где пристроиться.

Бароны решили закрепить земледельцев, обитавших в их вотчинах, и запретили строить новые корабли, чтобы труженникам некуда было деться, а заодно – чтобы никто не вздумал искать принца Лема. Я, как ты знаешь, с тех пор в отставке, а орден Грозового дракона, в котором я имел честь состоять казначеем, распущен. Так я и стал адмиралом без должности и без флота.

Тая обняла деда за шею.

– Мне-то еще ничего, – виновато произнес он, – но вот моему сыну и его жене, твоей матери, пришлось за меня пострадать. Их взяли в заложники и держат в Каменной башне, чтобы такие ветхие овцы, как я, не принялись за старое и не начали бы возрождать орден, во главе которого когда-то стоял Ярвель Лучезарный. Скажу по секрету: среди рыцарей еще не угасла надежда, что Леммонт Ярн не погиб. Многие шепчутся, что он вернется, и восстановит славные времена своего отца. Может быть, хоть тогда я снова взойду на палубу воздушного судна, услышу, как скрипят корабельные снасти, и почувствую, как в лицо бьет свежий ветер. Но об этом не принято говорить вслух, если только мы не хотим, чтобы твоих папу с мамой перевели в самую глубокую темницу.

Адмирал умолк и погладил внучку.

– А принц в самом деле может вернуться? – спросила Тая.

– Скорее всего, он погиб во время бури со своим кораблем, – промолвил адмирал. – Рассказы о том, что он жив – не более, чем легенда. Но что заставило Чуль-Паль проявить к

нему интерес спустя столько лет? Видимо, что-тостряслось.

– Может, ее посещение как-то связано с ограблением, о котором рассказывал Дили Драй? – предположила Тая.

– С ограблением? Вряд ли, – покачал головой адмирал. – Если бы нас заподозрили, то разговор был бы другой. Мы попали бы в лапы цензуриона, и никто не мешал бы ему издеваться, как подскажет его воспаленное воображение.

– Что гадать? Придет время – сами все скажут, – легко бросила Тая.

– Я старею, а время все не приходит и не приходит, – тягостно возразил ее дед. – Уж и не знаю, дождусь ли. А пока будь добра, принеси ларец из гостиной. Боюсь надолго оставлять его без присмотра.

Тая искренне хотелось выполнить просьбу деда побыстрее, однако длинное платье путалось под ногами и мешало взлететь, поэтому сначала она поднялась к себе, чтобы сменить его на более удобную сорочку.

Дверь в ее комнату тихонько скрипела, приоткрываясь под порывами сквозняка. Тая хорошо помнила, что плотно прикрыла за собой дверь в прошлый раз – мадам Каппадокция прочно вложила в нее эту привычку. Она тихонько растворила скрипящую створку и заглянула в комнату.

Пылинки золотились в лучах света, льющегося через высокие окна на постель под прозрачным балдахином, письменный стол, кресло, шкафы у стен. Тая остановилась на пороге и замерла. Что-то в комнате было не так, только не сра-

зу удавалось понять, что именно. Ковер на паркетном полу слегка сбился, его краешек с растрепанной бахромой завернулся, как будто кто-то ненароком задел его ногой. Стопка книг на столе сдвинулась в сторону, и подсвечник расположился совсем не там, где Тая привыкла его оставлять. Деревянное креслице с высокой спинкой было отставлено от стола, будто кому-то мешало. Дверцы шкафа раскрылись, но одежда осталась не тронутой – все на своем месте.

Тая забыла, зачем поднялась к себе. Она выдвинула ящик стола – листки с ученическими упражнениями перевернулись, задания по истории и географии перемешались с чистописанием. С замиранием сердца Тая раскрыла коробочку с девичьими драгоценностями, но украшения – колечки, сережки, браслеты, подвески к кике и ожерелья лежали в ней, как и всегда, вот только чья-то рука прошла по ним, оставив едва заметный след.

В полном смятении Тая выскочила из комнаты и бросилась на лестницу. Фит и Буль, как обычно, спорили во дворе – они пытались затащить в стойло Шептуна, который упорно сопротивлялся и пытался упорхнуть. Тая выглянула, но не решилась позвать их – вдруг они посмеются над ее девчачьими страхами?

Дверь в подвал тоже оказалась чуть-чуть приоткрытой. Тая навалилась на нее плечом и с трудом распахнула: створка из тяжелого дуба съезжала в сторону нехотя, а проржавевшие петли ворчали и жаловались на то, что их побеспокоили

без нужды.

Узенькие оконца под каменным потолком едва пропускали свет, отчего в подвале стоял полумрак. На последней ступеньке Тая поскользнулась и шлепнулась, запачкав дорогое платье. Едва поднявшись, она снова споткнулась о здоровенную тыкву, попавшуюся под ноги. Из глубины подвала дохнуло запахом прелой земли. В дальнем конце, под тяжелым каменным сводом, мелькнула тень, неуловимая, как привидение.

– Кто здесь? – дрожащим голосом выкрикнула в темноту Тая. – Выходите, иначе я дверь запру!

В глубине тьмы раздался глухой стук, словно кто-то с размаху наткнулся на пустую бочку. Бочки тут были повсюду – они стояли вдоль стен или лежали в три ряда, одни над другими. На стеллажах между ними торчали вверх доньшками бутылки, в которых зрело вино. В вогнутых доньшках скопилась пыль – стоило на них дунуть, и в нос ударяло целое облачко, от которого хотелось чихнуть. Тая двинулась вглубь между полок, на которых дозревали головки сыра. Ее лба и волос касались связки лавровых листьев, сушившихся на длинных веревках.

Сводчатые потолки опирались на тяжелые колонны, уходящие в каменный пол. За каждой колонной мерещилась тень, но стоило заглянуть туда – и открывалась лишь тревожащая пустота. В темноте опять грохнула бочка.

Тая сначала отшатнулась и замерла, а затем решительно

бросилась на звук. Она оказалась у дальней стены подвала, где отблески света совершенно терялись.

– Выходи! – закричала она. – Я – хозяйка, ты должен слушаться!

Звонкий звук ее голоса отразился от каменных сводов и напугал ее еще больше. Не видя почти ничего вокруг, она попятилась обратно, к свету. Неожиданно входная дверь у нее за спиной закрипела и с шумом захлопнулась.

– Стой! Куда? Так нельзя! – уже не испуганно, а рассерженно выкрикнула она.

Добежав до ступенек, поднимающихся к входу в подвал, она снова споткнулась о тыкву и упала, ударившись о лестницу ладонями. Кто бы ни находился в подземелье – он должен был выйти, закрыв дверь. Тишина сзади сгустилась. Был ли там кто-то еще? Тая не знала, и ей очень не хотелось это проверять.

Она потянула тяжелую дверь на себя, но та не пожелала открыться.

– Да что ты будешь делать? – крикнула Тая погромче.

Ей казалось, что звук ее голоса отпугивает враждебную темноту, но это помогало едва-едва. Пришлось упереться ногами в каменные ступени и налечь изо всех сил – лишь после этого дверь закрипела и начала открываться. После нескольких яростных рывков Тае удалось растворить ее настолько, что она смогла наконец пролезть.

– Цыба! Ланс! Кажется, в доме вор! – выкрикнула она.

Лейтенант с боцманом вряд ли услышали бы ее со двора, зато чужак наверняка испугается, если узнает, что рядом два матерых служаки.

Вор! Это слово стучало в ее голове. А ведь дед попросил ее принести ларец, которым он так дорожит. Вспомнив о поручении, Тая устремилась в парадный зал.

В широкие двери она вошла тихонько, на цыпочках, стараясь не шуметь и даже не дышать. Звенящая тишина давила на уши. Через закрытые окна едва доносились голоса Фита и Буля, пререкающихся во дворе. Даже скелет грозового дракона, подвешенный под потолком на цепях, уставился на Таю пустыми глазницами так хищно, будто хотел ее сожрать. Она замерла, погрозила черепу пальцем, но сказать вслух хоть слово так и не решилась.

«Может, стоит рассмеяться погромче, запеть, разогнать тишину? – подумалось ей. – А вдруг в доме и вправду кто-то чужой? Глупо вести себя неосторожно, когда рядом опасность. Наверное, нужно позвать деда? Но что, если все это мне только кажется? Дед придет, и никого не найдет. Тогда окажется, что я трусиха, и напридумывала ерунды. Вот будет стыдно!»

Она с облегчением выдохнула и прошла мимо кресла с подушечкой для сидения, миновала напольную вазу с букетом благоухающих маков, уютный длинный диван, и обогнула круглый столик на одной ножке, покрытый скатертью, на которой аккуратно расположились песочные часы, черниль-

ница с пером и тяжелая книга в толстом кожаном переплете. В этой книге адмирал по старой привычке делал записи о текущих делах, как в вахтенном журнале.

На подозрительную тень, шевельнувшуюся в дальнем углу, за статуей богини Счастливой звезды, освещающей путь к новым островам, Тая из принципа решила не обращать внимания.

Ларец с откинутой крышкой до сих пор возвышался на столике. Пачка писем лежала, как прежде, на красном бархате под ворохом жемчуга, золота и самоцветов.

– Хвала Счастливой звезде! – с облегчением проговорила Тая, захлопнула крышку и взяла увесистый ларец в руки, чтобы как можно быстрее отнести деду.

Но не успела она развернуться, как прямо перед носом увидела блеснувшее острие шпаги, направленное ей в лицо. Шпагу держал подкравшийся незнакомец, остановившийся за ее спиной.

– Молчи! Не вздумай голосить! – напряженно прошипел он. – Отдай ларец, и я тихо уйду.

– Ты кто? – вырвалось у Таи.

Она могла бы и не спрашивать. Эти взлохмаченные светло-русые волосы, выцветшие под солнцем, эти синие глаза, этот тревожный взгляд сегодня она уже видела – на проспекте Звезды, когда стражники гнали преступника. Это он, незнакомец в простецкой льняной рубаше без вышивки и стоптанных сапогах, всего пару часов назад угнал ее шерш-

ня. Только тогда его нескладную юношескую фигуру скрывала придворная ливрея, которую боцман обнаружил во дворе.

– Как ты сюда попал? – с недоумением спросила Тая.

– Неважно! – бросил молодой незнакомец, взмахнув шпагой. – Я ничего тебе не сделаю. Поставь ларец на стол и отойди.

– Еще чего! – удивление Таи мигом переросло в праведный гнев. – Ты в моем доме. Никому не позволено забираться к нам без разрешения, по-воровски. Бросай шпагу, или я позову на помощь!

– Попробуй только пикнуть, и я насажу тебя на острие! – шикнул незнакомец.

Кажется, он не шутил. Шпага мелькнула перед глазами Таи и сбила с ее золотистых волос диадему, со звоном упавшую на пол.

– Вор! – выкрикнула она, отступая.

– Изменница! – яростно крикнул в ответ пришелец. – И ты, и старый адмирал, и вся ваша семейка – вы хотели выдать меня стражникам герцогини!

– Ах, вот ты кто! – додумалась Тая. – Выходит, ты – тот самый разбойник, который ограбил сокровищницу. Как там его звали? Ночной Упырь? Ничего себе, имечко!

– Думаешь, я ничего не видел? Стража искала меня. Особенно тот злобный рыцарь, закованный в железяки.

– До тебя никому не было дела! – с запалом выкрикнула Тая. – Никто даже не знал, что ты здесь. А если б и знали –

то сразу же выдали бы, в этом не сомневайся!

Поняв, что толку от девушки не добиться, незнакомец решительно шагнул к ней и потянулся к ларцу. Тая отпрыгнула, схватила с дивана подушку и ударила его по руке. Незнакомец опешил, особенно после того, как подушка полетела ему в лицо.

На Таю напал азарт, и она принялась швырять в него всем, что попадалось под руку. Песочные часы не причинили во-ру вреда, а вот тяжеленькая чернильница двинула его по лбу с таким стуком, что стало ясно – шишка выскочит превосходная. Перевернувшись, чернильница залила едкой жидкостью глаз врага, прямой нос и половину округлой щеки. Пока он тер глаза, размазывая чернила по всей физиономии, Тая вспорхнула и подлетела к окну, чтобы подать знак Фиту и Булю.

Все приличные и благопристойные выражения, которым учила мадам Каппадокия, мигом вылетели из головы. Вместо них на язык сами собой полезли забористые флотские словечки, которыми щеголял боцман, да и дед время от времени, когда думал, что внучка не слышит.

Добравшись до застекленной стрельчатой арки, Тая обнаружила, что окно наглухо заперто, и снаружи ее голоса никто не расслышит. Враг метнулся за ней, но не успел он приблизиться, как Тая сложила крылья и резко нырнула вниз, так что противник схватил лишь пустоту. Его секундного замешательства хватило, чтобы она успела долететь до дверного

проема и звонко выкрикнуть первое, что пришло на ум:

– Полундра! Ланс, Цыба, на палубе залётный баклан!

Преимущество этих слов состояло в том, что их смысл не требовалось объяснять слишком подробно.

Тая почти уже вылетела из гостиной, когда противник нагнал ее, схватил за косичку и резко дернул, затаскивая обратно.

– Ах ты, зверь! Мне же больно! – взвизгнула дева.

– Попадись я рыцарям герцогини – мне бы тоже сделали больно, – злорадно поведал пришелец.

Он бесцеремонно подтащил Таю к столику и шпагой привоздил ее косичку к тяжелой книге, лежащей поверх ска-терти. Тая дернула головой, но обнаружила, что книга держит ее, как привязанный камень.

– Лежи тут, и не рыпайся! – бросил ей незнакомец, сгреб в охапку ларец и направился к выходу.

Тая скрючилась над столиком, согнувшись в три погибели. Она попыталась привстать, но толстый фолиант в кожаном переплете не отпускал. Краем глаза она заметила, что в зал стремительно влетел адмирал с обнаженным кортиком в руке и загородил разбойнику путь наружу.

– Ты можешь забрать драгоценности и уйти, – произнес Тар.

Его голос казался ровным, но Таю не обмануло это внешнее спокойствие. Бледный рубец, пересекающий бровь и щеку деда, налился кровью и стал багровым. Глаза цвета мор-

ской волны подернулись дымкой, и в них забушевали волны, как во время шторма.

– Я заберу всё! – с вызовом ответил вор.

– В ларце украшения и старые письма. Украшения можно продать, но письма ничего не стоят. Оставь их.

– Вот тебе твои украшения, предатель! – резко выкрикнул вор, и швырнул горсть золотых перстней с кулонами в лицо хозяина дома.

Адмирал скрипнул зубами, кортик блеснул в его ладони и вдруг оказался в одном миллиметре от горла врага. Разбойник взмахнул крыльями и взлетел, но добычи не выпустил. Он очутился под потолком, у чудовищного скелета, раскачивающегося на цепях. Тая дернулась, чтобы броситься за ним, но волосы натянулись, и кожа над левым виском едва не лопнула, отчего ее пронзила острая боль.

Вор сделал в вышине круг, надеясь увлечь хозяина на середину зала, но адмирал не поддался на эту уловку и остался на месте, продолжая блокировать выход. Незнакомец подлетел к стене, увешанной рыцарским оружием, сорвал с крючка длинный меч и начал разгоняться, направляя лезвие на адмирала.

Там стало ясно, что дед с тонким кортиком не устоит против рыцарского меча. Она жутко перепугалась, представив, как готовый на все грабитель пронзает клинком адмирала. Но страх только придал ей решимости: она взялась за прибитую к книге косичку ладонью и резко дернула ее, стараясь не

рвать кожу. Волосы затрещали и перерезались о заточенный наконечник шпаги. Обрывок косички затрепыхался у Таи в руке, растрепанный клочок золотистых волос остался болтаться на книге, пришпиленный клинком.

Сорвав со стола скатерть, Тая хлопнула крыльями и взмыла вверх. Вор набрал высоту, готовясь спикировать на адмирала и проткнуть его со всей силы. Найдя выгодный угол для атаки, он заложил вираж и устремился на противника. В этот миг Тая налетела на него со спины и набросила скатерть ему на крылья и голову, как набрасывают покрывало на клетку с надоедливой птицей. Крылья незнакомца спутались, он потерял устойчивость и завалился вниз, продолжая сжимать в руках меч с ларцом. Тая саданула его пяткой и опрокинула, отчего незнакомец перевернулся на лету и рухнул на жесткий пол спиной вниз. Под скатертью что-то явственно хрустнуло, и злоумышленник взвыл от боли.

– Что, крылышко поломал? – мстительно осведомилась Тая, опускаясь ему на грудь и выхватывая ларец.

Подоспевший адмирал вырвал из рук похитителя меч. В этот момент в зал ввалились тощий, как жердь, лейтенант, и запыхавшийся боцман. Они дружно надели на разбойника, заломили ему руки за спину и связали ремнями. Враг выл и ругался при каждом прикосновении.

– Похоже, крыло и вправду сломано, – констатировал Буль, показывая верхнюю перепонку противника, перегнувшуюся, как сложенный вдвое бумажный лист.

– Наложить шину! – скомандовал адмирал.

Исполнять это распоряжение выпало Тае, к чему она была готова. Ей пришлось слетать в кладовую, чтобы принести марлю, мазь и две тонких дощечки, которые она наложила на расправленное крыло незнакомца. Тот трепыхался в руках Буля и Фита, но на его стенания никто не обращал внимания.

Целебная мазь легла на место разлома, дощечки зафиксировали крыло, не давая ему шевелиться. Теперь незнакомцу приходилось таскать за спиной гремучую деревяшку, что в придачу к болезненным ощущениям доставляло ему неудобство. Однако деваться ему было некуда, и приходилось подчиняться.

– Куда его? – деловито спросил Буль.

– В хлев! – распорядился хозяин. – Запрет на замок и допросим.

Взлохмаченный клочок волос, оставшийся от срезанной косички, болтался за левым ухом и не давал покоя.

«Это вообще нормально? – с возмущением подумала Тая, разглядывая свое отражение в посеребренном подносе. – Как я на улицу выйду с такой жути на голове? Это же катастрофа!»

Хорошо, что есть те, кто выручит в беде. Тая недолго думала, к кому обратиться. Мысль о баронессе ван Виль пришла сразу, заставив тонкие губы игруньи растянуться в улыбке. «Лайра, кто же еще? Она такая свободная, такая рас-

кованная, и такая нарядная! Молодые рыцари на нее так и облизываются, только куда им! Эта птичка им не по зубам. Вот бы и мне выглядеть так же шикарно!»

По правде сказать, Тая сгорала от любопытства – ей не терпелось узнать, кто этот загадочный незнакомец, ворвавшийся в дом в такое неподходящее время. Если он в самом деле разбойник, то как ему удалось добраться до сокровищницы, в которой хранится Грозовая корона Ярвеля? И кличка у него такая страшная – Ночной Упырь. Бр-р-р, мурашки по коже бегут.

Роскошное атласное платье пришло в полную негодность – нечего было и думать о том, чтобы высунуть нос из дома, не переодевшись. Тая стремительно влетела в свою комнату, сбросила его, и, не успев натянуть свежую сорочку, принялась строчить записку Лайре Кин, в которой о нападении было всего одно маленькое словечко, и десять строк о порванном платье и испорченной прическе.

Дописав, она обнаружила, что ее пальцы, запачканные чернилами, до сих пор оставляют жирные черные пятна на белом листе бумаги. Отправить такое небрежное, заляпанное письмо баронессе показалось ей просто невыносимым, и пришлось долго мыть руки в тазу, а потом переписывать все заново.

Только после этого Тая наконец переоделась, вернув себе привычные лосины с сапогами и свободную сорочку, расширенную узорами. Дорогие украшения полагалось вернуть в ла-

рец деда. Их место заняли бусы из необработанного янтаря, обладавшего кучей бесценных магических свойств.

Потом пришлось разыскать кучера и отослать его с письмом к баронессе, и лишь после этого сгорающая от нетерпения игрунья добралась наконец до запущенного хлева.

Тая недолюбливала это глухое каменное сооружение, отгораживающее адмиральский двор от соседей. Скотину в хозяйстве давно уже не держали, и хлев превратился в сарай, где складировали ненужный, вышедший из употребления хлам. Узкие окна здания обладали неоспоримым достоинством – выбраться через них наружу не смог бы даже самый тощий проныра. В загонах для коров и свиней еще лежало пересохшее сено. От него до сих пор несло скотным двором, хотя резкий запах уже не бил в нос так сильно, как прежде.

Пленника разместили в просторном загоне у дальней стены, не имевшей ни дверей, ни окон. Тут нашлось несколько ветхих кресел и стульев с высокими спинками, которые давно пора было пустить на растопку, да хозяйственный боцман жалел пришедшую в негодность мебель и хранил ее, сколько мог. В углу стыдливо пряталась от притязательных взоров кровать, сломанные ножки которой уже не могли держать ее, как в прежние славные годы. Соломенный тюфяк, брошенный поверх нее, служил местом отдыха для кучера и для прислуги, которой не находилось места в доме.

Однако для пленника нашлось место получше – боцман

усадил его на резное деревянное кресло, больше напоминающее княжеский престол, с высокими подлокотниками, оканчивающимися львиными головами. Незнакомец восседал на нем, как правитель, вот только деревянные дощечки, прижавшие сломанное крыло, не позволяли ему как следует опереться о спинку, да руки были так плотно примотаны к подлокотникам, что он не мог ими пошевелить. По-видимому, предусмотрительный Буль обездвижил пленного, чтобы тот не буянил.

Адмирал повел бровью на появление внучки, но ничего не сказал. Тая тихонько скользнула в угол, надеясь, что ее не прогонят: ведь допрос пленного – это серьезное мужское дело, и юным девушкам, не состоящим на службе, при нем присутствовать не полагается.

Фит и Буль уже порядком поколдовали над незнакомцем – тот выглядел растерянным и обескураженным. Сломанное крыло причиняло ему боль и заставляло наклоняться вперед, чтобы не тереться наложенной шиной о спинку кресла. Однако изменить позу в его положении было не так-то просто. По сырым космам, спадающим на высокий лоб пленника, струились капельки пота. Его синие глаза метали тревожные взгляды из-под насупленных бровей, а тонкие пальцы непроизвольно сжимались в кулаки – это было единственное движение, которое он мог себе позволить.

Адмирал устроился за столиком на почтительном расстоянии, положил перед собой лист бумаги и придавил его гряз-

ной чернильницей, по которой плакала помойка, как и по всем вещам, собранным боцманом в этом каменном склепе.

– Позвольте узнать ваше имя, – холодным и вежливым тоном начал допрос адмирал.

– Равион Варт, – помедлив, выдал из себя задержанный.

– Врете, сударь! – не сдержавшись, вскричал лейтенант Фит. – Я знавал семью Вартов. От них никого не осталось.

– Имеется сильное подозрение, что вы, господинчик хороший, не кто иной, как Ночной Упырь, вор и разбойник, виновный в ограблении казначейства, – навис над задержанным боцман.

– Что еще за Упырь? Какой бред! – попытался отстраниться от него незнакомец, но уперся спиной в кресло и сжал зубы от боли.

– Не советую запирайтесь, – строго сказал Тар. – Мы обязаны выдать вас охране, и уверяю: вам это не понравится. Но если вы расскажете все без утайки, то я подержу вас какое-то время здесь. Может показаться, что хлев – не слишком приятное место для отдыха, но все познается в сравнении.

– Как вы можете обещать? Вы – изменник! Ваши слова – пустой звук! – взорвался от гнева задержанный.

– Не будь вы простолюдином и вором, я вызвал бы вас на дуэль! – Тар резко поднялся из-за стола, рубец на его лице побагровел.

– Я такой же дворянин, как и вы, сударь! – пронзил его взглядом потемневших глаз пленник. – Можете не сомне-

ваться: я приму вызов.

– Кто может подтвердить ваше дворянское происхождение?

– Мой господин, разумеется. Тот, кому я служу.

– И кому же вы служите, позвольте поинтересоваться?

– Принцу Леммонту Ярну! – резко выкрикнул пленник.

Буль отшатнулся и отступил на два шага. Лейтенант Фит задумчиво повертел в руках шпагу, отнятую у незнакомца, и погладил пальцем ее рукоять из мамонтовой кости. Ярость оставила адмирала, он тяжело опустился на сиденье и с недоверием проговорил:

– Это не может быть правдой. Принц Леммонт Ярн давно погиб, это все знают.

– Принц не погиб! – заявил пленник. – Называть его мертвым могут только прислужники Паллиандров, к которым вы, адмирал, примкнули. Не отпирайтесь: я видел, как вы любезничали с герцогиней, и как отдавали ей письма законного короля.

– Как вы могли это видеть? Вас не было в зале.

– Я прятался на галерке. Теперь я знаю, что вы предали память династии Ярнов.

– Ничего вы не знаете! – настала очередь адмирала вскипеть от возмущения. – Меня уволили со всех должностей и не дают ступить шагу, моего сына с семьей держат в заложниках, мой рыцарский орден распущен. Но даже в опале я храню верность памяти короля, и никто не смеет обвинять

меня в предательстве. Слышите, сударь? Никто!

– Ваше сиятельство, сдается мне, что этот упырь злит вас нарочно, – заметил Буль. – Похоже, он готов на все, лишь бы не попасть в руки Дили Драя. Тогда головы ему не сносить.

– Дили Драй рвет и мечет. Ему срочно нужен виновный, – подтвердил Фит.

– Если принц не погиб, то что с ним стало? – спросил адмирал, буравя пленного взглядом.

– Он потерял связь с родным островом.

– Он пытался вернуться?

– Как он мог? В год Огненной бури ему едва исполнилось семь лет. Но верные дворяне вырастили и воспитали его, как законного наследника престола, так что его возвращение стало лишь вопросом времени.

– И где он сейчас? – тихо и очень-очень осторожно спросил адмирал.

– Его высочество прибыл сегодня перед рассветом. Он вернулся в столицу, которой правил его отец, и намерен заявить свои права на престол.

Аккуратно сложенные крылья за спиной адмирала дрогнули и распахнулись. Совладав с собой, дед Таи снова прижал их к спине, отчего они стали едва заметны.

Не обращая внимания на волнение собеседника, незнакомец горячо продолжал:

– Принц рассчитывал на вашу помощь. Но мне нечем его порадовать. Вижу, что у него не осталось ни друзей, ни сто-

ронников. Пустяки, его это не остановит. В ближайшее время он появится лично, и его возвращение превратится в триумф!

– Если это случится, то вас будет не в чем винить, разве что в неумении вести себя в гостях, – произнес адмирал. – Но до тех пор мы будем считать вас беглым разбойником, укрывающимся от правосудия.

– Как вам будет угодно, – холодно отозвался пленник.

Тая вышла из хлева за дедом, Ланс и Фит крепко заперли дверь.

– Таюшка, с тобой все в порядке? – поинтересовался адмирал, когда они пересекали двор, заросший яркими одуванчиками. – Ты выглядишь растрепанной и растревоженной.

– Я уже пришла в себя, – заверила его девушка. – Можно, я оставлю себе шпагу этого Равиона?

Адмирал остановился посреди двора, подозвал лейтенанта и взял у него шпагу, которую тот таскал с собой.

– Весьма примечательное оружие, – проговорил Тар. – Ты узнаешь его, Фит?

– Да, ваше сиятельство. Личное оружие офицера Летучей армады, – откликнулся лейтенант. – Я тоже носил такую, когда был юнцом. Легкая, чуть длиннее вытянутой руки. Заточена только верхняя треть клинка – ей можно и колоть, и рубить. Основание клинка тупое, но гибкое – оно гнется, но не ломается. И рукоять из бивня пещерного мамонта. Изящ-

ная вещица, с которой не стыдно появиться при дворе. Таких давно не делают.

– На нашем острове мамонтов не осталось, их кость ценится дороже золота, – задумался адмирал. – Таким оружием во времена Ярвеля Лучезарного награждали за большие заслуги.

– Вот и награди меня! Я же сумела разгрохать разбойника! – с надеждой выпалила Тая.

Адмирал переглянулся с помощником, и оба в один голос расхохотались.

– Настырная девчонка! Как тебе отказать? – ласково произнес дед. – Можешь пока поносить ее, но учти: если этот пришелец, назвавшийся Вартом, окажется вором, то оружие превратится в вещественное доказательство, и его отберет цензурион.

– Пусть только попробует! – расхрабрилась Тая, и приняла шпагу из рук деда.

Она казалась легкой – совсем не такой, как широкие абордажные сабли военных или алебарды городской стражи.

День уже догорал. На западе Светозара тонула в туманной дымке. Ее лучи изменили цвет с ослепительно-голубого на пурпурно-розовый, отчего казалось, что среди облаков разгорелся пожар. Восточный край неба потемнел, и по нему покатались первые три из семи лун, вращающихся вокруг планеты игрунов.

– Дедушка, как ты думаешь, принц в самом деле вернет-

ся? – спросила Тая. – Этот Равион так увлеченно о нем говорил...

– В скором времени мы все узнаем, – погладил ее адмирал. – А пока драконы спят, мы спляшем свой танец.

Глава 4. Возвращение Леммонта Ярна

Второй день Разноцвета

Последняя из семи лун закатилась за западный край небес. Утро порадовало слух спящей Таи щебетом птиц и жужжанием пчел в саду. Вставать, как всегда, не хотелось, но Тая вспомнила, что вот-вот придет ответ от Лайры, и мигом вскочила с постели. По коже бежали мурашки то ли от утреннего холодка, то ли от страшной мысли: «Вдруг даже милейшая баронесса не сможет придумать, как спасти мою прическу? Что тогда? Как дальше жить?»

Юная игрунья распахнула окно, выходящее на восток, и впустила холодный ветер.

Второй день летнего месяца Разноцвета начинался, подобно вчерашнему, с легкого тумана, однако на этот раз колочие порывы зюйд-оста за четверть часа развеяли пелену и открыли глазам Таи беспредельный простор, тянущийся над кучерявой равниной туч, насколько хватает глаз.

Алый краешек Светозары показался из-за облачных барашков и полез ввысь, к созвездию Лебеда, тускло мерцающему на сапфировом небосводе. Тая немного понаблюда-

ла, как гаснут последние звезды, зябко поежилась и натянула сорочку, спросонья запутавшись крыльями в прорезях на спинной стороне.

После отставки адмирал не мог содержать большого количества слуг, и обязанности кока взял на себя боцман Буль. Сегодня он подал на завтрак жареные гренки с вареньем и вареные яйца клыкодюра – хищной рептилии, что в изобилии водились на окраинах острова.

Тая разбила яичко ложечкой, послушала утренние разговоры деда и мадам Каппадокии, и поспешила в мансарду, с которой открывался вид на северные кварталы Облачного Вышеграда, застроенные уютными каменными домиками.

Она очень надеялась, что увидит на просторном Пути семи лун карету с белкой-летягой на дверцах, гербом семейства ван Виль. Тая так и представляла себе, как распахнется дверца кареты, и оттуда появится роскошная баронесса в красном женском кафтане и шапке с пушистым беличьим хвостом, свисающим до пояса.

Однако карета не появлялась. Вместо нее Тая услышала тихий шорох и легкое жужжание крыльев. На террасу изящно вспорхнула тонкая фигурка в коричневом плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Желтая ящерка с растопыренными лапками, вышитая на груди гостыи, колыхалась так бурно, что казалось, будто лапки шевелятся, а сама ящерица ползет вверх по дереву.

Очутившись на террасе, гостя спрятала крылья и скинула капюшон, открыв миловидное личико с копной светлых волос.

– Цаца! – обрадовалась Тая.

Она узнала Цацу Ветвярскую, служанку Лайры, которая прошлым утром принесла ей записку с просьбой не выходить из дома.

– А где баронесса? Она навестит меня?

– У госпожи нет ни одной свободной минутки, – доверительным шепотом поведала служанка. – Если б вы знали, что творится в городе! Она с раннего утра на ногах, вся в заботах. Но я придумала, как вам помочь.

Цаца сняла с пояса сумочку и достала расческу с широкими ножницами.

– Не беспокойтесь, сударыня, мы вашу испорченную шелюру в один миг поправим!

Тая устроилась в своей комнатке за столом, с которого пришлось смести все лишнее, оставив лишь зеркальце на подставке, полотенца и тазик с водой. Цаца накинула покрывало ей на плечи, и, встав за спиной, начала ловко щелкать ножницами, выравнивая клочья, оставшиеся от срезанной косички. В зеркальце то и дело мелькало ее острое личико с пронзительными голубыми глазами.

– Представляю, что вы пережили! – тараторила Цаца. – В своем собственном доме, и тут вдруг такое! Нападение... со шпагой... он же мог вас убить! Какой ужас! Это, наверное,

был тот самый разбойник, которого ищет стража?

– Может быть, – неуверенно отозвалась Тая. – Хотя сам он прикинулся Равионом Вартом, слугой принца Леммонта Ярна. Представляешь, он утверждает, будто принц Лем вернулся! Наверное, врет, чтобы его не выдали Дили Драю – тот как взмахнет своим огромным мечом, и покатилась буйная головушка в пасть грозовому дракону.

– Ах, осторожнее, не вертитеесь! – напевно растягивая слова, остерегла Цаца. – У вас самой головушка еще более буйная, чем у любого разбойника, но если вы будете так ей верить, то потеряете не только косичку, но и ухо. А принц-то, представляете, в самом деле... Ах, вы не представляете!

И, склонившись к самому уху Таи, служанка продолжила таинственным шепотом:

– Принц Леммонт Ярн в самом деле вернулся! Только тише! Это ужасный секрет. Мою госпожу накажут, если узнают, что она поделилась этой новостью с вами. Но вы же знаете, что баронесса души в вас не чаает, правда? Так вот: принца нашли за окраиной города, на постоялом дворе, куда он приплыл на пиратской лодке. Верите? Принц, и вдруг на пиратской лодке. Хотя что с него взять, кораблей-то давно не осталось. А сегодня он въедет в столицу. Через Полуденные ворота. Кто его встретит, того он наверняка не забудет. Тише-тише, не оборачивайтесь! И умоляю: никому ни слова, даже родным и близким! Обещаете?

Тая усердно кивала – вставить словечко в тягучее пение

Цацы не удалось бы и городскому глашатаю.

– Ну вот, готово, – полюбовалась на свою работу служанка. – Больше состричь нельзя, иначе совсем на мальчика станете похожи.

Тая посмотрелась в зеркало. Цаца обкорнала ее до такой степени, что издалека деву и в самом деле можно было бы принять за мальчишку. Вот только полностью выровнять ключья волос над левым ухом так и не удалось – прическа вышла все равно скособоченной, как стог сена после стихийного урагана.

– Ничего-ничего, мы зачешем, и все получится шито-крыто, – бормотала себе под нос Цаца, орудуя гребешком.

– Теперь и в косичку заплести нечего, – пожаловалась Тая.

– Зато смотрите, как модно, – попыталась убедить ее Цаца. – Сейчас подкрутим челку, и вы превратитесь в лихую пиратку. Вот так! Здорово, правда?

Она действительно уложила челку так, что та закрутилась и свесилась набок.

– Ну как?

– Боюсь, дедушка не одобрит, – засомневалась Тая.

– Зато молодежь позавидует! – уверила Цаца. – И заклинаю: про встречу принца – никому ни слова! До нее осталось всего полчаса, так что мне нужно спешить. Госпожа без меня, как без рук.

– Баронесса тоже там будет?

– Разумеется! Ведь это такое событие! О нем будут рас-

сказывать еще долго!

Цаца убрала инструменты в сумку и накинула капюшон, спрятав в тени свой острый носик и голубые глаза. Желтая ящерица на ее груди затрепыхалась, лапки с длинными пальцами зашевелились, как будто животное ожило и задвигалось. Тая проводила ее до террасы и посмотрела, как служанка, расправив крылья, ловко перелетает через живую изгородь и скрывается в лабиринте узких улочек.

Еще раз поглядев в зеркало и отбросив на сторону челку, Тая без лишних раздумий направилась в кабинет деда.

– Господи, кто тебя так обкорнал? – изумился адмирал, едва завидев внучку. – Это что, теперь мода такая?

– Тебе не нравится? – обиделась Тая.

– Почему же, – смягчился дед. – Это, конечно, не по уставу, да и на палубе корабля ветер вмиг разметал бы всю эту композицию, однако ж... мы, к сожаленью, не на корабле, да и в стране полный штиль, так что носи все, что хочешь – хоть гнездо на макушке сооруди.

– Штиль закончился, попахивает ветерком! – торжествуя, воскликнула Тая. – Только ты, пожалуйста, никому-никому, это большой секрет. У меня была Цаца Ветвярская, дворянка на службе у баронессы ван Виль. И она мне сказала такое... Такое! Нет, я не могу этого открыть, ведь я обещала!

– Не хочешь, не открывай. – Адмирал сделал вид, что ему безразлично, и начал вертеть прибором, которым он ежедневно измерял скорость ветра.

Тая сделала по комнате несколько кругов, как акула вокруг тонущей шлюпки, не удержалась и выпалила:

– Принц Ярн вернулся! Взаправду! Мне Цаца сказала. А ей велела передать баронесса. Она встречает Леммонта у Полуденных ворот. Он въедет через полчаса. Можешь себе представить? Вот это событие, правда? Он ведь отпустит папу с мамой из башни, как ты думаешь?

– Сначала ему придется стать королем, а это будет непросто, – недоверчиво хмыкнул адмирал. – Его место давно занято старшим сыном герцогини, который к тебе, как мне показалось, неровно дышит. Но это ничего не значит. За принца может выдать себя любой самозванец.

– Ой, только не это! – Тая аж побледнела при мысли, что ее надежды рухнут. – Это точно настоящий принц! Я ни минуточки не сомневаюсь. Он прибыл на пиратской лодке, так Цаца сказала. Его нашли на постоялом дворе. Это не может быть обманом, просто не может!

– На постоялом дворе? – покрутил пышный ус адмирал. – Кажется, я догадываюсь, о каком дворе речь. «Край света» у заброшенной гавани. Раньше в нее заходили летучие корабли, а теперь только мелкие лодочки и остались.

– Может, Равион Варт что-то знает?

– Ему нет доверия. Он слишком смахивает на Ночного Упыря.

– Тогда пойдем к воротам, и сами все разузнаем! Принцу готовят встречу. Мы не можем ее пропустить, ведь ты был

другом его отца.

Адмирал крепко задумался и даже выпустил из рук анемометр с вертящимися лопастями.

– Нет, мы не можем туда пойти, – сказал он. – Нас не звали.

– Ну и что? – возмутилась Тая. – Подумаешь, не звали. Что теперь, нос не высовывать? Если ждать, пока позовут, то можно и не дожидаться. Ты – генерал-капитан Ярвеля Лучезарного!

– В глухой и полной отставке.

– Вот и скажи это его сыну. Пусть он сам решит, в отставке ты или нет.

– Что ж, если ты так настаиваешь, то стоит рискнуть, – сдался дед. – Это может выйти нам боком, но сидеть дома, пока все встречают принца? Посмотрим, тот ли он, за кого себя выдает.

Кучер Малахол, как обычно, дрых в улье, закрывшись в одной из ячеек, отведенных ездовым шершнями. Адмирал приложил палец к губам и дал знать, чтобы его не будили – этого требовала чрезвычайная секретность предстоящей вылазки. Боцман Буль вывел из соседних денников тройку леунов и отправился их запрягать, следя за тем, чтобы они не слишком жужжали. Он же сам и сел на козлы кареты, взяв в руки вожжи. Адмирал, лейтенант Фит и Тая влезли внутрь и разместились на узких скамьях.

Буль тронул вожжи, шершни взмыли и потянули карету, нехотя заскрипевшую колесами по гладкой плитке городских улиц.

К Полуденным воротам вела Солнечная дорога – один из трех проспектов Облачного Вышеграда. Часы на городской ратуше еще не пробили десяти, а улицы уже оказались запружены волнуемым народом. Крылатые игруны стекались к южному въезду в город. Лишь изредка среди них попадались наездники на летучих шершнях – большинство принадлежало к простолюдинам, которые передвигались на собственных крыльях, отчего в воздухе кипело сущее столпотворение. Горожане жужжали, кричали и сталкивались, но в это утро никто не затевал ни ссор, ни тем более драк. На всех лицах отражалось радостное возбуждение и ожидание праздника.

– Боюсь, нам дальше не проехать, – крикнул боцман Буль, сунувшись своей пухлой физиономией в узенькое окошко.

Тая выбралась из кареты и помогла спуститься деду. Едва она окинула улицу взглядом, как стало понятно, в чем дело: повозка не смогла бы продвинуться, не наехав на кого-нибудь из суетливой толпы.

– Мы одни в карете. Все остальные летят собственным ходом, – заметил адмирал.

– Похоже, наши благородные бароны прозевали торжество, – засмеялся Ланс Фит. – Тут ни дворян, ни рыцарей герцогской гвардии. Вокруг сплошные простаки, ремесленники да купчишки.

– Как они могли узнать новость раньше герцогини и Дили Драя? – задумчиво проговорил адмирал.

– Слухами земля полнится, – буркнул боцман, спускаясь с козел.

Буля пришлось оставить посреди улицы – кто-то должен был присмотреть за шершнями. Дальше лейтенант, Тая и адмирал пошли одни.

Тая выставляла напоказ шпагу, с которой не расставалась со вчерашнего вечера. Ей казалось, что с этим оружием, болтающимся на перевязи, она выглядит взрослой, самостоятельной и очень воинственной. Да и оделась она, как амазонка: все та же сорочка с широкими рукавами, пристегнутыми браслетами, лосины и сапоги, а поверх всего этого – синий плащ с меховым подбоем. Дева так торопилась собраться, что впопыхах забыла про алую шапочку, и теперь то и дело поправляла зачесанную набок челку.

«Как я выгляжу? – думала она про себя. – Наверное, все на меня смотрят и замечают, какая нелепая у меня стрижка. Или, наоборот, эта стрижка делает меня круче?»

На самом деле никто на нее не смотрел. В толпе царило веселое настроение, все радостно перекликались и подбадривали друг друга. В такой час никто не сказал бы соседу дурного слова, так что юная дева переживала напрасно.

Ближе к устью Солнечной дороги туча летящих игрунов начала оседать на землю и превращаться в медленную реку, захватывающую всех на пути. Поток народа подхватил ад-

мирала со свитой и понес к южным воротам. Сопротивляться этому течению было бесполезно, да никто и не собирался. Всего через несколько минут Тая увидела перед собой широкую привратную площадь и массивное здание каменной караулки, в которой дежурила стража, охранявшая вход в столицу.

Островком посреди речного течения выглядела застывшая на месте карета, обитая темно-фиолетовой драпировкой. Дверцу кареты украшал золотой герб, изображающей белку-летягу, готовящуюся к прыжку. Девиз на старинном языке гласил: «Quo non ascendam?» – «Куда не допрыгну?»

– Смотрите, баронесса уже тут! – обрадовалась Тая. – Как ей удастся всюду успеть?

Дверца кареты открылась, оттуда высунулась тонкая фигура в коричневом плаще и протянула Тае руку. Дева вскарабкалась на ступеньку, ее дед поспешил следом. Лейтенанту места внутри не нашлось, и он устроился рядом с кучером на козлах.

Лайра Кин сердечно обняла молодую игруню. Ее бунтарская шевелюра с розочкой пряталась под меховой шапкой с длинным беличьим хвостиком. Сидевшая рядом с хозяйкой Цаца откинула капюшон и показала свое острое личико с глазами, ставшими совсем темными в полумраке кареты. Адмирал церемонно раскланялся с обеими дамами и поблагодарил их за спасение от уличной толкотни.

– Ах ты, шалунья! – с игривым негодованием напустилась

баронесса на Таю. – Опять ты все делаешь наоборот. Прибытие принца – тайна из тайн. Нужно было притвориться, будто вы ничего не знаете.

– Вот так тайна! – рассмеялась Тая. – На улице – не толкнуться, а народ все прибывает и прибывает. Им-то кто рассказал?

– Слух пробежит – не удержишь, – заметила Цаца.

– А где герцогиня с охраной? – осведомился адмирал. – Разве она сама не хочет поприветствовать Леммонта?

– Ее светлость задерживается. – Губы Лайры тронула тонкая, придворная улыбка. – Она узнала о прибытии дорогого гостя всего полчаса назад, и теперь спешно готовит покои к его приему.

Распахнутые настежь Полуденные ворота едва удалось очистить от толпы. Из каменной караулки выбежали привратники и постарались изобразить что-то вроде почетного караула, однако служак хватило лишь на то, чтобы выстроить вдоль улицы тоненькую цепочку, после чего их строй обрывался, и начиналось столпотворение.

Цаца раскрыла дверцы пошире, чтобы сидящие в карете смогли лучше рассмотреть происходящее. Тая таращилась во все глаза, но видела лишь пустой проем под воротами, да головы игрунов.

Неожиданно толпа охнула и взволновалась. Самые нетерпеливые вырвались из толкучки и взмыли над головами, но стражники принялись грубо осаживать их обратно. В воро-

тах показался цензурион Шипилио Жмых. Стальные чешуйки, нашитые на его кожаный доспех, сверкали в лучах недавно взошедшего солнца. Тае попал в глаз маленький солнечный зайчик, она зажмурилась, а когда снова открыла веки, то увидела, что горделиво вышагивающий цензурион ведет под уздцы ездового шершня.

Верхом на шершне неловко покачивался усталый путник. Он выглядел лет на двадцать, если не больше. Глаза цвета светлого янтаря, как на одной из Таинных бусинок, глядели на окружающих настороженно, будто не веря, что все эти игрушки собрались ради него. Прямой нос и заостренные черты лица говорили, что их владелец побывал в передрягах, а коротко подстриженные каштановые волосы едва виднелись из-под широкой шляпы с белым пером.

Одеяние пришельца указывало на его высокое происхождение. Камзол особого дворянского покроя не имел на груди разреза – он застегивался на спине, чтобы дать больше свободы крыльям. Облачиться в такой камзол самостоятельно, да еще застегнуть за собой ряд перламутровых пуговиц было весьма затруднительно – Тая знала это по собственному опыту. Но аристократам утруждать себя и не требовалось – обычно господина одевали слуги, так что этот фасон лишь подчеркивал особый статус его обладателя.

По багряной парче во всю грудь тянулось тканое изображение коронованного шмеля, а на плечи его высочества была накинута пушистая мантия из рыжего беличьего меха.

– Какой красавчик! – Цаца мечтательно закатила глаза.

– Уже размечталась! – захохотала ее госпожа.

– По-моему, принц растерян и даже испуган, – с удивлением заметила Тая.

– Еще бы! – откликнулся ее дед. – Когда он отправлялся за тридевять земель, то был семилетним мальчишкой. И вот он возвращается на родину. Как его примут? Признают ли в нем своего? Наверняка эти вопросы не дают ему покоя.

– Какие у него глаза! Светло-карие, теплые, лучезарные! – восхищалась Цаца.

– Глаза как глаза. Бегают по сторонам, словно выискивают, не готовит ли кто покушения, – охладила восторги служанки Лайра.

– Нужно ему представиться! – неожиданно решился адмирал.

Но едва он шагнул на ступеньку, как оказался затерт суетливой толпой. Пробиться сквозь плотные ряды горожан нечего было и думать, а стражников, готовых расчистить вельможе путь, поблизости не оказалось.

Тар вернулся на сиденье и сокрушенно вздохнул:

– Похоже, что честь первыми поприветствовать принца выпадет не нам.

Шипилио остановился. Он выглядел, как надутый индюк, и даже его пышные усы так закрутились, что доставали почти до ушей. Задрубал с Обар Моггом вышагивали по обе стороны от его высочества, и наконечники их алебард свер-

кали, как горные пики. Они встали за своим командиром и вытянулись по стойке смирно.

Толпа расступилась и пропустила столичного градоначальника Феррандо Флипа, тяжелого, одутловатого мужа с магистерской цепью поверх живота.

– Ваше высочество! – неожиданно тонким голосом пропищал магистр, склоняясь в учтивом поклоне. – От лица всего города позвольте вас поприветствовать. Мы так долго вас ждали, и вот наконец дождалось. Какое счастье видеть сына Ярвеля Лучезарного целым и невредимым!

Его речь прервали сиплые голоса медных труб, неожиданно раздавшиеся у караулки. Это привратники вспомнили, что августейших особ по уставу положено встречать фанфарами. Однако настоящих фанфар не нашли, и изо всех сил задули в горны, демонстрируя полное неумение обращаться с музыкальными инструментами.

Градоначальник поморщился, широко развел руки и пригласил принца следовать за собой. Шершень тронулся и пополз по яшмовой плитке, вихляя из стороны в сторону. Принц едва не слетел и лишь в последний миг удержался, вцепившись в седло обеими руками.

Толпа выстроилась по обе стороны от дороги и устроила бурное рукоплескание. Горожанки, пришедшие в еще больший, чем Цаца, восторг, принялись кидать гостю белые ромашки, оранжевые одуванчики и алые маки. Его высочество изволил поймать один из маков, приободрился, взглянул на

толпу орлом и помахал ей цветком. Горожане взревели и разразились овацией.

– Я зря беспокоился. Принца встречают, как подобает, – вымолвил адмирал. – Если у него и найдутся враги, то им придется утихнуть.

– Враги могут не подавать виду, – заметила баронесса.

Адмирал вежливо улыбнулся в ответ.

Толпа двинулась вслед за гостями и освободила дорогу. Лейтенант Фит велел кучеру взять вожжи и ехать вслед за всеми. Холеные шершни баронессы взлетели и потянули постромки, карета тронулась с места и закрипела. На полпути к ним присоединился боцман Буль – он погнал следом пустую карету с гербом адмирала, но оказался в самом конце процессии и отстал.

Солнечная дорога привела торжественную процессию в центр столицы, на Мятежную площадь, недавним указом переименованную в площадь Паллиандров. Градоначальник из кожи лез вон, чтобы продемонстрировать принцу улучшения, сделанные магистратом за последние десять лет: фонтан с мраморной колонной, увенчанной фигурным изображением русалки, здания городского совета, казначейства с сокровищницей, арсенала и Высокого суда. Его высочество внимательно слушал бургомистра и благосклонно кивал в ответ на его речи. Феррандо Флип дошел до того, что приписал себе и строительство нового дворца Паллиандров, роскошного здания из яшмы и белого мрамора, возведенного прежним

герцогом за счет государственной казны, которую он получил в свое полное распоряжение. Но принц проглотил эту маленькую ложь, а окружающие не сочли нужным поправлять градоначальника.

На широких ступенях дворца разворачивалось настоящее представление: слуги в парадных ливреях и рыцари в тяжелых доспехах бегали и кричали, подготавливая торжественный выход герцогини с наследником.

– Очевидно, ее светлость не ожидала такого события, – заметил адмирал, выглянув из окна кареты.

– Увы, – согласилась Лайра, – я успела предупредить госпожу лишь тогда, когда узнала сама.

Шипилио Жмых повел шершня вокруг фонтана, якобы для того, чтобы дать его высочеству возможность полюбоваться на русалку, льющую воду из широкого кувшина, что символизировало озеленение города и надежду на обильный урожай, зреющий на полях. На самом деле задравший нос цензурион демонстрировал всему честному народу важность своей персоны: все просто обязаны были запомнить, кто именно ввел принца в город, и кто первый стал его прислужником и провожатым. Шипилио выпячивал грудь и топорщил усы – это был его звездный час. Самолюбование цензуриона невольно сыграло на руку дворцовой охране: с заметным опозданием герцогиня появилась наконец на крыльце, возвышающимся над площадью. Ее черное платье с серебряной башенкой раздулось от ветра, став еще шире. На-

следник Тупиллио покорно плелся за матерью – он выглядел растерянным и раздраженным.

Дили Драй снял шлем с волосяным гребнем и спустился на нижнюю ступеньку, чтобы поприветствовать гостя. Раздуваясь от гордости, Шипилио бросил поводья и прошел за решетчатую ограду, отделявшую двор от площади. Он приблизился к рыцарю, и, поклонившись настолько изящно, насколько ему позволяли манеры, принялся вещать:

– Великочтимый сударь, дозвоьте вам и нашей возлюбленной госпоже, ее светлости герцогине, доложить, что в родные пенаты соизволил возвратиться наш высокородный повелитель и благопочтеннейший принц, его высочество Леммонт Ярн!

Суровое лицо Дили Драя побагровело и исказилось от гнева.

– Ты кто такой? – рявкнул он на цензуриона.

– Как кто? – опешил Шипилио. – Ваш наипреданнейший, наивернейший слуга, положивший на алтарь отчизны свои лучшие годы...

– Пшел вон, мелкая шавка! – полыхая, заорал на него начальник охраны. – Чтоб духу твоего рядом не было!

Цензурион разом осунулся и втянул голову в плечи. Дили Драй замахнулся железной перчаткой и вlepил ему звонкую пощечину. Голова Жмыха дернулась, шея скривилась. Еще миг – и цензурион бросился удирать со всех ног. Пулей выскочив за ограду, он метнулся в просвет между двор-

цовым комплексом и казначейством, чтобы спрятаться в кустах. Народная толпа разразилась хохотом и проводила его сальными шуточками.

Лайра в карете сжала ладонь Таи и залилась мелодичным смехом, присоединяясь к всеобщему настроению. «Какой приятный, какой музыкальный у нее смех, – подумала Тая. – Вот бы и мне такой голос. В меня все бы влюбились!»

Рыцарь вышел за пределы ограды и картинно встал перед принцем на одно колено. Толпа разразилась аплодисментами, Феррандо Флип прослезился. Принц Леммонт вспорхнул над седлом и опустил на площадь, не постеснявшись воспользоваться крыльями – горожане и этот жест восприняли на ура, расценив его, как близость к народным обычаям и отсутствие сословных предрассудков.

Драй подвел Леммонта к герцогине – та весьма мило улыбнулась гостю и произнесла подобающие случаю приветственные любезности.

Охранники начали пропускать за ограду дворян, грубо отталкивая любопытствующее простонародье. Горожанам осталось лишь наблюдать за церемонией сквозь железные прутья, выкованные в форме копий, чьи острия угрожали небесам. Феррандо Флипа с полудюжиной членов городского правления пустили, а вот Задрубала и Обар Мотта оставили околачиваться снаружи. Оба стражника побродили немного в толпе, да и пошли вытаскивать своего начальника из кустов.

Лайра выбралась из кареты и в сопровождении Цацы уверенно направилась к кованым воротам. Рыцарь у распахнутых створок узнал баронессу и низко ей поклонился. Адмирала он тоже узнал, только в последнем случае его реакция оказалась прямо противоположной: железный охранник, чье лицо было скрыто под забралом шлема, вытянул руку вперед и преградил ему вход.

Тар в ответ на этот демонстративный жест только пожал плечами: мол, не очень-то и хотелось, хотя Таю больно задело это унижение деда. Но Лайра пришла ей на помощь и бросила рыцарю:

– Они со мной!

Тот мгновение поколебался, поклонился и отступил в сторону. Тая прошла во двор герцогского особняка вслед за дедом и оказалась в окружении блестящих рыцарей, дам в бальных платьях и слуг в дорогих ливреях.

Герцогиня изящно взяла гостя под локоток и повлекла в глубину дворца. Толпа разодетых придворных мигом схлынула и начала втягиваться в парадный вход, как вода, вздувавшая влиться обратно в горлышко кувшина.

Повторно Таю и ее деда остановили перед входом в здание, и на этот раз охранник был неумолим. На возмущенные сетования Лайры он ответил вежливо-холодным поклоном, но уступить отказался.

Тая проводила взглядом Цацу, ящеркой проскочившую в дверной проем, и отошла, чтобы не загораживать проход от-

ставшим придворным. Адмирал задумчиво тронул бородку, оглядел эполеты на черном кителе – в порядке ли? А то, может, их не замечают? – и положил ладонь на кортик, с которым не расставался.

– Обалдеть! Какая шикарная у вас челочка! С ней вы выглядите такой лихой, и такой воинственной... – раздался откуда-то сверху мужской баритон.

Тая подняла голову и увидела юного герцога, вышедшего на террасу, нависающую над парадной. Тупиллио был одет в бархатный камзол с такой же, как у матери, серебряной башней. Темный берет с пером прикрывал его голову.

– Что ж вы стоите, сударыня? – соловьем заливался Тупиллио. – Такая красота должна освещать наши залы в этот чудесный, торжественный день!

– Меня не пускают! – с обидой ответила Тая.

– Безобразие! Я сейчас разберусь! – возмутился герцог-наследник.

Он в самом деле появился с той стороны прохода, и не просто отдал охране приказ пропустить его личных гостей, а сам вышел на крыльцо, умилительно взял Таю за руки и провел внутрь.

– Пойдемте скорей в зал заседаний, – тараторил он, увлекая за собой старого адмирала и его внучку. – Там скоро начнется торжественный прием. Принц свалился, как снег на голову, у нас ничего не готово. Мы всего час назад узнали о его прибытии. Представьте себе, дворцовая охрана прозева-

ла такое событие! Хороши же ее осведомители. Не попадайтесь нашему Дили под горячую руку – это уже второй его промах за два дня. Многовато, не правда ли? Он ходит хмурый и жутко злой.

Тупиллио рассмеялся.

– А вы уверены, что это действительно принц? – осторожно спросил адмирал.

– Как раз для этого вы и нужны, – остановился наследник перед высокими дверьми зала. – Ведь вы близко знали прежнего короля и его семью?

– Да, но когда я видел его высочество Леммонта в последний раз, он был семилетним мальчиком.

– В таком случае, ему придется предъявить доказательства своего происхождения. Кто лучше вас разберется в их подлинности?

И Тупиллио ввел гостей в зал собраний.

Роскошь парадного дворцового зала ошеломила Таю. Она никогда не видела столько росписей, позолоты, гобеленов и статуй. Ее нога в походном сапожке ступила на мраморный пол, расчерченный на черные и серебристые квадраты. Только тут Тая вспомнила, что оделась не для торжественного приема, а для уличной вылазки. Но отступить было поздно, и ей пришлось пересечь зал у всех на виду, догоняя деда и юного герцога.

Свисающие с потолка люстры со свечами мелькали сотнями огоньков, как будто тут не хватало яркого света, льюще-

гося через высокие окна, украшенные цветными витражами. В участках стены между окнами открывались глубокие ниши – оттуда выглядывали белые статуи древних героев, воинственно размахивающих копьями и булавами. Над нишами висели портреты, изображавшие славных предков династии Паллиандров, благородных мужей и дам в придворных одеяниях по моде разных веков. Под потолком колыхались цветные знамена рыцарских родов, присягнувших герцогам, да и сам потолок был расписан величественными картинами со сценами охот и сражений.

Тая привыкла жить в большом и богатом доме, однако разница между жилищем адмирала и герцогским дворцом сразу бросалась в глаза.

В дальнем конце зала высился посеребренный престол в виде башни с хищным ястребом на вершине, однако сейчас его сидение пустовало. Герцогиня сочла неуместным демонстрировать свою власть в присутствии принца.

Сам Леммонт уже беседовал с видным членом государственного совета Пирифором дю Меллоном, почетным предводителем ордена Каменной башни. Остальные бароны, входившие в госсовет, спешно объединялись вокруг герцогини – слуги разыскивали их в загородных усадьбах и свозили во дворец, однако к этому часу собрать удалось далеко не всех.

Некоторые из советников с удивлением поглядывали на пожилого адмирала и переводили вопросительные взгляды на герцогиню, словно спрашивая, как тут оказался их давний

соперник, однако правительница вела себя, как ни в чем не бывало, давая понять, что у нее все под контролем.

Пирифор дю Меллон громко захлопал в ладоши и во всеуслышание объявил:

– Ждать оставшихся больше не будем! Его высочество готов предъявить реликвии, переданные ему в наследство покойным королем Ярвелем!

– Прошу вас, поучаствуйте в церемониале! – приблизилась к адмиралу баронесса ван Виль и мягко тронула его за рукав кителя.

– Ну что ж... если его высочество и ее светлость не возражают, – смущенно пробормотал Тар.

Лайра подвела его к гостю и, улыбаясь, произнесла:

– Ваше высочество, позвольте представить первого вельможу вашего батюшки, генерал-капитана воздушного флота, графа Тара Чернорунного.

Адмирал поклонился со всем изяществом, на какое был способен. Принц оглядел его черный китель с золотыми эполетами, кортик на поясе и задержал взгляд на шраме, пересекающем лицо.

– Вы, должно быть, не помните, но я держал вас на руках, когда вы были ребенком, – вымолвил Тар.

– Ах, да! – просветлел принц. – Как же, как же. Воспоминания детства – самые счастливые.

– Просим вас, граф, удостоверьте подлинность реликвий, сохраненных его высочеством, – напомнила Лайра.

Бароны выстроились в ряд и затаили дыхание. Тупиллио снял берет и принялся мять его, делая вид, что ему все равно. Герцогиня Чуль-Паль изо всех сил старалась показать, что нисколько не сомневается в результате, но на лице ее застыла такая гримаса, что Таю едва не передернуло.

Принц достал из поясной сумочки маленькую бархатную папку и вынул из нее письмо, запечатанное сломанным сургучом.

– Вот письмо моего отца, – тихо сказал он и передал конверт адмиралу.

Тар благоговейно раскрыл конверт и пробежался глазами по испisanному листу.

– Почерк короля Ярвеля Лучеразного! – торжественно провозгласил он, стараясь, чтобы его голос был слышен в самых дальних уголках зала. – Послание сугубо личное. Отец напутствует сына перед дальним путешествием и посылает ему свое родительское благословение.

Герцогиня не выдержала, сорвалась с места и выхватила листок из рук адмирала. Она жадно впиалась взглядом в чернильные строки, будто от них зависела ее судьба. Выражение лица герцогини менялось от жадно-тревожного к разочарованному и безнадежному.

– Давайте сличим почерк, – предложила она. – Лайра, душечка, принеси письмецо, так любезно подаренное нам графом Чернорунным.

Покидать зал баронессе не пришлось: Цаца передала ей

дамскую сумочку, и письмо Ярвеля, отданное адмиралом всего день назад, появилось в ее ладонях.

– Вне всяких сомнений, письмо принца подлинное, – произнесла Лайра, сравнив почерк.

По ряду советников пробежал шелест. Оба документа передали по рукам, чтобы все желающие могли их рассмотреть. Конверты дошли до председателя дю Меллона, тот с важным видом повертел их и кивнул, давая понять, что не оспаривает общего мнения.

– Но это ведь не все, правда? – перекрыла шум Лайра.

– Большая королевская печать моего батюшки, – уже намного увереннее произнес принц и протянул адмиралу тяжеленький штемпель.

– Кто хоть раз получал документы от короля, тот не забудет оттиска этой печати, – растроганно выговорил Тар.

– И, наконец, орден магистра Грозового дракона, – громко заявил принц.

Адмирал принял от него золотое, украшенное мелкими самоцветами изображение змея, расправившего крылья, и, не сдерживаясь, разрыдался.

– Предъявленные реликвии не вызывают сомнений, – утерев слезы платочком, вымолвил он. – Они настоящие.

– Как мы счастливы, что вы вернулись, ваше высочество! – радушно распахнула объятия герцогиня Чуль-Паль.

Пирифор дю Меллон поспешил облобызать ручку принца, советники нахлынули волной, наперебой загомонили и

сбились в такую плотную кучу, что градоначальнику Флипу не удалось сквозь нее протиснуться, не говоря уже об оставшихся членах столичного магистрата.

Принц принимал поздравления, как именинник. Он приосанился, взгляд его карих глаз стал светлее, движения уверенней.

– Ваше высочество, позвольте предложить вам погостить в моем доме, – растроганно сказал адмирал. – Я могу выделить вам целый этаж.

– Что за фантазия! – перебила его герцогиня. – Принцу подобает жить во дворце, а не в частном владении. Наши слуги уже готовят королевские апартаменты. Из них открывается чудесный вид на дворцовую площадь, фонтан с русалкой, а также здания арсенала и казначейства.

– Против такого предложения я не смогу устоять, – улыбнулся принц. – Обожаю красивые виды.

– Мы готовы предоставить весь наш дворец в распоряжение такого важного гостя, – галантно присоединился к матери Тупиллио.

– Я не гость, – возразил принц, и его острый взгляд скользнул по юному герцогу, как лезвие кинжала. – Это мое королевство, и я в нем хозяин.

– Ах, да, конечно! – опешила от такого поворота Чуль-Паль. – Здесь все до последнего деревца принадлежит вам, ваше высочество.

Тяжелой поступью в зал вошел Дили Драй – он успел

снять с себя гремучие железяки и облачиться в придворный камзол, такой же черный, с серебряной башней и ястребом, как и у всех слуг Паллиандров. Тае почудилось, что под парчой и шелком перекачивается целая гора мышц, и что она видит перед собой не игруна, а льва, скрывающего звериную силу под легкой накидкой. Грива рыжих волос вокруг головы охранника тоже напоминала львиную, как и взгляд его мутно-голубых глаз, равнодушный и тусклый до тех пор, пока в поле зрения не попадет добыча.

Герцогиня взглянула на своего вассала, с едва заметным неодобрением качнула головой и тут же отвела взгляд.

Адмирал улучил минутку и отвел принца в сторону.

– Ваше высочество, я принес вести о вашем слуге.

Услышав о слуге, принц изменился в лице и с трудом проговорил:

– Ах, да, бедный малый. Вы нашли его тело?

– Тело? – удивился адмирал. – Его тело в целости и сохранности, если не считать сломанного крыла. Вчера вечером я задержал игруна, который назвался Равионом Вартом. Он объявил, что вы вернулись после долгих скитаний и вот-вот прибудете в столицу. Так и случилось. Я, признаться, подозревал, что мне попался беглый разбойник по кличке Ночной Упырь, но теперь убедился, что все было правдой.

– Вот как? – принц задумчиво пожевал губами. – Мой слуга погиб вчера на постоялом дворе, где я остановился после долгого плавания. По всей видимости, его пытались огра-

бить, он вступил в бой и отдал жизнь, защищая королевскую печать и письма моего отца. Жаль, что меня не оказалось поблизости.

– Когда это случилось? – ошеломленно произнес Тар.

– В середине дня, сразу после обеда. Тело бедняги до сих пор не нашли. Того, кто убил его – тоже.

– Вы уверены, что это было не покушение, а грабеж?

– По правде сказать, я вообще ни в чем не уверен, – признался принц, доверительно притронувшись к ладони вельможи. – Я был маленьким мальчиком, когда буря унесла мой корабль за тридевять земель. Едва могу вспомнить столицу, ее улицы и дома. Тут все так переменялось! Но главное – я не встречаю знакомых лиц. Одна надежда – на верных друзей моего отца. Вы мне поможете, адмирал?

– С удовольствием, ваше высочество, – заверил Тар. – Я в вашем полном распоряжении. Позвольте представить вам мою внучку, Таиссу. Если прикажете, она не отступит от вас ни на шаг.

– Как я могу вам приказывать? Вы друг, а не слуга. А ваша внучка – чудесный цветок.

Принц расплылся в улыбке, но тут же ужасно смутился и принялся извиняться:

– Поправьте меня, если я вдруг нарушу привычки здешних аристократов. Я рос на палубе, моими воспитателями были мелкопоместные бары с окраинных островов. Их нравы весьма далеки от столичных.

– И со мной, и с Таей вы можете чувствовать себя совершенно свободно, – успокоил его Тар. – Мы слишком рады вашему возвращению, чтобы придавать значение мелочам.

Заметив, что принц уединился с адмиралом, Чуль-Паль занервничала. Она подозвала к себе Пирифора дю Меллона и во всеуслышание принялась обсуждать с ним дату совета, на котором следовало решить вопрос о признании прав принца на наследование престола. Однако взгляд ее то и дело отрывался от собеседника и упирался в широкую спину Тара, прикрытую двумя парами аккуратно, в струнку сложенных крыльев. Наконец, она не вытерпела и приблизилась, потянув за собой Дили Драю, как бычка на веревке.

– Безобразие! – с возмущением воскликнула она. – Не успел принц прибыть в родное королевство, как у него убили слугу! Что за дикость!

Как видно, в собственном дворце мимо ее слуха не проносилось ни слова.

– Наш долгожданный наследник может подумать, что в его отсутствие мы развели воровство и разбой. Но ведь это не так, правда? Мы докажем, что все время хранили закон и порядок. Адмирал, я поручаю вам срочно возглавить расследование этого убийства. Ваше высочество, вы не возражаете, если делом займется старинный друг вашей фамилии?

– Отчего же? – согласился Леммонт. – Тем, кому доверял мой отец, доверяю и я.

– Вот и ладненько! А в помощь графу я выделяю лучшего

из своих командиров. Дили, я говорю о тебе. Будешь содействовать адмиралу во всем, что бы он ни затеял. Если понадобятся дополнительные силы, то любой из рыцарей в вашем распоряжении. Нужно будет привлечь стражу – берите и ее. Чем быстрее найдете злодея, тем быстрее воссоединятся семьи, и в королевство вернется счастье. Вы понимаете меня, граф?

Адмирал кивал, не успевая вставить ни слова в тираду правительницы. Зашуршав пышным подолом, она с достоинством удалилась, давая понять, что подчиненным следует поскорее приняться за порученное дело.

– Выходит, я снова в строю! – Тае показалось, что ее дед распрямился и помолодел. – Что ж, тряхнем стариной. Где случилась эта беда?

– У заброшенной гавани, в гостинице, которая называется «Край света», – ответил Леммонт.

– Знавал я это местечко. Разбойничий притон, – поморщился адмирал. – Каким ветром вас туда занесло?

– Я не знал, где остановиться, – смущенно отозвался принц. – Что подвернулось, тем и воспользовался.

– С чего начнем, барон? – обратился адмирал к Дили Драю.

– С осмотра места преступления, я полагаю, – тряхнул львиной гривой рыцарь. – Но нам не обязательно ехать туда самим. На это есть мелочь вроде цензурионов.

– Если хочешь сделать дело как следует, возмись за него

сам, – лихо подкрутив ус, возразил Тар.

Пирифор дю Меллон вышел на середину зала и громко захлопал в ладоши.

– Господа! – провозгласил он. – Заседание королевского совета назначается на шесть часов вечера. На повестке – признание прав принца и общенародный праздник в честь его возвращения. Оповестите всех, кто еще не прибыл. А сейчас – пир и веселье! Давненько у нас не выдавалось такого прекрасного повода!

Глава 5. Ночной Упырь

Тая не на шутку забеспокоилась, заметив, что блеск в глазах ее деда разгорался все сильнее и сильнее, даже тогда, когда он вышел из дворца в сопровождении Дили Драя и принялся за обсуждение рутинных и скучных вопросов, вроде того, на чем удобнее добраться до места преступления, и кого с собой взять.

– Знаю я этот «Край света», – говорил дед, и голос его звенел молодой сталью. – Вертеп, настоящий пиратский вертеп. В прежние времена разбойники и воры всех мастей отлеживались там после нападений и всякого душегубства, а вольные буканьеры сбывали добычу, награбленную на воздушных просторах. Но это было давно, теперь все не так. Корабли больше не плавают, грабить некого, и пиратская гавань зачахла. По крайней мере, я так думал до недавнего времени.

– Если нет кораблей, то на чем прибыл принц? – подкинула вопрос Тая, чтобы сбить с деда пыл.

– Узнать не получится по крайней мере до вечера, – рассмеялся адмирал. – Принца чествуют с таким рвением, что, боюсь, не отпустят до самого заседания совета.

Дили Драй метнул на него озабоченный взгляд и встряхнул львиной гривой.

– Что-то не так, барон? – спросил адмирал.

– Я тоже вхожу в совет, но от меня почему-то отделились, – откликнулся рыцарь. – Тут что-то не так. Опять Пирифор затевает интриги.

– Ах, эти придворные интриги! Узнаю наш старый добрый государев совет, – беззаботно рассмеялся Тар.

Боцман Буль подал карету к ограде. Праздничный народ уже начинал расходиться, и только отдельные почитатели еще прижимались лицами к прутьям и выкрикивали:

– Хвала принцу! С возвращением, ваше высочество!

Железные рыцари смотрели на восторженных зевак сквозь пальцы – они получили приказ не мешать проявлению верноподданнических чувств.

– Приглашаю вас в свою карету. Прокатимся с ветерком, – пригласил адмирал Дили Драя.

– Благодарю, но карета для меня тесновата. Я полечу верхом, как привык, и захвачу пару слуг.

– Как вам будет угодно.

Тая успела испугаться – рядом со здоровенным рыцарем ей не хватило бы места. Как только он отказался, у нее отлегло от сердца, и она тут же полезла на скамью, пока государственные мужи не передумали. Однако дед придержал ее за полу лазурного плаща и строго произнес:

– Постой! Ты куда?

– Как куда? Мы же едем осматривать...

– Это мы едем. А ты отправляешься домой! – велел дед.

Ой-ей! Этот командирский тон был хорошо знаком Тае.

Он означал, что спорить бесполезно, и лучшее, что она может сделать – это прикинуться послушной девочкой и исполнять, что говорят. Или хотя бы сделать вид, что собираешься так поступить. Правда-правда.

– Ее нельзя оставлять одну. Она снова набедокурит, – заметил боцман.

– В самом деле, – задумался адмирал. – На улице толпы народу, сюрпризы на каждом шагу. Знаешь, Цыба, отвези-ка лучше ее.

– А на чем вы поедете, ваше сиятельство? «Край света» не зря так называется.

– Доберусь как-нибудь. Мне не впервой.

– Что ты, деда! – запротестовала Тая. – Карета нужна тебе для поездки по служебному делу. Я не стану ее занимать. Полечу на своих крыльях, посмотри, вокруг все так делают.

Дед посмотрел на нее с превеликим подозрением и спросил:

– Ты отправишься прямо домой?

– Конечно, куда же еще! – соврала Тая, невинно глядя на него своими честными зелеными глазами.

– Ты что-то задумала?

– О чем ты? Что я могла задумать?

– Как бы она снова не попыталась навестить родителей, – заметил приблизившийся лейтенант Фит.

– Таюшка, этого нельзя делать, – принялся убеждать ее адмирал. – Нужно немножечко потерпеть. Смотри: Леммонт

вернулся. Теперь все будет иначе, вот увидишь.

– Я очень на это надеюсь, – обиженно надула губки Тая. – И хочу помочь его высочеству не меньше, чем ты. Может, хоть он вернет домой маму и папу.

– Мы все на это надеемся, – мягко сказал дед. – Но расследование убийства – опасное и неприятное дело. Такими делами занимаются опытные служаки, а не семнадцатилетние девочки. Я не могу тебя взять. Вдруг что-то случится?

– Что-то случится, если мы не выясним правды, – возразила Тая. – Кто мог убить слугу принца, едва тот ступил на берег? Вдруг это покушение?

– Я могу проводить ее, сдать на руки гувернантке и проследить, чтобы наша подопечная не сбежала, – предложил Фит.

– Спасибо, Ланс, но для тебя есть другое задание, – ответил подчиненному Тар. – Возобнови свои старые связи и узнай, где сейчас Равион Варт. Что с ним стало? Вдруг наш пленник не врёт? Это нужно сделать как можно быстрее.

Лейтенант молча кивнул, давая понять, что распоряжение принято.

– К тому же, я сильно сомневаюсь, что мадам Каппадокия сможет уследить за этой оторвой, – продолжил адмирал, с недоверием глядя на внучку. – Пожалуй, безопаснее будет держать ее перед глазами. Ладно, Таисса, лезь в карету, но веди себя тихо и не путайся под ногами, пока взрослые займутся делом.

Тая клятвенно сложила ладони, мигом юркнула в карету и притворилась невидимой. Лейтенант Фит выпустил крылья сквозь прорезь в кителе и взлетел, не беспокоясь о том, что подумают о его поведении благопристойные господа из дворца.

Двое рыцарей в темно-зеленых накидках с гербом барона ван Виртиса подвели Дили Драю могучего ездового шершня, и сами уселись в седла. Боцман Буль поерзал на козлах, взял вожжи в руки и лихо гаркнул:

– Ну, залетные, покажите, на что вы способны!

Карета тронулась, и у Таи камень свалился с души: она поняла, что теперь ее точно не высадят.

Когда на козлы кареты вместо кучера Малахола садился Буль, Тая чувствовала себя увереннее. Ловкие руки боцмана крепко сжимали вожжи и не давали шершням забаловать, превращая их в единую упряжку. Однако Тая немного завидовала рыцарям Дили Драя, которые отправились на приключение верхом. Они порхали вокруг, как хотели. Их ездовые шершни с седлами на спине были приучены к дисциплине и держались за вожак, однако Тая знала, что ощущение свободы, возникающее в самостоятельном полете, нельзя сравнить ни с чем.

Помощников Дили Драя было двое, их звали Килимон Кардасар и Тепаш Глинт. Темно-зеленые накидки с цветущим деревом, вышитым серебром, делали их похожими, хотя Килимон был мощнее и выше, а Тепаш Глинт казался про-

нырливым и вертлявым. На поясе Глинта болтался длинный меч – он подпрыгивал и хлопал по боку каждый раз, когда шершень делал рывок или закладывал вираж. Кардасар выбрал оружие по своей могучей руке – в его седельной сумке пряталась тяжелая булава, одним ударом которой можно было разнести голову здоровенному пауку.

Карета, стучащая колесами по мостовой, безнадежно отставала от летунов, и тем приходилось садиться на землю и устраивать передышку, чтобы подождать адмирала. За городскими стенами закончились улицы, вымощенные ровной плиткой, и карета начала подпрыгивать на ухабах, что ее пассажиры сразу же ощутили. Пожилому адмиралу тряска доставляла видимое неудобство, а вот Тая находила ее забавной. Она выглядывала в окно и с удивлением рассматривала корабельное кладбище – необъятное поле, на котором валялись разбитые остовы летучих галеонов и каравелл, десять лет назад выброшенных на берег и переломанных Огненной бурей.

Постоялый двор «Край света» заслужил свое название – он расположился на восточном берегу Яшмового острова, в стороне от воздушной гавани, некогда принимавшей суда со всего света. Теперь гавань была пуста, корабельные паруса больше не рассекали ее просторы, и лишь холодные ветры шумели между скал, пугая случайных путников завываниями, похожими на горестные стоны.

Летучая ватага свалилась на гостиничный двор, как снег на голову. Трактирщик Чумаданио Хрюнкель выбежал встречать незваных гостей, вытирая волосатые руки о фартук, залитый пивной пеной. Шершни рыцарей сели на пыльную землю, тонким слоем прикрывающую скалистую почву, и взяли его в коробочку. Глазки трактирщика забегали по сторонам, он сообразил, чем может обернуться этот неожиданный визит, и собрался дать деру, но Дили Драй схватил его за шиворот своей железной ручищей и поставил перед собой так, что пришлось отвечать на вопросы.

Карета адмирала вкатилась и втиснулась между заброшенным ульем и поварней, из которой тянулся дымок, пахнувший копченой колбасой. Тая сошла со ступеньки и увидела добротное деревянное здание в два этажа с мансардой и резным крыльцом под навесом. Пожилой адмирал спустился следом, но ему понадобилось не меньше минуты, чтобы прийти в себя после дорожной тряски.

Сальная физиономия трактирщика изобразила фальшивую радость. Его руки распахнулись в приветственном жесте, а дрожащий голосок запел:

– Батюшки, вот это гости! Такого чудесного дня ни один старожил не припомнит. Не далее как нонешним утром у меня столовался его высочество Леммонт Ярн, а к обеду пожаловали, ох, только б не ошибиться, богатейший на всем белом свете барон ван Виртис и его сиятельство граф-адмирал со своей очаровательной наследницей. Если б я знал, что у

меня будут такие гости, то приготовил бы что-то особенное. Но я и так сумею вам услужить. Проходите в обеденный зал, не стесняйтесь – я подам такую солянку, какой вы и в Облачном Вышеграде ни за что не найдете, а уж пиво, пиво-то у меня какое!

– Мы сюда не за пивом явились, – строго сказал адмирал, разминая затекшие ноги.

– А за чем же еще? – удивился трактирщик.

– Догадайся! – Рыцарь так резко встряхнул его за шкуру, что Чумаданио позеленел.

– Ах, это по поводу утренней стражи, – засуетился трактирщик. – Да, приключился у нас пренеприятнейший анцындентик, не спорю. Номер его высочества претерпел, как бы это сказать, визит пырсон, стоящих помимо закона. Я, как вы знаете, вызвал стражу, и они все уладили.

– Что уладили? Как можно уладить убийство? – рассерженно проговорил адмирал.

– Какое убийство? – всплеснул руками почтенный трактирщик. – Не было никакого убийства!

– Как так не было? А что было?

– Был грабеж. Воровство и татьба. А насчет убийства – сильное преувеличеньице. Тела-то ведь не нашли.

– Веди в номер! Показывай! – резко велел Дили Драй.

Чумаданио Хрюнкель распахнул широкие двери. Над ухом Таи мелодично прозвенел колокольчик, и она очутилась в просторном зале, уставленном столами и массивными

деревянными скамьями.

Несмотря на обеденный час, зал был пуст. Из посетительниц тут можно было разглядеть разве что мух, сонно кормившихся в лужицах супа, пролитого на столики.

– А где все? – поинтересовался Драй.

– Так ведь нет никого, – виновато развел руками Хрюнкель. – Гавань не функционирует. Вокруг запустенье и полнейший развал. Путники редко навещаются, ждем их, как манна небесной.

– А живешь-то на что? Чем содержишь свое заведение? – подозрительно уставился на него Дили.

– Ах, если б вы только изволили вникнуть в наши печали! – сладкоголосо запел трактирщик. – Но боюсь, что на ваших высотах мы, мелкие обыватели, кажемся ничтожными насекомыми, что снуют под ногами в траве.

– Именно так! – рявкнул рыцарь. – И если ты тотчас мне не расскажешь, что тут стряслось, я тебя раздавлю, понял?

Чумаданио мигом сообразил, что с силачом шутки плохи, и привел всю честную компанию на второй этаж, в небольшую уютную комнату с широким окном. Дощатые половицы жалобно закрипели под сапогом Дили Драя, а после того, как в горницу набились его подручные, возникла такая теснота, что Тая едва влезла вслед за дедом.

– Вот, все как есть, только прибрался маленько, – бледнея, бормотал трактирщик. – Его высочество со спутником изволил прибыть вчера ночью, за час до рассвета. То есть тогда

я еще не знал, что это его высочество, иначе обошелся бы с ним, как подобает. А так, мало ли кто тут бродит ночами по запустелым краям?

– Ты что же, не рассмотрел своих постояльцев? – спросил Дили Драй.

– Так ведь туман был, и темень, – заплетающимся языком начал оправдываться Чумаданио. – Я, разумеется, сразу смекнул, что передо мной благородные господа, только в наше время кто не выдает себя за богачей? Оба смертельно устали после дальней дороги, я выдал им ключ от номера, и они удалились спать. К первому завтраку не выходили, ко второму вышел один – тот, что пропал. В общем зале задерживаться не стал, взял еду на двоих и вернулся к себе.

Еще до обеда второй путник куда-то ушел, не сказавшись. Первый спустился, посидел в общем зале, отведал горячей солянки – она у меня лучшая в округе, это кто угодно подтвердит: наваристая, с жирной свининкой. Даже таким знатным вельможам, как вы, судари, не стыдно ее подать. Так что если будет на то ваше желание – милости просим к столу.

– Дальше что было? – грубо прервал его рыцарь.

– К часу дня этот путник вернулся в номер. Признаюсь, я слышал крики и шум, будто бы от борьбы, но в гостинице пьяные драки – дело обычное, и я им значения не придал.

– Ты не пошел посмотреть, что творится у тебя под носом?

– Я в такие дела не влезаю, после само собой как-нибудь уляжется, – дрожащим голосом пролепетал трактирщик. –

Ближе к вечеру второй путник вернулся, сильно разволновался и заявил, что его слугу будто бы кончили, а вещички пограбили. Я прибежал в номер и увидел, что все перевернуто вверх дном. Только никакого убитого тут не было – ну, я и решил, что слуга ничего не убитый. Это он, видите ли, мои судари, сам забрал кошелечек хозяина, да и был таков. Со слугами эта оказия, знаете ли, случается, и довольно часто.

– А с чего принц взял, будто его слугу убили? – поинтересовался Тар.

– Верил ему, вот и отказывался признавать очевидное. Господа к своим слугам привязываются, как к собачкам. А слуга – не собачка, подвести может. Я на своем веку всякое повидал, и коварство, и вероломство. Нет, судари мои, от собачки таких пакостей не дождешься, какие, бывает, выкидывают ваши самые верные приближенные.

– А позвать для расследования цензуриона не пришло в голову? – нахмурившись, спросил адмирал.

– Как же! – заверил его Чумаданио. – Это первая мысль, которая сразу мне и пришла. Только вечер уж был на дворе, совсем поздно. Стража явилась наутро и начала все переворачивать. Такой шмон здесь устроили, извините за выражение. Вот тут-то его высочество им и открылся. Назвал свое гордое имя – принц Леммонт Ярн – и предъявил доказательства своего высоченного происхождения. Я как увидел их, так обомлел. Так вот кто у меня, думаю, все это время под самым носом, а я ни сном, ни духом... Если б вы знали, как

я польщен тем, что в моей скромной гостинице такой важный гость... Об одном жалею: не угостил его от души. Так и не отведал его высочество моей жирненькой соляночки. Может, все же желаете? Будьте спокойны: у добропорядочного и законопослушного Чумаданио Хрюнкеля нечего опасаться. А если соседи и распускают слухи, будто у меня околачиваются разбойники да пираты – не верьте! Ни за что не верьте! Это все злые языки. Они мне завидуют, вот и врут, что попало.

Тая силилась продемонстрировать деду, что и от нее может быть какая-то польза, поэтому с первой минуты на постоялом дворе проявляла бурную, неудержимую, но не всегда целенаправленную энергию. Она путалась под ногами у Килимона Кардасара и Тепаша Глинга, которые тщательно, уголок за уголком, обследовали номер, бесцельно выдвигала ящики тумбочек и комодов, становилась на четвереньки и заглядывала под кровать, где среди комков пыли сохли зеленые патиссоны. Адмирал с подозрением наблюдал за активностью внучки, но сделать ей замечание прилюдно не решился, опасаясь, что это ее унизит.

Тая переставила с места на место пару деревянных стульев, свалила подушечку с кресла, нечаянно своротила прикраватный столик, отчего на нем жалобно зазвенели чашки в блюдцах, и заглянула под половики, устилавшие дощатый пол.

– Смотрите, здесь какие-то пятна! – сказала она, чтобы

показать хоть какой-нибудь результат.

– Что за пятна? – заинтересовался Дили Драй.

Под половиком открылись блекло-рыжие следы нескольких тщательно замытых лужиц.

– Это что за следы? – насел на трактирщика рыцарь.

– Виноват. Не могу знать. Постояльцы, наверное, оставили, – пролепетал заплетающимся языком Чумаданио.

Тая вошла в азарт и дернула половик, отчего Килимон, стоявшей на его краешке, едва не свалился.

– Таюшка, пойди, полетай по округе. Погляди снаружи, может, там что найдешь, – ласково попросил ее дед.

Поручение! Это значило, что и для нее нашлось важное дело. Тая распахнула окно и взлетела, но не успела она выбраться на простор, как заметила на подоконнике следы бурых, уже засыхающих струек.

– Поглядите! Здесь лилась кровь! – воскликнула она.

Рыцари бросились к подоконнику так дружно, что возникла толкотня. Чумаданио забился в укромный уголок и прижался спиной к стене. Он дрожал, по лицу его бежал пот.

– Это что такое? – строго спросил его адмирал.

– Виноват! Знать не знаю и ведать не ведаю, – бормотал трактирщик.

Добиться от него хоть одного толкового слова не удалось.

– Похоже, что жертву зарезали в номере, а после вытащили в окно, – подвел итог Дили Драй. – Но пока это пустые догадки. Они станут фактом только после того, как мы най-

дем тело. Куда оно могло деться?

Тая наконец вырвалась из тесноты на свободу и с облегчением расправила крылья. Едва она взмыла повыше, как сердце затрепетало: внизу разверзлась зияющая пустота, заполненная лишь ветром и редкими облачками. Здание гостиницы расположилось на самом краю обрыва, за которым начинался воздушный простор. Всего шаг от окна, из которого Тая вылетела, не разведав пути, и ноги теряют опору. Хорошо тем, у кого есть крылья, но на яшмовых островах так повезло не всем. Пауки не летают, не говоря уже об овцах, козках и хищниках, вроде маковых ягуаров. Свалишься вниз – и никто не найдет.

– Что там? – высунулся из окна адмирал.

– Обрыв! – звонко ответила Тая.

– Разумеется. Мы же на берегу гавани.

– Дело плохо. Если труп сбросили вниз, то его уже не найти, – присоединился к ним Дили Драй.

– Вовсе нет! Я сейчас посмотрю, – резко порхнула вниз игрунья.

– Таисса! Там опасно! Не смей! – крикнул ей вслед адмирал.

Но Тая уже мчалась вдоль скалистого склона, обрывающегося в пустоту. Кровь прилила к голове, ветер шумел в ушах, но она не ощущала ничего, кроме пьянящего чувства свободного падения, от которого голова шла кругом. Перед глазами мелькали чахлые сосенки, пробивающиеся из рас-

щелин, волосы растрепались и застилали взгляд, а Тае хотелось вопить от восторга – уж очень редко выдавались ей случаи так порезвиться. В конце концов она чуть не уткнулась в уступ, неровной террасой извивающийся среди облаков. Ей пришлось перевернуться ногами вниз и изо всех сил напрячь крылья, чтобы затормозить.

Уцепившись за сосенку, она вскарабкалась на террасу, и тут же отступила в испуге, едва не свалившись обратно. Перед ней валялось безжизненное тело в устрашающей маске и порванном плаще, застывшее в причудливой позе. Обескровленные участки кожи, неестественно вывернутые руки и ноги, и тонкий кривой стилет, воткнутый прямо в грудь – сомнений не оставалось, это был тот самый труп, о котором говорил Дили Драй.

Тая не знала, что делать. Что вообще делают в таких случаях? Ведь никто этому не учил. Да и кто станет учить такому – не мадам Каппадокия же?

Единственное, что смогла Тая надумать – это позвать старших и более опытных рыцарей. Уже через несколько минут к ней присоединились Килимон Кардасар и Тепаш Глинт. Они осторожно подняли тело, взвалили его на плечи и вынесли на берег, где их с нетерпением поджидали адмирал с Дили Драем.

Начальник охраны сразу же принялся ощупывать труп, а дед обнял Таю, прижал к себе и заглянул в глаза – не случилось ли с ней чего? Таю била дрожь, но она вспомнила, что

деду самому нужна ее помощь, и заставила себя успокоиться.

Она уже взрослая, она должна быть сильной, потому что ни у стареющего на глазах деда, ни у мамы и папы больше нет никого, на кого можно было бы опереться. Как много вокруг игрунов, а помочь родным некому!

Тая погладила деда и ответила ему ободряющим взглядом.

Вязаная маска, скрывавшая лик убитого, скалилась, изображая череп со ртом, искривленным в хищной улыбке. Черно-красные полосы с прорезями для глаз делали ее обладателя похожим на демона, явившегося с того света, чтобы напиться чужой крови. «Наверное, так и должен выглядеть упырь», – подумалось Тае.

Дили Драй сорвал маску. Игрунья с отвращением отвернулась – от лица, обезображенного падением с высоты, осталось кровавое месиво.

– Эх, как его разукрасило! – крикнул начальник охраны. – Попробуй теперь, опознай.

– Какой приметный на нем плащик! – заметил его помощник Килимон, ощупывая карманы. – Узнаете?

– Еще бы! – откликнулся Дили Драй. – Левый рукав я сам оторвал.

– Вы сами оторвали рукав? – изумилась Тая.

Ей пришло в голову, будто начальник охраны признается в убийстве.

– Это случилось давешней ночью во дворе казначейства, –

пояснил барон. – Небезызвестный разбойник по кличке Ночной Упырь пытался пробраться в сокровищницу, где хранятся реликвии королевства. Я лично остановил его и схватил за руку, но он вырвался и улетел. Рукав остался у меня. А вот и тот самый плащ, который наша доблестная стража искала по всему городу, да так и не нашла.

– Вы хотите сказать, барон, что это Ночной Упырь? – спросил адмирал.

– Судя по одежде, он самый, – подтвердил Дили Драй.

Кинжал с костяной рукоятью, торчащий из мертвой груди, притягивал взгляд Таи. Она потянулась к нему, но дед хлопнул ее по ладони и строго предупредил:

– Не трогай! Он может оказаться ядовитым.

– Так и есть, – со знанием дела подтвердил Килимон. – Без перчаток лучше его не касаться. Вместо железного лезвия – осиное жало. Разбойничье оружие.

– Воры прячут такие под плащами, – сказал Дили Драй. – Один удар – и жертва умрет в страшных мучениях если не от потери крови, то от осинового яда.

– Выходит, вора убили его же оружием? – сделал вывод адмирал.

– Это могло быть его оружие, или оружие его сообщника – того, что нанес удар, – сказал Драй.

Начальник охраны обернул руку платком, взялся за рукоять, и с заметным усилием вырвал кинжал из тела.

– Глубоко вошел, – сообщил он. – Очевидно, удар нане-

сен с большой силой. По всей видимости, убийца – мужчина крепкого телосложения, или имеющий разбойничью хватку.

Они перенесли тело в номер и уложили его на половик. Выпученные глаза Чумаданио Хрюнкеля блеснули в коридоре – хозяин трактира охал и причитал в темноте, но войти не решался. В этот миг он предпочитал, чтобы о нем вспоминали поменьше.

– Иди сюда! – резко сказал ему Драй.

Трактирщик нехотя повиновался.

– Это твой постоялец?

– Он самый, – дрожащим голосом заверил трактирщик, отводя взгляд от распростертого тела. – Тот, что выходил в общий зал, а после сидел и обедал солянкой.

– А где второй?

– Вторым оказался его высочество принц.

– Тут должен был находиться кто-то еще, – насел на хозяйина Драй. – Не сам же принц нанес этот удар. Кто еще ошивался в трактире в тот день? Лучше тебе рассказать по своей воле, иначе мы сами дознаемся, и ты загремишь в каталажку, а имущество пойдет прахом!

– Только не разоряйте! – взвыл Чумаданио. – Расскажу все, как на духу. Кроме господ, заглядывал мореплаватель по имени Бармут Барабуля, весьма примечательная личность. Все утро он просидел в кабаке, пил ром после дальнего плавания, отдыхал и кутил, ну и немножечко побуянил, как это бывает с пьяненькими, так что даже пришлось его успокаивать.

вать.

– Какие тут могут быть мореплаватели? Сам же сказал – гавань не действует, – задал вопрос адмирал.

– Кое-кто еще летает на утлых лодочках под легкими парусами, – изображая искренность, повествовал трактирщик. – Ни одного кораблика в гавани не осталось, это святая правда, но лодки до сих пор на ходу. Правда, далеко на них не уплывешь, но все же от островка к островку еще можно пробраться, если знать направление ветров.

– Ах, вот значит, в чем дело! – рывкнул Дили. – На мое имение то и дело нападают какие-то проходимцы. Грабят склады и амбары, а после исчезают незнамо куда. Я с ног сбился, чтобы найти их и воздать по заслугам. Если они на летучих лодках – это все объясняет.

– Этот мореплаватель Бармут – пират? – напрямиком спросил Тар.

– Помилуйте, откуда же мне знать? – принялся оправдываться трактирщик. – Ко мне приходят за соляночкой и за пивком, да еще провести ночку в мягкой постельке. Пират, не пират – это ведь на лбу не написано. Для меня все – почетные гости. А в документиках у них не проставлено, пираты они или нет.

– Пошел вон! – выставил его Дили.

Трактирщик с готовностью скрылся.

– Итак, что мы имеем, – подвел итог адмирал. – Убитый – молодой человек, еще юноша, в приличной одежде, достой-

ной порядочного дворянина. Однако плащ изобличает в нем Ночного Упыря, известного разбойника. Одно другому не противоречит, так как разбойник был, очевидно, не беден. Одежду же он мог награть.

– Все верно, – подтвердил Дили Драй. – По всей видимости, Ночной Упырь прятался в этом трактире после неудачного ограбления. Вероятно, у него был сообщник. Этот сообщник мог испугаться, что стража найдет Упыря, и тот выдаст его с потрохами. Из страха, или из мести за сорвавшееся дельце, он своего подельника и убил вот этим вот самым кинжалом.

– Этот сообщник – пират Барабуля? – спросила Тая.

Рыцари посмотрели на нее, словно не понимая, что она вообще тут делает.

– Возможно, – произнес адмирал. – Но меня беспокоит другая догадка. Принц Леммонт сказал, что убитый – его слуга. Как Ночной Упырь оказался слугой нашего принца?

– Его высочеству предстоит коронация, – заметил Драй. – Боюсь, отвлекать его расспросами будет неуместно – государственное торжество по важности стоит на первом месте.

– Тем более! – возразил адмирал. – Убийство случилось перед коронацией. Что, если Ночной Упырь готовил покушение? Разбойника могли подкупить или нанять. Зачем еще ему втираться в доверие к его высочеству?

– Мы должны спасти принца! – звонко выкрикнула Тая.

– Но ведь теперь разбойник убит, и бояться больше нече-

го, – сказал Драй.

– Как раз наоборот! – встревоженно произнес адмирал. – Кто его подослал? Вдруг это заговор? Вместо того, чтобы заняться принцем, разбойник отправился грабить сокровищницу и едва не попался. Заговорщики могли наказать его – этим убийство и объясняется. Но в таком случае заговор еще в силе. Тайные недоброжелатели могут подослать и другого убийцу. Чтобы обезопасить принца, мы должны раскрыть это преступление. Но найти одного преступника будет мало: нужно раскрыть его связи, чтобы проверить, не стоят ли за ним заговорщики.

– Может, не стоит так усложнять? – усомнился Килимон Кардасар. – Наше задание – найти того, кто убил этого дворянина. Отыщем исполнителя – и дело с концом.

– Нет, граф целиком и полностью прав! – неожиданно распрямился Дили Драй.

Его львиная грива встряхнулась, а глаза лихорадочно заблестели.

– Это заговор! – продолжал рыцарь, шагая по тесному номеру так, что половицы жалобно заскрипели. – Нюхом чую: тут кроются какие-то темные делишки. Вот только направлены они вовсе не против принца, а против меня!

Оба его помощника застыли, удивленно глядя на командира.

– Да-да! – продолжал Дили, тыча мясистым пальцем в сторону невидимых врагов. – Они задумали свалить меня с

должности, а поместье мое – отобрать. Но у них ничего не выйдет! Я съем их с потрохами, или я не Диллирой Драй, барон ван Виртис! А чтобы вывести этих жалких червей на чистую воду, нужно раскрыть это убийство. Признаюсь откровенно, адмирал, в ордене Каменной башни, к которому я имею честь принадлежать, вас считают опасным противником и тайным сторонником прежней власти. Но в этом деле наши дорожки сошлись, и ведут они к одной цели. Ума не приложу, почему моя госпожа поручила возглавить расследование именно вам. Но раз уж это случилось – пойдём рука об руку, а прежние дразги на время забудем.

И он протянул адмиралу свою широкую, могучую ладонь. Тая заметила, что ее дед буквально мгновение поколебался, но тут же решился и ответил на рукопожатие.

– За дело! – вошел в привычную роль командира Драй. – Подозреваемый – пират Барабуля. Поймаем его, и так крепко расспросим, что он все выложит, как на блюдечке.

– Я отказываюсь понимать, что тут вообще происходит, – пожаловался адмирал, когда Тая садилась в карету. – Очевидно, нашему принцу грозит опасность. По всей вероятности, против него составлен смертельно опасный заговор, хотя Драй почему-то считает, что злоумышленники ополчились на него. Но кто тогда наш Равион Варт, и почему он называет себя слугой принца? Ведь слуга-то убит!

– Помнишь, он говорил, что принц скоро появится? – на-

помнила Тая. – Так и случилось. И речь его казалась такой искренней и горячей, что я поверила.

– Мошенники ловко играют на наших чувствах, им нельзя верить, – наставительно произнес ее дед. – Однако, если Ночной Упырь убит, то наш пленник – не он. Зря мы его подозревали.

– Тогда зачем мы держим его взаперти?

– Все-таки, он без спросу проник в наш дом. А после напал на тебя, да и на меня тоже. Где это видано – нападать на хозяев в их доме? Что ему было нужно? Что он кричал там насчет предательства и прочей чуши?

– Может, он просто сумасшедший? – предположила Тая.

– Это бы все объяснило, – рассмеялся адмирал. – Только бы это дело не оказалось запутаннее, чем мне бы хотелось!

На пороге трактира Диллирой Драй давал наставления подчиненным, которые оставались в засаде – ждать возвращения Бармута Барабульи. Трактирщик суетился с полотенцем в руках и лез вон из кожи, чтобы доказать свою преданность. Сам начальник охраны не считал нужным заниматься черновой работой – он возвращался в столицу, однако лететь решил отдельно от адмирала, чтобы заглянуть в свое поместье Виртис и справиться, все ли в порядке.

Боцман Буль тронул вожжи, и шершни взлетели.

– Куда мы теперь? – спросила Тая, когда вдали показалось возвышенное плато, на обрывах которого сияли под солнцем белые стены Облачного Вышеграда.

– Прямым во дворец! – потирая руки, ответил ее дед. – У меня назрели кое-какие вопросы к его высочеству. Кроме того, нужно доложить принцу о ходе расследования, ведь у нас уже есть подозреваемый, и, если все пойдет так, как задумано, то этой ночью мы его схватим.

Однако перед дворцовым входом адмирал снова столкнулся с препятствием. Рыцари, чьи лица скрывались под стальными забралами, преградили ему путь.

– Я направляюсь к его высочеству по служебному делу! – возмутился Тар.

– Его высочество занят, – вежливо, но непреклонно ответил рыцарь. – Он на торжественном приеме. Его чествуют герцогиня и весь королевский совет. Прервать торжество невозможно.

Адмирал вынужден был отступить и с досадой промолвил:

– Будь с нами Драй, они вытянулись бы в струнку и дышать бы не смели. Видно, я рано обрадовался: опала с нашей семьи еще не снята, и даже ко двору ее светлости меня по-прежнему не пускают.

Тая очень хотелось утешить деда, но она не знала, чем может ему помочь.

– Поедем-ка по домам, – сказал ей адмирал. – Дома нас тоже ждет дельце. А принца навестим, когда он освободится.

Тут Тая встрепенулась, увидев, что по ступенькам дворца к ним сбегает молодая дама в ярко-красном кафтане и с ро-

зочкой, воткнутой в бунтарски-белые волосы.

– Лайра! – кинулась Тая к ней. – Представь себе, нас не пускают к принцу, а ведь у нас к нему дело.

Баронесса достала кружевной платочек, вытерла капельки пота со своего круглого лица, и доверительно сообщила:

– Если бы ты только знала, что творится в бальном зале! Герцогиня устроила танцы. Я убеждала ее, что принц только что прибыл, и ему нужно отдохнуть, да куда там! Ее светлость уж если чего-то захочет, то никто ее не переубедит. После будет торжественный обед, и боюсь, что он перерастет в грандиозную пьянку. Для доклада не выкроить ни минутки. Но я постараюсь спросить принца, не примет ли он вас, если освободится. Вот только когда это случится? Вечером заседание совета, и на нем будет решаться крайне важный вопрос: законна ли коронация Леммонта? Тут все не так просто, как думает наше милое простонародье.

– Значит, сегодня мы его не увидим? – разочарованно произнесла Тая.

– Сегодня вряд ли, но я попрошу, чтобы он выкроил для вас времечко, как только ему дадут передохнуть.

Тая вернулась к деду и передала ему слова баронессы.

– Что ж, нам сейчас все равно не до праздников. Не стоит обижаться, что нас не позвали, – ответил Тар. – Наше время придет, когда принц коронуется. Надеюсь, он быстро разберется, кто его истинный друг, а кто только делает вид.

Боцман Буль тронул вожжи и покатил по проспекту

Счастливой звезды к восточной окраине города.

Дома их уже поджидал сгорающий от нетерпения лейтенант Фит.

– Я навел справки, – заговорил он, едва адмирал переступил порог. – У семьи Вартов действительно был сын Равион. В детском возрасте он отправился в плавание вместе с Леммонтом Ярном, но не вернулся. Видимо, тот, что называет себя Равионом, присвоил имя погибшего. Не может же он быть настоящим Вартом? Тот давно сгинул.

– Как и сам принц, впрочем, – заметил адмирал. – По крайней мере, все так считали до недавнего времени. Допросим нашего пленника еще разок. Может, он все же сознается? Теперь мы хотя бы знаем, что он не Ночной Упырь – Драй опознал в убитом разбойника. Но если Варт не разбойник, то кто?

Про Таю никто даже не вспоминал, что позволило ей без лишних хлопот проскочить в каменный хлев вслед за дедом и его слугами. Задержанный с комфортом устроился в углу на соломенном тюфяке и выглядел так, будто его все устраивает. Единственное, что беспокоило пленника – сломанное крыло, на которое он старался не облакачиваться, так что лежать ему приходилось на боку.

При появлении хозяина задержанный не спеша поднялся и чинно кивнул, изображая поклон. Привязывать его к креслу на этот раз не потребовалось: судя по поведению, буйствовать он не собирался.

– Я вынужден еще раз спросить: кто вы такой? – резко произнес адмирал, останавливаясь перед узником.

– Вам это известно. Я – Равион Варт, – хмуро ответил тот.

– Не смей врать адмиралу! – взорвался лейтенант Фит. – Мы проверили: настоящего Варта унесла Огненная буря десять лет назад.

– Разумеется, унесла. А теперь принесла обратно.

– Не морочьте мне голову, – строго сказал адмирал. – Вы пролезли в чужой дом без разрешения. Напали на хозяина и хозяйку, пытались ограбить их среди бела дня. Как вас назвать после этого? Может, разбойником?

– Я разбойник не больше, чем двое ваших доблестных подручных, – ответил пленник, трогая шейный платок, сбившийся от долгой лежки. – Но я вижу, что мои слова до вас не доходят. Ничего, я умею ждать. Мой господин вот-вот явится, и тогда вам придется изрядно потрудиться, чтобы объяснить, по какой причине вы оставили его без моих услуг.

– Прекрасно! В таком случае вас порадует новость, что господин Леммонт Ярн уже явился, как вы и предсказывали. И разговор насчет вас с ним уже состоялся. Но вот неувязочка: его высочество утверждает, что единственный его слуга погиб не далее как вчера днем в результате разбойного нападения.

Лицо пленника изменилось. Гордый и вызывающий взгляд уступил место растерянности. Щеки, горящие от яркого румянца, побледнели. Крылья за спиной плотно сложи-

лись и прижались к спине, отчего легонько громыгнула дощечка, привязанная к одному из них.

– Его высочество уже в городе? – спросил он. – В таком случае дозволейте мне увидеться с ним. Это все прояснит.

– Принц сам выбирает, с кем встречаться, – резко бросил адмирал. – И боюсь, что в ближайшие дни ему будет не до вас. А на ваш счет есть кое-какие сомнения. Убитого слугу опознали – им оказался небезызвестный Ночной Упырь. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

– Нет, сударь, я не вожу дружбы с упырями, и этого прозвища я раньше не слышал, – с вызовом ответил пленник.

– В таком случае вы единственный, кто о нем не слышал, поскольку в столице только о нем и судачат. Жаль, что мы не можем обвинить вас в его смерти. Однако ваше желание добраться до принца может свидетельствовать, что вы – заговорщик, и готовите покушение.

– Если кто-то из нас заговорщик, так это вы сами!

– Я не потерплю оскорблений в своем доме! – вскричал адмирал.

– Я задержался в вашем доме без всякого на то желания! – выкрикнул пленник, и дощечка у него за спиной колыхнулась, причинив ему боль. – Напомню, что дворянина нельзя держать в заключении иначе, как по решению суда. Или в нашем государстве перестали соблюдать законы короля Ярвеля?

Оба спорщика замолчали, глядя друг на друга с ожесто-

чением.

– Мне рассказывали о вас много хорошего, адмирал, – вымолвил пленник. – Говорили, будто вы были близким другом покойного короля. Говорили, что вы служили ему не за страх, а за совесть. Что на всем Яшмовом острове нельзя было найти более честного и благородного дворянина. Но я вижу, что с тех пор многое изменилось. Забытого не вернешь. Я не сужу вас, мы живем как умеем.

– Времена Ярвеля не забыты, – возразил Тар. – И вернуть их мы можем, ведь теперь у нас есть принц Леммонт. Мой собственный сын «гостит» в Каменной башне, как выражается его стража. Если б я только мог добиться справедливости для него и для всех, кто оказался в опале! В одном только вы правы: вас не судили и не приговаривали. Так что вымчитесь! Я не собираюсь брать пример с Паллиандров и их прислужников. Но если вы попадетесь на каком-то злодействе, обещаю: я буду первым, кто придет по вашу душу!

И обернувшись к лейтенанту Фиту и боцману Булю, адмирал коротко бросил:

– Освободите его!

Те неуверенно переглянулись. Разгоряченный вельможа вышел из здания, хлопнув дверью. Тая выскочила за ним.

– Мне нужно как следует расспросить принца, но ему действительно не до нас, – с досадой бросил адмирал, оказавшись в парадном зале своего дома один на один с внучкой.

Лейтенант Фит вошел следом и замер у двери.

– Что еще? – раздраженно спросил Тар.

– Пленник просит, чтобы ему вернули ливрею и шпагу, – скорбно вымолвил Фит.

– Еще чего! – возмутился адмирал. – Кто он такой, чтобы бегать со шпагой по городу, да еще в разгар праздников по поводу возвращения его высочества! А вот ливрею, наверное, можно отдать. Вдруг коронованные шмели снова войдут в моду?

Лейтенант тихо вышел.

– А что, если позволить Варту встретиться с принцем? – предложила Тая. – Вдруг это что-то прояснит?

– Нельзя! – отрывисто возразил адмирал. – Тогда выйдет, что мы сами приведем его к принцу. Если он заговорщик, то только этого и ждет. Никому нельзя верить, Таисса, запомни! Все не те, за кого себя выдают.

В высокое стрельчатое окно было видно, как незнакомец в старой ливрее выходит со двора и скрывается за живой изгородью. Едва он пропал, как в ворота проскочила тоненькая фигурка в коричневом плаще, по которому скользила ящерка с раздвинутыми лапками.

– Цаца! – обрадовалась Тая и выбежала ей навстречу.

Гостья не задержалась надолго: чуть-чуть пошептавшись с хозяйкой, она накинула на голову капюшон и исчезла.

– Представляешь, – радостно сообщила Тая, вбегая обратно к деду, – принц выкроил полчаса, чтобы принять Лайру, а она не забыла про нас и приглашает присоединиться

к ней сразу после заседания большого совета. Мы пойдем к его высочеству вместе, и ты сможешь узнать, что хотел.

– Баронесса делится с нами временем, отведенным ей самой, – заметил адмирал, с улыбкой глядя на внучку. – Это щедрая милость с ее стороны. Кажется, она крепко с тобой сдружилась?

Глава 6. Грозная корона

– А вот и вы! – Лайра встретила их на ступеньках дворца и уверенно повела мимо стражи.

Рыцари, с ног до головы закованные в железо, даже не шевельнулись. Тая готова была вспорхнуть вверх по лестнице хоть на крыльях – так ей не терпелось поскорее увидеть принца. Однако баронесса перед ней шествовала с такой важностью, словно задалась целью впечатлить придворных, снующих по коридорам. Тая почувствовала неловкость, взяла себя в руки и напустила на себя такую же чинную важность, в которую, впрочем, трудно было поверить, глядя со стороны.

У личных покоев принца пришлось миновать еще один пост охраны. Железные шлемы рыцарей скрипнули, склоняясь перед баронессой, а вот адмирала и его внучку оба охранника оглядели с недоверием. Их напряженные позы немного испугнули Таю, и она порадовалась, что перед ее подругой в этом дворце открываются любые двери.

– Если бы меня так стерегли, то я бы почувствовал себя птицей в золотой клетке, – пробормотал Тар.

– Поверьте, принца есть от кого беречь, – со смехом ответила Лайра. – Все великосветские барышни от него без ума. Моя Цаца так и ходит за ним, как привязанная. И я ее пони-

маю: кто же устоит перед будущим королем?

Леммонт Ярн ждал их в просторной комнате, окна которой открывались на запад. Ослепительная Светозара уже клонилась к вечеру, ее блеск начинал угасать, но его все же хватало, чтобы залить дворцовый покой ярким пламенем, играющим на позолоченных канделябрах.

Принц шагнул им навстречу, скрипнули его начищенные до блеска сапоги, колыхнулась тяжелая мантия из меха пушистой летяги, небрежно брошенная на плечо. Широкополая шляпа с белым пером осталась лежать на столе.

Адмирал почтительно склонился перед ним, Тая присела в придворном реверансе, подражая старшей подруге.

– Ах, давайте без церемоний! – сердечно проговорил принц, провожая гостей к мягкой скамеечке, обитой синим бархатом. – У меня здесь так мало настоящих друзей. Да и не привык я к дворцовым порядкам, если сказать по правде. У меня ведь вся юность прошла под парусами, кому, как не вам, понимать это, адмирал.

– Меня не хотели к вам пропускать, – пожаловался Тар. – Если бы не вмешательство баронессы, я так бы и остался за порогом.

– Тут вы не одиноки, – печально рассмеялся принц. – Охранники повсюду: перед моими дверьми, перед парадным входом, перед оградой, и дьявол знает где еще. У меня такое впечатление, будто они поставлены, чтобы не дать мне сбежать.

Адмирал вежливо улыбнулся.

– К сожалению, я не могу им приказывать, – продолжил Леммонт.

Раздраженное состояние духа не позволяло ему присесть на широкий диван с кучей мягких подушечек. меховая опушка его мантии волочилась по полу. Под ее багряным покровом ощущалось легкое волнение от подрагивающих крыльев, не сложенных ровно и прижатых к спине, как прилично дворянам, а слегка распушенных, как у вольного бродяги.

– Охрана не подчиняется мне. Надеюсь, что это временно. Представляете, эти пройдохи-советники задумали меня прокатить! Пирифор дю Меллон во всеуслышание объявил, что заседание начнется в шесть, а на самом деле собрал баронов на два часа раньше, чтобы придумать предлог, под которым мою коронацию можно отложить, а то и вовсе сорвать. Но я разгадал эту хитрость, явился на совет лично и так решительно потребовал коронации, что они не смогли отвертеться. Ловкий лис Пирифор пытался юлить и изобретать отмазки, но я быстро просек, что это за зверь, и не дал ему шанса.

Принц засмеялся и притронулся двумя пальцами, затянутыми в перчатку, к массивной золотой цепи, висящей у него на груди.

– Почему они все против меня? – спросил он. – Ведь я ничего им не сделал.

– Бароны боятся, что вы распустите совет, и в новом его составе для них не найдется места, – ответил адмирал.

Лайра устроилась в мягком кресле, в углу, подальше от жгучих лучей Светозары. Баронесса напоминала довольную кошку, нашедшую уютное местечко. Казалось, что она вот-вот замурлычет. Но внимание Таи сосредоточилось не на ней, а на возбужденном принце, который от негодования не находил себе места.

– И они еще называют себя королевским советом! – волновался он, тыча в невидимых противников пальцем, на котором сверкал перстень с рубином, надетый прямо поверх перчатки. – Король – это я! Это мой совет! Но в нем нет ни одной знакомой фамилии, ни одного известного мне лица. Откуда они все взялись?

Лайра попыталась приподняться, чтобы дать пояснения, но принц удержал ее:

– О, нет-нет, сидите, милейшая баронесса. Я знаю: они все – прислужники герцогини. Но не думайте, что мои рассуждения задевают и вас. Мне уже рассказали: вас тоже обидели. Ваш батюшка владел огромным поместьем Виль-и-Виртис, но его лучшую часть у вас отняли и отдали другому. Теперь вы баронесса ван Виль, а не ван Виль-и-Виртис, как положено вам по рождению. Вот она, справедливость регентов, додравшихся до власти, пока нет законного государя.

Лайра попыталась возразить, но принц не дал ей слова.

– Я знаю, чего хочет Чуль-Паль, – продолжал он, горячаясь. – Сделать королем своего сына, вот чего! И в совет она набрала своих верных сторонников, чтобы они без раздумий

соглашались с любой ее прихотью. Они думают, что я всех уволю? Они правы! Такие советники мне не нужны. Но это станет возможным только после моей коронации, а ее еще нужно добиться. Похоже, это будет непросто. Первую победу я уже одержал: совет не нашел предлога, чтобы мне отказать. Но закон о моей коронации должна подписать герцогиня. Иллюзий я не питаю: она сделает все, что угодно, лишь бы похоронить его!

– Все нет, ваше высочество! – Лайра поймала наконец миг, чтобы вставить словечко. – Какое счастье, что вы заблуждаетесь. Ее светлость на вашей стороне. Она предана вам всем сердцем. И в доказательство этого она подписала закон. Вот он!

И баронесса достала из папки красиво оформленный лист пергамента с сургучной печатью. Леммонт пробежал его глазами, лицо его изменилось, и он растерянно сел на диван.

– Надо же! – изумленно произнес он. – В самом деле, приказ о моей коронации подписан. Она состоится уже завтра, в полдень. Все оказалось легче, чем я думал. Как мне благодарить вас, баронесса? Вести, которые вы принесли, еще прекраснее, чем ваша улыбка.

Лайра мелодично засмеялась в ответ на этот неожиданный комплимент.

– Моя госпожа – совсем не такой цербер, как все представляют, – проговорила она. – Единственное, чего она просит – чтобы вы приняли ее сына Тупиллио в свою свиту и от-

носились к нему, как к родному. Он будет счастлив служить вам так же, как его отец служил вашему.

– Да-да, конечно, – погрузившись в свои мысли, пробормотал Леммонт. – Я с радостью приму Пиля в свиту. Он станет первым вельможей, как и положено при его титуле. Но почему герцогиня так легко согласилась? Это большая неожиданность, хоть и приятная.

– Я убедила ее, что так будет лучше для всех, – скромно потупилась Лайра.

– Я не забуду вам этой услуги, – пообещал принц.

– Ваше высочество, – встряла в разговор Тая, – вы ведь сможете повелеть все, что хотите, когда станете королем?

– Да, – подумав, ответил Леммонт. – Пожалуй, действительно, все, что хочу.

– Тогда, умоляю вас, отпустите моих родителей, Фабиала и Хрусталину! – сложила ладошки Тая. – Они ни в чем не виноваты.

– А что с ними? – удивился принц.

– Их держат в заложниках в Каменной башне.

– В башне? В заложниках? Извините, я только что прибыл, и еще не успел разобраться, что тут происходит.

– Ваше высочество, моего сына Фабиала Тара с супругой и малолетним ребенком заключили под стражу, – сказал адмирал. – Наша правительница утверждает, будто они в гостях. Однако мне бы хотелось, чтобы из этих гостей они как можно скорее вернулись домой.

– Ну разумеется! – Леммонт вскочил с дивана. – Как только я коронуюсь, то сразу же всех отпущу. Ваш сын не сделал мне ничего плохого.

– Вы обещаете? – с надеждой спросила Тая.

– Детка, слово принца кое-чего стоит! – высокопарно проговорил Леммонт, поигрывая золотой цепью.

Острый язык Таи шевельнулся, чтобы напомнить, что принц всего на несколько месяцев старше нее, и если она «детка», то кто же тогда он сам? Однако она вовремя удержалась и не дала сорваться опрометчивым словам. Вместо слов она присела в благодарственном реверансе, настолько изящном, что даже Лайра оценила его.

– Ваша коронация – прекрасная новость, – заметил адмирал. – Чем скорее она состоится, тем лучше. Я служил вашей бабушке, послужу и вам. И первый шаг я уже сделал. Мы с бароном ван Виртисом осмотрели трактир «Край света».

– И что же вы нашли? – осведомился принц.

– Мы нашли тело вашего слуги. Он действительно оказался убит воровским кинжалом с отравленным лезвием из осинового жала.

– Вот как? – Леммонт замер и снова присел. – Я боялся, что он пропадет без следа.

– По счастью, моя внучка заметила его на уступе, внизу под обрывом. Очевидно, его закололи в номере, потом вытащили через окно и сбросили в пропасть. Мне неудобно расспрашивать вас, но не могли бы вы ответить на несколько

вопросов, чтобы прояснить обстоятельства?

– Да-да, конечно, – через силу выдавил из себя Леммонт.

В этот миг он показался Тае подавленным и ошеломленным.

– Как звали вашего спутника? – начал опрос адмирал.

– Равион Варт, – взяв себя в руки, ответил принц.

– Вот как? – адмирал удивленно переглянулся с внучкой.

– А что такое?

– Пленник, который до недавних пор содержался у меня под арестом, тоже назвал себя Вартом. Но мой помощник Фит выяснил, что настоящий Варт погиб во время Огненной бури.

– Ерунда! Вы же видите, что никто не погиб. Все остались целы, – нетерпеливо перебил его принц. – Но что значит «до недавних пор»? Вы что, его отпустили?

– Я был вынужден, – смутившись, ответил Тар. – Стало ясно, что он никак не может быть Ночным Упырем. Формально он оказался ни в чем не виновен, а держать без вины дворянина...

– При чем здесь Ночной Упырь? – снова перебил его Леммонт.

– Произошло то, чего мы никак не ждали, – осторожно заговорил адмирал. – В убитом барон ван Виртис опознал того самого разбойника, который позавчера ночью пытался ограбить хранилище в казначействе.

– Занятно, – пробормотал принц.

– Этот разбойник известен под прозвищем Ночной Упырь. Дили Драй считает, что у него были сообщники. Один из них мог испугаться, что Упырь его выдаст – после неудачной попытки стража переворачивала все вверх дном и наверняка бы нашла грабителя. Из страха или из мести за неудавшееся ограбление сообщник убил Упыря, а тело его сбросил вниз. На роль сообщника по всем признакам подходит пират Бармут Барабуля, который все утро сидел в трактире, пил и буянил. Такова версия начальника охраны, но в ней кое-что не стыкуется.

– Вот именно. Как мог мой слуга оказаться Ночным Упырем? – пожал плечами Леммонт.

– Я думаю о том же самом, – стараясь быть деликатным, заметил адмирал. – Не могли бы вы уточнить, когда и с кем вы прибыли на наш остров?

– Я прибыл позавчера ночью, за час до рассвета, – сказал принц, глядя в окно на то, как клонится к закату полыхающая Светозара. – Со мной был мой верный слуга, Равион Варт.

– Хорошо ли вы его знали?

– Разумеется.

– А на чем вы приплыли?

Принц замялся и нехотя сообщил:

– Нас довез один добрый игрун, для которого имя затерявшегося принца еще кое-что значило. Видите ли, адмирал, к моему великому сожалению воздухоплавание нынче запре-

щено. Если я назову его имя, то он понесет незаслуженное наказание. Мне бы хотелось, чтобы он в следственном деле не значился.

– Понимаю вас, ваше высочество, – кашлянул в кулачок Тар. – Может, с вами был кто-то еще?

– Что вы! Если б вы только видели эту мелкую лодочку под растрепанным парусом! Как она на ветру держалась – уму непостижимо. Больше никто в нее не поместился, иначе я вернулся бы с целой свитой и роскошным двором. Во время перелета мы пережили такое, что даже не хочется вспоминать.

– Что случилось на постоялом дворе?

– Все утро после прибытия мы отсыпались. Равион выходил в общий зал, но там ошивались какие-то подозрительные личности, и он забрал еду в номер, чтобы не выставлять меня напоказ. Перед обедом я отлучился, а когда вернулся, то обнаружил, что номер перевернут вверх дном, деньги пропали, на полу – следы крови, а мой слуга исчез.

– Куда вы отлучались?

– Ходил осмотреть окрестности.

– Что из ваших вещей пропало?

– Кошелек с золотыми монетами, кое-что из одежды и мелкие побрякушки. По счастью, неизвестный грабитель оставил письма моего отца и печать – видимо, он не знал их цены.

– И вы решили, что ваш слуга убит?

– Да, он погиб, защищая мое добро. Храбрый малый – должно быть, ринулся в бой, не раздумывая.

– Вы пытались позвать на помощь?

– Звать помощь уже было поздно. Я притащил в номер трактирщика и ткнул его носом в следы крови, но этот трухлявый пень твердил, как заведенный, что мой слуга сам меня и ограбил, а после сбежал. Я все же заставил его вызвать стражу. Она прибыла на следующее утро. Цензурион Шипилио Жмых был на редкость любезен – он оказался первым, кто признал во мне принца, и проводил меня до ворот города, за что я ему бесконечно признателен. Этим вечером я дам пир в честь доблестной городской стражи, если только меня не обременят новыми делами.

Тая вспомнила Шипилио Жмыха и подивилась: неужели они говорят об одном и том же знакомом?

– Простите, что вмешиваюсь, – заметила Лайра, – но даже мне очевидно, что Равион Варт не может быть Ночным Упырем. В то время как его высочество со слугой плыли в лодке, Ночной Упырь лез в казначейство. Это случилось в одну ночь.

– Именно! – принц отвернулся от окна и звякнул массивной цепью. – Барон ван Виртис, очевидно, ошибся. Либо вы нашли не то тело, либо барон неверно его опознал, что кажется более вероятным.

– На убитом был плащ с оторванным рукавом, – вымолвил адмирал. – Этот рукав Дили Драй оторвал сам, когда пытал-

ся поймать Упыря. Плащ тот самый, барон в этом не сомневается.

– А не может быть так, что настоящий Равион действительно сбежал, а тело, которое вы нашли, принадлежит Упырю? – подкинула мысль Лайра.

– Не хочу в это верить, – возразил Леммонт. – Как только я увидел разоренный номер, то сразу понял: бедняги уже нет в живых.

– Но ведь назвался же Равионом тот тип, которого задержал адмирал? Вдруг это он и убил Упыря, а после сгрэб деньги хозяина и был таков?

– Опрометчиво, как опрометчиво, что вы его отпустили! – забегал по комнате принц, размахивая руками. – Убитого опознали неверно. Наверняка это Равион Варт. А тот, кто назвал себя его именем – и есть Ночной Упырь. Но как его угораздило вляпаться в эту историю? Что ему было нужно? Вдруг он пытался убить не слугу, а меня? Я не строю иллюзий: в этом городе все против меня, за исключением таких верных друзей, как вы. Моя коронация встанет поперек горла и герцогине, и ее советникам. Они могут составить заговор, чтобы избавиться от меня так же, как избавились от Равиона. И нанять для этого грязного типа вроде Ночного Упыря. Адмирал, тот пленник, которого вы отпустили, мог оказаться наемным убийцей.

– Я тоже боюсь заговора, ваше высочество, – осторожно ответил Тар. – Но Дили Драй полагает, что заговор составлен

против него.

Лайра от души расхохоталась:

– Ни за что не подумала бы, что этот лев в гремучих железках страдает манией преследования!

– Нам еще долго предстоит разбираться, что тут мания, а что правда, – заметил Тар.

– Каковы ваши дальнейшие действия? – поинтересовался Леммонт.

– Ночью в «Край света» вернется подозреваемый – пират Барабуля. Поймаем его и допросим. Вполне вероятно, что он и окажется тем убийцей, которого мы ищем.

– Во сколько вы его ждете?

– После полуночи.

– Отлично. Надеюсь, к моей коронации вопрос разрешится. Ее нужно проводить срочно, иначе враги найдут способ отделаться от меня.

– Ах, эта коронация! – мечтательно закатила глаза Лайра. – Самый большой праздник, какой я могу вообразить. Сколько о ней рассказывают легенд! Говорят, что когда Грозную корону надевает истинный государь, то сапфир в ее самом высоком зубце начинает сиять ярко-лазоревым светом.

– Это вовсе не легенда, – обиделся Тар. – Я сам много раз наблюдал, как в дни великих торжеств эту корону надевает его величество Ярвель. Могу подтвердить: синий яхонт действительно светится, в этом вся соль. Он завораживает грозных драконов, а это дикие и необузданные твари. Никто

не может с ними совладать, за исключением истинного государя с синим яхонтом на челе. Мне довелось видеть только одну коронацию – Ярвеля Лучезарного. Это было совсем давно, но я хорошо помню: как только король надел на чело венец, то зал озарился лазоревым сиянием, и все придворные в один голос ахнули, поняв, что перед ними их истинный повелитель.

Принц Леммонт слушал рассказ адмирала, чуть приоткрыв рот.

– Не сомневаюсь, что и его высочество продемонстрирует нам, насколько истинно его благородное происхождение, – заверил Тар.

– Скорей бы! – вымолвил Леммонт. Его пальцы сжали звено цепи, сплетенной в стиле «каприз», и никак не могли разжаться. – Дю Меллон сдохнет от злости, когда увидит сияние сапфира. Нюхом чую: затевается заговор. Враги пойдут на что угодно, лишь бы сорвать коронацию. И нужно позаботиться о том, чтобы не выскочил невесть откуда ваш незнакомец, выдающий себя за Равиона. Ума не приложу, что ему нужно, но чувствую: он опасен.

– Я постараюсь исправить свою оплошность и разыщу его, – пообещал адмирал.

– Найдете – не церемоньтесь! – посоветовал принц на прощание. – Не знаю, кто он такой, но думаю, что если его прихлопнут при задержании, то вряд ли на вас подадут жалобу за превышение полномочий.

Лайра вышла проводить Таю с адмиралом на широкие ступени дворца. Безмолвные стражники высились за их спинами, как железные столбы. Они оставались полностью безучастны, пока боцман Буль подавал карету поближе к воротам дворцовой ограды.

– Охраны действительно много, и если заговор существует, то злоумышленник не сможет проникнуть в покои, – задумчиво вымолвил адмирал.

– Только в том случае, если заговор не созрел внутри самого дворца, – откликнулась Лайра.

– Вы в это верите? – серьезно спросил адмирал.

– А во что еще верить? В то, что тайные силы ополчились на Дили Драя?

Тая не смогла сдержать улыбку, глядя на то, как веселит эта мысль баронессу.

– Одного боюсь, граф, – продолжила Лайра, – если планы заговорщиков сорвутся, как бы они не отыгрались на беззащитных заложниках. Стража не убережет вашего сына, тем более, что заговор может вести к ее командирам.

Тая съежилась, представив, что может грозить ее родителям.

– Бросьте, моя семья тут не при чем, – отмел эту мысль адмирал. – Кто бы ни стоял за этими событиями, им незачем мстить моему сыну.

– Надеюсь, что так. Незачем переживать из-за того, что нам все равно неизвестно, – произнесла Лайра, и, потрепав

на прощание Таю, вернулась в палаты.

– Деда, а что будет, если заговорщики действительно расправятся с мамой и папой, – спросила Тая, когда они уселись в карету. – Вдруг этот Равион и вправду наемный убийца? Кто знает, что взбредет ему в голову?

– Таюшка, не тревожься, – ласково погладил ее дед. – Пока этот заговор существует только в нашем воображении. Нет никаких доказательств, что кто-то покушался на принца, а уж на твоих маму и папу – тем более. Но этого Равиона все же нужно поймать, ведь он может оказаться не тем, за кого себя выдает.

Тая прикрыла глаза. Ей представилась, как она спешит в Каменную башню с радостной вестью о том, что новый король повелел немедленно освободить капитана Фабиала, его жену Хрусталину и сына Микенио... И находит лишь бездыханные тела, накрытые простынями. Приказ опоздал, заговорщики успели излить на них свою злобу.

– Если коронация пройдет вовремя, то уже завтра к вечеру все будут дома, – вообразила она.

– Не совсем так, моя девочка, – возразил адмирал. – Завтра большой праздник, всем будет не до приказов. Пока его высочество освободится, пока вступит в должность, пока закончат все церемонии и приемы, пока разберется в делах, пока его канцелярия оформит приказ, пока доведет его до начальников, а те спустят охране у башни, пройдет еще много дней.

– Как же так? Выходит, мы не увидим их еще долго?

– Если все пройдет, как полагается, то может быть, через неделю, – вздохнул адмирал.

– Я не могу ждать неделю, – тихонько произнесла Тая.

Ужин прошел скомкано, Буль не доварил кашу, и сердцевина овсяных зерен осталась твердой и вязкой, так что жевать приходилось через силу. Тая уже собралась сделать неловкому коку замечание, но тут почуяла запах своих любимых медовых коврижек, и вовремя замолчала. Наградой за сдержанность стало целое блюдо ароматного печенья, на которое Тая набросилась, как пират на добычу. Мадам Каппадокия взглянула на нее с явным неодобрением, но только вздохнула, и тоже ничего не сказала.

– Деда, во сколько нам нужно быть в «Краю света»? – стрельнув в адмирала глазами, спросила игрунья.

– Что значит «нам»? – возмутился Тар-старший. – Тебе там нечего делать. Рыцари будут ловить пирата, это опасно.

– Ой, как жалко! – притворно огорчилась Тая. – Но ничего, вы справитесь и без меня.

Адмирал подозрительно посмотрел на нее, но предпочел промолчать.

– Можно тогда мне слетать на Коровьи луга? Это совсем недалеко.

– А что тебе там понадобилось?

– Хочу набрать трав для лечебной мази. У меня веснушки

по всему лицу, а вывести нечем. Поля давно зацвели, а я еще ничего не собирала.

– Ты прямо как твоя мать, травница и колдунья, – вздохнул дед. – Лети, с этим уже ничего не поделать.

– Ура! – захолопала Тая в ладоши.

– Но чтобы к закату была дома.

– Конечно-конечно!

Кучер Малахол, как всегда, беззастенчиво дрых в одной из пустых ячеек улья. Тая вывела Шептуна и привязала к седлу котел для варки зелий, черпак на деревянной ручке, и сумку с объемной стеклянной бутылкой. Подумав, она на всякий случай добавила вторую бутылку, воровато оглянувшись, убедилась, что мадам Каппадокия за ней не следит, и подняла шершня в воздух.

Под лазурным плащом с белой опушкой дрогнула шпага, подвешенная на перевязи. Испорченная прическа игрушки спряталась под алой шапочкой, натянутой чуть ли не на самые брови. Серебристые сапожки стукнули по полосатым бокам шершня и уперлись в стремяна.

Коровьи луга располагались к северу от Вышеграда, но Тая направила летуна прямо на Светозару, которая медленно клонилась к закату. Едва девушка взмыла ввысь, как чуть не столкнулась с другим шершнем, вынырнувшим из легкого облачка сбоку. Немолодой господинчик в плаще со знаком Судебной палаты громко обругал ее и посоветовал разуть глаза. Тая не осталась в долгу и ответила ценным советом

сначала научиться править ездовыми животными, и только потом карабкаться им на хребет.

Они разлетелись в разные стороны, но вокруг так и роились другие наездники, все сплошь дворяне, в этот час возвращающиеся со службы. Ниже, над самыми крышами городских домиков, порхали простолюдины, но те обходились своими крыльями, данными им от природы. Ездовых шершней беднякам взять было негде, да они и не смогли бы выучить и оседлать их. Тая взмыла повыше, чтобы ни на кого не наткнуться, и оставила разноголосую суету внизу.

Шептун с трудом сопротивлялся ветрам, дующим на высоте. Его прозрачные крылья работали изо всех сил, но все же Тае приходилось то и дело править уздечкой, чтобы вернуть его на ровную линию, прочерченную по земле проспектом Счастливой звезды.

Шершень повиновался, и вскоре под его согнутыми лапами показалась Мятажная площадь с ее фонтаном и помпезными зданиями за оградами. От площади отходили в стороны еще два проспекта – Путь семи лун и Солнечная дорога, но Тая держала курс между ними, на развалины дворца Ярвеля Лучезарного.

Стоило ей вспомнить, что за чудовище обитает в дворцовом подземелье, как ее передернуло. Вернуться в пещеру под руинами она не согласилась бы ни за что на свете, и даже пролетать над дворцом ей не хотелось до такой степени, что она позволила шершню отклониться к обширному пустырю,

образовавшемся справа от развалин. Тут она все же заставила себя снизиться и опуститься на землю.

Похоже, Тая была не единственной, кто недолюбливал обгорелые развалины, оставшиеся после Огненной бури. Других игрунов поблизости не наблюдалось – все обходили стороной это зловещее место, и даже мусорщики и нищие бродяги старались сюда не соваться.

Но сейчас ей было нужно именно это местечко. Зеленые стебли пустырника тут сплетались в густые заросли, скрывавшие шершня и наездницу с головой. Тая лихо соскочила с седла и принялась рубить зелень наточенным клинком шпаги, так удачно позаимствованной у пленного незнакомца.

Всего за несколько минут она собрала целую метелку из острых верхушек, увенчанных фиолетовыми соцветиями. Осталось лишь приторочить ее к седлу.

И тут заросли зашуршали и заколыхались, давая знать, что сквозь них кто-то крадется.

Ой! Только бы не паук. Пауки тут огромные, их мохнатые рожи с выпученными зенками пугают до чертиков. И ладно бы, если б дело было всего лишь в размерах. Но для многих из них маленькая игрунья – всего лишь добыча, попавшая в сеть. И обойдутся с ней так же, как с мухой: прокусят, впрыснут внутрь желудочный сок и заживо переварят, а после сжуют все, что еще от тебя осталось.

От этой мысли Тая побледнела и сжала зубы. Острие шпаги в ее руке вытянулось в сторону невидимого врага.

На поляну осторожно выбрался давешний незнакомец, назвавший себя Равионом Вартом. Овальное лицо его выглядело растревоженным, синие глаза так и бегали по сторонам, а светло-русые волосы взлохматились и не хотели ложиться, как будто их натерли шелком, по которому пробегают трескучие искорки.

Равион воровато огляделся по сторонам, сделал шаг к шершню и попытался вскарабкаться в седло, однако Шептун не пожелал таскать на хребте чужого седока и принялся извиваться, выставя напоказ вставшее торчком жало. Неудавшийся всадник едва не свалился и прижал к спине сломанное крыло, поверх которого до сих пор громыхала шина из плоской дощечки.

Тая выскочила из кустов, легонько ткнула пришельца шпагой и звонко выкрикнула:

– Как удачно! Тебя-то мне и надо!

Тот отскочил, бросил на нее настороженный взгляд и потребовал:

– У тебя моя шпага. Отдай!

– Вот еще! – расхохоталась дева. – Подозрительный незнакомец с оружием, да еще в таком месте? Погляди вокруг. Здесь никто не живет. Развалины запустели. Порядочные горожане сюда не суются. От кого ты тут прячешься? Что задумал? На кого собрался напасть с этой шпагой?

– Это ты на меня нападаешь, а не я на тебя! – возмутился ее противник.

К его загорелому лицу прилила кровь от возбуждения.

– Тебе придется вернуться к моему деду! – категорически заявила игрунья и сделала вид, что собирается ткнуть его под ребро.

– Проткнуть меня хочешь? Давай, протыкай! – заявил Равион и нарочно придвинулся ближе.

Его грудь коснулась острия шпаги, как будто он ничего не боялся. Тая растерялась, но не подала вида и выкрикнула:

– Может, проткну, а может, подрублю крылья так, что ты до конца жизни будет ползать по земле, как червяк!

Незнакомца перспектива остаться без крыльев напугала еще больше, чем смерть от клинка. Он побледнел, нырнул в кусты и бросился к развалинам королевского дворца. Стебли пустырника, сквозь которые он прокладывал путь, заколыхались и зашуршали. Тая вскочила в седло, подняла Шептуна в воздух, и азартно вскричала:

– Я исправлю ошибку деда! На этот раз ты не уйдешь!

Шершень чувствовал настроение хозяйки. Он зажужжал с таким остервенением, словно сам задался целью поймать чужака. Под его брюхом понеслись зияющие темными провалами крыши и утонувшие в зарослях стены яшмовых руин. Багряная ливрея Равиона мелькала на парковых дорожках, превратившихся в непролазные заросли. В прежние времена роскошные дворцовые залы шумели от гомона придворных, одетых в такие же парадные ливреи, но теперь, когда былая слава обратилась в прах, игрун в придворном одеянии смот-

релся, как призрак ушедшей эпохи.

Тая полетела за ним, как воинственная валькирия, размахивая шпагой и крича во весь голос:

– Стой! Или наделаю в тебе дырок!

Беглец вжал голову в плечи и нырнул в пролом обвалившейся стены. Тая узнала большой королевский корпус, из которого сама едва выбралась прошлым утром. Ей сразу же вспомнилось чудище, которого она встретила в подземелье. Азарт мигом утих, и преследовать беглеца расхотелось. Шептун сделал над крышей круг и сам пошел на посадку.

– Если б не дед – ни за что бы сюда не полезла!

Сердце Таи сжималось, но она заставила себя преодолеть страх, привязала шершня к колонне и вошла внутрь.

Парадный зал разрушенного королевского дворца встретил ее гулким эхом. Шаги по щербатому полу, заваленному мусором, вызывали такой отклик каменных стен, что душа уходила в пятки. Сквозь провалившуюся крышу падали столбы света, в которых клубилась пыль. Величественная статуя короля Ярвеля с неодобрением взирала на путницу, потревожившую покой руин.

На широкой лестнице, ведущей в полуподвальный этаж, раздался шум – как будто камень выскочил у кого-то из-под ноги. Выставив вперед шпагу, Тая решительно направилась к ступеням и сбегала вниз. Ей снова вспомнился каменный монстр, обитающий где-то во тьме. Воспоминание обожгло ее и заставило сжаться, но назад она не повернула.

Нижний этаж дворца оставался таким же, каким она запомнила его с прошлого раза. Тая миновала колонны – одну выщербленную, и еще одну, почти полностью разрушенную. Кучи белого мрамора и битой яшмы то и дело попадались под ноги, и казалось, что они вот-вот сложатся в призрачную фигуру, размахивающую кулаками и норовящую снести все, что попадет под горячую руку.

Тая разрежала кончиком шпаги столб пыли, за которым скрывалась подозрительная пустота. Неожиданно из-за колонны высунулась рука, схватила шпагу за клинок и резко выдернула ее у Таи из ладони. Игрунья ошеломленно отпрянула назад, но в этот миг перед ней возник силуэт в багряной ливрее. Равион прижал ее к стене, украшенной цветной мозаикой, и, угрожая ее же оружием, прохрипел:

– Выходит, ты задумала меня убить?

– Нет, только взять в плен, – пролепетала Тая, почувствовав себя беспомощной.

– Зачем? Твой дед сам меня отпустил.

– Это была ошибка. Ты угрожаешь принцу.

– Я? Принцу? Что за ерунда!

– Принц сам это сказал.

– Вот так новость!

Равион так удивился, что даже ослабил хватку, и у Таи появилась возможность вздохнуть посвободнее.

– Откуда взялся этот принц? Как он выглядит? – продолжил допрос Равион.

– Ты и сам это знаешь! – нашла в себе силы съязвить Тая.

– С чего ты взяла?

– Как с чего? Ты же назвался его слугой!

Однако ее противник, из беглеца превратившийся в следователя, не был расположен к шуткам.

– Послушай, я хочу только поговорить, – тяжело дыша, проговорил он. – Взгляни: вокруг – никого. Нас никто не подслушает. Если расскажешь все, что знаешь, я тебя отпущу. Но если попытаешься соврать или утаить что-то – тогда сам не знаю, что с тобой сделаю.

Тая оглянулась по сторонам. В темном подвале не было ни души. Звать на помощь бессмысленно – никто все равно не услышит. Одни груды камней по углам купались в пыли, и казалось, что в следующий миг они могут воспрянуть и превратиться в монстра, еще более страшного, чем разъяренный игрун, придавивший ее к стене тупой стороной клинка.

– Расскажи, что за заговор соорудил твой дед с герцогиней, – настаивал Равион. – Ты ему помогаешь, ты должна знать.

– Заговор? Чушь! – Тая и удивилась, и возмутилась одновременно. – Мой дед никогда в заговорах не состоял.

– Я сам видел, как он с ней договаривался. Что они задумали? Какие у них планы? Говори, или я не выпущу тебя из этого подвала!

– Говорить не о чем! А в этом подвале водятся каменные чудовища, и молись, чтобы они тебя самого отпустили.

– Это сказки! Я в них не верю. Если рассчитываешь меня запугать – то не выйдет.

Тая хотела ответить противнику, что груды камней у него за спиной как будто перемещаются, но поняла, что убеждать его бесполезно. Тем более, что в темноте постоянно мерещились смутные тени, и Тая сама толком не знала, то ли в самом деле видит что-то, то ли это разыгралось ее воображение.

– Куда ты летела? Как оказалась в этом заброшенном месте? – не давал ей покоя Равион.

– Я летела в Цветочный лес, – принялась оправдываться Тая. – Тебя я встретила тут случайно. Я и не думала ловить тебя до тех пор, пока ты на меня не напал.

Камни за спиной Равиона загромыхали и начали шевелиться. Лицо Таи исказилось, она показала на них рукой, но ее противник принял этот жест за уловку и даже не подумал оглянуться.

– С какой стати ты погналась за мной? – спросил он.

– Чтобы сдать цензуриону Шипилио Жмыху! – теряя голову, закричала Тая. – Мне пришла мысль: бросить тебя в башню вместо мамы и папы. Пусть Жмых выясняет, кто ты такой и откуда взялся.

– Выходит, ты собралась выдать меня стражникам? – вскипел ее противник. – Ты такая же предательница, как твой дед. Ну и семейка!

– Не смей трогать мою семью! – взвизгнула Тая, косясь взглядом на булыжники, перекатывающиеся во тьме.

Каменные обломки начали собираться в фигуру, медленно поднимающуюся среди пыли и мрака. Тая запаниковала и попыталась вырваться, но Равион только крепче прижал ее и прошипел с угрозой:

– Куда? Ты от меня не уйдешь, пока все не расскажешь!

В этот миг пещерный монстр распрявился и потянулся к ним каменными руками. Кончики его длинных лап сжались в кулаки и нанесли хлесткий удар. Тая дернулась и потянула за собой Равиона, из-за чего тот отклонился. Удар мощного кулака пронесся мимо и обрушился на цветную мозаику, вдребезги разбив и без того осыпающийся узор.

Равион наконец оглянулся, увидел позади себя монстра и от неожиданности выпустил Таю из рук.

– Дикий шторм тебя понеси! – вырвалось у него.

Тая отпрыгнула в сторону и бросилась к лестнице. Равион устремился за ней. Чудовище замахнулось для повторного удара, но на этот раз не смогло дотянуться. Тая сбросила плащ и расправила крылья. Легкий взмах – и она полетела, не касаясь ногами ступеней. Ее спутнику приходилось труднее – деревянная дощечка, до сих пор болтающаяся у него на крыле, не давала ему оторваться от пола.

Град камней посыпался им вслед. Мелкие осколки ударили по дощечке и загрохотали. Равион наконец взлетел и попытался догнать Таю, но это ему не удалось. Крылья его работали с такой натугой, что ему едва удавалось держаться в воздухе.

На одном дыхании Тая вылетела в парадный зал, пронеслась мимо статуи Ярвеля и вырвалась наружу. Шептун мирно ползал по галерее у входа, выискивая, чем подкормиться. Игрунья быстро его отвязала, вскочила в седло и ударила пятками по бокам. Ее лихорадочное возбуждение передалось шершню, и тот взлетел, озабоченно жужжа.

Равион показался следом, протянул к ней руки и вскричал:

– погоди! Не бросай меня! Мы не договорили!

Но Тая не собиралась заботиться о незнакомце, который обошелся с ней так бесцеремонно. Она заставила шершня взлететь повыше и понеслась прочь. Равион изо всех сил заработал крыльями и попытался догнать ее, но почти сразу отстал. Убедившись, что его ливрея мелькает далеко позади, Тая наконец успокоилась, погладила вставшую дыбом шерсть летуна и приказала ему:

– Радуйся, мы летим в Цветочный лес. Тебе там понравится, вот увидишь!

Глава 7. Цветочный лес

Вздымающееся плато с Облачным Вышеградом осталось далеко позади. Внизу понеслись ярко-зеленые поля с темными пятнами перелесков, мимо которых струились голубые рукава речушек. Через полчаса полета шершень начал петлять среди Яшмовых гор, заросших высокими соснами. Равион окончательно пропал из виду, и даже мелкой точкой больше не мелькал среди редких туч.

Тая привстала в стремени и вытянула шею, высматривая вдаль чудесную долину с заповедным лесом, однако та была скрыта горной грядой, высящейся на пути. Недолго думая, Тая ударила пятками по бокам Шептуна и направила его ввысь, чтобы перелететь через кряж. Однако на высоте шершень попал в настолько сильный воздушный поток, что его начало сносить в сторону, к окраине острова, за которой начинался бездонный провал.

Тае не раз приходилось слышать рассказы о том, как безудержный ветер утаскивает летунов в воздушный океан, у которого нет дна. Даже привычная к долгим полетам птица рано или поздно устанет и утонет в облачной пелене, где грохочут чудовищные грозы. Вернуться из этого страшного марева не суждено. Одна мысль об этом внушала игрунам ужас, и Тае стало не по себе.

Шептун выбивался из сил, но ветра над горами оказались такими лихими, что справиться с ними он не мог. Тая боролась с порывами, сколько могла, но в конце концов вынуждена была направить его вниз, к ущелью, прорезавшему горную цепь.

Шершень приземлился на обкатанные водой булыжники и начал пить из реки, журчащей по дну ущелья. Тая знала, что на той стороне теснины, за горной грядой, скрывается лес, в котором цветы и травы вырастают выше обычных деревьев. Там можно было найти материал для любого отвара и зелья, какого только пожелает душа, а душа Таи желала чего-то особенного – такого, в чем не признаешься даже деду.

Воровато озираясь по сторонам, она направила летуна в теснину. Волшебный лес охранялся, и строго! Посторонних в него не пускали. Но Тая готова была рисковать.

Шептун понесся над речкой, едва не касаясь лапами пенных бурунов. Река засверкала мириадами огоньков, отражающих голубоватый солнечный свет.

Над берегом в зарослях одуванчиков порхал ездовой шершень с седлом на спине. Чуть дальше вершины гор смыкались, образуя преграду, напоминающую каменные ворота. У подножия этих ворот скалы расступались, образуя проход, через который можно было запросто пролететь, сидя на шершне. Однако перед самым проходом примостилась избушка егеря, охраняющего подступы к долине. Тая подозрительно покосилась на это жилище, и не зря: услышав жуж-

жание Шептуна, из него выбежал сторож, одетый так, словно только что вернулся с охоты. Едва увидев летящую на него Тая, егерь бросился на своего шершня, взмыл в воздух и перекрыл проход в скалах.

– Что тебе надо? Сюда нельзя! – закричал он, размахивая руками.

Тая натянула уздечку и попыталась проскочить мимо, но егерь совершил ловкий маневр и едва не сбил ее с седла.

– Садись на землю и не двигайся! – велел охранник.

Однако Тая даже не думала подчиняться. Она резко развернула Шептуна и рванула обратно, вдоль пологого бережка. Егерь ринулся за ней. Его густая черная борода встопорщилась, глаза заблестели, а беличий хвост за меховой шапкой затрепыхался, как будто это настоящая белка начала резко прыгать с ветки на ветку.

Неожиданно Тая увидела перед собой Равиона, кое-как летящего на собственных крыльях со стороны города. Сломанное крыло не позволяло ему подняться высоко над землей, поэтому ноги игруна едва не касались зарослей жгучей крапивы. Деревянная дощечка за его спиной колыхалась и хлопала, отчего Равион казался скособоченным.

Тая направила на него Шептуна, делая вид, что хочет сбить в воздухе. Но Равион не испугался, расставил руки в стороны и приготовился ловить ее.

– Этого мне только не хватало! – выкрикнула Тая и резко дернула уздечку вверх.

Не долетев до Равиона совсем немного, Шептун взмыл ввысь и пронесся у него над головой. Противник попытался ухватить шершня за ногу, но в этот миг в него врезался егерь, на полной скорости летевший за Таей.

От столкновения оба перевернулись и полетели к земле вверх тормашками, громко вопя и ругаясь. Лишь егерский шершень сумел удержаться в полете, однако без хозяина он растерялся и принялся бестолково кружить над их головами.

Не оборачиваясь, Тая вернулась к проходу под скалами и на одном дыхании пронеслась по нему в долину, со всех сторон стиснутую горами. Оба преследователя остались у нее за спиной, а перед глазами открылась широкая лощина, пологие склоны которой полыхали радужным разноцветьем.

Теплый ветерок волновал поля, поросшие огненными лютиками, светло-лиловыми фиалками и белым алтеем. С цветка на цветок перелетали дикие пчелы. Сбор нектара увлекал их настолько, что они и не думали обращать внимание на своего дальнего родственника Шептуна. У Таи зарябило в глазах от разнообразия красок, открывшихся ее взгляду, и ей стало понятно, почему первый месяц лета у игрунов называется Разноцветом.

Солнце клонилось к вершинам гор, и его лучи били прямо в глаза. В лощине стояла такая теплынь, что Тая взопрела и сняла шапку. Скошенная челка упала ей на лоб, обнажив коротко подстриженный висок.

Заметив на берегу фиолетовые цветки дикой мяты, она

опустилась и прыгнула с шершня. Вода в речке, стекающей с гор, оказалась холодной и чистой, но глянув в свое отражение, Тая вспомнила, как неловко ее обкорнали по вине Равиона и вновь на него рассердилась.

– Только попадись мне – я это припомню! – пообещала она своему невидимому противнику.

Пока шершень мочил в воде усики, она набрала ароматных листьев и набила ими сумку, переброшенную через седло. Не дав Шептуну попить, она вновь подняла его в воздух и направила к пологим склонам, поросшим удивительным лесом, состоящим не из деревьев, а из цветов высотой с трехэтажный дом.

Первой на ее пути встала роща гигантского девясила. Его стебли вымахали толщиной с целый дуб, а раскидистые листья и ярко-желтые цветы сплелись в такие густые заросли, что нечего было и думать одолеть их верхом на шершне.

Тая вновь пришлось спешиться, и она оказалась в вязком подлеске, состоящем из белых цветов ветреницы, доходящих ей до пояса. Шептун послушно пополз в поводу, то и дело отвлекаясь на особенно притягательные ароматы. В девясильной роще стояли прохлада и полумрак, но Тая пришла не за толстыми корневищами, будто нарочно цепляющими за ноги, чтобы не дать пройти. Ей пришлось поплутать, чтобы найти заросли полыни, календулы и валерианы. С одних растений нужно было собирать только цветы, с других – листья, а с третьих срезать одни корни, но опытная травница

прекрасно различала, что и где брать.

Внезапно Шептун потянул ее в сторону. Тая пригнулась и уловила изумительный запах дурмана, доносящийся с ветерком. Его большие белые цветки висели на такой высоте, что дотянуться до них при росте игруньи было никак невозможно. Но Тая не торопилась: она знала, что это коварное растение таит неприятность. Стоит порезать стебель или отломить острый, как наконечник копья, листок, как в нос ударяет жуткая, нестерпимая вонь, а сок, капнувший на кожу, обожжет так, что пораженное место еще долго придется лечить мазью.

Надев перчатки, Тая взлетела, чтобы забраться в цветок изнутри и собрать сок для зелья. От ее веса белая трубка склонилась к земле, и игрунья едва не вывалилась наружу. Ей пришлось повиснуть, одной рукой ухватившись за завязь, а второй дергая лепестки.

Пока хозяйка занималась подготовкой компонентов для зелья, Шептун наслаждался свободой. Ароматные запахи так и манили его со всех сторон. Тая оставила его несвязанным, и он принялся жужжать над бутонами и совать в них хоботок, собирая нектар.

Нарвав лепестков, Тая вынырнула из дурмана и увидела, что ее шершень тянется усиками к высоченному стеблю чертовки-мухоловки, у которой уже распахнулась хищная ловушка из двух толстых листьев, соединившихся в форме варежки. Про это растение рассказывали кучу страшных исто-

рий, и Тая верила в них без тени сомнений. Говорили, будто мухоловка нарочно подманивает муравьев, пауков и жуков. Стоит им залезть в ее «варежку», как их ноги вязнут в клейком соке, листья схлопываются, и чертовка переваривает их заживо, оставляя лишь косточки и несъедобные крылья. Не раз и не два охотники, вскрыв ловушку, находили в ней останки погибших животных. Подружки на посиделках шептались, что кое-где попадались и кости съеденных игрунов. Мол, «у меня есть знакомая, так вот, ее дядя сам, своими собственными глазами видел, как...» Бр-р-р, от таких страшилок мороз пробегает по коже.

Едва Тая увидела, что Шептун лезет к ловушке, как заорала на него не своим голосом, дернула за жало, чего обычно себе не позволяла, и со всех сил потянула его назад. Шершень обиделся на такое бесцеремонное обращение, но уступил и подался обратно. Хозяйке он привык доверять. Любопытство пересилило страх, Тая вспорхнула на собственных крыльях и заглянула в разверстую «варежку». Ее внутренняя поверхность казалась жирной, лоснящейся и покрасневшей, как будто напившейся крови ни в чем не повинных жертв.

Тая со страхом отлетела подальше, схватила уздечку и потащила Шептуна прочь. Однако покой к ней не возвращался, и она то и дело оглядывалась – не подбирается ли незаметно коварная мухоловка, не тянет ли к ней свои листья с отростками, похожими на зубастую пасть?

Продравшись сквозь вязкий цветочный подлесок, Тая

очутилась перед густой рощей высоченных растений с толстыми стеблями, похожими на ствол пальмы, и с алыми цветками на вершине.

«Маки! Именно то, что я искала!» – оживилась игрунья.

Это и в самом деле были цветущие пальмовые маки, уносящиеся на такую высоту, что до их верхушек можно было достать, лишь взлетев. Шептун оживился, расправил крылья и натянул поводок. Тая не стала его сдерживать и пустила на волю. Шершень тут же взвился ввысь и начал исследовать содержимое распускающихся бутонов. Избавившись от плаща и прихватив мешочек, Тая последовала его примеру.

Давным-давно, в незапамятные времена, с дальних небес на Туманную Дымку свалился огненный великан. Он был настолько горячим, что только шипел и плевался огнем. Но богиня Светозара остудила его проливным дождем, рассекла его тело на части, и сотворила из них тысячу летучих островов. А кровь великана впиталась в землю, и из ее капель выросли россыпи алых маков. С тех пор маки хранят в себе таинственную силу древнего великана. Они навевают сон и забытие – как раз то, чего добивалась юная игрунья.

Тая зачерпнула котелком воды из реки, огибающей рощу, и на поляне развела костерок. Затем срубила пару рогаток, воткнула их в землю и приладила сверху перекладину, на которую и повесила котел. Вскоре вода закипела, и игрунья начала бросать в нее все, что собрала за последний час, строго отмеряя порции.

Сначала в котел отправились пустырник и дикая мята, за ними последовали корни валерианы, цветы календулы и листья мелиссы. С полынью Тая обошлась осторожно: окунула в вар лишь одну веточку, не больше, иначе зелье станет таким горьким, что пить его будет противно. Дурман и маковый цвет отправились в котел в последнюю очередь.

Пока зелье варилось, Тая сплела венок из маковых лепестков и водрузила на голову, чтобы скрыть недостаток прически. Не удержавшись, она присела на берегу и начала любоваться на свое отражение в воде.

«Как все сложится? Что ждет меня впереди? – гадала она, пуская в речные струи оставшиеся лепестки. – Вернутся ли целыми и невредимыми папа с мамой и братиком? Будет ли счастлив мой дед? Сможет ли он под конец жизни снова ступить на палубу летучего корабля? Поможет ли Леммонт? И встречу ли я своего принца? Кто наполнит мою жизнь любовью и счастьем?»

Она представила себе принца, уносящего ее в сказочные дали. Вот только лицо этого принца никак не хотело показываться. Может, это его высочество Леммонт Ярн?

Тая вспомнила Ярна в беличьей мантии, небрежно свисающей с плеча. Еще недавно он принимал ее в дворцовых апартаментах, и впечатления были свежи. Все говорили, что принц лишь на несколько месяцев старше нее, однако он так возмужал в странствиях, что казался взрослее. Каштановые волосы, тревожный взгляд карих глаз, порывистые движе-

ния. Он чего-то добивается, ему что-то нужно.

«Какое будущее его ждет? Может ли он стать моей судьбой?» – От этой мысли Тае было ни жарко, ни холодно. «Пусть хотя бы поможет вернуть папу с мамой, а там будь что будет, – думалось ей. – А Тупиллио? Он ведь такой сердцеед. И такой галантный кавалер. Любая игрунья, наверное, только мечтает о таком женихе...»

Ей вспомнилось, как герцог-наследник выпрашивал у нее поцелуйчик. Почему-то это воспоминание ее рассмешило. Звонкий хохот поплыл над журчащей водой и смешался с легким ветром, колышущим маки.

Тая склонилась к реке и плеснула себе в лицо. С венком из маков на голове она казалась себе похожей на Алую королеву. Неожиданно водное зеркало отразило чужую фигуру, выглядывающую у нее из-за плеча. Незнакомец в потрепанной багряной ливрее потянул к ней руки, явно намереваясь схватить.

«Равион! Выходит, и ты сумел удрать от егеря!»

Эта мысль быстро скользнула в голове Таи и заставила ее резко вскочить. Она рванулась, взмахнула крыльями и взмыла над речной гладью. Равион набросился на нее, но просчитался и со всего размаха плюхнулся в воду, подняв тучу брызг.

Тая заложила вираж и понеслась к роще, где ее ждало кипящее варево.

– погоди, не хочешь со мной иметь дело – попадешь в

лапы маковому ягуару! – крикнул ей вслед Равион.

Маковый ягуар – еще одна страшилка, которой пугали детей, чтобы они не сбегали из дома. Тая не раз слышала, что в чащах водятся дикие звери, только и ждущие случая, чтобы напасть, растерзать и полакомиться мясом непослушных игрунов. Только кто поверит в эти байки? Разве что малыши.

Но Равион, видимо, задался целью ее застрашать.

– Постой! Там ягуар! Он тебя на клочки порвет! – голосил он, размахивая шпагой.

Тая на эту уловку не поддавалась. Густо сплетенные ветви и листья не позволяли летать, но она придумала трюк похитрее. Взмыв к алым цветкам, качающимся на высоте, она выбрала самый крупный, еще не до конца раскрывшийся бутон, и полезла в него, чтобы спрятаться.

Найти в чаше игруню, укрытую лепестками, да еще высоко над головой, вряд ли смог бы даже опытный следопыт. Однако вес Таи оказался достаточным, чтобы цветок колыхнулся и начал клониться к земле. Широкие лепестки начали расходиться, и из глубины бутона прямо на голову Тае вывалилось когтистое животное, напоминающее огромную пятнистую кошку.

Поначалу Тая даже не поняла, что случилось. Она настолько не ожидала встретить кого-то на такой высоте, что даже после того, как зверь забарахтался, цепляя ее упругими лапами, нужная мысль долго не находилась. Лишь когда Тая вспомнила, что ягуары и называются маковыми от того, что

любят отдыхать в зарослях маков, забираясь на их вершушки, где ничто не угрожает их покою, до нее вдруг дошло, кто это так раздраженно рычит и похрапывает рядом с ней.

Она отцепилась от длинных тычинок и рухнула вниз, лишь у самой травы успев взмахнуть крыльями, чтобы не грохнуться оземь. Ягуар не хотел сдаваться и цеплялся когтями за пестики, но цветок наклонился так низко, что он повис вниз головой, не удержался и оторвался, полетев вслед за Таей. Крыльев у этих лесных зверей не было, однако он ухитрился извернуться в падении и приземлился на все четыре лапы, коснувшись земли мягкими подушечками.

Тая ошеломленно сидела, не смея пошевелиться. Ягуару определенно пришлось не по вкусу такое обращение. Кому понравится, когда тебя посреди отдыха бесцеремонно вытряхивают из благоуханного цветка, в котором ты нежишься на мягком ложе?

Зверь оскалился и двинулся к Тае. Его движения были покошачьи мягкими и грациозными, но в них сквозила сила и мощь, с которой вряд ли справился бы даже самый отважный из игрунов. Желтая шкура вспыхивала, когда на нее падали солнечные лучи, а широкие пятна переливались разными цветами, как и все в этом лесу. При прямом взгляде эти пятна казались коричневыми, но стоило зверю хоть чуть-чуть повернуться, и они начинали блестеть и менять оттенки от огненно-красного до темно-рдяного.

Тая вскочила и понеслась прочь, громко крича:

– Шептун, где ты? Быстро ко мне!

Но шершень скрылся из вида в густых зарослях, и до него было не докричаться. Ягуар перешел на бег и бросился за игруней. Ему остался всего один прыжок, чтобы настигнуть ее и придавить к земле мощной лапой.

Тая попыталась взлететь, но застряла в переплетении стеблей и листьев, тянущихся во все стороны. В этот миг рядом показался Равион, пробравшийся сквозь чащу. Не обращая на него внимания, ягуар проскочил мимо и бросился к Тае, но Равион ухватил его за хвост, резко дернул и потянул на себя.

Зверь споткнулся и хлопнулся оземь, яростно рыча.

– Улетай, пока можешь! – крикнул Тае игрун.

Дева выпуталась из переплетения листьев и взмыла вверх. Ягуар ловко вывернулся, раскрыл пасть и попытался прокусить руку, схватившую его хвост. Равион отпустил его и бросился наутек, но огромная кошка скакнула за ним, едва не сбив с ног.

Игрун судорожно взмахнул крыльями и взлетел, однако дощечка у него за спиной хлопала и мешала быстро передвигаться. Он натужно поднялся к ближайшему цветку мака и уселся среди широко раскинувшихся лепестков. Но ягуара это не смутило – зверь вскочил на толстый стебель и начал карабкаться по нему, цепляясь когтями.

– На маке от ягуара не спрячешься, там он достанет! – крикнула Тая, едва пришедшая в себя.

Но Равиону некуда было деваться, на новый перелет сил у него уже не хватало. Зверь добрался до основания бутона и яростно зарычал. Под его тяжестью растение наклонилось, цветок опрокинулся лепестками вниз, игрун не удержался и вывалился, неловко махая крыльями. Ягуар едва не дотянулся до него когтистой лапой, и сразу же прыгнул следом.

Не раздумывая, Тая ринулась к ним, подхватила Равиона, уже готового шлепнуться оземь, и понесла его сквозь хлещущую листву. Ее крылья работали изо всех сил. Ягуар бросился за ней по траве, но взлететь он не мог, и лишь озлобленно рычал вслед.

Тая вынесла Равиона из маковой рощи и добралась до огромных цветов живокости, вымахавших еще выше пальмовых маков. Верхушки этих растений, похожих на длинные булавы, были сплошь покрыты большими, ядовито-синими соцветиями. Их запах отпугивал диких зверей, но Таю он не смутил.

Она приземлилась среди лепестков и сбросила Равиона с плеча. Высокий стебель под ними качнулся, но выдержал тяжесть и вернулся на место. Равион вцепился обеими руками в цветки и оседлал ветку, на которой они крепились.

– Где зверь? – задыхаясь, спросил он.

– Не беспокойся, здесь он нас не достанет, – ответила Тая.

Шуршание листьев внизу показало, что ягуар рыщет поблизости. Однако запах живокости ему явно не нравился. Порывав для острастки, он развернулся и с достоинством

царя всех окрестных владений пошел прочь.

– Зачем ты дернул его за хвост? – спросила Тая спутника, до сих пор судорожно цепляющегося за ветви.

– А что еще с ним было делать?

– Ты что, никогда не встречал макового ягуара?

– А где его вообще можно встретить?

Они просидели на вершине цветка до тех пор, пока не убедились, что хищник не вернется.

– Пойдем. Здесь нельзя долго торчать, эти цветы ядовитые, – распорядилась Тая.

Равион недоверчиво огляделся, заставил себя оторваться от ветки и осторожно слетел на землю. Перед спуском Тая не упустила случая надергать синих лепестков.

– Зачем они? – с подозрением спросил Равион, встретив ее на траве.

– Для лечения, – нашлась с объяснением Тая. – Надо же немного тебя подлечить?

Они выбрались на поляну, где над затухающим костром слабо булькало варево. Тая набросала в котел все, что успела добыть. Ей пришлось побороться с соблазном сунуть туда и лепестки живокости, но она удержалась – эти цветы могли превратить отвар в яд, способный выкосить целый взвод во-як.

Она понюхала дымок, поднимающийся над котлом, и заключила:

– Почти готово. Осталось добавить веточку душицы –

только для вкуса и запаха, больше она ни на что не влияет.

Костер почти догорел, лишь багровые угольки еще тлели, вспыхивая алым пламенем при редких порывах ветра. Тая извлекла из сумки большие бутылки и попыталась налить в них черпаком остывающее зелье, но те никак не хотели стоять ровно на траве, в которой сновали крупные муравьи.

– Подержи-ка! – велела она Равиону.

Тот послушно взял в руки бутылку и подставил широкое горлышко под черпак. Дело пошло на лад, и бутылка быстро наполнилась, хотя череда струек и сбежала по ее бочку, пролив лужицу на листья. Муравьи нахлынули и принялись слизывать жидкость.

– Что это ты приготовила? – с подозрением спросил Равион.

– Это целебное зелье, – не моргнув глазом, принялась сочинять Тая. – Спасает от боли и помогает заживлять раны. Выпьешь немного – и перелом быстро срастется. Хочешь попробовать?

– Сначала сама попробуй, – недоверчиво буркнул игрун.

– Мне-то зачем? У меня ничего не сломано. Держи вторую бутылку, – и Тая начала наполнять оставшийся сосуд, так предусмотрительно прихваченный из дома.

Вскоре обе бутылки оказались наполнены до краев, осталось лишь заткнуть их пробками и завязать тряпицами. Но и после этого на дне котла среди переваренных листьев еще бултыхались остатки темного пахучего варева.

– Попей, тебе полегчает! – Тая наполнила ковшик и поднесла его к губам Равиона.

Тот осторожно понюхал питье, посмотрел себе под ноги и неожиданно выбил черпак из рук Таи, расплескав его содержимое.

– Ты – ведунья! – выкрикнул он. – Думаешь, я ничего не замечаю? Посмотри: муравьи нализались твоей отравы и дуба дали! Ты и меня отравить вздумала?

Несколько муравьев, напившихся пролитой жидкости, в самом деле опрокинулись на спину и валялись, безвольно вздернув кверху тонкие лапки. Равион выхватил шпагу и направил ее острие Тае в грудь.

– Зачем ты спасла меня от ягуара? – спросил он. – Дикий зверь мог сделать то, о чем вы все только мечтаете.

– Ни о чем таком я не мечтаю, – обиделась игрунья. – И травить тебя я вовсе не собиралась.

– Ложь! Ты только что предложила мне отпить этой гадости.

– Сам ты гадость! Мое зелье никого не убьет, – принялась оправдываться Тая. – Может, и стоило бы добавить в него цветки живокости, но тогда оно и вправду сделалось бы ядовитым. Так и хочется напоить им цензуриона Шипилио со всей его шайкой! Но нет, ты же видел, живокость у меня при себе.

Для убедительности Тая продемонстрировала Равиону запасы, сделанные у него на глазах.

– Тогда отчего муравьи сдохли?

– Они вовсе не сдохли, а просто заснули.

Тая присела и ловко щелкнула ногтем большого, размером с ладонь, муравья. Тот очнулся, зашевелил лапами, нехотя перевернулся и пополз прочь. То же самое она проделала и с другими насекомыми, заставив их вернуться к жизни.

– Это сонное зелье, а не яд, – пояснила она.

– Зачем оно?

Синие глаза Равиона буравили Тая, и она нехотя призналась:

– Я решила сварить зелье, чтобы подмешать его в пиво страже, охраняющей Каменную башню. Сегодня ночью мы поймаем пирата Бармута Барабулю и узнаем о заговоре, который злодеи построили против принца. Потом я слетаю в Каменную башню, опоя стражу, и еще до рассвета мои папа и мама будут дома. А когда принц коронуется, то сумеет защитить и их, и меня. Главное – успеть, пока не случилось беды.

– Что за чушь ты несешь? – рассердился Равион, угрожающе размахивая шпагой перед ее носом. – Какие могут быть заговорщики, кроме герцогини и твоего деда? Да и принц заодно с ними, это же ясно!

– Это ты несешь чушь! – возмутилась Тая. – Я только и жду, когда принц коронуется, чтобы папа и мама вернулись домой. Если кто и составил против него заговор, то только

такие разбойники и самозванцы, как ты и пират Бармут!

Равион озадаченно понюхал тряпицу на горлышке бутылки.

– Тебя нельзя оставлять с этим зельем, – решительно заявил он. – Ты не ведаешь, что творишь.

– Оно мое! – резко поднялась Тая.

На звук ее голоса прилетел Шептун. Цветочная пыльца так густо облепила ворсинки на боках шершня, что он стал похож на ком сладкой ваты, обваленной в сахарной пудре. Тая перекинула сумку с бутылкой через седло и потянулась за той, что осталась в руках игруна.

– Отдай! – потребовала она.

– Еще чего! – насмешливо вымолвил Равион.

Неожиданно кусты у него за спиной зашуршали, и из них показалась хвостатая шапка егеря. Морщинистое лицо с черной бородой расплылось в улыбке. Пожилой охранник выскочил, набросился на спину Равиону, сдвинул крылья и схватил его за руку, в которой ходила ходуном шпага.

– Ай! – вскричал Равион, почувствовав, как пронзило болью сломанное крыло.

Шпага выпала у него из руки на траву. Тая немедленно подскочила, подобрала ее и запрыгнула в седло.

– Стой! Куда? Вы оба арестованы! – крикнул ей егерь.

Но Тая не стала его слушать и саданула пятками по бокам Шептуна. Шершень взмыл в воздух. Вторая бутылка с зельем осталась у Равиона – тот орудовал ей, как дубиной,

пытаясь отбиться от егеря. Тая сделала круг над его головой, но приблизиться к двум драчунам не рискнула.

– погоди! у меня остались вопросы! – закричал Равион ей вслед.

Кое-как отбившись от егеря, он взлетел и попытался догнать ее, но сломанное крыло и тяжелая бутылка в руках мешали ему передвигаться. Тая натянула уздечку и направила шершня к выходу из долины. Краем уха она уловила жужжание у себя за спиной – это егеря поднимал в воздух своего летуна. Не оглядываясь, она помчалась вперед, надеясь, что успеет первой выбраться из этого заповедного края.

Глава 8. Засада

Путь из Цветочного леса в гостиницу «Край света» оказался неблизким – пришлось облететь стороной столицу на вздымающемся нагорье и проскочить мимо кладбища разбитых кораблей, остовы которых внушали Тае безотчетный страх.

Светозара уже начинала тонуть в туманной дымке за горизонтом, ее лучи из голубовато-белых становились золотыми, а под конец начали наливаться багрянцем. Хорошо, что светили они прямо в спину – ведь постоянный двор Чумаданио Хрюнкеля располагался на восточной оконечности острова.

Шептун с наездницей отбрасывал длинную тень, которая скользила по лугам и скалистым нагорьям, как извивающаяся змейка.

Когда Тая добралась до трактира, созвездие Лебедя, состоящее из двенадцати ярких звезд, уже расправляло крылья на темнеющем небосводе, а значит, времени было никак не меньше десяти часов вечера.

Двор словно вымер, и путница даже подумала, что все куда-то пропали. Но тишина оказалась обманчивой – стоило ей заглянуть в обеденный зал, как сразу со всех сторон на нее бросились рыцари в шлемах и тяжелых доспехах.

– Перестаньте! Вы что? Это же моя внучка! – загремел над

ухом возмущенный голос адмирала.

Самый могучий из рыцарей снял шлем с волосяным гребнем, из-под которого показалась огненно-рыжая шевелюра, похожая на львиную гриву.

– Святая луна! Что ты делаешь, девочка? – склонился к ней Дили Драй. – Мы же в засаде. Нельзя лезть зверю в пасть и думать, что тебе ничего не грозит.

Тепаш Глинт перестал размахивать мечом, а Килимон Кардасар виновато спрятал булаву, которой едва не заехал Тае по макушке. Адмирал отвел внучку в угол и строго сказал:

– Таисса, тебе тут не место. Засада на преступника – не игрушка.

В голове у Таи пронеслось, что если дед отошлет ее домой, то вся затея сорвется. Освободить папу и маму из Каменной башни удастся лишь в том случае, если наутро за них вступится принц. Но против принца состроен заговор, о котором до сих пор ничего не известно. Тот, кто убил слугу, наверняка будет покушаться и на господина. Как сможет Леммонт ее защитить, если над ним самим нависла опасность?

План выглядел стройно: поймать Бармута Барабулю, разоблачить заговор против принца, опоить сонным зельем стражу, вернуть домой родителей с братом и дожидаться, пока Леммонт помилует их. Но, сидя дома, она до утра не узнает результатов поимки пирата, а потом будет уже слишком поздно.

Поэтому Тая ужасно разволновалась и решила приложить все силы, чтобы остаться. Она доверительно погладила деда по рукаву его черного кителя, заглянула в суровые, цвета пасмурной тучи, глаза, и как можно убедительнее произнесла:

– Я не маленькая, могу за себя постоять. У Ярна нет друзей, кроме нас, и я так же хочу уберечь его, как и ты!

В доказательство она выхватила шпагу и продемонстрировала несколько финтов, которым научил ее мэтр Валлонио Рош, известный в городе фехтовальщик. Адмирал сам приглашал мэтра, и не мог отрицать, что его уроки дали отличный результат.

– А ведь и правда, – вмешался в разговор Дили Драй, задумчиво разглядывая игруню. – Мы не можем показаться пирату на глаза, он нас сразу заметит и даст деру. За его прибытием должен наблюдать кто-то, не вызывающий подозрений. Кроме этой сударыни, у нас никого больше нет. Она пригодится.

– За пиратом будет следить трактирщик, – не уступал адмирал.

– А кто будет следить за самим трактирщиком? – возразил Дили Драй. – Переоденем это юное создание служанкой. Случайные посетители не заметят подвоха.

– Наследницу знатной фамилии? Служанкой? – оскорбился Тар. – Барон, вы забываете, что моя внучка принадлежит к роду графов Чернорунных.

– Но это же нужно для дела! – попыталась умиловить его Тая. – Разве мы не готовы на все, если этого требует служба?

Тая знала своего деда: интересы службы он ставил выше всего. И аргумент сработал. Пожилой адмирал нехотя развернулся на каблуках, и, не сказав ни слова, вышел на лестницу.

– Отлично! – деловито начал распоряжаться Драй. – Для начала переоденься. Все, что нужно, найдешь в подсобке. Не спускай глаз с трактирщика: если заметишь, что хозяин гостю подмигивает, шепчется с ним, или делает непонятные знаки – сразу зови нас. Мы ждем на верхнем этаже, в комнатах. Все понятно?

Тая едва дождалась, когда рыцари скроются. Деревянные половицы закрипели под их сапогами прямо над головой – в гостиничных номерах, расположенных на втором этаже. Она нашла в подсобке подходящий халат и засаленный фартук, которые скрыли ее расшитую узорами сорочку с широкими рукавами и выдавшие виды лосины, в каких разгуливали дворяне и чуть реже – дворянки, особенно молодые.

Засада превращалась для Таи в увлекательную игру. Она так вошла в роль прислуги, что принялась старательно вытирать столы, чем заслужила одобрение трактирщика.

Чумаданио Хрюнкель расхаживал по залу, ужасно довольный собой. Он дважды пересказал своей добровольной помощнице историю о том, что ему первым посчастливилось

принять его высочество Леммонта Ярна на своем постоялом дворе, за что принц пожаловал его высоким званием привилегированного поставщика королевского двора.

– Представляешь? – голосил он, закатывая глаза и всплескивая пухлыми ручками. – Уже совсем скоро его высочество превратится в короля, а я – в его основного кормильца. Такая удача выпадает раз в жизни. Каким важным человеком, должно быть, я стану! Сойдусь со знатными господами, буду с ними на короткой ноге. А какие барыши это сулит! Ох, и заживу же я!

Неожиданно словоизлияния трактирщика прервались. Половицы над головой заскрипели так, что он поднял голову и разинул рот. Рыжая грива Дили Драя высунулась из темного прохода, ведущего на лестницу, и рыцарь сдавленно прошипел:

– Приготовиться! У нас гости!

Чумаданио побледнел и бросился на крыльцо, Тая выскочила за ним.

На улице уже успело стемнеть. По бархатно-черному небосводу безмолвно катились три луны, заливая двор призрачным светом. Их серебристых лучей едва хватало, чтобы различать очертания улья, амбара и спрятавшейся за ними медуши – деревянной башенки, приспособленной под хранение бочек с пивом и медовухой. Подходы к медуше, приулюлившейся в дальнем углу двора, перекрывала поварня – широкий кухонный павильон, в котором готовили еду для

постояльцев трактира.

В ворота, нарочно оставленные распахнутыми на всю ночь, вкатилась, громыхая колесами, грузовая телега. Высокий возница натягивал вожжи, управляя здоровенным мохнатым пауком, который ее тащил. Рядом с возницей болтал ногами какой-то неприглядный оборвыш, по всему виду, грузчик. Их лица скрывались в тени, падающей от забора и высоких ворот, так что разглядеть их Тая не удалось.

Чумаданио суматошно метнулся к ним, схватил паука под уздцы и потянул в дальний конец двора, к медуше.

– Сюда нельзя! – нервно загомонил он. – Чего так поздно приперлись? На дворе уже ночь, мало ли кто шляется по окрестностям в такую темень!

Серебристые лучики маленьких лун едва прорезали тьму, но Тая все же заметила, что повозка подкатила не со стороны гавани, остающейся пустой и безмолвной, а со стороны города. Чумаданио обернулся и судорожно замахал на нее ладонями – по-видимому, он не хотел, чтобы приезжие заметили незнакомую фигуру. Тая поспешила обратно, в обеденный зал, и принялась зажигать свечи в подсвечниках, расставляя их на столах, так что в трактире стало светло, почти как днем.

Дили Драй выглянул из-за барной стойки и тревожно спросил:

– Что, явился пират?

– Кажется, это не он, – беспечно ответила Тая. – Подъехали какие-то оборванцы на сухопутной телеге.

– Похоже на ложную тревогу, – заключил адмирал, спустившийся по лестнице в сопровождении оставшихся рыцарей.

В зал вбежал Чумаданио Хрюнкель. Он нервничал и суетился, по лицу его стекали капельки пота, и он поминутно вытирал их засаленным подолом фартука.

– Кто там? Бармут? – спросил Драй.

– Что вы, сударь! – замахал на него Чумаданио. – Для Бармута слишком рано, тот не явится раньше полуночи, а до нее еще полтора часа. Это из герцогского дворца прислали возницу и грузчика за провизией для вечернего пира. Я ведь теперь, как вы знаете, поставщик провианта к столу принца Леммонта. Его высочество собрался почтить городскую стражу, доблестные воины коей первыми встретили и сопроводили его. Нынче цензурион Жмых и его подчиненные пируют в палатах, вот его высочество и прислал за медовухой, которая у меня, как известно, лучшая в округе.

– Посторонние не должны знать, что в трактире засада, – сказал адмирал.

– Не извольте беспокоиться! – дребезжащим голосом заверил трактирщик. – Я проводил их в медушу, оттуда они ничего не разглядят.

– Отлично! – одобрил его действия Дили Драй. – Держись уверенней, и ты заслужишь наше доверие.

– Вы бы вернулись в верхние комнатки, господа, – заискивающе попросил Чумаданио. – А я приведу в зал возницу,

покажу ему, что тут все, как обычно. Он с дороги оголодал, просит его подкормить. Будет подозрительно, если я ему откажу.

– В самом деле, вернемся. Таисса, держись в стороне и не лезь на глаза, – распорядился Тар.

Рыцари с адмиралом спрятались в номерах и затихли. Тая зашла за барную стойку, убедилась, что под ней больше никто не скрывается, и начала нарезать кусочками копченый окорок, предусмотрительно подготовленный трактирщиком.

Чумаданио вскоре вернулся с возницей – здоровенным верзилой на целую голову выше Таи, одетым в обноски.

– Эй, прислуга! – высокомерно распорядился трактирщик, входя в роль. – Поддай пива нашему почтенному гостю Голодранио Кукселю. И пожевать что-нибудь сообрази. Давай-давай, пошевеливайся, зря я что ли тебя нанимал?

Тая едва не прыснула со смеху. Игра в простушку ужасно ее забавляла, и она принялась наливать пиво из бочки и раскладывать снедь по тарелкам с таким усердием, что требовательному хозяину не к чему было придрататься.

– Какая миленькая у тебя помощница, – заметил Голодранио Куксель. – Новенькая?

– Да, только сегодня свалилась на мою голову, – буркнул трактирщик.

– И улыбка у нее такая приятная. Где ты ее подобрал?

Тае пришлось зажать рот ладошкой, чтобы не расхохотаться. Она поставила перед гостем кружку с пенистым пи-

вом и сгрузила с подноса тарелки с пахучими ломтиками окорока. Голодранио отхлебнул, причмокнул от удовольствия и сказал:

– Клянусь, это лучшее пиво на острове!

– Еще бы! Я понимаю в нем толк, – с достоинством подтвердил Чумаданио. – Мне нужно отлучиться, чтобы отгрузить бочки. Оставляю вас тут одних. У вас ведь ничего не случится, пока меня нет?

И он с сомнением оглядел Таю, игриво стреляющую зелеными глазками.

– Ступай-ступай, – успокоил его Голодранио. – Мой грузчик все пересчитает. Он знает, сколько бочек принять и куда их поставить.

Едва за трактирщиком захлопнулась дверь, как высоченный верзила поманил к себе Таю корявым пальцем и, растянув губы в улыбке, спросил:

– Эй, красотка, подойди-ка поближе. Как тебя звать-величать?

На этот раз природная сообразительность подвела Таю: называть свое настоящее имя она не хотела, а придумать вымышленное до сих пор не приходило ей в голову. Растерявшись, она замялась и прикусила губу. Голодранио потянулся к ней лапой, похожей на древесный сук, и попытался ухватить за край фартука. Тая отступила и спросила:

– Может, еще пива?

– Не откажусь! – согласился гость.

Он подал ей кружку, из которой успел отпить половину. Тая отошла за стойку и, нервничая и кусая губы, начала откручивать кран на пивной бочке. Неожиданно ее взгляд упал на бутылку с сонным зельем, которую она спрятала среди сосудов с настойками и медовухой. Она вспомнила, что до сих пор не испытала свое варево на взрослых игрунах. Без этого соваться в Каменную башню было слишком рискованно – никто не знает, как только что приготовленный напиток подействует на сильных стражников, привыкших стоять в карауле в ночную смену.

Тая выудила бутылку, сняла с нее тряпочку, и незаметно плеснула несколько глотков в кружку Куксея, а затем, чтобы скрыть следы, долила ее пивом до самого верха. Обильная пена зашипела и потекла через край. Куксель с готовностью схватил кружку и жадно припал к ней, осушив одним духом до дна.

– Ну, иди ко мне! – сказал он, вытирая пену с обвисших усов.

Тая попятилась. Возница схватил ее за талию и потянул к себе. Тая возмущенно шлепнула его по руке и отскочила. Голодраню расхохотался, облизнулся и гаркнул:

– При виде такой красоты у меня аппетит разыгрался. А на-ка, принеси еще окорока, да побольше!

Дева воспользовалась случаем и отошла подальше. Она старалась не возвращаться как можно дольше и делала вид, что тщательно режет мясо и сыр. Когда две тарелки напол-

нились, она подошла к Кукселю и увидела, что он спит, уронив голову в лужицу пива.

Она осторожно прикоснулась к его длинной, заросшей волосом шее – тот даже не пошевелился. Осмелев, Тая хлестнула его по голове мокрой тряпкой. Голодранио завозился, но снова впал в беспробудный сон.

– Действует! – торжествуя, воскликнула Тая. – Зелье действует, да еще как!

Она распахнула дверь и выглянула во двор, окутанный ночной темнотой. Из-за поварни раздавались приглушенные голоса: трактирщик отчаянно спорил о чем-то с оставшимся приезжим, и Тая решила, что прижимистый Чумаданио Хрюнкель, наверное, пытается получить за свой товар слишком большую цену.

Трактирщик вернулся в зал взъерошенный, раздосадованный и разозленный. По его виду можно было сказать, что торг кончился не в его пользу. Окинув взглядом трактир, он убедился, что рыцари не спускались, и вздохнул с облегчением. Вот только дрыхнувший возница привел его в недоумение.

– Голодранио, поднимайся! – бесцеремонно принялся трясти гостя трактирщик. – Пора ехать, бочки погружены. Его высочество ждет медовуху, ты слышишь? Вставай, я кому говорю!

Однако Куксель только храпел и пускал слюни.

– Да что же ты будешь делать? – принялся суетиться во-

круг него Чумаданио. – Нельзя задерживаться, как ты этого не поймешь?

Взгляд трактирщика остановился на Тае.

– Почему у тебя глазки такие хитрые? – внезапно спросил он.

Игрунья развела руки в стороны, давая понять, что она не при чем.

– Не юли! Еще четверть часа назад у этого бугая сна ни в одном глазу не было.

– Почем я знаю? Может, это твое пиво его так разморило, – предположила она.

Чумаданио взял со стола опустевшую кружку, сунул в нее свой длинный, мясистый нос, и шумно втянул воздух ноздрями.

– Приятно пахнет, – сообщил он. – Какими-то травками. Аромат, как у знахаря на чердаке. Ты что-то ему подлила?

– Вот еще! – лицо Таи изобразило оскорбленную невинность.

– Он выпил всего одну кружку, – сделал к ней шаг Чумаданио. – Знаешь, что бывает с одной кружки пива?

– Что?

– Через полчаса тянет в сортир, вот что. И ничего больше. А этот биндюжник дрыхнет без задних ног, и это при его-то комплекции! Видишь? Он в полной отключке. Пивом тут дело не обошлось. Говори по-хорошему: чем ты его опоила?

Тая отодвинулась подальше, но трактирщик ее не оставил.

– Во дворце нынче большие события, – не унимался Чу-маданио. – Его высочество Леммонт Ярн дает пир. Угощение он заказал у меня – за ним Голодранио и приехал. Ему нужно вставать и везти бочки в город, а он храпит, уронив голову в лужу. Пойми, детка, для трактирщика знакомство с будущим королем – редкая удача. Если я упущу свой шанс, то мне никто уже не поможет. Поэтому либо ты скажешь, отчего этот бугай уснул, либо я иду к твоему достопочтенному деду и подаю жалобу по всей форме. Ты ведь не этого доби-ваешься, правда?

Поросячьи глазки трактирщика так и буравили Таю. Игрунье пришло на ум, что если адмирал узнает о ее проделке, то не только отругает ее и запрет дома, но и категорически запретит любые выходки, отчего ее план по освобождению родителей с помощью зелья сорвется.

– Может, обойдемся без жалоб? – несмело предложила она.

– Так-то лучше, – заговорщицки подмигнул ей трактир-щик. – Мы ничего никому не скажем. И это дельце останется нашим секретиком. Но придется вылить ту гадость, которую ты добавила в пиво.

– Я согласна! Сейчас прямо и вылью, – пообещала Тая.

– Нет, голубушка, я поверю кому угодно, только не тебе. Для того, кто говорит правду, у тебя слишком честное выражение лица. Отдавай зелье – я сам от него избавлюсь.

– Нет! Не надо! Не отнимайте! – испугалась игрунья. – Я

его никому больше не дам, честно-честно!

– Разумеется, не дашь. Потому что я сам его выплесну. Прямо сейчас. Ну, где оно?

Тая мялась с ноги на ногу и не знала, что делать.

– Или мне пойти к его сиятельству и рассказать, чем занимается его внучка?

Тая едва не расплакалась, но деваться ей было некуда. Пришлось выдать трактирщику последнюю бутылку с сонным зельем. Чумаданио пересек двор и исчез в темноте. Тая тихонько пожелала, чтобы он свалился с обрыва в бездну, но тут же услышала звук льющейся струи и поняла, что с такими стараниями приготовленный отвар уничтожается самым безжалостным образом.

Трактирщик еще повозился во тьме, походил по дворовым постройкам, будто нарочно, чтобы позлить ее, но в конце возвратился и поставил пустую бутылку на стол.

– Вы ведь не скажете, правда? – заискивающе заглянула в его глаза Тая.

– Не скажу, – смилостивился Чумаданио. – Но и ты не забудь про мою доброту, когда придет нужда.

– Не забуду, – пообещала Тая и поторопилась убраться подальше, пока этот толстый боров не передумал.

Пока Чумаданио грохотал бочками за амбаром и грузил на телегу бесчувственное тело Куксея, рыцари с адмиралом предусмотрительно не показывались на глаза. Тая затихла, стараясь, чтобы о ней лишний раз не вспоминали. Оборван-

ный грузчик натянул вожжи, и паук повлек телегу по дороге, ведущей в столицу. Слабые лучики призрачных лун проводили приезжих, чьи неясные силуэты колыхались во тьме. Вскоре стук колес перестал доноситься, и рыцари спустились в обеденный зал, чтобы проверить, все ли в порядке.

– Если еще раз заявятся посторонние – выпроваживай, и даже на двор не пускай, – велел трактирщику Дили Драй.

Чумаданио с облегчением вытер взопревшее лицо краем фартука и кивнул.

– Пират должен приплыть на воздушном судне. Он придет со стороны гавани, – напомнил адмирал Тар.

Тая не поднимала на трактирщика глаз, но тот держал слово и не вспоминал о ее проделке. Оставшись без зелья, игрунья не знала, что делать дальше. Ее планы рушились, и оставалось одно – наброситься на пирата и заставить во всем признаться, а там будь что будет.

Как назло, Барабуля не появлялся полночи. Час тянулся за часом, и уже целых пять лун тихо катились по бархатному небосводу, наполняя ночь мягким сиянием.

– Не доверяю я этому Хрюнкелю, – шепнул на ухо Тае дед. – Пригладывай за ним повнимательнее. Как бы он не подвел!

Тая кивнула и заговорщицки подмигнула. Трактирщик не мог усидеть на месте: он поминутно вскакивал, подбегал к распахнутому окну и вглядывался в темноту. Набежавшие

тучи скрыли звезды с рассыпанными по небу лунами. Темень сделалась непроглядной, и без фонаря не удавалось разглядеть даже нижние ступеньки крыльца.

– Слышите? Это он! – подскочил Чумаданио так, будто его подтолкнула пружина.

Тая прислушалась, но уловила лишь завывание ветра, усилившегося после полуночи. Дили Драй схватил со стола шлем и принялся натягивать его на свою рыжую гриву. Его подручные затаились у входа, а адмирал затих и стал неподвижным, как статуя.

Вращая глазами, Чумаданио поднес толстый палец к жирным губам, призывая хранить тишину.

– Живо на пристань! Встречай гостей! – сдавленно прошептал из-под шлема начальник охраны.

Чумаданио сорвался с места, сбежал по ступеням и ринулся к гавани, рассеивая тьму масляным фонарем. Тая задула свечу, разом погрузив зал во мрак, и высунулась из окна.

Ночные ветра на Туманной Дымке отличались от дневных – они становились холодными, колкими, штормовыми. Порыв взметнул волосы Таи, приоткрыв ее левый висок, похожий на выкошенную поляну. Она непроизвольно схватилась за него рукой, чтобы скрыть изъян, который до сих пор не давал ей покоя. Но, оглянувшись, заметила, что никто на нее не смотрит. Да и кому было дело до вертлявой девчонки в минуту, когда добыча вот-вот должна попасть в ловушку?

Тяжелая туча сползла в сторону и приоткрыла одну из

лун. Призрачные лучи залили поднебесье, и Тая разглядела над гаванью серебристую полосу горизонтального паруса, трепещущего на ветру. Парус нес утлую лодочку, подвешенную к нему на канатах, но заметить само судно едва удавалось – лишь изредка на его бортах поблескивали плоскости маневровых крыльев.

– По местам! – шепотом скомандовал адмирал, и рыцари на цыпочках потянулись к выходу из зала, чтобы спрятаться в верхних комнатах.

Парус лодки, сшитый из двух разноцветных полотнищ, и сам походил на широкое крыло. Он отбросил призрачную тень на старую пристань, сооруженную на самом краю обрыва. Длинные дорожки причалов, поддерживаемые косыми сваями, уходили в темную пустоту и обрывались над бездной, отчего казалось, что это неведомый исполин вытянул в ночь ладонь с растопыренными пальцами, по которым скользят струйки света.

Чумаданио побежал по одной из дорожек, суматошно размахивая фонарем. Лодка отреагировала на огонек: парус качнулся и накренился, закладывая вираж. Темный силуэт перегнулся через борт и крикнул:

– Держи конец!

Трактирщик поймал кончик каната с ловкостью, неожиданной для его комплекции, и принялся наматывать его на толстый столб, называвшийся причальной пушкой. Лодка зависла на миг над причалом, а затем скользнула вниз с изья-

ществом легкой пушинки. Однако грохот от столкновения ее днища с дощатым настилом подсказал Тае, что лодка далеко не такая невесомая, какой кажется.

Едва судно встало на специальные полозья, приделанные к нему снизу, как двое лодочников принялись спускать и сматывать парус, рвущийся ввысь. Справившись, они взялись перебрасывать через борт мешки и тюки с грузом – Чумаданио едва успевал принимать их и складывать на настил.

До слуха Таи донеслись возбужденные голоса – один из них грохотал басом, второй отдавал молодым баритоном. Ввалив груз на плечи, компания двинулась к постоялому двору через поле, залитое лунным светом.

Тая отпрянула от окна. Ей пришло в голову, что она до сих пор не готова к встрече. Она бросилась расставлять подсвечники на столах и зажигать фитили. К тому моменту, когда пришельцы ввалились в двери, зал сиял так, будто тут намечался пир.

– А это у нас кто такая? – удивленно спросил грузный чернобородый игрун лет сорока с лишним.

– Это моя служанка, – залезбезил перед ним Чумаданио. – Она новенькая.

Вслед за капитаном в двери протиснулся его невысокий и шуплый спутник, на одном плече которого колыхался рулон дорогой парчи, а на другом – тюк с чем-то тяжелым. Сгрузив поклажу в угол, он распрямился и вытер пот. В отличие от хозяина лодки, он был молод, и одет в домотканную холсти-

ну, какую носило простонародье.

– Это Атасио Рылец, – представил его капитан. – Он со мной только два дня, но уже успел надоесть хуже горькой редьки. То принимается уверять, что наша лодка вот-вот рухнет в бездну, то ноет, что зря бросил насиженное гнездо и пустился в вольное плаванье. Эх, где вы, мои старые времена, где корабельные команды, бесстрашно рвущиеся за горизонт?

Бледный, как выстиранная рубаха, Чумаданио усадил гостей за стол и бросил Тае:

– Чего смотришь? Быстро неси закуски!

– Нет, закусками дело не обойдется! – взревел капитан и грохнул кулаком по столешнице. – Тащи выпивку, да покрепче! И мяса! Отрезай больше, и не вздумай скупиться!

– Мяса жареного или копченого? – с притворной покорностью спросила Тая.

– Того и другого! – рявкнул пират.

– А соляночки не желаете? – встрял трактирщик.

– Еще как желаем! Пожирнее, да погорячее!

Атасио принялся распаковывать тюки. Чумаданио с подозрением осмотрел пушистые беличьи шкурки и лисьи хвосты, которых оказалось так много, что для того, чтобы разложить их, понадобилось два стола. Тая заметила, как трактирщик с вожделением протянул ладонь, чтобы погладить их, но вспомнил о чем-то, испуганно бросил взгляд в сторону лестницы, и тут же одернул руку.

– Ты не стесняйся, пощупай, – грохотал Бармут, опустошая кружку с ромом. – Товар знатный, самого лучшего качества. Жаль, в этот раз мало взяли.

– А чего так? – проявил интерес Чумаданио.

– Налетел я на поместье одного богатенького барончика, – принялся повествовать Бармут, с удовольствием закусывая копченой бужениной, которую Тая поставила перед ним на большом блюде. – Селяне сами дали знать, что склад остался без охраны – хозяина вызвали в город по срочным делам. Сами меня проводили, и помогли сбить замок с двери – уж больно их укрепостил вотчинник. Жаловались, что житья от него не стало, последнее отнимает, вот и решили с ним поквитаться моими руками.

Пират энергично взмахнул ладонью, давая Тае команду наполнить его кружку.

– Ворвался я на склад. Гляжу: а там добра – завались! И меха, и дорогие ткани, и вина, не говоря уже о сукне и шерсти. У меня аж глаза разбежались. Только принялся я все это грузить в свою лодочку, как сел мне на шею вот этот вот остолоп (Бармут ткнул пальцем в Атасио) и принялся ныть: забери мол, меня с собой, иначе хозяин поймает и шкуру спустит. Что поделать? Пришлось взять и его, и невесту этого прощельги в придачу. Хорошо хоть, что та оказалась знатной швеей – смотри, какой жилет мне сшила!

Бармут раздвинул полы длинного кафтана и показал изящный жилет из парчи, расшитой золотой нитью. Под жи-

летом была надета рубаша из небесно-голубого шелка, под цвет глаз самого пирата. Рубашу перехватывал широкий кушак, завязанный на животе, а голову прикрывала красная бандана.

– Вот и взял я этих бедняков вместо добычи, – продолжал изливать душу пират, прикладываясь к кружке. – А товар пришлось выгрузить – летучая лодка большой тяжести не поднимет. Парочка пассажиров – и все, иначе парус не тянет. А товар я раздал деревенщине. Видел бы ты, как расхватывала его толпа!

Бармут подмигнул Тае и расхохотался.

– Так и дрались за каждую шкурку, так и тянули руки! Я, признаться, так разошелся, что остановиться уже не мог. Ах ты, думаю, баронская морда, довел свой народец до полного обнищания, а сам с жиру бесишься? Взял факел, да начал палить все, до чего руки не дотянулись. Ну, амбар и сгорел. Тут дымка не было видно?

– Как же! Дым над поместьем Виртис стоял коромыслом. Но это от нас далеко, я внимания не обратил.

– Я тебя, шельмеца, знаю, ты на все обращаешь внимание, – хлопнул его по плечу Бармут. – Скажи лучше: почему возьмешь лисиц и летягу?

– После поговорим, – отвел взгляд Чумаданио.

– И то верно. Сначала как следует попируем! – согласился пират.

Тая старалась держаться подальше от его загребущих лап,

так и мелькающих над блюдами со свининой и овощами. Голубые глаза Бармута весело поблескивали из-под густых бровей. Все лицо его заросло густым черным волосом, и только мясистый и чувственный нос выдавался вперед. Широкие ноздри раздувались, то ли стремясь втянуть запахи рома и ветчины, то ли стараясь почуять опасность. В ухе пирата колыхалась серьга с ярким рубином, а на груди болталась серебряная цепочка с золотой монетой вместо кулона.

Чумаданио ходил вокруг шкурок, как кот вокруг сметаны, но притронуться к ним не решался.

– Погладь их, погладь, – принялся соблазнять Бармут. – Проведи по меху ладошкой. Чувствуешь, какой мягкий? Любая дамочка будет довольна. Эй, красotka! – обратился он к Тае. – Помоги-ка хозяину.

Тая приблизилась к лисьим шкуркам, разложенным на столе. Бармут выбрал огненно-рыжую, с белым пятном, водрузил Тае на плечи и расправил пушистый хвост, свисающий чуть ли не до самого пола.

– Ну, как тебе? – спросил он с затаенным блеском в глазах.

Тае мех показался колючим и жестким, но она не решилась вслух противоречить пирату, распаленному жадностью. Бармут по-своему понял ее нерешительность и заявил:

– Перед таким мехом ни одна барышня не устоит. Но у меня есть кое-что и получше. Гляди!

И он выудил из тюка жесткую, грязновато-белую шкуру, свернутую в рулон. Едва Чумаданио взял ее в руки, как ахнул

от удивления и восторга.

– Это что? Это он? Неужели тот самый?

Бармут довольно захохотал:

– Не веришь? И правильно! Второго такого не будет.

Трактирщик развернул сверток, и Тая отпрянула. На столе перед ней лежал хищный клыкодюр с жесткой пупырчатой кожей, испещренной замысловатыми узорами. Четыре короткие лапы с когтями раскинулись в стороны, а голова с вытянутой пастью пугала торчащими клыками, о которые можно было порезаться.

– Не смотри на то, что он такой страшный, – хлопнул Таю по спине пират. – На самом деле кожа клыкодюра гибкая и эластичная, и по прочности ей нет равных. Поэтому из нее получают превосходные доспехи. Любой рыцарь таким позавидует.

– Она же белая! – не верил своим глазам Чумаданио.

– Именно! – подтвердил Бармут. – Обычно клыкодюры бывают бурыми или грязно-зелеными, а вот белые рождаются раз в сто лет. Это шкура стоит целого состояния. Ну как, возьмешь?

Трактирщик помял кожу пальцем, но тут же отдернул руку, непроизвольно взглянув на потолок, за которым подозрительно скрипнула половица. Бармут схватил шкуру и натянул себе на плечи так, что череп с клыками лег ему на макушку наподобие шлема.

– Не зевай, иначе кусну за зад! – крикнул он и сделал вид,

что хочет подцепить Чумаданио острым клыком.

Трактирщик взвизгнул и пустился наутек. Бармут расхохотался и бросился его ловить. На лавки и деревянные кресла, попадающиеся на пути, он не обращал внимания – они опрокидывались и грохотали так, что разбудили бы кого угодно.

Тая скосила глаза: в глубине коридора ей почудилось едва уловимое движение.

– Чего расшумелись? Вдруг нас кто-то услышит? – подал голос Атасио.

– Кто нас может услышать в такой глуши, да еще посреди ночи? – гаркнул Бармут. – У тебя ведь сегодня гостей нет, верно?

– В-верно, – заплетающимся языком пролепетал Чумаданио.

– Или ты ждешь кого?

– Нет, не жду.

На трактирщика жалко было смотреть.

– А для кого тогда завел девку?

Испытывающий взгляд пирата уперся в Таю.

– Я не девка! – с возмущением сказала она.

– А кто?

– Колдунья! На кого посмотрю дурным глазом – тот язык проглотит!

– Вот мы и проверим, что за колдунья хозяйничает в пустом трактире в час ночи, когда все обычные горожане уже

видят сны, – с угрозой надвинулся на нее Бармут.

Он потянулся к ней хваткой лапой. Тая взвизгнула и отскочила. Атасио поднялся из-за стола и поспешил на помощь капитану.

– Держи ее! – крикнул Бармут. – Нюхом чую: дело нечисто. Кому придет в голову драить столы среди ночи, если в харчевне – ни души? Они что-то затеяли!

Тая бросилась к лестнице. Навстречу ей выскочили рыцари, закованные в железные доспехи. Тепаш Глинт оттолкнул Чумаданио, Килимон Кардасар ударом кулака сбил с ног Атасио, а Дили Драй схватил Бармута и заломил ему руки за спину.

– Предатель! – крикнул пират трактирщику.

– Говорил же я, что он сдаст с потрохами! – охнул распростертый на полу Атасио, на которого насел Килимон.

Драй сорвал с Бармута белую шкуру и яростно выкрикнул:

– Это же мой клыкодюр! Я думал, он сторел вместе со складом. Так вот кто меня разоряет! Ах ты, тварь!

И он принялся молотить Бармута кулаком, закованным в стальную перчатку. Упавший на колени пират извивался ужом, но, несмотря на внушительную комплекцию и немалый для игруна вес, ничего не мог поделывать с могучим противником, похожим на железную гору.

– Не увлекайтесь, барон! – предостерег вошедший в зал адмирал. – Подозреваемый должен дать показания. Если вы

его прибьете, то как мы докажем, что он – убийца?

Дили Драй нехотя остановился и снял шлем, распутив пышную шевелюру. Адмирал обнял Таю, с тревогой взглянул ей в глаза и спросил:

– С тобой ничего не случилось?

– Этот проходимец меня девкой назвал! – кипя от негодования, пожаловалась она.

– Он за это ответит, – пообещал старый вельможа.

– За слова я отвечу, – пыхтя, попытался выкрутиться из цепких рук рыцаря пират. – А вот убийство повесить на меня не удастся.

– Еще как удастся, – заверил Драй.

Тепаш и Килимон помогли начальнику привязать пирата к креслу с высокой спинкой. Адмирал затер в уголок Атасио, который так перепугался, что даже не помышлял о бегстве. Лицо молодого парня сделалось бледнее, чем кожа клыкодюра, и начало отливать такой нездоровой синевой, что Тая забеспокоилась, не грохнется ли он в обморок. Чумаданио изо всех сил старался стать незаметным, вот только при его габаритах это было никак невозможно, и он суетливо носился из угла в угол, подыскивая себе местечко.

– Выходит, это ты повадился грабить мое поместье, – с ненавистью склонился над пиратом Дили Драй.

– Мне без разницы, чье оно, – буркнул Бармут.

– Зато мне есть разница! – крикнул Дили и врезал ему по скуле стальным кулаком.

Голова Бармута отшатнулась, затылок ударился о спинку кресла.

– Знаешь, сколько стоит эта шкура? – нависал над ним Драй. – Она стоит больше, чем вся твоя жалкая жизнь. Хотя сейчас я не дам за тебя и гроша. Была б моя воля – сам бы срубил тебе голову, да только незачем пачкать руки, вместо меня это сделает палач.

– За кражу имущества голов не рубят, – дерзко возразил Бармут.

– Красть тебе было мало, ты еще и подельника прирезал, а за это полагается смертная казнь.

– Что за чушь? Вон мой подельник, в углу, целый и невредимый.

– Я говорю не о Рыльце, а о Ночном Упыре, – напирал Драй. – Сначала ты сговорился с ним, чтобы ограбить сокровищницу, но эта затея у вас провалилась. Тогда вы на пару обворовали принца Лема, вот только добычу не поделили, и ты проткнул дружка осиным кинжалом, а после скинул его тело с обрыва. Не вздумай отпираться, все говорит против тебя.

– Какого принца? – ошеломленно покрутил головой Бармут. – При чем здесь Ночной Упырь?

Крылья, сложенные под его кафтаном, встопорщились, отчего Тае показалось, будто за спиной пирата вырос горб. Он наклонился вперед, насколько позволяли путы, и жарко принялся говорить:

– Слышать о Ночном Упыре мне приходилось, к чему скрывать? Вот только я с ним никогда не встречался. Он – сухопутная крыса, а я таких презираю. Мое царство – воздушный простор, а он начинается там, где кончается остров. Разбойники орудуют в городе, где есть, кого грабить. Я летаю по поднебесью на парусной лодке, а они ходят пешком по земле. Нам и встретиться негде. Я в городе даже не показываюсь, мою бороду там первый попавшийся цензурион приметит. Что я, сам себе враг, что ли?

– То есть ты с Ночным Упырем не знаком?

– Разумеется. Нет у нас общих дел. Нет, и не было.

– А ограбление сокровищницы? Там столько богатств, что у любого пирата глаза разгорятся. Ради такого случая ты мог бы сойтись и с помоечной крысой.

– Об этом провальном деле кто только не судачил. Чумаданио целое утро только о нем и болтал, да еще потешался над вором, у которого руки не из того места растут. До трактирщика городские сплетни быстро доходят. Но я в этом грабеже участвовать никак не мог. Посудите сами: ведь он случился среди ночи, а я в эту ночь был в пути, как раз вез на остров двух пассажиров. В гавань прибыл только под утро.

Чумаданио истово закивал, подтверждая его слова.

– Что за пассажиров ты привез? – насторожился адмирал.

– Двух молодых господ, один был одет как богач, другой как вольный слуга, – нехотя пояснил пират. – Заплатили мне, не скупясь. Лишних вопросов я не задавал.

– Настоящие господа не станут путешествовать с пиратом, – возразил Тар.

– Так ведь никто больше не плавает. Гавань заброшена, других судов нет.

– Когда прибыла лодка пирата? – спросил трактирщика вельможа.

– За час до рассвета, – откликнулся Чумаданио.

– Ночной Упырь влез во двор казначейства за три часа до этого, – с досадой встряхнул львиной гривой Дили Драй. – Эти двое не могли быть вместе.

– Но во время убийства ты был здесь, и мог встретиться с жертвой, – настаивал адмирал.

– И снова нет, – возразил пират. – Убийство случилось в час дня, мне потом рассказали. А я в это время был уже далеко.

– Где тебя носило? – Драй схватил пирата за бороду и поднял его подбородок повыше, чтобы тот смотрел ему прямо в глаза.

– Гулял по вашим владеньям, сударь, – с издевательской интонацией бросил Бармут.

Рыцарь врезал ему по щеке. Пират скривился и заговорил:

– До девяти часов я отсыпался. Утром вышел в обеденный зал и потребовал рому. После долгой дороги хочется выпить и погулять, что я, должен себе отказывать, что ли? Да, признаюсь, малость с выпивкой перебрал. Может, чуть-чуть побуянил. Перевернул пару столиков, поспорил с хозяином

заведения, поприставал к скромной дамочке, что сидела у окошка, да та, вишь, стерва, даже личико свое открыть мне не захотела, все пряталась под капюшоном. Знатные барыни – они такие, воротят нос от нас, простых мореходов. Чумаданию, толстый боров, начал меня выпроваживать, и тут явился Атасио и нашептал, что в поместье Виртис остался без охраны склад с дорогими товарами, а хозяина дома нет – вызвали в столицу по делам службы.

– Выходит, мои собственные крепостные грабителей зовут? – сверкнул глазами на Атасио рыцарь.

– А чего же тут странного? Вы, сударь, своих холопчиков до того заездили, что они только и думают, как бы сбежать, да какую бы свинку хозяину подложить.

Рыцарь занес руку для нового удара, но Тар удержал его – адмирала заинтересовал рассказ пирата, и он приблизился.

– Полюбуйтесь на этого негодяя, – посетовал Драй. – Мало того, что он разграбил мои владенья, так еще умыкнул двух крепостных, вот этого оборванца и его дуру-подружку.

Рыцарь указал на Атасио, замершего в углу.

– А что не сумел унести – то просто сжег. Такой потравы и прежний владелец бы не упомянул.

– Во сколько это произошло? – уточнил адмирал.

– Почему мне знать? Я был во дворце при ее светлости, как мне и положено.

– Потрава случилась сразу после полудня, – подсказал Тепаш Глинт. – Я в это время охранял замок. Село от него да-

леко, поэтому я не замечал, что творится неладное, до тех пор, пока над полями не поплыл дымок. Когда я прибыл к пожару, склад уже был объят огнем.

– Что помешало схватить грабителей? – спросил адмирал.

– Их кто-то предупредил! – с досадой рубанул воздух ладонью Тепаш. – У пирата среди селян много дружков, они – его глаза и уши. Так и пакостят исподтишка. Единственное, что я увидел – это корму улетающей лодки. А летучая лодка, между прочим, с голой земли так просто взлететь не сможет, тем более нагруженная. Ее нужно поднять на руки и подтолкнуть – лишь после этого ветер ее подхватит и понесет. По всему видать, помощников у пирата нашлось немало. Подлый народец отбилсЯ от рук, нужно его как следует проучить – будет знать, как норовить всякой швали.

– Вы не запомнили, какой был час?

– Что-то около двух.

– То есть пират грабил ваше поместье, барон, с полудня до двух часов дня, – подвел итог адмирал. – А убийство случилось здесь, на постоялом дворе, около часа. Выходит, он не мог быть убийцей.

– Эй, трактирщик! – подозвал Чумаданио Драй.

Тот немедленно подбежал, подобострастно склоняясь.

– Ты же плел, что этот пират тут буянил как раз тогда, когда постояльца убили. Так или нет?

– Д-да... то есть нет, – заплетающимся языком пролепетал Чумаданио. – В самом деле, он пил и буянил, приставал к

посетителям, громко ругался. Только я не запомнил, когда это было. Может, во время убийства, а может, и раньше. Уж вы меня извините, сударь! В тот день как с утра началась суматоха, так до вечера не прекращалась, где уж тут помнить всякие мелочи.

– Эй, малой, а ну-ка, пойди сюда! – подозвал Тар Атасио.

Молодой селянин приблизился с таким видом, будто ждал, что его казнят прямо на месте.

– Расскажи, как все было! – велел адмирал.

При виде разъяренного Дили Драя парень затрепетал. Ему не хватало смелости, чтобы обманывать и юлить, и он начал выкладывать все начистоту:

– Третьего дня я узнал, что хозяина нет в замке. Мне бы на волю, да он, вишь, не отпускает, вот я и ждал случая, чтобы сбежать вместе с невестой. А тут склад с добром без охраны – ну, думаю, выдался случай разжиться. Сообразил позвать пирата – вдруг и мне что-то перепадет? Застал его в этом трактире. Хоть до полудня еще оставался час, он уже был пьян в стельку, но это нас не смутило.

– Кого это нас? – перебил Драй.

– Меня и мою нареченную, Лындру Штрыль, – дрожа, согнулся перед ним селянин. – В конце концов, мы бы и сами могли склад разграбить и сжечь, да на пирата свалить удобней. Вот я и потащил его к выходу. Но все сложилось как нельзя лучше. В полете его обдуло свежим ветерком, и пока мы добрались до поместья, он уже был как огурчик. На

складе мы орудовали часа два, все село нам помогало – целая толпа собралась. Я кое-как уговорил Бармута забрать нас с Лындрой с собой. Может, он увезет нас на дальние острова, а там начнется новая жизнь, где мы сами себе будем хозяевами. Нас двоих Бармут взял, вот только груз лодка уже не потянула, так что пришлось товар раздавать тем, кто тянул руки. А чтоб следы замести, мы склад подожгли.

Рыцарь готов был растерзать крепостного, но присутствие адмирала его останавливало.

– Во сколько вы улетели оттуда? – спросил Тар.

– Часа через два после полудня. Мы бы еще задержались, да вишь, благородные рыцари вдалеке показались. Добрые и груны заметили их и дали нам знать, вот мы и дернули, пока не поздно.

– Жаль признавать, барон, но пират – точно не тот, кто нам нужен, – заключил адмирал.

– Зато он нужен мне! – взревел Драй. – Я с него кожу сдеру – будет знать, как воровать чужих крепостных.

– У нас в замке есть один псарь, он так ловко сдирает шкуры с дохлых собак, что прямо на загляденье, – предложил Тепаш. – Если отдать ему этого прощелыгу, то он и с ним в два счета расправится.

– В два счета не надо, – возразил Драй. – Тут нужно подольше, чтоб нарушитель помучался, и до него наконец дошло, как глубоко он не прав.

– Не будем торопиться, – остановил их Тар. – Вдруг этот

пират не один, кто устраивает налеты на ваше поместье.

– А есть кто-то еще? – с подозрением спросил Драй.

– Давайте осмотрим причалы и лодку, – предложил адмирал. – Я помню эту гавань еще с тех пор, когда тут стоял целый флот.

– Сейчас там развалины, – бросил Драй недовольно.

– Эти развалины могут многое рассказать тому, кто умеет читать по истертому дереву.

Чумаданио ринулся в темноту, вздымая в руке масляный фонарь. Адмирал с Дили Драем устремились за ним, следом рыцари Тепаш и Килимон вели Бармута, плотно сжимая его с двух сторон. Тая устремилась за ними, чтобы не пропустить ни слова из признаний пирата. Связанного Атасио заперли в подвале, и он принял это решение с облегчением, потому что боялся, что Драй растерзает его прямо на месте.

Путь к пристани лежал через пустырь, но трактирщик хорошо знал тропинку и уверенно вел всех за собой.

– Осторожнее, тут дощечки подгнили, – суетился Чумаданио. – Их уже много лет не меняли, вот они и ломаются под ногами.

И действительно: едва Тая ступила на дощатый настил, нависающий над провалом, как мостки жалобно заныли и заскрипели, а когда по ним зашагали тяжелые рыцари в доспехах, то пристань и вовсе заходила ходуном. На всякий случай Тая сбросила фартук и освободила крылья, чтобы в случае чего взлететь и удержаться в воздухе.

Адмирал выхватил у трактирщика фонарь, осмотрел доски и произнес:

– Этими причалами никто не пользуется. Мостки разрушились и прогнили, сваи под ними расшатались, некоторые уже выпали. Посмотрите – стоит сюда наступить, и в сырой плесени остается след. Но других следов нет – только те, что оставляем мы сами. На них даже лодку нельзя опустить, не говоря уже о больших кораблях.

– Но пират все же причалил. Вон его парус, – возразил Драй.

– Да, его мостик – единственный, кто еще держит вес судна. А ну-ка, любезный, скажи нам – бывает тут кто-то еще? – адмирал поднес фонарь к носу трактирщика.

– Что вы, ваше сиятельство! – замахал тот ладонями. – Мимо моего заведения ни одно судно не пролетит. Из окон гостиницы гавань видна, как на ладони, правда, только днем – ночью тут хоть глаз выколи, если луны не светят. В прежние времена все заворачивали в «Край света», чтобы выпить пива и отведать солянки, а теперь никого не дождешься.

– А вот и причал номер восемь, – заметил Тар, добравшись до пирса, на котором темнела пиратская лодка. – Этот выглядит попрочнее. Причальные пушки натерты канатами – видно, что ими еще пользуются.

– Это мой причал, – хмуро буркнул пират. – Я сам его починил, и вовсе не для того, чтоб им пользовался кто-то другой.

– Это лишь подтверждает, что ты и есть тот налетчик, которого я так долго пытался поймать с поличным, – сказал Драй. – Если хотите знать мое мнение, адмирал, то все беды происходят от того, что кто-то еще летает. Время от времени крепостные сбегают, и после их не найти. Уже давно ходили слухи, что они переселяются на вольные острова, а перевозит их какой-то пират.

– Может, они бегут от тяжелой жизни? – предположил Тар.

– Они бегут от исполнения своих обязательств перед господами, – резко возразил рыцарь. – Бароны жалуются, что в их поместьях никто не хочет работать. Госсовет правильно сделал, что запретил воздухоплавание. Это решение пошло всем на пользу.

Адмирал остановился у борта лодки, поднял фонарь и осветил львиную гриву Драя.

– Это решение пошло на пользу одним баронам, – возразил он. – Да и те не понимают, что раскрепощенный народ работал бы охотнее, и прибыль их поместий в таком случае росла бы.

– А пираты? Стоит за ними недоглядеть, как они начинают летать и грабить все, что под руку попадется.

– Кажется, мы доказали, что этот пират – одиночка, других тут не бывает, – возразил Тар. – При короле Ярвеле воздушный флот составлял гордость нашего острова. Десятки больших и малых судов каждый год заходили в эту вот са-

мую гавань. Торговые караваны ходили на дальние острова и привозили оттуда товары, которых никто прежде не видел. Диковинные звери и птицы, экзотические пряности и шелка, но самое главное – ценнейшие знания о мире – вот что мы получали в таком изобилии, что не всегда могли по достоинству оценить эти дары. Сотни путешественников посещали Облачный Вышеград и разносили славу короля Ярвеля по всему Летучему Архипелагу. Это были славные времена, но Огненная Буря положила им конец.

– Бросьте! Это было время распущенности и вольнодумства, – не согласился Драй. – Нашему острову необходим строгий порядок, а за его нарушения нужно карать.

– Прежде наша страна и народ процветали, а сейчас все в упадке, – настаивал адмирал. – Мы могли бы вернуть славные времена, если бы заново отстроили флот.

– Ну уж нет! – зарычал Драй. – Я лично, своими собственными руками разобью в щепки любой корабль, который вы попытаетесь восстановить. Воздухоплаванье – это зло. Осталось избавиться от последних его проявлений – таких, как эта лодка, чтобы они даже мыслей крамольных никому не внушали. Килимон, дай мне твою булаву!

Подручный рыцарь послушно уступил господину свое оружие. Дили Драй схватил его и железной головкой с шипами принялся крушить борта лодки, поскрипывающей на полозьях. Однако даже тяжелой булавы оказалось недостаточно, чтобы разнести прочно сбитое судно. Драй выхватил

собственный меч, схватился за него обеими руками, и нанес удар по мачте.

– Стой! – выкрикнул Бармут. – погоди рубить. У меня там кое-что припрятано.

– Что еще? – приостановился Драй.

– Карта! – выпалил пират.

– Что за карта? – заинтересовался Тар.

– Карта соседних островов.

– Соседние острова разметало бурей. Теперь они недосыгаемы, – возразил адмирал.

– Не совсем так, ваше сиятельство, – убеждал его Бармут. – До вашего собственного островка, Горной Кручи, рукой подать. Всего три дня пути – и вы там.

– Мой остров еще цел? – адмирал остановил руку Драя, заносащего меч над кормой. – О нем давно не было новостей. Стоит ли еще на горе замок?

– В замке никто не живет, игрушки из него разлетелись, кто куда, – сообщил Бармут. – У подножия, в долине, фермы разрушились, а животные разбрелись. Но знаменитые чернорунные овцы еще пасутся, вот только совсем одичали без присмотра.

– Надо же. Я уже начал терять надежду, что увижу свое родовое владенье, – сказал Тар. – Тая, слышишь, оказывается, замок твоих предков никуда не делся, и если все сложится хорошо, то он станет твоим. А ну-ка, показывай карту, – повернулся он к Бармуту.

– Минуточку, ваше сиятельство, – засутился пират. – Велите этим сатрапам меня отпустить, а то уж больно они меня прижали.

Драй кивнул рыцарям, и те дали пленнику волю. Бармут нырнул в ладью и извлек из-под скамьи свернутый белый пергамент, испещренный линиями и письменами.

– Дай взглянуть! – адмирал нетерпеливо приблизился и протянул руку, желая выхватить лист у владельца.

Но Бармут разжал ладонь и отпустил свиток на волю ветра, пронизывающего причал. Воздушный порыв подхватил листок и понес к дальнему концу мостика, нависающему над пропастью.

– Ай, простите, какой я неловкий! – нахально кривляясь, принялся укорять себя Бармут.

– Ты это нарочно? – строго спросил адмирал.

– Что вы! Мне бы и в голову не пришло, – закатил глаза пират.

– Тая, сходи, забери листик, – попросил дед.

Но едва игрунья приблизилась к краю мостка, как порыв ветра поднял карту и унес ее в темноту.

– Ах ты, лгун! – рассердился на Бармута Драй. – Не хочешь выдавать нам свои секреты? А вот я тебя сброшу в пропасть – либо ты поработаешь крыльями и вернешь карту, либо потонешь в облачной мгле. А ну, ребята, отправьте-ка этого хитреца полетать!

Тепаш и Килимон с готовностью подхватили пирата и по-

тащили его к краю мостика.

– Будьте бдительны, там настил совсем хлипкий, – предупредил Хрюнкель.

– Тая, проверь, по мосту можно пройти?

Легкая игрунья взмахнула крыльями и пробежалась по доскам, едва касаясь их сапожками.

– Все в порядке, они держат, – сообщила она.

Рыцари в тяжелых доспехах проволокли пирата мимо нее. Бармут дергался в их руках и вопил:

– Эй, постойте, я долго летать не могу! Я там вконец пропадаю!

Не слушая причитаний, рыцари дотащили его до края и принялись раскачивать, чтобы бросить подальше. Доски под их железными поножами заскрипели и закачались. Стоило им размахнуться пошире, как прогнувшийся настил проломился, и они оба рухнули в образовавшуюся дыру.

– Помогите, мы застряли! – крикнул Тепаш, пытаясь выкарабкаться из пролома.

Килимон барахтался рядом с ним, но едва он хватался за края досок, как те с хрустом ломались, и он валился обратно. Бармут прилег на краю пролома, и, ничего не предпринимая для спасения своих мучителей, притворно заголосил:

– Ай-яй-яй, вот незадача! Как такое могло приключиться? Такие тяжеловесы на крылышках не удержатся. Бульк – и поминай, как звали. Хотите их выручить? Гоните сюда лодку. Другого выхода нет.

Недолго думая, Драй принялся сталкивать лодку с мостка.

– Осторожно, ее должен удерживать ветер, – предупредил адмирал.

Парус лодки раздулся и потянул ее ввысь. Заскрипели полозья, скользя по настилу. Драй напрягся, и лодка сошла с мостка, закачавшись на вольных ветрах.

– Толкайте ее сюда! – подгонял Бармут.

Едва лодка приблизилась, как он вскочил на борт и потянул парус, набирая высоту.

– Эй, стой! Ты куда? Спаси Тепаша с Килимоном! – рывкнул на него Драй.

– Извиняйте! Меня ветерок понес. Не могу с ним справиться! – издевательски крикнул Бармут, на прощанье помахав с кормы ручкой.

Тая взмыла на крыльях и принялась тянуть вверх застрявших рыцарей, но ее сил не хватало.

– Держи конец! – крикнул Тар, разматывая канат, привязанный к причальной пушке.

Тая подхватила веревку и продела ее под мышками Тепаша:

– Завязала! Тяните!

Драй дернул за веревку и выудил Тепаша из дыры. Тот повалился на мостик и тяжело задышал. Тот же трюк Тая проделала и с Килимоном. Только когда оба рыцаря оказались в безопасности, у нее выдалась минутка, чтобы посмотреть, куда делся Бармут.

Белый парус раскачивался над бескрайним простором. Воздушное течение несло лодку из гавани, с каждой минутой увеличивая расстояние.

– Упустили! Его уже не достать, – с досадой проговорил Драй.

– Мы узнали у него все, что было необходимо, – возразил Тар.

– Но мы так и не наказали его! А ведь он провинился по полной.

– Главное: мы выяснили, что убийца – не он.

– Что с того? Он пират и налетчик. Уже этого достаточно, чтобы сделать из него чучело.

– Поздно кусать локти. Нужно думать о том, что делать дальше.

Адмирал развернулся, махнул рукой внучке и поспешил к трактиру. Перед тем, как покинуть шаткий мостик, Тая еще раз взглянула на удаляющуюся лодочку. Ее парус едва виднелся – если бы не яркое сияние пяти лун, его и вовсе было бы не разглядеть. Вильнув несколько раз, он вылетел за пределы гавани и пропал в ночной тьме. Тая вздохнула, сложила крылья и заторопилась за дедом.

Глава 9. Ограбление

Самая ранняя из лун медленно тонула в дымке у западного горизонта, заливая облака призрачным светом. Зато оставшиеся две появились на темном небе и засияли тоненькими серпами, острые кончики которых как будто старались поддеть легкие острова, витающие где-то в заоблачной вышине. Теперь все семь ярких серпов висели над головой, давая понять, что летней ночи приходит конец.

Дили Драй хмуро уселся за стол и принялся скатывать шкуру клыкодюра, бормоча, что непременно припомнит пирату все его преступления, и что просто так от карающей десницы правосудия уйти не удастся никому.

Килимон с Тепашем взялись безжалостно расхищать съестные припасы трактирщика – Чумаданио так присмирел, что не осмеливался даже заикнуться об оплате. Пленный Атасио всхлипывал в подвале, жалобно умоляя отпустить его к возлюбленной Лындре.

– Что будет с вашим крепостным, барон? – спросил рыцаря адмирал.

– Закон позволяет мне снять с него голову, – ответил Драй. – Однако дело еще не улажено, и он понадобится, как свидетель. Эй, трактирщик!

Чумаданио мигом подлетел и подобострастно склонился.

– Кто еще был в твоём заведении, когда случилось убийство?

– Тут ошивается всякий народец. Одни придут, другие уйдут. За всеми разве углядишь?

– А этот разбойник, Ночной Упырь? Ты его прятал?

– Помилуйте, ваше высококорodie! – отшатнулся в испуге Чумаданио. – Как вы можете так говорить? У меня исключительно приличное заведение. Я с разбойниками знакомств не вожу.

– Откуда ж тогда взялся тот убитый тип в маске?

– Прибыл, как и все постояльцы, среди тумана и темноты. Только откуда мне знать, разбойник он или нет? Им ведь печатей на лбу не ставят.

– Эх, допросить бы тебя с пристрастием, как в добрые старые времена! – посетовал Драй. – Нынче уж больно запретов много – того нельзя, этого. Собственных холопов не тронь до тех пор, пока не докажешь вины. Право первой ночи – и то отменили! Раньше городские обыватели падали в лужи, едва завидев доброго рыцаря, а теперь вовсе страх потеряли. Ладно, пошел вон отсюда! У нас меж собой разговор. Если замечу, что подслушиваешь – уши отрежу!

Чумаданио безропотно выкатился из зала и захлопнул за собой дверь.

– Таисса, пойди, проверь, где этот хмырь. – Адмирал, не сдержавшись, ввернул простецкое словечко, какими сыплют матросы. При внучке он редко такое себе позволял.

Тая выглянула в коридор и убедилась, что трактирщик заперся в кладовой. Могучие и рослые мужи уселись вокруг большого стола в центре зала и устроили себе ранний завтрак, благо, у Хрюнкеля все было припасено заблаговременно. Тая попробовала хлебнуть вместе со всеми пива – дед поморщился, но промолчал. Она поняла, что ее принимают за равную, и почувствовала гордость.

– Как ни печально признавать, но наша прежняя версия оказалась несостоятельной, – заключил адмирал. – Бармут доказал свое алиби, хотя и провинился перед вами, барон. И все же, кое-что новенькое мы разузнали. Давайте попробуем подвести итог.

Убийство произошло здесь, в трактире, около часу дня. Час спустя незнакомец в багряной ливрее времен Ярвеля Яр-на попался Таиссе на проспекте Счастливой Звезды. Еще через час он объявился в моем доме и попытался ограбить меня. При помощи слуг удалось его задержать и посадить под арест. На допросе задержанный назвал себя Равионом Вартом и объявил о скором прибытии принца Леммонта. Сам же Леммонт вернулся в свой номер после шести часов вечера, обнаружил следы крови, пропажу денег и решил, что его слуга погиб при ограблении. Трактирщик Хрюнкель вызвал стражу, которая явилась лишь на следующее утро.

– Его высочество, должно быть, ошибся! – Здоровенный кулак Дили Драя грохнул по столешнице. – Этот трактирщик – скользкий тип, но в одном он прав: господу слишком

привязываются к своим слугам и верят им даже тогда, когда те предают и обманывают. Если допустить, что ваш пленник сказал правду о том, кто он такой, то все сходится. Принц Леммонт отправился на прогулку, чтобы осмотреть остров, который он не видел много лет. В это время его подлый слуга Равион задумал измену и сошелся с разбойником, Ночным Упырем, который скрывался в трактире после неудачной попытки ограбления. Вдвоем они обнесли номер принца и украли его деньги, вот только делиться добычей с подельником изменник Равион не захотел, и прирезал Упыря, а после пустился в бега.

– Он мог убить сообщника и потому, что по пятам за тем шла стража, – задумчиво вымолвил адмирал. – Стражники могли арестовать Упыря в любую минуту, и тот сдал бы напарника.

– Кто бы сомневался! – поддержал версию Дили Драй. – Выходит, что Равион дождался, пока его господин уйдет, спутался с Упырем, а после убил его и сбросил тело с обрыва. Уже через час он был в городе, где едва не попался страже, но угнал шершня у леди Таиссы и чудом избежал ареста. Пользуясь суматохой, вызванной наплывом придворных, он пробрался в ваш дом, граф, и попытался ограбить в придачу и вас, вот только не рассчитал своих сил и попался. Какой коварный тип, правда? Жаль, что вы отпустили его, нужно было держать его под замком до тех пор, пока все не раскроется.

Адмирал виновато отвел глаза и пробормотал:

– Он был таким убедительным, что я невольно ему поверил.

– Бросьте, граф, – перебил Драй. – Преступники ловко играют на наших чувствах. Они находят слабые места и давят на них до тех пор, пока не добьются своего. Но не стоит смущаться: этот проходимец обманул не только вас. Своего господина он тоже провел, а тот знал его гораздо лучше.

– Его высочество еще слишком молод. Он не знает народа, – попытался защитить принца Тар.

– Ему придется узнать народ получше, когда он станет королем, – буркнул Драй. – Итак, мы имеем дело с изменой. Убитый – Ночной Упырь, а убийца – Равион Варт. Придется огорчить его высочество этой вестью.

И рыцарь злорадно расхохотался.

– Простите, но разве не может оказаться убийцей трактирщик? – почувствовав себя на равных, Тая решилась высказать и свое мнение.

– Взгляни на этого жалкого слизняка, – снизошел до ответа начальник охраны. – Единственное, на что он годен – это зарезать свинью.

– Однако мы не можем исключить и его, – поддержал внучку Тар.

– Пока он проходит у нас, как свидетель. Против него нет улик, – возразил Дили Драй.

Рассвет третьего дня

Первые лучи Светозары уже окрасили краешек неба в розовый цвет, когда вся компания погрузилась на шершней, чтобы взять курс на столицу. Тая заняла место в карете рядом с дедом. Отоспавшийся в улье боцман Буль уже готов был тронуть вожжи, когда из трактира выскочил Чумаданио Хрюнкель и заголосил, размахивая пухлыми руками:

– Погодите! Возьмите меня с собой! У меня дело к его высочеству принцу.

– Какое у тебя может быть к нему дело? – недовольно поморщился адмирал.

– Как же! Ведь я теперь его поставщик и кормилец, – принялся уверять Чумаданио. – У меня таких знатных гостей сроду не водилось. Вот я и задумал сделать его высочеству подарочек. В одиночку ездить я не рискую: окрестности так и кишат разбойниками. Эти события такой страх на меня нагнали!

– Тащи сюда свой подарок, – нехотя разрешил Дили Драй.

Трактирщик выкатил из медуши пузатую дубовую бочку, высотой едва ли не больше его самого.

– Вот! – с гордостью произнес он. – Коньяк. Самый лучший, десятилетней выдержки. Аромат – закачаетесь. Такой и к королевскому столу подать не стыдно.

– Куда ж мы его возьмем? У нас места нет, – возразил Буль.

– Не извольте тревожиться! Я сам все устрою!

Пришлось задержаться до тех пор, пока трактирщик не погрузил бочку на телегу и не впряг в нее огромного мохнатого паука, на каких разъезжали селяне. Паук резво пустился в путь, перебирая всеми восемью лапами, но все же угнаться за шершнями он не мог, так что рыцарям приходилось садиться на землю и поджидать отстающего.

Когда они добрались до столицы, оранжевый солнечный круг уже поднялся над кромкой тумана, в котором терялся восточный край света.

Тепаш и Килимон приземлились на лужайке перед парадным подъездом дворца. Дили Драй выскочил из седла, тряхнул львиной гривой и удивленно спросил:

– Что тут за переполох?

Несмотря на ранний час, дворцовая прислуга была уже на ногах. Игруны в черных с серебром ливреях носились взад-вперед, как будто соревнуясь за звание самого взбалмошного. Сонные городские стражники выстроились цепочкой, словно защищая дворец от невидимой опасности.

Посреди всеобщей кутерьмы показался сияющий, как начищенный медный поднос, Тупиллио. Он сбежал по ступенькам, галантно подал руку Тае и помог ей выйти из кареты, хотя она несколько не нуждалась в чужой помощи.

– Какое счастье! – расплылся в улыбке юный герцог. – Светило могло бы и не всходить, все равно его затмевает сияние вашей красоты.

И он довольно рассмеялся над собственным комплиментом. Тая подозрительно всмотрелась в его лицо: сна ни в одном глазу, пышная каштановая шевелюра ровно уложена, словно над ней успел потрудиться опытный парикмахер.

– Что тут у вас происходит? – спросила она.

– Как? А вас разве не известили? – удивился Тупиллио. – Ночью ограбили сокровищницу в здании казначейства. Похищен целый набор драгоценных реликвий, но главное – злодеи украли Грозовую корону, которой наш принц собирался венчаться.

Наследник герцогского титула не сумел сдержать довольного смешка. Услышав эту новость, Дили Драй застыл, словно каменное изваяние.

– Как это случилось? – спросил адмирал, выбравшись из кареты.

– О, кем бы ни был грабитель, он проделал все с изяществом настоящего виртуоза, – охотно принялся повествовать Тупиллио. – Для начала он подмешал в пиво стражникам сонного зелья, а когда те уснули, пробрался в здание, непостижимым образом миновал все ловушки, вскрыл хранилище, и утащил самое ценное, что там было – Грозовую корону, а в придачу целый мешок золота и самоцветов. Вообразите себе удивление охраны, когда она обнаружила пропажу!

Герцог взял Таю под ручку, отвел в сторонку и зашептал:

– Представляете, в каком шоке сейчас всеми любимый принц? Коронация должна была состояться сегодня в пол-

день, а тут – р-раз! – и такая оказия. Его высочество, наверное, уже представлял себя королем!

По лицу Таи пробежала тень. Смотреть на довольного герцога было выше ее сил.

– Как же так? – прикусила она губу. – А что будет с мамой и папой? Ведь принц обещал их помиловать. Что же теперь? Все планы рушатся.

– Он помилует их, когда коронуется. Вот только когда это случится – теперь никто не скажет, – отозвался Тупиллио.

– Нам нужно осмотреть место событий, – заявил адмирал.

– Конечно-конечно! – голос Тупиллио казался липким от медовой любезности. – Я вас сам провожу. Вы с нами, барон?

В этот миг Дили Драй смотрелся быком, ищущим, на кого бы наброситься – напряженное выражение его лица и покрасневшие глаза не сулили добра тому, кто попадет под горячую руку. И только трактирщик, замаявшись рядом со своей телегой, невразумительно пролепетал:

– Мне бы к его высочеству на поклон...

– Боюсь, его высочеству не до гостей. – Тупиллио высокомерно смерил простолюдина взглядом.

– Но ведь он обещал! Говорил, что непременно оплатит мне за то, что я первым проявил к нему гостеприимство, – забормотал Чумаданио.

Заспанный Голодранио Куксель вяло выполз из подвала, стащил бочку с телеги и с натугой покатил ее вверх по крыльцу. Тая спряталась за широкую спину рыцаря, чтобы не по-

пасться ему на глаза.

– Я ради принца чуть жизнь не отдал! – потерял привычную покорность Чумаданио. – Может, это благодаря мне он до сих пор цел и невредим. Я, понимаешь, с утра до ночи воюю с разбойниками и ратую за государственные интересы. А меня во дворец не пускают? Где же тут справедливость? Вот кинусь в ноги баронессе ван Виль – это она меня, между прочим, такими привилегиями одарила. И пожалуюсь на то, что самым преданным слугам закрыт доступ в государевы покои.

– Да ладно, он с нами, его можно пустить, – махнул рукой стражникам Драй.

Тупиллио отвернулся, давая понять, что мелкая сошка его больше не занимает. Пухлый трактирщик вкатился в парадные двери и по-хозяйски распорядился:

– Ну, где тут у вас баронесса ван Виль? Ведите меня прямо к ней!

Юный наследник герцогского титула из кожи лез вон, чтобы продемонстрировать Тае галантность. Он подавал ей ладонь, придерживал под локоток и пропускал вперед. Тая принимала его ухаживания с некоторым ошеломлением: они были выгодны хотя бы тем, что многочисленные охранники не задавали вопросов о том, кто она такая и что делает на месте преступления.

Дили Драй перешел на решительный шаг и понесся к наминающему крепость казначейству так стремительно, буд-

то собрался проломить стену. Охранники, суетящиеся во дворе, едва успевали отскакивать в стороны, иначе он сбил бы их с ног.

Вслед за рыцарем Тая вошла в распахнутые настежь двери, адмирал и Тупиллио последовали за ней.

– Что за бардак? – загрохотал Дили Драй. – Почему вход распахнут? На ночь его должны запирать.

– Это все из-за пира. – Голос Тупиллио так и звенел от едва сдерживаемого смеха. – Поздно вечером наше высочество изволило пировать вместе со стражей, оказавшей ему столь любезный прием. По правде сказать, пиром я бы это мероприятие не назвал, скорее ему подошли бы слова «пьянка-гулянка». Она затянулась далеко за полночь, стражники бегали туда-сюда, вот и оставили вход открытым.

– Надо же! И это перед самой коронацией, – с досадой сказал адмирал.

Сразу за входом располагалось караульное помещение. Драй ворвался в него и застыл: на широких лавках вдоль стен беззастенчиво дрыхли, похрапывая, цензурион Шипиллио Жмых и его подчиненные, Задрубал и Обар Мотт. Их алебарды и копья валялись на полу, словно палки. Тупиллио презрительно поддел спящего Жмыха носком сапога и проговорил:

– Вот, полюбуйтесь. До сих пор не придут в себя. Видимо, на пирушке им подмешали сонного зелья.

– А вы, ваша светлость, его не попробовали? – подозри-

тельно спросил Тар.

– Я в этой вакханалии не участвовал, – пожал юный герцог плечами. – Это был сладкий момент единения с мелкими служаками их будущего короля. Им было не до меня.

Тая прикрыла ладонями губы, стараясь не выдать себя. «Спаси меня, Счастливая звезда, – неслышно молилась она. – Ведь именно этого Жмыха с его командой я и собиралась опоить в Каменной башне. А они очутились здесь, в казначействе. Как так вышло? Почему я заранее все не узнала? Вечно у меня все наперекосяк!»

Ей пришло на ум, что она никчемная, ни на что не годная неудачница, и от такой мысли на глаза навернулись слезы. Но кто мог опоить этих трех вместо нее? Видимо, тот, к кому попало ее сонное зелье. Чумаданио Хрюнкель свою порцию вылил, но вторая бутылка осталась у Равиона в Цветочном лесу. Ах, да, этот подозрительный Равион – вечно он путается под ногами...

Драй приподнял Жмыха, вlepил ему оплеуху и заорал:

– Цензурион, встать! Что тут случилось? Докладывай!

Не открывая глаз, Шипилио забормотал:

– Все в порядке. Мы несем службу, исполняем свой долг.

Беспокоиться не извольте.

И он опять захрапел, безвольно повиснув в объятьях рыцаря.

Драй отшвырнул его и распорядился:

– Перевести их обратно в Каменную башню. В столице

таким остолопам не место. Пусть послужат в дыре, может, тогда наберутся ума-разума.

Протиснувшийся в караулку Килимон кивнул, давая понять, что приказ начальника будет исполнен.

Драй стремительно вышел и по широкому коридору двинулся в сторону лестницы, ведущей в подвальный этаж.

– Сударыня, не угодно ли вам осмотреть самую сокровищницу? – подал Тупиллио руку Тае. – Вернее, все, что от нее осталось.

– Ума не приложу, как мог вор миновать ловушки! Ведь это же невозможно! – на ходу бросил Драй.

– Представляете, он их все обошел! – всплеснул ладошками юный герцог.

Едва спустившись, Тая попала в глухую камеру с гладкими стенами, выложенными из гранита. Драй задержался на лестничной площадке. Неожиданно двери захлопнулись. Тая очутилась в крошечной тьме и поняла, что находится в герметичном помещении без единого оконца.

– Работает! – заключил оказавшийся рядом с ней герцог. – Дили, выпусти нас. Юной красавице дурно от духоты.

Заскрежетали шестеренки невидимого механизма, и отворились сразу две дверцы – задняя и передняя, пропускающая дальше в подвал. Вслед за рыцарем вошел в камеру и адмирал.

– Эта ловушка – уже вторая, – пояснил Драй. – Сначала вор попадает в караулку, где его поджидает стража. Затем – в

эту камеру. Дверь захлопывается автоматически, и остается только дожидаться, пока прибежит охрана.

– А как здесь проходят служащие? – поинтересовался Тар.

– Очень просто. В коридоре – рычаг, спрятанный за панелью. Если его опустить – двери всех пропускают. Если поднять – захлопываются. Каждый вечер перед уходом сотрудники казначейства его поднимают, превращая проходную комнату в мышеловку. Но когда мы пришли, он оказался опущен. Вор заранее знал, что его поджидает, и отключил механизм.

Тая почувствовала облегчение, когда выбралась из глухой камеры.

– А вот и наше хранилище, – сказал Драй, доведя спутников до конца коридора. – Никому не придет в голову оставлять его нараспашку. И все же, вы видите, что оно открыто.

– А что это за струнки? – спросила Тая, ощупывая тонкие серебристые нити, соединенные с дверными створками.

– Это тревожные звонки, – пояснил Драй. – Когда посторонний открывает дверь, они натягиваются, и привязанные к ним бубенцы начинают звенеть. Но этой ночью никто звона не слышал.

Он сдвинул портрет герцогини, висевший на стене сбоку, и открыл спрятанную под ним нишу.

– Вот в чем дело! Струны сняты с крючков.

Рыцарь приладил дощечку, к которой тянулись нити, и установил ее на место.

– Троньте дверь, граф!

Адмирал качнул створку железной дверцы – та со скрипом поехала в сторону, распахиваясь еще шире. В уши Тае ударил нестерпимый перезвон бубенцов, раздавшийся сразу со всех сторон – с потолка, с улицы, из-за стен. Голова затрещала, и захотелось сбежать, но деваться от этого гвалта было некуда.

– Перестаньте, барон! Отключите эту адскую музыку! – закричал адмирал, но его голос утонул в трескучем шуме.

Драй среагировал на размашистые движения его рук и снял дощечку с крючков. Шум мгновенно утих, однако в голове у Таи еще продолжали звенеть бубенцы – ей казалось, что их навязчивое дребезжание не прекратится до вечера.

– Вор и этот сигнал отключил? – спросил Тар.

– Очевидно, что так, – согласился Драй, заходя в хранилище.

Светильники вспыхнули и озарили тесное помещение с широкими полками, тянущимися вдоль стен от пола до потолка. На нижних полках поблескивали аккуратные ряды золотых и серебряных слитков, составленных в пирамиды, на верхних виднелись высокие стопки монет. Тая почувствовала под сапогом посторонний предмет и нагнулась, чтобы поднять его. Это оказалась золотая коронка времен Ярвеля Лучезарного – на одной ее стороне сиял начищенный лик короля, на другой красовался коронованный шмель – символ прежнего царствования. Столичные обыватели привык-

ли звать такие монеты «кронками».

– Вор рассыпал сокровища по полу, – заметил адмирал. – Наверное, он сметал с полок все подряд.

– А вот и нет! – возразил Драй. – Это был хитрый и опытный тип, который точно знал, что ему нужно. Посмотрите, он не тронул тяжелые слитки, и не стал собирать монеты. Вместо них он забрал украшения и посуду, изготовленные придворными ювелирами. Они ценятся выше, потому что к стоимости золота и драгоценных камней добавляется еще и художественная работа. Но самое главное: вор забрал регалии королевской власти, а им вообще нет цены. Вот что осталось от Грозовой короны, без которой венчание на царство немислимо!

И Драй протянул адмиралу пустой ларец, отделанный красным бархатом. Тар осмотрел его и передал Тае. На мягкой подушечке до сих пор виднелся круглый след, продавленный золотым обручем.

– А чья это ливрея? Кажется, я ее уже видел, – спросил адмирал, поднимая багряную накидку с узором в виде шмеля, валяющуюся в углу.

Тая взглянула на нее и обомлела – еще вчера вечером эта ливрея колыхалась на плечах Равиона, во время их встречи в Цветочном лесу. Игрунья прикусила губу, чтобы с языка не сорвалось неосторожное восклицание.

– Старье какое-то. Наши слуги таких не носят, – презрительно бросил Тупиллио.

– Да и пират был одет по-другому, – заметил Драй. – Он никак не мог этого сделать, ведь когда я вел с ним занимательный разговор в «Краю света», вор как раз выносил ценности.

Адмирал внимательно посмотрел на внучку. Та отвела глаза. В присутствии герцога и рыцарей она не могла признаться, что сама приготовила сонное зелье, которым, по-видимому, и подпоили стражу.

– Пусть вор и сумел обезвредить сигнализацию, – вслух произнес Тар, – но как он открыл дверь хранилища? Ведь она запирается, верно?

– Конечно! И, смею заверить вас, замок самый надежный во всем королевстве, – откликнулся Драй.

– И у кого есть ключи от этого замка?

– Ключа всего два. Один, разумеется, у меня, ведь я начальник дворцовой охраны. Второй – у самой госпожи, ее светлости герцогини.

– Матушка отдала мне свой ключ, когда послала меня разобраться, что тут случилось, – сказал Тупиллио. – Вот он.

И он продемонстрировал тяжелый стальной ключ, свисающий с его шеи на прочной цепочке.

– Так, один ключ у нас есть. А где второй? – задал вопрос адмирал.

Дили Драй побледнел и схватился руками за пышную шелковую шаль.

– Я не успел побывать в своих личных покоях, – отрывисто

бросил он и стремглав вылетел из хранилища.

– Пусть зритель составит опись всего, что пропало, – распорядился Тар.

Тая положила монетку на полку и вслед за дедом вышла из тесной сокровищницы. У нее появилось ощущение, будто она выбралась из склепа или из запертого сундука.

Тупиллио не отходил от игруньи, оказывая ей всяческие знаки внимания. Тая хотела над ним посмеяться и сказать пару колкостей, но наследник герцогского титула оказался полезным проводником – он лично довел посетителей до жилых комнат Драя, располагавшихся на втором этаже дворца.

Герцогу не нужно было просить разрешения, чтобы зайти к своим подданным. Тая увидела рыцаря посреди скромно обставленной комнаты. Драй сидел на низкой скамье, свесив голову и запустив пальцы в огненно-рыжую шевелюру. За спиной его высился прочный дубовый шкаф с дверцами, распахнутыми настежь, как и все в этот день.

Адмирал тронул его за плечо и сказал:

– Я вам сочувствую.

– Как? Еще что-то случилось? – не понимая, повертел головой Тупиллио.

– Вор сначала пробрался в мои покои, – через силу выдавил из себя Дили Драй. – Должно быть, он знал, что меня не будет всю ночь. Еще он знал, что я храню дома карту и ключ. Сначала он украл их, и только потом отправился грабить хранилище. Он ни за что не прошел бы ловушки и не

проник бы в сокровищницу, если бы у него не было моих вещей.

– Ваши покои не охраняют? – осведомился Тар.

– Кому придет в голову соваться к начальнику охраны? Ворье боится меня, как огня. Стражу выставляют вокруг дворца – посторонних даже к подъезду не подпускают. Рыцари днем и ночью стерегут парадный вход. Лазейки для служек тщательно проверяют и запирают – я сам слежу за тем, чтобы даже мышь не могла проскочить. А ведь я так гордился, что навел во дворце порядок! За все годы, что я состою в своей должности – ни одного происшествия. И тут вдруг такой конфуз. Это удар по моей репутации, тяжелейший удар!

Рыцарь свесил голову еще ниже и погрузился в тяжелые раздумья.

Чтобы добраться до комнат принца, пришлось подняться по широкой лестнице на этаж выше. Тая заметила, что дворец оживлен: придворные дамы и их служанки теньями носились по коридорам, не издавая при этом ни звука, что делало их похожими на привидения. Тупиллио от посещения Леммонта отказался – у него нашлись дела поважнее, а вот Тая и ее дед настроились на сочувственный лад и приготовились утешать королевича, у которого корона уплывала из рук.

– Ни с места! – остановил всех Дили Драй. – Ведите себя осторожно. Кажется, гости наведались и сюда.

Тяжелые темно-зеленые шторы, занавешивающие узорные двери покоев, были раздвинуты. Створки дверей приот-

крылись, из узкой щелки падала тонкая полоска света. Начальник охраны бесцеремонно отодвинул Таю в сторонку и подозвал помощников.

– Килимон, тыходишь первым, я за тобой, Тепаш прикрывает тылы, – сдавленным шепотом принялся командовать Драй. – Первым делом зачищаем служебку и спальню, затем смотрим, не спрятался ли кто под столами или в шкафах. Отсекаем грабителя от окна – будет обидно, если он упорхнет.

Тая подивилась скорости, с которой двое сонных, скучающих рыцарей преобразились в собранных, сжавшихся, словно маковые ягуары, бойцов, готовых к атаке.

– Раз, два... – начал отсчет командир.

Не успел он произнести «три», как широкие двери с золотыми узорами распахнулись, и из покоев Леммонта выкатился сияющий и довольный, как кот, Чумаданио Хрюнкель. К выпирающему брюшку трактирщик прижимал увесистый мешок, в котором глухо позвякивали монетки.

– Ой, вы чего тут? – испугался он, наткнувшись на засаду.

– Раздраконь тебя гром! А ты чего? – опешил от неожиданности Драй.

– Я от принца. Он меня наградил!

Улыбка расплзлась по широкому, лоснящемуся лицу трактирщика.

– Его высочество не забыл меня, несмотря на невзгоды, обрушившиеся на его бедную, до сих пор не коронованную

голову! Вот настоящий народный правитель! Если в час испытаний он помнит про нас, простых обывателей, то значит – он наш, родной, всеми любимый. Истинно говорю вам: его ждет великое будущее.

– А что это побрякивает в твоей мошне? – подозрительно спросил Драй.

– Это моя награда! – Чумаданио спрятал мешок за спину, испугавшись, что жадные рыцари по привычке отнимут добычу. – Сам принц вручил мне ее за труды и старания. Все законно, из рук в руки. Не станете же вы обижать мирного обывателя прямо тут, во дворце, в этом храме справедливости и закона?

– Проваливай подобру-поздорову, – пихнул его в шею Драй.

– Вот повезло доходяге! – засмеялся Килимон, разом из ягуара превратившийся в расслабленного ленивца.

– Катись, пока мошну не растрясли! – припугнул Тепаш.

Чумаданио мышкой юркнул мимо и покатился по лестнице, перескакивая через ступеньки. Мешок с монетами он сжимал так, что вырвать его не смог бы, наверное, и зубастый клыкодюр. Рыцари оглушительно расхохотались, и даже адмирал позволил себе сдержанную улыбку.

Леммонт стоял в императорской позе перед широким окном, выходящим на дворцовую площадь. Руки принца были сложены на груди, подбородок высоко поднят, взгляд

устремлен вдаль. меховая мантия валялась на столе, поверх нее покоилась брошенная шляпа с пером. золотая цепочка, плетеная в стиле «каприз», колыхнулась, когда его высочество обернулся к вошедшим гостям.

– У вас все в порядке? – глаза Дили Драя так и шарили по углам роскошно обставленной гостиной.

– Разумеется. В этих унылых покоях всегда полный порядок. – Принц шагнул навстречу.

Тая отметила, что он выглядит сонным и вялым, несмотря на игривые искорки, мелькающие в глубине карих глаз.

– Вам уже рассказали о том, что случилось? Голова такая тяжелая, что до сих пор не могу этого осознать. Утром меня едва разбудили. Ума не приложу, что значат все эти события.

– Они значат, ваше высочество, что коронация откладывается на неопределенный срок, – сказал адмирал.

Искры в глазах принца сверкнули, и вялость слетела с него.

– Я так и знал, что заговорщики мне напакостят. В этом дворце сплошные интриги. Я говорил, что меня шантажируют? Вчера нашел новое письмо с угрозами, и где – в своей собственной комнате. Как вам это нравится? Негодяи думают, что я стану плясать под их дудку. Вот им, пусть выкусят!

И Леммонт продемонстрировал фигу десницей, затянутой в перчатку из оленьей кожи.

– Должно быть, в пиво, которое я распивал вместе с цензурином и его стражами, что-то подмешали, – продолжил

он. – Я проспал беспробудно всю ночь, насилиу продрал глаза. Это заговор, сплошной заговор. Повезло, что нас не отравили до смерти – заговорщики не останутся ни перед чем.

Тая поежилась.

– Кстати, что там с вашим беглецом, адмирал? Разыскали его? Подозреваю, что он – наемный убийца, которого подослали, чтобы прикончить меня. Чудо, что он до сих пор до меня не добрался.

Тая ужасно покраснела: ей захотелось признаться, что не далее, как вчера вечером, она встречалась с этим самым убийцей в Цветочном лесу, после чего у него осталась целая бутылка приготовленного ей сонного зелья. Она уже готова была заикнуться об этом, но слово взял ее дед, и она не решилась его перебить.

– Ваше высочество, поймать беглеца пока не удалось, – начал Тар. – Зато наша засада на пирата Барабулью дала неожиданный результат. Мы выяснили, что в момент преступления он совершал налет на поместье барона ван Виртиса. Рассмотрев собранные данные, мы решили, что убитый должен быть Ночным Упырем, а его убийцей – ваш слуга Равион, который вас предал и пустился в бег. По всей видимости, его я и задержал в своем доме. Если это действительно он, то опасаться не стоит – заговорщики не успели бы втянуть его в закулисные интриги, да и убивать вас ему нет никакого резона. Ведь если бы он это планировал, то выбрал бы момент, когда вы еще не доплыли до острова. На бескрайнем

просторе посреди воздушного океана можно совершить все, что угодно, разве не так?

– Да нет же, – раздраженно откликнулся Леммонт, звякнув золотой цепью. – Уверяю вас: мой слуга и не думал меня предавать. Я не присутствовал при его гибели, но сомневаться в нем у меня нет никакого желания. Беднягу убили, когда он защищал мое добро.

Дили Драй вышел из задумчивости, поправил гриву и произнес:

– Мы тщательно осмотрели убитого. На нем был плащ Ночного Упыря и разбойничья маска. Равион Варт остается единственным, кто подходит на роль убийцы.

– А лицо? Вы видели его лицо?

– Оно было обезображено до неузнаваемости.

– Вы провели опознание с ошибкой, – сказал Леммонт. – Равион ни за что бы меня не подвел. Должно быть, разбойник поменялся с ним одеждой.

– Зачем ему это?

– Чтобы запутать следствие. Чтобы его не искали. Чтобы посчитали мертвым, и оставили в покое. Чтобы сообщники не пытались отомстить. Мало ли бед у разбойников? Нам-то почем знать? Главное: раз вы нашли плащ и маску Ночного Упыря, значит, он был в трактире, верно? Иначе откуда взялась там его одежда? Вот он и убил моего слугу. И незачем клеветать на бедного Равиона, он заслужил добрую память.

Дили Драй начал краснеть. По выражению его лица Тая

догадалась, что он вот-вот взорвется и наговорит принцу таких резких слов, что после придется о них пожалеть.

– Ваше высочество, я должна вам признаться, – не утерпела она. – Вчера вечером я видела беглеца, того самого, что назвался вашим слугой, в Цветочном лесу.

– Что ты там делала? – изумился Тар.

– Я готовила сонное зелье, – смутившись, потупилась Тая.

– Зелье? То самое? Для чего? – вскинул на нее глаза Драй.

– Нет-нет, совсем не для того, о чем вы подумали, – поторопилась заверить Тая. – Я вспомнила что вы, ваше высочество, обещали освободить моих маму и папу. Но до их освобождения еще далеко, и враги могут на них отыграться. Я придумала опоить зельем стражу и привезти их домой, где они дождались бы вашего восшествия на престол. Жаль, что все вышло не так. По дороге в Цветочный лес я встретила нашего бывшего пленника, называющего себя Равионом. Он увязался за мной и похитил бутылку с зельем. Правда, на него напал егерь, но я не знаю, что с ним стало дальше. И главное: он был одет в ту ливрею, которую бросили в ограбленном хранилище.

– Ах, вот, значит, как! – вскочил разъяренный Драй. – Так ты тоже в этом участвовала, дрянная девчонка?

– Угомонитесь, сударь! – загородил внучку адмирал. – Я не позволю обижать членов моей семьи. Они и так пострадали. Вам этого мало?

– Но это ее зелье! Она сама призналась!

– Таисса призналась лишь в том, что ее зелье похитили. И сделал это игрун, называющий себя Равионом. Его ливрею я самолично нашел на месте преступления всего полчаса назад.

– Еще чуть-чуть, и я начну верить, что вы заговорщик! – бросил ему в лицо Драй.

– За эти слова вам придется ответить! Немедленно извинитесь, или я вынужден буду вызвать вас на дуэль!

Тая представила, как огромный рыцарь кромсает мечом ее деда, и испугалась. Леммонт пришел ей на выручку и вмешался:

– Господа, будьте благоразумны. Пока вы ссоритесь, убийца разгуливает на воле. Мало того, что он прикончил слугу – так он еще, как мы выяснили, совершил нынешнее ограбление. Очевидно, для того, чтобы сорвать мою коронацию. Ну, и кто он после этого? Как вы думаете? Мелкий прислужник, или настоящий разбойник, проявляющий чудеса жестокости и коварства?

Рыцарь остыл и неловко проговорил:

– Простите, граф, я, кажется, погорячился.

Адмирал поиграл желваками, и убрал ладонь с рукояти кортика, висящего на его поясе.

– Давайте-ка пораскинем мозгами, – предложил он. – В ночь перед первым днем разноцвета разбойник Ночной Упырь пытался ограбить сокровищницу, но потерпел неудачу и спрятался на постоялом дворе Чумаданио Хрюнкеля.

Мы знаем это, потому что нашли там его одежду и маску. На тот же двор за час до рассвета прибыл его высочество Леммонт со слугой Равионом. Днем принц отправился гулять по окрестностям. Воспользовавшись его отсутствием, Ночной Упырь забрался в его номер, но столкнулся с Равионом, который бросился защищать господское добро. Равиона разбойник заколол. Чтобы запутать следы, обменялся одеждой с убитым, себе взял его ливрею, а на мертвое тело надел плащ с оторванным рукавом, после чего сбросил его со скалы, присвоил деньги принца и сбежал.

Час спустя Таисса встретила его на проспекте Звезды. За разбойником уже гналась стража, но тот оседлал шершня и спрятался в моем доме, пользуясь тем, что как раз в этот час у меня гостила ее светлость герцогиня со свитой, отчего дом наводнился множеством новых лиц.

Однако и этого разбойнику показалось мало – он задумал ограбить еще и меня. Напасть прямо во время визита он не мог – с герцогиней прибыли вооруженные рыцари, которые смогли бы ее защитить. Но как только ее светлость с охраной отбыла восвояси, вор покинул укрытие и попытался похитить ларец с драгоценностями. Тут его и застала Таисса, а после и я.

Попавшись, Ночной Упырь назвал себя Равионом Вартом, которого сам же за два часа до этого и прикончил. Для убедительности он добавил все, что знал о возвращении принца – видимо, надеялся, что так его быстрее отпустят. На следу-

ющий день его высочество заверил нас, что слуга погиб, хотя тело к тому моменту еще не было найдено. Но вскоре мы его обнаружили, и тут произошла ошибка, которая дорого стоила – мы приняли убитого за самого Упыря. Я решил, что раз так, то мой пленник разбойником быть не может, и отпустил его, в чем раскаиваюсь до сих пор.

– Не вините себя, граф, в этом есть и моя вина, – вмешался Дили Драй. – Это я купился на уловку преступника, поменявшегося с жертвой одеждой. Его хитрость сработала. Я увидел знакомый плащ с маской и решил, что убитый и есть тот разбойник, за которым мы охотились.

– Кто бы ни был виноват – Ночной Упырь продолжил свои злодеяния, – произнес адмирал. – Этой ночью он все же добился того, к чему так стремился – ограбил хранилище казначейства и умыкнул Грозную корону, чем сорвал коронацию принца. При этом он использовал сонное зелье, похищенное у моей внучки. На месте преступления осталась та самая ливрея, в которую он был одет в Цветочном лесу.

– Что ж это за разбойник такой? – не удержавшись, всплеснула руками Тая. – Послушать вас, так это не вор, а какой-то демон и гений преступного мира.

– В какой-то мере так оно и есть, – сменил гнев на милость Драй. – Ночной Упырь уже несколько лет наводит страх на Облачный Вышеград. Правда, орудует он всегда в маске – из-за этого его не могут опознать. Его ловкость до сих пор оставалась непревзойденной. Мы столкнулись с серьезным

противником. Разоблачить его будет непросто.

Леммонт приблизился к Тае, взял ее за руки и проникновенно сказал:

– Сударыня, вчера в лесу вам грозила смертельная опасность. Я благодарю судьбу за то, что она уберегла вас. Злодея, который нам всем не дает покоя, нужно срочно поймать и обезвредить.

– Вот только где его искать? – с сомнением возразил Драй. – Наверняка он теперь затаится. Забьется в какую-нибудь щель и будет сидеть, не показывая носа. Ведь он столько награл!

– Да, вряд ли он сам явится, чтобы попасть в наши руки, – согласился адмирал. – А надежного следа у нас нет.

Неожиданно со двора донеслись растревоженные голоса стражников. Дверь гостиной распахнулась, запыхавшийся Килимон Кардасар откинул портьеру и ввалился, от избытка чувств размахивая кулаками.

– Господа, – сообщил он. – Стража только что задержала того прощельгу, которого все зовут Равионом. Он пытался пробраться к вам, ваше высочество, прямо в эти покои. Видимо, для того, чтобы устроить на вас покушение.

– Вот мы сейчас и узнаем, кто это такой и что ему нужно! – выкрикнул Леммонт и кинулся к выходу.

Но адмирал удержал его и проговорил:

– Ваше высочество, если это покушение, то вам ни в коем случае нельзя встречаться с убийцей. Вы дадите ему шанс

напасть на вас.

– Совершенно верно, – поддержал его Драй. – В случае покушения охраняемому лицу надлежит оставаться в безопасном месте. Самое безопасное место – здесь, в этих покоях. Граф, побудьте с принцем, а я посмотрю, в чем там дело.

Махнув рукой Тепашу и Килимону, Драй стремительно вышел. Рыцари последовали за ним.

– Тая, куда? – выкрикнул адмирал, заметив, что его внучка понеслась вместе со всеми.

Но игрунья не слушала деда. Она выскочила на улицу и побежала к левому крылу дворца, где кипела жаркая схватка. Равион, гремя дощечками на сломанном крыле, пытался отбиться от полудюжины стражников, насевших на него сразу со всех сторон.

– Вот, ваше высокородие, полюбуйте! – доложил очнувшийся, но все еще сонный Шипилио Жмых. – Нарушитель перелетел через ограду, миновал пост охраны и попытался добраться до окон его высочества принца, но из-за сломанного крыла не смог подняться на высоту и свалился на землю, где мы его и задержали.

– Что-то я не вижу, чтобы вы его задержали, – раздраженно обрушился на него Драй. – Злодей до сих пор отбрыкивается. Свяжите его и посадите в подвал. После я его допрошу.

– Не извольте беспокоиться. Мигом все сделаем! – пообещал церзурион и полез в гущу схватки, крича своим сослуживцам:

– Вяжи негодяя! Ихнее благородие желает его допросить!

Однако Равион и не думал сдаваться, несмотря на крыло, безвольно свисающее у него за спиной. Он раскидал стражников и вскочил на шершня, мирно пасущегося среди оранжевых одуванчиков, заполонивших дворцовые газоны. Дрессированный летун подчинился и взлетел, вознося его на высоту.

– Лови его! Ведь уйдет, шельмец! – с досадой заорал Драй.

Шершень поднял своего седока до окон третьего этажа. За стеклом мелькнуло тревожное лицо адмирала – он быстро задернул плотные шторы и пропал из виду.

– Шершня мне! – приказал Драй. – Подозреваемый сам лезет в руки, а мы его отпускаем!

Тая убежала за ограду, где распрягший карету Буль поил у фонтана животных. Шептун мочил в воде усики, стараясь не попадать под струи, льющиеся из мраморного кувшина русалки.

– Цыба, седлай Шептуна! – выкрикнула игрунья.

– Седла в улье остались. Шептун со вчерашнего дня ходит в упряжке, – виновато развел руки в стороны боцман.

Тая поняла, что здесь, посреди городской площади, раздобыть седло будет не так-то просто, и вскочила Шептуну прямо на спину, погрузившись в его мягкую шерстку. Шершень недовольно дернул жалом, показывая, что не одобряет такого вольного обращения.

– Шептунчик, миленький, поднимай меня в воздух! Взле-

тай! – зашептала Тая, поглаживая его по холке.

Послушный шершень замахал крыльями и оторвался от земли. Фит и Буль завозились с двумя другими летунами и немного отстали, но Тая не стала их дожидаться. Рыцари уже стартовали и устремились вперед, за разбойником, и Шептуну пришлось напрячь все силы, чтобы догнать их.

Равион натянул поводья и направил своего шершня туда, куда падали тени высоких шпилей – в сторону западных кварталов, располагавшихся между проспектом Счастливой звезды и Путем семи лун. Эти кварталы, сильно пострадавшие от Огненной бури, были заброшены, и Тая догадалась, что беглец хочет укрыться в хитросплетении разрушенных улиц.

Однако, чтобы добраться до них, требовалось пересечь широкую рыночную площадь, отданную во власть простонародья. Территория рынка могла бы вместить три стадиона, только вместо спорта на ней занимались самой азартной игрой на свете – куплей-продажей. Нравы тут царили самые простые: рядовые игруны свободно порхали над торговыми рядами, нисколько не заботясь о дворянских приличиях, и кругами носились над лавками, выскивая нужный товар.

Равион углубился в этот кишаший рой, который пришел в движение и возмущенно загудел от того, что его потревожили. Дили Драй врезался в толпу игрунов и грубо отшвырнул в сторону торговца, попавшегося ему на пути. Тепаш обнажил меч, а Килимон принялся размахивать булавой, чтобы

челядь вспомнила об уважении и не мешала служилым заниматься делом государственной важности.

Тая поспешила за ними, но ее, в отличие от закованных в железо бойцов, никто не воспринимал всерьез. Брюхатый купчишка, подлетающий к своей лавке с мешком изюма, и не подумал уступать ей дорогу. Тая врезалась в него, перелетела через голову Шептуна и рухнула на палатку, обтянутую разноцветной материей. Палатка свалилась, и игрунья запуталась в полотне. Фит и Буль поспешили ей на выручку, но пока они помогали ей выпутаться и отгоняли разъяренного хозяина палатки, погоня умчалась вдаль.

Шептун сам опустил, подставив хозяйке спину. Равион пропал из виду: одинокого беглеца было не разглядеть среди множества горожан, в этот утренний час вылетающих из своих домов. Стальные доспехи рыцарей маячили в стороне – Дили Драй, должно быть, решил, что преступник попытается вылететь за край острова и спрятаться под обрывом, надеясь на то, что преследователи испугаются устраивать поиск над бездной.

Тая окинула взглядом простирающееся перед ней плато, на котором ютилась столица. Даже на фоне высоких дворцов и башен выделялась скособоченная громадина Колизея – старинной, давно заброшенной арены, которую не пощадила всеобщая разруха. Игрунья направила Шептуна к ней. – Куда ты? – удивленно бросил ей лейтенант Фит. Но у Таи не было времени на долгие объяснения. Ее рас-

чет оправдался: вместо того, чтобы лететь к краю острова, за которым зияла лишь пустота, беглец попытался затеряться в заброшенных зданиях западного квартала, давно снискавших дурную славу дикого, разбойничьего уголка. Его шершень показался у верхнего этажа Колизея и юркнул в одно из широких окон, что смотрели на все стороны света.

Фит и Буль во все горло принялись орать рыцарям, чтобы те возвращались, а Тая поспешила за беглецом. Она оказалась под высоким и мрачным сводом, сквозь пролом в котором едва заглядывали солнечные лучи. Это пустующее сооружение давно облюбовали летучие мыши – они тысячами свисали с потолка и с арочных перекрытий, создавая впечатление живого ковра, колышущегося при малейшем дуновении ветерка.

Равион носился внизу, у арены, предназначенной для игры в прыгающий мяч. Он успел подобрать ветхий посох, каким в старину спортивные судьи подавали сигналы командам. Тая снизилась и углубилась в каменный лабиринт, в котором когда-то гладиаторы сражались с диковинными зверями. Кирпичные стены обрушились, и выследить беглеца не составило труда.

Однако преступник не захотел убегать. Дерзко повернув шершня к Тае, он полетел ей навстречу. Игрунья выхватила из ножен шпагу и нацелила ее острие врагу в грудь. Равион отбил клинок посохом, рванул вверх, оказался у Таи над головой и огрел ее по спине, примяв два крыла.

– Ах ты, упырь! – рассердилась игрунья, морщась от боли.

Пока она закладывала вираж, под купол влетели рыцари, ведомые Фитом и Булем. Увидев, что к Тае пришло подкрепление, Равион бросился наутек, но рыцари начали окружать его, чтобы отрезать пути отступления.

Тогда беглец взмыл к самому куполу и принялся лупить посохом по спящим нетопырям, каждый из которых размерами превосходил взрослого игруна в полтора раза. Летучие мыши запищали и заволновались. Живой ковер пришел в движение и забурился.

Нетопыри отцеплялись от потолка, свободно падали вниз, расправляли перепончатые крылья, и, совершив резкий маневр, взмывали ввысь. Всего нескольких мгновений хватило, чтобы на Таю обрушилась целая туча пищащих и хлопающих крыльями существ с тупыми мордами и острыми зубами. От столкновения с ними едва мог увернуться даже шершень.

Вокруг завертелась кутерьма, перед глазами Таи мелькали перекошенные рыла и злобно оскаленные физиономии нетопырей. Рыцари пропали из вида, и даже толстый боцман потерялся в этой клокочущей туче, готовой опрокинуть все на своем пути. На помощь Тае пришел лейтенант Фит. Он приблизился, схватил Шептуна за уздечку и потянул к выходу.

Свет отпугивал нетопырей, они предпочитали держаться в тени. Едва оказавшись на солнце, Тая почувствовала облегчение. Она обернулась к Фиту, задержавшемуся, чтобы прикрыть ее отступление, и увидела, как в него врезалась

здоровенная крылатая тварь. Лейтенант сорвался со спины шершня и хлопнулся на арену.

– Ланс! – закричала Тая и устремилась к нему.

Но появившийся рядом боцман перехватил Шептуна и потащил прочь. Трое рыцарей выбрались следом, ошеломленные и растерянные, несмотря на оружие и доспехи.

– Куда делся преступник? – разъяренно спросил Дили Драй, оглядываясь по сторонам.

– Попробуй, разыщи его среди такой свистопляски, – отозвался Килимон, отмахивающийся булавой от кишащих вокруг тварей.

Шершень Фита вылетел без седока. Сам лейтенант выбежал из здания пешком, приволакивая ногу – он ушибся при падении.

Тая взмыла повыше, чтобы окинуть окрестности взглядом, но Равиона и след простыл.

– Ищи теперь ветра в поле, – буркнул боцман Буль, помогая лейтенанту вновь забраться на летуна.

Дили Драй отказывался сдаваться. Он погнал своих подчиненных на поиски, но как ни летали Килимон с Тепашем по округе, заметить беглого разбойника им не удалось.

– Вот ведь лихач! – с досадой проговорил Драй. – Настоящий ночной упырь, а может, кто-то и похуже.

Шершни взопрели и выдохлись от сумбурной гонки, во время которой из них безжалостно выжимали все силы. Седоки пожалели животных и опустили на улицу, вымощен-

ную гладкой плиткой с разноцветными прожилками. Дили Драй спешился и побрел обратно к дворцовой площади. Он выглядел осунувшимся и опустошенным. Адмирал зашагал рядом с ним, не теряя стройной, величественной осанки. Тая пустила Шептуна порезвиться на зеленом газоне, но бдительные Фит и Буль не позволили ей отстать.

– У меня ощущение, будто на горло мне натянули удавку, и она все сжимается, – пожаловался рыцарь. – Враги так и плетут интриги, и я не знаю, чего ждать в следующий час. Если немедленно не разоблачить их, они сделают решительный ход, и тогда герцогиня останется без охраны, а династия Паллиандров рухнет.

– Вы продолжаете думать, барон, что заговор составился против вас? – удивился Тар. – По-моему, все указывает на то, что заговорщики покушаются на его высочество.

– Бросьте, граф! – возразил раздраженно Драй. – Все один к одному. Смотрите сами. Сначала Ночной Упырь попытался разграбить сокровищницу, которая находилась под моей опекой. Я сорвал эту попытку, но моя репутация пострадала. Затем ни с того ни с сего вдруг явился принц Леммонт, которого все считали погибшим. Это, конечно, радостная весть, и все такое. Но я о его возвращении не ведал ни сном, ни духом, а для моей госпожи это важно. Вышло, что это событие я прозевал, и по дворцу поползли шепотки: каков наш охранитель, если не видит того, что творится под носом? Коронация Леммонта приведет к отстранению от власти герцогини,

ее наследник потеряет шанс стать королем – и снова я ничего не сделал. Падут Паллиандры – мне придется уйти вместе с ними. Плакало тогда мое поместье Виртис, которому все так завидуют. И вот, наконец, ограбление сокровищницы. Оно все-таки состоялось. Моя репутация разрушена окончательно и бесповоротно. И вы все еще утверждаете, что заговор – против принца?

– Возможно, это случайная цепь совпадений? – недоверчиво произнес адмирал.

– Цепь не бывает случайной, ее нужно ковать, – переходя на громкий тон, заявил рыцарь.

– Вы могли бы поправить свое положение, если бы раскрыли дело об убийстве в трактире.

– Кого волнует это убийство? – загромыхал Драй, ускоряя шаг. – Подумаешь, прирезали какого-то доходягу. Я начинаю думать, что меня нарочно заставили им заняться, чтобы отвлечь внимание, пока неведомый интриган готовится воткнуть нож в мою собственную спину.

– Но ведь вам, как и мне, это расследование поручила ее светлость, которую вы называете своей госпожой, – осторожно напомнил Тар. – Не могла ли она что-то затеять?

– А вот это вы зря!

Дили Драй остановился перед худым адмиралом и навис над ним, как гора.

– Я не позволю винить герцогиню. Она не при чем. Чтобы уволить меня, ей не пришлось бы прибегать к хитрости, я и

так в ее власти. У нее нет опоры надежней, чем мой меч.

– Как вам будет угодно, барон, – недовольно вымолвил
Тар.

Глава 10. Принц в руках у преступников

Тае было жалко смотреть на бравого командира гвардии, когда он докладывал принцу о провале погони.

– Как же так? – сокрушался Леммонт, бегая из угла в угол. – Ведь этот наемник сам лез нам в руки. Как бы он не сошелся с пиратом. Тогда эти двое составят такую шайку, с которой никто не справится.

– Вы преувеличиваете, ваше высочество, – возразил Дили Драй. – И у рыцарей, и у стражи сил намного больше, чем у любой шайки.

– Однако это не помогло вам предотвратить ограбление казначейства!

Драй прикусил губу – ему трудно было терпеть напоминания о собственных провалах.

– Килимон с Тепашем останутся в ваших покоях и будут стеречь вас день и ночь, – произнес он.

– Ну уж нет, избавьте меня от их присутствия! – взорвался Леммонт. – Дворец и так напоминает проходной двор. Кто тут только не шастает. Подметные письма с угрозами появляются в моей гостиной чуть ли не каждый день. Я чувствую себя в безопасности, только когда остаюсь в одиночестве.

Так не приходится опасаться, что первый встречный преподнесет мне сюрприз.

Даже разумные слова адмирала не помогли убедить принца. Он так и не согласился на то, чтобы разместить охранников в своих покоях. Пришлось укреплять оборону у входов во дворец, у окон и даже на крыше, через которую лихой игрун мог бы пробраться внутрь, используя крылья.

Рыцари расстались с адмиралом в самом мрачном расположении духа. Только вернувшись в родной дом, Тая почувствовала облегчение. Она сама отвела Шептуна в стойло и почистила его шерсть щеткой, на что пришлось потратить не меньше четверти часа. Когда она вошла в гостиную, то застала старших в состоянии глубокой тревоги.

Адмирал беспокойно прохаживался вдоль высоких окон, лейтенант Фит устроился на диване, а боцман Буль пытался заделать дыру в переплете книги, которую оставила шпага Равиона. Напряжение так и висело в воздухе, и Тая юркнула в кресло, притворившись незаметной.

– Что за нелепость! – вырвалось у адмирала. – Дили Драй на полном серьезе считает, что последние события направлены против него. Вот уж не думал, что у этого исполина так разыграется мнительность.

– Командир гвардии – выскочка, – осторожно заметил Фит. – Его возвысила герцогиня. Еще недавно он даже баронского титула не имел, а наша правительница подарила ему лучшее поместье в стране. Наверняка он многим встал

поперек горла.

– В одном он прав – интриговать против него герцогине нет смысла, она может его просто уволить, – вымолвил Тар. – А вот избавиться от принца не так просто. Если герцогиня и затевает интриги, то против Леммонта.

– Но тогда Драй был бы в эту интригу втянут, – возразил Фит. – Ведь он – ее правая рука.

– Откуда мы знаем, что он не втянут? – ворчливо подал голос боцман Буль.

– В самом деле, – остановился адмирал перед окном. – Вам не показалось подозрительным, что Драй упустил разбойника? Ведь тот сам шел нам в руки, а теперь мы не знаем, где его искать.

– Если принять, что за интригой стоит сам Драй, то все сходится, – заметил Буль. – Судите сами. Если коронуется Леммонт, его ждет отставка. Наш рыцарь всегда рад услужить госпоже, которая осыпает его милостями. Как нетрудно догадаться, сокровищницу ограбил разбойник, которого все зовут Ночным Упырем. Мы его знаем под именем Равиона. Драй уже дважды его упустил – это выглядит, как попустительство.

Что, если этот упырь Равион – наемник, нанятый самим Драем? Дили мог сам инсценировать ограбление в ночь на первый день Разноцвета. Упырь якобы выскользнул из его рук, оторвав рукав. На самом деле начальник охраны нарочно его отпустил. Это был отвлекающий маневр, а настоящая

задача разбойника – убить принца, который как раз в этот день прибыл на остров.

После инсценировки у казначейства Упырь отправился в Край света. Но он не знал, кто из путников – принц, а кто – слуга. Дождавшись, пока один из путников уйдет, он прикончил второго, приняв его за господина. Однако это оказался не Леммонт, а Равион. Разбойник сбежал и назвал его именем, после чего объявился у нас и попытался украсть письма Ярвеля.

– Я его видела на проспекте Звезды, – напомнила Тая.

– Преследование стражников тоже могло быть инсценировкой, – возразил Буль. – Он выскочил, как чертик из табакерки, после ухода герцогини и Драя. Где они – там и он. Но мы дали ему отпор и сорвали их планы. В результате принц благополучно заявил о себе и был всеми признан. А Дили только нарочно сбивает нас с толку: утверждает, будто убитый – Ночной Упырь. Он водит нас за нос!

– Зачем он вообще взялся нам помогать? – задал вопрос Фит. – Ведь убийство в трактире ему до звезды.

– Его навялила мне герцогиня, – с досадой откликнулся адмирал. – Очевидно, для того, чтобы контролировать следствие и пускать его по ложному пути.

– Но почему герцогиня выбрала для расследования именно тебя? – спросила деда Тая.

– Может, для того, чтобы отвлечь нас от забот о принце. А может, потому что я перед ней никогда не выслуживался,

и результаты моего расследования ни у кого не вызовут сомнений. Народ поверит в мою версию. Вот Драй и взялся ее подсказать.

– Итак, Равион – это Ночной Упырь, нанятый Дили Драем, чтобы убить принца, – подвел итог боцман Буль. – Если наемника не остановить, он доведет свое дело до конца. На Драю нельзя полагаться, от него наши планы нужно скрывать.

– Да, все так, – согласился с ним адмирал. – Вот только как спасти принца, когда все вокруг – против нас?

– Надеяться не на кого. Я сама возьмусь оберегать его высочество, – решила Тая.

– С такой защитницей ему нечего опасаться, – рассмеялся дед.

– Зря смеешься! – обиделась дева. – Я упрошу Лайру, чтобы она отвела мне комнатку рядом с покоем Леммонта. День и ночь я буду рядом, никто мимо меня не проскочит.

– Лайра не сможет устроить тебя во дворце, – усомнился адмирал. – Мы не входим в число придворных, да и вообще нам там не рады.

– Лайра может все, – убежденно ответила Тая. – Она поймет, как это важно, и непременно поможет. Дождусь, пока все успокоится, и сразу отправлюсь к ней!

После обеда игрунья принарядилась – надела свежесглаженную сорочку, аккуратно продев крылья сквозь прорези на спине, поверх натянула бархатную жилетку, расши-

тую серебряной нитью, накинула плащ с меховой опушкой, а неудачно обрезанные волосы скрыла под алой шапочкой. Не забыла она и про шпагу – та подчеркивала, что ее обладательница исполняет служебный долг. В таком виде показаться перед придворными было не стыдно, и Тая смело отправилась во дворец.

Первая преграда поджидала ее у решетчатой ограды, отделяющей Мятежную площадь от широкого двора перед роскошной резиденцией Паллиандров. Двое незнакомых рыцарей, с ног до головы закованных в железо, наотрез отказались ее пропускать. С ними не удалось даже поспорить – их лица были скрыты под опущенными забралами шлемов. Тае пришлось повернуть и искать обходные пути. Она побрела мимо ограды, надеясь найти местечко, где можно незаметно через нее перелететь, однако повсюду сновали слуги и стражники, и выбрать укромный уголок оказалось не так-то просто.

Сквозь железные прутья решетки виднелся вход в подсобку, ведущую в глубокие подвалы под дворцом. Там, в этих подвалах, располагались склады и винные погреба, там сновали мелкие служки, среди которых легко затеряться, и множество лестниц и тайных ходов вводили оттуда на верхние этажи дворца. Дубовые двери так и притягивали взгляд Тае – она думала, что если бы ей удалось до них добраться, то просочиться дальше было бы делом техники.

Неожиданно двери раскрылись, и на лужайку перед двор-

цом выбрались две темных фигуры в одежде прислуги. Первого служку Тая узнала сразу – это был Голодранио Куксель, на тощем теле которого ливрея висела, как обноски на огородном пугале. Но его спутник в темном плаще показался Тае еще интереснее: невысокая коренастая фигура с порывистыми движениями, широкий решительный шаг и прядь каштановых волос, выбившаяся из-под капюшона, напоминали чудесным образом возвращенного миру принца.

Оба путника не желали, чтобы их замечали. Они тихонько проскользнули мимо охраны, пересекли площадь и углубились в тенистые улочки, расползающиеся от проспекта к окраинам. Тая испытала желание догнать принца и предложить ему свою помощь, однако по его поведению становилось понятно, что ее появление нарушит его планы. Бросить Леммонта одного также показалось ей невозможным, и она последовала за ним на расстоянии, надеясь, что все само собой прояснится.

У городских ворот Леммонт расстался с Кукселем и выбрался за пределы столицы. Долговязый служка остался посторожить и присмотреть за тем, не увязался ли за его господином «хвост». На счастье Таи, Голодранио оказался крайне неловким в делах тайной слежки, и она без труда проскочила мимо, не вызвав подозрений.

Спуск с высокого плато, на котором стояла столица, привел Таю к широкой равнине, усеянной остовами разбитых кораблей. Кладбище судов, уничтоженных Огненной бурей,

производило настолько тягостное впечатление, что обычные горожане старались держаться от этого места подальше.

Темный плащ Леммонта мелькал вдалеке – принц бродил среди пробитых корабельных корпусов, зияющих дырами. У Таи возникло желание неожиданно появиться и удивить его, но любопытство пересилило и она решила посмотреть, что будет дальше.

Леммонт углубился в нагромождение деревянных развалин, похожих на обглоданные скелеты китов, выброшенных на берег. Неожиданно из одного такого скелета выскользнули две фигурки: чернобородый крепыш с абордажной саблей и светловолосый юноша с шейным платком и дощечкой, наложенной на крыло. Они тенью двинулись за пришельцем, который бродил среди обломков, не замечая, кто крадется у него за спиной.

Тая невольно вскрикнула, когда двое преступников накинулись на принца и скрутили ему руки, но ее возглас остался неслышанным из-за дальности расстояния. Разбойники набросили на голову Леммонта мешок. Тот попытался освободиться и отчаянно завертел головой, но ему не давали пошевелиться. Справившись с извивающимся принцем, похитители взвалили его на плечи и погрузили в пиратскую лодочку, спрятанную среди огромных корабельных останков.

Тая бросилась на вырубку, но не успела она приблизиться, как лодка взмыла ввысь и помчалась к краю острова. Ветер раздул горизонтальный парус, превратив его в сверкающий

белизной купол. Лодка стремительно набрала ход, выплыла за береговую линию и понеслась над бездонным простором, в глубине которого кипело дымное варево грозových туч.

Тая сбросила плащ, высвободила крылья и попыталась догнать ускользящее суденышко, но даже легкой игрунье оказалось не под силу перегнать парус, поймавший воздушный поток.

Край земли мелькнул под ногами. У Таи перехватило дух: летать над бездной для любого игруна – сущий кошмар. При одной мысли о том, что будет, если погрузиться в грозовые облака, волосы вставали дыбом. Дева опустилаcь на берег и спряталась за выступом скалы. На ее счастье, лодку отнесло от берега недалеко, и она видела все, что происходило на ее борту.

Пират и разбойник не церемонились с принцем. Для начала его руки и крылья как следует спутали веревками, чтобы он не мог шевельнуться. Затем Леммонта опрокинули вниз головой и подвесили за бортом, держа за ноги.

– Ваше высочество, должно быть, безмерно богато? Поделитесь с нами, и останешься жив! – грозно закричал Бармут, потряхивая пленника, беспомощно болтающегося за бортом.

– Кто вы такие? – гневно выкрикнул Леммонт из-под мешка, закрывающего его лицо. – Если б вы знали, с кем имеете дело, вы бы тронуть меня не посмели!

– Вот и просвети нас. Расскажи, с кем мы имеем дело, –

подхватил Равион.

– Я – ваш король! – крикнул Леммонт.

– Видали мы таких королей, – буркнул разбойник.

– Да, я король, а вы – мелкие сявки! – истошно орал Леммонт. – По всем понятиям вам – кирдык!

– Ах, так это нам кирдык? – возмутился Бармут и принял-ся что есть силы трясти пленника.

– Что ты творишь, беспредельщик? – завопил принц. – Совсем берега попутал?

– Его высочество изволит беседовать на понятном нам языке, – подмигнул спутнику Бармут. – Вот пусть и скажет, куда заныкал золотишко.

– Не твое дело! – выкрикнул Леммонт.

– Обещаю, ваше высочество, что мы отпустим вас сразу же, как только найдем тайник с ценностями, – настаивал пират. – Хочешь жить, казнокрад – отдавай барахло!

– Где корона? – присоединился к товарищу Равион.

– Кто ты такой, чтобы тянуть грязные лапы к короне? – зашелся от негодования Леммонт.

– Хватит сюсюкать с ним! – рывкнул Бармут. – Либо ты, проходимец, выдашь тайник, либо мы выбросим тебя за борт, а там пелена и грозовые драконы превратят тебя в пыль.

Бармут и Равион вцепились в сапоги Леммонта и так принялись бултыхать его, что голова в мешке заколотилась о борт лодки.

– Признавайся во всем! – ошалело орал Равион. – Выкладывай все без утайки, или тебе не жить!

Тая почувствовала, что накал страстей достиг предела. Еще чуть-чуть – и принц в самом деле свалится в бездну, откуда его уже не вернуть. Тая выхватила шпагу из ножен, и, забыв сомнения, взлетела над бескрайним простором.

Огромный трепещущий парус расстилался под ней, как белоснежное поле. Она поднырнула под полотнище и обрушилась на преступников. Ей так и хотелось проткнуть одного из бандитов острием шпаги, но беспомощный Леммонт все еще барахтался за бортом головой вниз. Если бы Бармут или Равион перестали сжимать его ноги, то он сорвался бы и утонул в бездне, поэтому Тая поборола соблазн и, угрожая клинком, приказала:

– Поднять пленника! Живо! Если с ним что-то случится – продырявлю обоих!

Преступники втащили принца на палубу и бросили на широкую лавку.

– Ваше высочество, вы в порядке? – метнулась к нему Тая.

В этот миг Бармут выхватил из-за пояса широкую абордажную саблю и набросился на игруню. Равион схватил длинную жердь, которой отталкивались от причала, и принялся орудовать ей, как дубиной.

Тая пришлось бросить принца и снова взлететь. Оба противника последовали за ней и принялись кружить в воздухе, стараясь нанести ей удар. Дева взмыла повыше, но ед-

ва не запуталась в парусе, куполом нависающем над головой. Только тут она по достоинству оценила уроки фехтования, которые по настоянию адмирала давал ей мэтр Валлонио Рош, лучший шпажист в Облачном Вышеграде. Клинок шпаги взвился и принялся выписывать такие немислимые пируэты, что оба противника едва успевали от него увертываться. Они разделились и принялись нападать с двух сторон, но ловкая игрунья успевала отразить и одну, и другую атаку. В конце концов, она вытеснила за борт сначала неповоротливого Бармута с его саблей, а затем вырвала из рук Равиона оглоблю и вышвырнула ее в пустоту.

– Вот оголтелая девка! Откуда ты только взялась на нашу голову? – завопил пират.

– Вон отсюда, или дырок наделаю! – не помня себя, закричала на него Тая.

Леммонт перекатывался на широкой скамье, связанный по рукам и ногам. Игрунья попыталась направить лодку к берегу, но справиться с парусом оказалось ей не под силу. Пират и разбойник приходили в себя и готовились к новому нападению. Отчаявшись, она взвалила Леммонта на плечи и поднялась с ним в воздух, с натугой работая обеими парами крыльев.

Ташить принца на себе было тяжело, но до берега оставалось всего ничего. Ветер понес лодку прочь, играя ей, как пушинкой. Бармут и Равион принялись выправлять ее курс и отстали.

Тая кое-как дотянула до острых скал, сбросила Леммонта на каменистую площадку у береговой кромки и опустилась рядом. Она обессилела, по лицу катились крупные капли пота, а кончики пальцев дрожали.

– Развяжи меня, – прохрипел принц.

Игрунья сдернула мешок с его головы и, обдирая ногти, принялась распутывать узлы на веревках. Наконец, Леммонт освободился и сбросил остатки пут.

– Где пираты? – спросил он, нервно оглядываясь по сторонам.

– Вон! – игрунья указала на удаляющийся белый парус.

– Ты спасла меня! – обнял ее от избытка чувств Леммонт. – Я уже с жизнью прощался. Какое счастье, что ты оказалась рядом!

– Я всегда рядом с вами, ваше высочество, – смущенно пробормотала игрунья.

Она помогла ему встать и проводила к дороге, ведущей в город.

– А что за сокровища требовали с вас эти бандиты? – любопытствовала она.

– Наверное, хотели получить выкуп за мою голову, – пожал Леммонт плечами. – Но эти безмозглые негодяи просчитались. Пока я не стал королем, моя голова ничего не стоит. Враги будут только рады, если я ее потеряю.

Даже вернувшись в адмиральский дом, казавшийся ей ти-

хой гаванью, Тая долго не могла успокоиться и прийти в себя. Ее угнетали сомнения и тревога. Воспоминания о пережитой встряске проносились в ее голове. Она раз за разом крутила в памяти слова и поступки разбойников. Как они могли так обращаться с принцем? Его переворачивали вверх ногами, как какое-то бревно, и грозились выбросить в поднебесье. Игруны даже с мусором так не поступают! А как они с ним разговаривали? Как с каким-то проходимцем, которого никто знать не знает.

– А что ты хочешь? – ответил дед, когда она поделилась с ним переживаниями. – Пираты – они и есть пираты. Не стоит ждать от них хороших манер. Меня больше интересует, зачем Леммонт вообще отправился к ним на встречу?

– Он объяснил мне, что Чумаданио Хрюнкель пообещал свести его с теми, кто добудет летучий корабль.

– Опять этот трактирщик, – нахмурился адмирал. – Иногда я задумываюсь, не сам ли он убил своего постояльца, но тут же отбрасываю эту мысль. Не могу вообразить, чтобы этот рыхлый хряк бросился в схватку с Ночным Упырем.

– Убитый, скорее всего, не Упырь, – напомнила Тая.

– Даже если это и так, у трактирщика для убийства кишка тонка. Хотя это только мои рассуждения. Без доказательств они ничего не стоят.

– Я тоже не верю, что убийцей мог оказаться трактирщик, – призналась Тая. – Только у меня аргументы другие. Я вспоминаю, как принц наградил его утром, когда мы верну-

лись в столицу после засады на Бармута. Если бы Леммонт его подозревал, то ни за что бы так милостиво с ним не обошелся.

– А если Леммонт сам заказал ему убийство своего слуги? – осторожно спросил Тар, глядя на внучку. – А после расплатился за злодеяние, что мы и наблюдали во дворцовых покоях?

– Раньше я бы отбросила эту мысль с возмущением, а теперь всякое лезет в голову. Такое, что даже думать об этом не хочется. По счастью, эта ужасная версия неправдоподобна. Даже если допустить, что Леммонт зачем-то сам решил избавиться от слуги, то проще было бы сделать это в полете над бездной, когда в лодке были только они, да пират Барабуля. От трупа легко избавиться, если выкинуть его за борт, да и пират с удовольствием возьмет плату за грязное дело – я сама убедилась, что он способен на все. Такое преступление незачем откладывать до схода на берег, где полно свидетелей.

– Тут ты, пожалуй, права, – согласился с ней адмирал.

– Я бы хотела встретиться с Равионом, – неожиданно заявила Тая.

– Ты с ума сошла! Даже думать не смей, – всплеснул дед ладонями.

– А если как следует его порасспросить?

– Его уже допрашивали. Помнишь, как он появился у нас в доме? Он влез как вор и пытался меня ограбить. Хотя спра-

ведливость и требует, чтобы его судили, но все же я понимаю принца, который желает, чтобы этого разбойника просто прикончили.

– Но вдруг он знает что-то такое, что все прояснит? Вот поговорим с ним, и сразу все станет понятно.

– Что станет понятно? Что он убийца и вор? Не забывай, что он сошелся с пиратом. Теперь у них целая шайка. Объединившись, они стали опаснее.

Тая прикусила язычок.

– Меня больше волнует придворный заговор, – продолжил Тар. – Если наши догадки верны, и наемника к принцу подослал Дили Драй, то дворцовые палаты – смертельно опасное место. Начальник охраны окружил их своими людьми. Во-первых, Упырь может явиться снова, и наш доблестный рыцарь его пропустит, как пропускал уже дважды, когда тот грабил сокровищницу в казначействе. Во-вторых, Драй может сам расправиться с принцем – их покои в одном крыле, хоть и на разных этажах. В-третьих, его подручные Тепаш и Килимон стерегут Леммонта день и ночь. Для чего, интересно знать? Ни от одной опасности они его не защитили. Меня посещает мысль, что Драй приставил их лишь затем, чтобы пристукнуть принца тогда, когда рядом не будет свидетелей. Неспроста он буквально навязывает их Леммонту, хотя толку от них никакого.

Услышав эти слова, Тая ужасно разволновалась.

– Его высочество нужно предупредить! – воскликнула

она. – Нужно обеспечить его надежной охраной.

– Где ее взять? Мы можем полагаться лишь на самих себя.

– Значит, мы сами и должны встать на его защиту.

В зал вошли Фит и Буль.

– Я могу побыть с принцем, – вызвался лейтенант, услышав последние слова. – Моя рапира – к его услугам.

– Не сомневаюсь в вашей верности, лейтенант, но ваших сил недостаточно, – возразил адмирал. – Тем более, что Лемонт строптив, и его трудно в чем-либо убедить. Я сам отправлюсь к его высочеству и предложу свой кортик и свою жизнь. Может, хоть под моим присмотром он станет вести себя осторожнее.

– Меня страх пробирает, когда я думаю, что сейчас он один во дворце, а вокруг – заговорщики и убийцы, – призналась Тая.

– Нельзя медлить. Отправляемся. Враг доберется до принца, лишь переступив через наши тела.

– Побегу запрягать шершней в карету, – оживился Буль.

– Шептуна возьми! Он самый быстрый, – крикнула Тая ему вдогонку.

Карета уперлась в ограду дворца Паллиандров, но на этот раз охрана была неумолима. Как ни возмущался адмирал Тар, как ни доказывал, что ему срочно нужно к его высочеству по служебному делу – двое рыцарей не пропускали его, и добиться от них хотя бы словечка не удавалось. Узкие

прорези в их шлемах безмолвно тарасились на прищельцев, и Тае подумалось, что за ними, возможно, и нет настоящих живых душ, а есть только призраки и холодная пустота.

Буль отогнал карету, чтобы напоить шершней водой из фонтана. Лейтенант Фит встретил знакомого сослуживца и узнал у него, что началось экстренное заседание государственного совета, на котором похищение принца рассматривают как вопиющее, из ряда вон выходящее происшествие. По этой причине во дворце перекрыли все входы и выходы, а страже строго-настрого наказали никого не пускать.

– Час от часу не легче! – вздохнул адмирал. – А что с Леммонтом? Он в этом осинном гнезде, как заложник.

– Может, его уже нет в живых? – забеспокоилась Тая. – Может, его убили, а заговорщики как раз в этот миг решают, кому быть следующим королем? Отсюда такая секретность. Я с ума сойду, если не откроется правда.

– Не фантазируй, – сурово одернул ее адмирал. – В моменты волнений воображение играет с нами злые шутки. Давай лучше попробуем заглянуть принцу в окна.

Однако окна его высочества оказались задернуты плотными шторами.

– А что, если я перелечу через забор и постучу ему по стеклу? – не находила себе места Тая.

– Попробуй, – спокойно откликнулся адмирал. – Вон, за оградой разгуливает стражник с арбалетом. Он только и ждет летуна, чтобы потренироваться в стрельбе.

– Но так же нельзя! Ведь это невозможно терпеть! – подпрыгнула от нетерпенья игрунья.

Наконец, двери парадного крыльца распахнулись, и по широким ступеням во двор принялись спускаться разодетые, как на праздник, вельможи.

– Посмотрите на них. Весь цвет ордена Каменной башни, – хмыкнул Тар, разглядывая членов совета.

Тая вытянула шею, надеясь разглядеть Лайру, но баронесса не появлялась. Вместо нее в высокие двери понуро протиснулись рыцари Тепаш Глинт и Килимон Кардасар, оба мрачнее тучи. Тая замахала руками и начала звать их сквозь решетку. Килимон заметил ее и вышел в ворота на площадь. Его товарищ присоединился к нему, хотя и без особенного энтузиазма.

– Что случилось? – набросилась на них игрунья. – Отчего вдруг такая секретность?

– Заседание совета только что завершилось, – ответил ей Килимон. – Нашего начальника, барона ван Виртиса, обвинили во всех смертных грехах, сняли с должности и отправили в отставку.

Сказав это, рыцарь принял траурный вид.

– Это все? А страшного ничего не произошло?

– Сударыня, вы столь же милы, сколь наивны, – раздраженно ответил ей Тепаш. – Увы, красота юных дев редко идет в комплекте с умом. Дело серьезнее, чем кажется. Дворцовая охрана осталась без опытного командира, которому

все доверяли. Мы лишились хозяина, который щедро оплачивал нашу службу. Но самое главное: у барона отобрали именье, да в придачу еще и лишили титула. Это опала, полнейшая и суровейшая опала.

– Ой, простите, я думала о другом. Но я постараюсь исправиться и выразить господину барону сочувствие.

– А вот этого делать не стоит, – предостерег Тепаш. – Пирифор дю Меллон жестоко высмеял нашего командира, и использовал для этого ваше имя. С его слов выходило, будто какая-то безмозглая девчонка справилась с тем, что не удалось начальнику гвардии: спасла принца от нападения разбойников. Хозяин ужасно разнервничался от такого сравнения. Вряд ли он будет рад вас увидеть.

– Да, какое-то время вам лучше не попадаться ему на глаза, – посоветовал Килимон.

Из дворца вышел Дили Драй, красный, как вареный рак. Лицо его выражало едва сдерживаемую ярость, кулаки плотно сжимались. Адмирал поспешил к нему с учтивым приветствием и позвал:

– Барон...

– Я больше не барон, – перебил его Драй. – И не начальник охраны. У меня отняли должность, титул и поместье Виртис, чтобы передать «более достойному кандидату». Кто этот более достойный кандидат, хотелось бы мне знать? Уж не этот ли мерзопакостный дю Меллон? Тоже мне, достойная кандидатура. Еще вчера он был мелкой пешкой, а сегодня ему

сулят графский титул и пост председателя государственного совета. И все это только за то, что он лишил меня богатства и чести.

– Уверен, что все обвинения против вас были несправедливы, – вежливо произнес адмирал.

– Еще бы! Мне припомнили все мои промахи. Что я проспал возвращение его высочества, из-за чего к нему как следует не подготовились. Понимаете, что это значит? «Не подготовились...» Это значит – не успели придумать, как отбояриться от его притязаний на королевский престол. Затем две попытки ограбления казначейства, одна из которых закончилась катастрофой. И, наконец, похищение его высочества Леммонта, которое предотвратила какая-то юная шалопайка, но не смог предотвратить главный гвардеец. Извините, граф, но это слова дю Меллона, я только их передаю. Разумеется, эти бесхребетные прихвостни из совета в один голос высказались за мою отставку. Теперь я свободен, как птица, и могу лететь хоть на край света.

– Господин, мы последуем за вами, куда бы вы ни отправились, – почтительно заверил хозяина Килимон Кардасар.

– Мне больше нечем платить вам, – с отчаянием сказал Дили Драй. – Я гол, как сокол. Но есть и хорошая новость. Вас с Тепашем не увольняют, вы остаетесь на службе. У герцогини не так много рыцарей, на которых она полагается. Мне будет спокойнее, если я буду знать, что вы рядом с ней.

– После всего, что случилось, вы сохраняете верность ее

светлости? – изумился Тар.

– А как же иначе? Она ни в чем не виновата. Это все подлец дю Меллон. Ему пообещали должность председателя, если он зашлет меня к черту на кулички. Но и тут его обманули. – Драй от души расхохотался, встряхнув огненной гривой. – Это место он получит лишь после того, как королем станет Тупиллио. Вот пусть сначала этого и дождется.

Всю дорогу до дома адмирал хмуро молчал.

– По крайней мере, мы убедились, что с Леммонтом ничего не стряслось, – попытался утешить его лейтенант Фит.

– Что с того? Мы не знаем, чем все это закончится, – отозвался Тар.

Третий день разноцвета уже угасал, солнце свесилось за горизонт. Боцман Буль приготовил фирменный «морской» ужин – макароны с наструганной солониной, щедро сдобренные томатным соусом и обсыпанные тертым сыром. Это блюдо получалось у него бесподобно, и даже мадам Каппадокия, вышедшая к столу в строгом вечернем наряде, забыла о приличиях и уписывала его за обе щеки.

– Наша версия с треском разбита, – подвел адмирал итог своим думам. – Дили Драй никакой не заговорщик.

– Почему это? – спросила с набитым ртом Тая.

– Потому что события повернулись против него самого, – терпеливо пояснил Тар. – Он потерпел сокрушительное поражение и все потерял. Если бы он стоял в центре интриги, то вышло бы, что он организовал ее себе во вред. Я готов

поверить, что если заговор и существует, то он в самом деле направлен против нашего рыцаря.

– А как же Леммонт? Он в безопасности?

– Никто не может чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока мы не разобрались, кто дергает за ниточки всех этих событий. Ясно только, что ни Драй, ни его подчиненные Леммонту не угрожают.

– Зато теперь Драй угрожает Таиссе, – предостерег Фит, деликатно, по-офицерски жуящий макароны одну за другой, как будто это редкий деликатес. – Кажется, он раздражен на нее за упреки, которые свалились на его голову.

– Ерунда! Этого остолопа я не боюсь, тем более теперь, когда его выгнали с должности, – беспечно отозвалась игрунья.

– Вот и зря, – сказал ее дед. – Дили Драй сохраняет влияние. Он попытается взять реванш и вернуть свое. Вот только на кого он ополчится? На своих настоящих врагов или на нас?

После ужина Тая уединилась в своей комнатке. Ей не давали покоя сомнения, от которых стесняло дыхание. Она распахнула окно, чтобы как следует надышаться.

Дом адмирала стоял на восточном берегу высокогорного плато, крутым обрывом уходящего в бездну. Ветра со всех сторон света крутили жестяной кораблик на шпиле. Но Тае не нужно было смотреть на флюгер, чтобы узнать, откуда подуло. Она с детства привыкла к тому, что у восточного ветра

– особенный запах. Бескрайний, безграничный воздушный простор открывался прямо за окнами. Дальние острова, если они и существовали, терялись в туманной дымке, окутавшей горизонт. Но едва заметный запах этих островов все-таки доносился с воздушным потоком, струящимся под небесами. Восток пах смолой, которой пропитывали корабельные доски, пах жирной землей и неведомыми травами, но главное – он пах волей, не ограниченной ни черными баронами, ни условностями этого мира. По утрам там, на востоке, вставала ослепительная Светозара, выплывая прямо из океана кучерявых облаков, окрашенных ее лучами в лазорево-алый цвет. Там, на востоке, творилось что-то загадочное, там таились сокровища, и Тае с детства хотелось туда полететь и найти то, что скрыто облачной пеленой.

И этот же запах простора, загадок и странствий чудился ей в одежде того игруна, что называл себя Равионом. Кем на самом деле был этот незнакомец: бродягой, разбойником или наемным убийцей? О плохом не хотелось думать.

Глава 11. Летучий корабль

Четвертый день Разноцвета

Голодранио Куксель вошел в парадный зал адмиральского дома, сверкнул на Таю глазами и сделал вид, что никогда прежде ее не встречал. Дворцовая ливрея смотрелась на нем, как на пугале: даже начищенный и разодетый, он выглядел, как бедняк, напустивший на себя важный вид. Адмирал по-приветствовал его по-графски: милостиво и любезно, но сохраняя при этом такую дистанцию, что прислужник не решился приблизиться более, чем на десять шагов.

– Его высочество принц Леммонт приглашает вас, ваше сиятельство, вместе с госпожой Таиссой, в свои покои, сегодня, за два часа до полудня, – провозгласил Куксель.

Чтобы выговорить эти заученные наизусть слова, ему пришлось сделать над собой такое усилие, что на лбу его выступил пот. Адмирал поспешил отпустить служку, чтобы не мучать.

– Готовься принимать благодарности и похвалы за вчерашнее, – улыбнулся Тар внучке.

– Может, его высочество и на награду расщедрится? – сварливо проворчал боцман Буль.

– Я стараюсь не ради награды, – ответила Тая. – Вместо

подарков лучше бы он отпустил маму и папу. Я с ума схожу, когда думаю, что они с малышом Миком тоскуют в мрачном застенке, в то время как мы развлекаемся и ночуем на пуховых перинах.

– Принц сможет выполнить обещание не раньше, чем станет королем, – напомнил адмирал. – А сейчас он нуждается в помощи еще больше, чем мы.

На этот раз стража пропустила их без единой заминки, и даже Фит с Булем, отважившиеся подняться по дворцовым ступеням, не вызвали нареканий. Адмирал оставил их у входа в покои, чтобы охранять приватность беседы, и не зря: не успели они войти, как навстречу им вылетел разгоряченный принц Леммонт, сжимающий локоть вовсю упирающейся и визжащей Цацы Ветвярской.

– Ах, вот и вы! – выкрикнул Леммонт, едва увидав их. – Какая удача! У меня нет друзей в этом вертепе, вокруг одни хищники и вахлаки. Если б не вы с Таей, я бы пропал. Вот, полюбуйтесь. Застукал с поличным шпионку, и где? Прямо в своей спальне. Видали такое?

– Никакая я не шпионка! – обиженно пискнула Цаца, пытаясь избавиться от его жесткой хватки, причиняющей ей боль. – Я просто служанка. За что вы со мной так?

– Сама знаешь! – рявкнул Леммонт. – Что ты искала? Кто тебя подослал? Говори!

Но бедная девушка только расплакалась от бессилия. Капюшон слетел с ее головы, открыв светлые волосы, а желтая

змейка на тонком плаще заколыхалась так отчаянно, будто собралась оторваться от ткани и сбежать.

– Ваше высочество, мы знаем эту бедняжку, – попытался унять разбушевавшегося принца Тар. – Она служит нашей хорошей знакомой, баронессе ван Виль.

– Тут всюду, куда ни плюнь, барон или баронесса. Их тут как блох на шелудивой собаке! – заявил Леммонт.

– Я уверен, она не собиралась причинить вам вреда, – настаивал Тар.

– Она обшаривала мои комнаты!

– Ваше высочество, – вмешалась Тая, – позвольте, я вам все объясню. Только отпустите ее, ради Счастливой звезды.

– Брысь отсюда! И чтоб духу твоего здесь больше не было! – проводил Леммонт служанку напутствием.

Цаца с благодарностью вскинула на Таю заплаканные глаза и поторопилась обратиться.

– Эта девушка влюблена в вас, – попыталась вразумить принца Тая, едва переступив порог гостиной.

– Откуда вы знаете?

– От ее госпожи. За это Лайра над ней посмеивалась, как и все во дворце.

– Она пробралась в мою спальню. Что ей было надо?

– Наверняка, она просто хотела увидеть вас. Или обратить на себя ваше внимание.

– Обратить внимание? Это ей удалось. Я никому не верю. Здесь одно зверье. Рожи у них напмаженные, камзолы

в парфюмах, улыбочки сладкие, а заглянешь в душу – зверь зверем. Живьем сожрет, а после косточки обглодает. И еще чавкать будет, когда станет высасывать костный мозг. Нюхом чую: еще день другой – и мне хана. Ох, кажется, из меня вылетают простецкие словечки, – спохватился вдруг принц. – Извините. Сами понимаете: годы скитаний, кочевая жизнь, дикари и жулье. А тут – дворец, расфуфыренные господа. Я так не привык.

– Не стоит извинений, ваше высочество, – деликатно улыбнулся адмирал. – Я сам полжизни провел на кораблях. Просторечный жаргон моего уха не покоробит.

– Я беспокоюсь о сударыне Таиссе. Вряд ли она привыкла к грубым речам, – пришел в себя принц. – Кстати, о кораблях. Адмирал, если вы не вытащите меня из этого балагана, то я долго не протяну. Мне нужно бежать, хотя бы на несколько дней, пока все не утрясется. Но без корабля не обойтись. У меня кое-какие вещички, их нужно с собой прихватить. В общем, груз.

– Кораблей уже много лет, как не строят, – возразил адмирал. – Я сам мечтаю взойти на палубу и почувствовать, как встречный ветер бьет в лицо. Однако законы этого не позволяют.

– Да наплевать мне на эти законы! – снова взорвался Лемонт. – Скоро я сам буду их сочинять. Захочу – прикажу, чтобы баронов отправили чистить свинарники. Захочу – разбросаю казну голодранцам и нищелюдам. Без корабля мне

каюк, просто реальный каюк!

– Дедушка, – нерешительно тронула Тая адмирала, – я как раз знаю, где можно найти старый корабль.

– Что ты, девочка, их давно не осталось, – попытался, как маленькой, объяснить Тар.

– Да нет же! Я видела один в подземелье под руинами дворца Ярвеля, – обиженно произнесла Тая. – Он хорошо сохранился, видать, простоял все это время нетронутым. У него на борту еще надпись: «Королевский дракон».

– Королевский дракон? – ошеломленно отступил адмирал. – Я помню этот галеон. Он был достоин Лучезарного короля. Ярвель сам спустил его со стапелей, а королева разбила бутылку игристого вина о его борт. Потом мы ловили ветер и выходили из гавани, а в конце взмыли повыше и сделали круг над столицей, и горожане подбрасывали шляпы, когда мы пролетали над ними. Надо же, вроде, сколько лет уж прошло, а я помню все так, будто это было вчера.

– Как он мог сохраниться? – недоверчиво спросил Лемонт.

– Я думал, что флагманский галеон сгинул вместе с остальным флотом, – ответил Тар. – После Огненной бури государство едва не погибло. Поднялась такая суматоха, что невозможно было ни в чем разобраться. Герцог Паллиандр отстранил меня от командования, я уже ничего не решал. Как видно, последние из верных слуг Ярнов сберегли судно – не случайно оно обнаружилось под королевским дворцом.

– Только к нему не подобраться, – остудала пыл деда Тая. – В подземном лабиринте завелся каменный монстр, он никого не подпускает.

– Но это же сказки!

– Никакие не сказки! Если б ты слышал, как это чудище гроыхает своими костяшками, то так бы не говорил!

– Тая, я верю вам, – поддержал ее принц. – Если б не вы, то я бы не уцелел после вчерашнего приключения. Я убедился, что у меня нет друга преданнее, чем вы. А что еще нужно скитальцу, уставшему от бесконечных дорог? Поверьте, рано или поздно любой искатель приключений приходит к мысли, что пора остановиться и обрести покой и домашний уют. В этом мире, где все на меня ополчились, лишь одно нежное сердце хранило мне верность – ваше, леди Таисса. А посему, только вас я хочу видеть своей королевой.

Принц встал перед Таей на одно колено, и, глядя в ее растерянное лицо, уверенно проговорил:

– Сударыня, я прошу вашей руки и сердца. Прошу вас выйти за меня замуж и разделить со мной тяготы власти над этим сумасбродным королевством.

Он взял ладонь Таи и потянул к себе, как будто не сомневаясь, что она тут же упадет в его объятия. Тая колебалась, но не противилась. Адмирал оторопело взирал на эту картину – до него медленно доходило, что происходит.

Игрунья взглянула на деда. Тар наконец просиял, сделал самый галантный поклон, какой видывал этот дворец, и про-

изнес:

– Ваше высочество, вы оказываете моей внучке и всей нашей фамилии огромную честь. Но не забывайте: союз с родом Таров – не самая выгодная партия. Я в опале, а родители Таи в заложниках. Мы потеряли поместья, а Паллиандры держат нас за врагов.

– Я – не Паллиандр, – гневно воскликнул принц, поднимаясь. – Таисса со всей убедительностью показала, что ей одной я могу доверять.

– Здесь, во дворце, среди знатнейших вельмож и их дочерей, вам представится еще немало возможностей...

– Мне не нужны никакие возможности! Я остановил выбор на Таиссе, – без тени сомнений заявил Леммонт. – Прошу вас, думайте побыстрее, а то времени остается все меньше и меньше. И, сами понимаете, граф: мое предложение имеет смысл только в том случае, если я смоюсь отсюда на первой же лоханке, которую вы для меня подберете. Иначе вашей внучке станет не за кого выходить замуж.

– Я понял вас, ваше высочество, – с достоинством произнес Тар.

Больше всех новость о брачном предложении принца обрадовала мадам Каппадокию.

– Наконец-то я дождалась этого дня! – охала и причитала она. – Мое воспитание принесло плоды: на удочку попался самый богатый жених из всех, о каких мы могли мечтать.

Однако Тая не разделяла ее восторгов. За обеденным столом она почему-то взгрустнула и даже расплакалась.

– Что с тобой, Таюшка? – озабоченно спросил адмирал. – Ты не хочешь замуж за Леммонта?

– Я еще не разобралась в своих чувствах, – ответила Тая и разрыдалась в три ручья.

Мадам Каппадокия с осуждением взглянула на нее и покачала головой. Грусть неожиданно сменилась приступом раздражения, Тая грохнула кулачком по столу и выкрикнула:

– А меня почему никто не спрашивает, чего я хочу? Почему все думают только о том, что хотят другие? Что я, игрушка?

Она с треском отодвинула стул и выскочила из-за стола. Порыв чувств заставил ее не побежать, а взлететь, что, по мнению гувернантки, было тяжким грехом.

– Не маши крыльями дома! – возмущенно крикнула вслед Каппадокия. – Это же неприлично!

Тая заперлась в своей комнате, обняла подушку и уткнулась в нее мокрым носом. Порыв восточного ветра ударил в окно. Она распахнула раму и принялась жадно вдыхать свежий воздух с клочками тумана, принесенного из-за горизонта. Усидеть на месте не было сил, и она принялась возбужденно расхаживать взад и вперед, хватая со столов и тумбочек все, что попадалось под руки, и не глядя бросая обратно.

Ее дед скрипнул дверью и остановился у входа:

– Тая, если ты не хочешь за Леммонта, то мы откажем

ему, – негромко произнес он.

– Не в этом дело! Совсем не в этом! – в сердцах выкрикнула она.

– А в чем? Может, тебя обидело, что он ставит условие и требует корабль? Но любой другой на его месте запросил бы гораздо более дорогое приданое.

– Да! Корабль! – Тая резко остановилась посреди комнаты. – Нужен корабль. Ведь у него груз – он сам сказал. Без груза он никуда. Значит, корабль нужно добыть. Сделать это можем только мы. Он погрузится и улетит.

– Он вернется, когда мы раскроем убийство и заговор. А сейчас его жизнь под угрозой, он вынужден быть осторожным.

– Разумеется. Не покинет же он королевство, короны которого так добивался.

Тая давно не видела деда таким оживленным. Престарелый флотоводец помолодел: его твердый шаг громыхал под высокими сводами залов, а голос звенел, как серебряная струна. Лейтенант Фит и боцман Буль носились, сломя голову, и едва успевали выполнять его распоряжения. Они натащили на стол целый ворох предметов, необходимых для плавания: карты, компас, подзорные трубы, набор анемометров и астролябий.

В разгар суеты в зал тихонько скользнула Цаца Ветвярская: ее коричневый плащ с желтой ящеркой колыхнулся пе-

ред глазами Таи, когда скрывать приготовления было уже поздно.

– Ништячные прикольчики, – одобрила служанка, трогая тонкой рукой снаряжение.

– А что значит «ништячный»? – спросила Тая, лихорадочно соображая, как объяснить эти улики.

– Это почти то же самое, что «няшный», только гораздо круче, – объяснила Цаца, и тут же любопыствовала:

– А как вы собираетесь справиться с каменным монстром?

– Здравсьте-пожалуйста! – наморщил нос лейтенант Фит. – Вот еще одна суеверная душа. Мало нам боцмана, который без конца травит матросские байки про мертвецов, призраков и ледяных великанов.

– В ледяных великанов не верит только тот, кто не видит ничего дальше кончика своего высокомерного носа, – не остался в долгу Буль. – Они водятся в вечных снегах на островах, летающих высоко в облаках, там, где всегда стоят трескучие морозы.

– Ты когда-нибудь там бывал?

– Упаси меня сила небесная! Кто же сунется к ним по своей воле?

– Так откуда ты знаешь, что они существуют, брехун?

– Лучше быть брехуном, чем бесчувственным маловером!

Оба мореплавателя вступили в такую самозабвенную перепалку, что перестали замечать, что творится вокруг. Не обращая на их ссору внимания, адмирал поставил перед собой

Цацу, пробуравил ее острым взглядом и спросил:

– Откуда ты узнала о наших планах?

– Сорока на хвосте принесла, – хитро сверкнула голубыми глазками Цаца. – О них, среди прочих, пронюхал и Дили Драй. Во дворце трудно сохранить дело в тайне, особенно, когда оно требует подготовки.

– Значит, Драй уже в курсе?

– Да, он следит за вами, и собирается перехватить вашу добычу. Моя госпожа прислала предупредить вас.

Тая едва удалось спровадить пронырливую служанку – при ней обсуждать дальнейшие планы было все равно, что кричать о них на всю улицу.

– В самом деле, как мы справимся с монстром? – спросил адмирал, когда за Цацей захлопнулась дверь.

– У меня есть кое-какие задумки, – ответила Тая. – Понадобится бутылка горчичного масла и брызгалка.

– Что за «брызгалка»?

– Ах, не беспокойся, я сама обо всем позабочусь. Меня больше волнует неудачливый рыцарь, ведь он считает меня виноватой во всех его бедах.

– Да, после отставки он совсем потерял голову, – согласился с внучкой адмирал. – Того и гляди, решит отыграться на девчонке.

– Раз уж все знают о наших задумках, то к чему прятаться? Выступаем в открытую. Деда, доставай свой адмиральский штандарт.

Пожилой флотовец не ожидал такого предложения и даже замер на миг от удивления.

– Девочка, последний раз мы поднимали штандарт еще перед Огненной бурей, – напомнил боцман.

– Вот и отлично. Настала пора напомнить, кто мы такие!

– Как только мы вывесим знамя, все поймут, что мы отправляемся в экспедицию, – заметил лейтенант Фит. – Это станет очевидно не только для наших друзей, но даже для разбойников и пиратов.

– Пиратов бояться – в плаванье не ходить, – не уступала игрунья.

– А почему бы и нет? – вышел из задумчивости адмирал. – Если все выйдет, как мы задумали, то я снова приму командование настоящим боевым кораблем. Без флага не обойтись. Лейтенант, поднять мой штандарт! На службе я, или нет, в конце концов?

Последние сомнения рассеялись, и Фит мигом принес широкое бело-голубое знамя с двумя черными баранами, столкнувшимися рогами. Все высыпали на лужайку, и торжественно подняли его на высокую мачту, торчащую перед домом. Светлое полотнище вознеслось над зданием и захлопало на ветру.

– Теперь ни у кого не останется сомнений, что мы что-то затеяли, – ворчливо пробормотал боцман Буль.

Руины королевского дворца встретили команду адмирала

таинственной тишиной. Тая провела всех через портик с открытой колоннадой и углубилась в темный дворцовый зал, посреди которого высилась статуя Ярвеля Лучезарного. Пожилой флотоводец невольно остановился и взгляделся в величественный лик короля.

– Уж сколько лет прошло, а мне все еще снится, что король стоит рядом на палубе, и мы летим куда-то в бескрайнюю высь, – пробормотал Тар.

– Не отвлекайтесь! Спускайтесь сюда! – позвала Тая, сбегая по выщербленным ступеням в полуподвальный этаж.

Пролом в полу зиял черной щелью.

– Нужно расширить его! – приказал адмирал.

Лейтенант Фит и боцман Буль заработали заранее припасенными кирками, подняв такой шум, что у Таи округлились глаза.

– Разве можно так грохотать? – шикнула она на спутников. – Там, внизу, каменный монстр!

Буль лег на край расщелины и прислушался.

– Тихо! – сообщил он. – Поблизости никого.

Он сам обмотал веревку вокруг ближайшей колонны и затянул на ней морской узел. Конец он сбросил вниз, в темноту. Тая первой схватилась за канат, чтобы соскользнуть в неизвестность, но лейтенант Фит отстранил ее и спустился сам.

Осветив стены пещеры масляным фонарем, он крикнул:

– Все спокойно!

Адмиралу и Тае пришлось приналечь, чтобы протолкнуть в щель толстого боцмана.

– Останься снаружи и сторожи нас! – велел внучке Тар.

– Ну уж нет! – возмутилась Тая. – Без меня вы не справитесь. Только я видела корабль, только я знаю, где он спрятан!

Адмиралу пришлось уступить, и Тая протиснулась за ним, сжимая в руках бутылку с горчичным маслом и брызгалку, сделанную из мягкого мешка с длинным носиком. Из-за поклажи держаться за веревку было ужасно неудобно, и, едва оказавшись в подземелье, игрунья заработала крыльями и мягко опустилась на пыльный пол рядом со взрослыми мужчинами, бродящими в полумраке.

– Скорее! За мной! Корабль еще тут! – позвала Тая, вырывая из рук лейтенанта фонарь.

Лучик упал на покатый деревянный борт, по которому золотыми буквами шла надпись: «Королевский дракон».

– Надо же, он почти новый! – восхищенно проговорил адмирал. – Вот уж не думал, что после Огненной бури что-то могло уцелеть. Это чудо, что он сохранился, просто чудо!

Тая вспорхнула и поднялась на борт. Оставшиеся члены команды последовали ее примеру.

– Все на своих местах, – со знанием дела заговорил боцман. – Смотри, детка: вот это – грот-мачта, самая высокая, она посередине. Спереди – фок-мачта, а ближе к корме – бизань. На них крепятся ходовые паруса, которыми мы маневрируем. Но главный парус, несущий – тот, что поднимает ле-

тучий корабль в воздух – находится наверху. Жаль, что его нет, без него мы не сможем взлететь.

– Он есть! – возразила Тая. – Я его видела. Погодите минутку.

Она нырнула в глубокий трюм и развернула широкое полотнище, сшитое из тончайшей материи. Два слоя ткани располагались один над другим, позволяя ветру раздуть парус и утянуть его ввысь.

– Эй, где вы там? Помогайте! Мне одной его не унести! – выкрикнула она.

Фит и Буль мигом спустились, чтобы вытащить полотно. Им пришлось изрядно начихаться от пыли, прежде чем они закрепили его углы на канатах. Сами канаты они привязали к реям, отходившим от мачт. Освободившийся от тесного камзола лейтенант так и порхал над палубой, а вот толстый боцман предпочел не рисковать и вскарабкался на вершину мачты по веревочной лестнице.

– Боюсь, что все приготовления напрасны, – задумчиво потер бороду адмирал. – Как мы выведем судно на волю? Здесь, в пещере, оно может служить только музейным экспонатом.

– Как его вообще сюда затащили? – подбросил сомнений Буль. – Вокруг не видно ни одного широкого коридора.

– Дворец Ярвеля стоит на краю плато, – напомнила Тая. – За стеной должен быть вертикальный обрыв.

– В самом деле, – оживился Тар. – В этой пещере навер-

няка был вход. Если его не видно, то скорее всего, он замурован.

Лейтенант схватил кирку и начал молотить по стенам, прислушиваясь к глухим звукам. Тая спустилась к днищу судна и осмотрела полозья, опирающиеся о широкие стапели. Наклонная деревянная дорожка обрывалась у западной стенки пещеры, как будто ее внезапно обрубили.

– Взгляните! – выкрикнула игрунья. – Стапели уходят в скалу.

Фит рубанул неровный выступ киркой и сказал:

– За этой стеной – пустота.

Адмирал, боцман и Тая бросились ему помогать. Подняв облако пыли, они добрались до кирпичной кладки, перекрывавшей выход из пещеры. После ряда ожесточенных ударов кирпичи обвалились, и в открывшийся пролом ударил столб яркого дневного света.

– Еще чуть-чуть! Разом! – скомандовал адмирал.

Предчувствие скорой победы заставляло работать с удвоенной силой. Вскоре пролом удалось расширить до такой степени, что оставшиеся без опоры кирпичные своды сами начали рассыпаться, освобождая широкий выход.

Тая выглянула наружу и восхищенно произнесла:

– Какой простор! Какой чистый воздух!

– Но удастся ли нам столкнуть корабль со стапелей? Он слишком тяжелый, – озабоченно произнес Тар.

– А ну, налегли! – бодро скомандовал Буль и уперся спи-

ной в корму.

Однако на фоне огромного корабля толстый боцман казался не больше, чем маленький жук, пытающийся сдвинуть с места бревно.

Тая прислушалась и испуганно огляделась.

– Ну и грохот вы подняли! – обеспокоенно проговорила она. – И пылица такая, что ничего не видать, как во мгле. Не забывайте, что где-то поблизости бродит каменный монстр. Он не отдаст сокровище, которое сторожил столько лет.

Дед обнял ее за плечи и постарался успокоить. Однако сдвинуть корабль с места оказалось не под силу ни ему, ни всей команде.

Клубы пыли, заполнившей пещеру, заколыхались. В глубине коридора, уходящего в темноту, раздались подозрительные звуки, напоминающие крадущиеся шаги.

– Там чудовище! – крикнула Тая.

– Успокойся, там никого! – заверил ее Буль, и для убедительности швырнул в мглу булыжник.

– Ай! – раздался оттуда болезненный вскрик.

Из пыльных клубов выскочил пират Бармут Барабуля с перекошенным лицом. Одной рукой он прикрывал грудь, в которую угодил камень, второй сжимал широкую абордажную саблю, вытасченную из ножен. Вслед за пиратом показался Равион Варт в простой рубахе с развязанными рукавами и с дощечкой, болтающейся на крыле за спиной. В качестве оружия он приспособил обрывок веревки с привязан-

ным к концу камнем.

В мгновенье ока оба пришельца взлетели и заняли палубу судна.

– Господа, этот корабль захвачен, – объявил Равион. – Благодарим за наводку, без вас мы бы его не нашли. С вашей стороны было очень любезно поднять штандарт. Он дал нам знать, что вы вышли на поиски, а проследить ваш путь оказалось проще простого. А теперь, будьте добры, спрячьте оружие и покиньте пещеру. Расстанемся друзьями.

– Мы вам не друзья, сударь, – с достоинством ответил Тар. – И корабль мы не отдадим.

– Этого я и опасался, – произнес Равион, и начал раскручивать над головой веревку с камнем.

Тая схватилась за шпагу, хотя на нее в этот миг никто не обращал внимания. Лейтенант Фит тоже вынул из ножен рапиру, с которой не расставался, а вот боцман схватился за кирку, которая была ему как раз по руке.

– В атаку! – скомандовал адмирал, и первым взлетел на борт судна.

– Погодите! – воскликнула Тая. – Давайте попробуем договориться!

Но ее возглас утонул в шуме начинающейся схватки. Адмирал с кортиком бросился на Равиона, Фит сделал выпад рапирой в сторону Бармута, но пират отразил его саблей.

– Посторонись! Зашибу! – закричал Равион, и двинул раскрученным камнем по руке адмирала.

Тар болезненно вскрикнул и выронил кортик.

– Что с тобой? Держись! – крикнула Тая, и поспешила ему на помощь.

Она взлетела и опустилась на палубу рядом с дедом. Ее шпага оказалась достаточно длинной, чтобы отпугнуть нападающего разбойника. Натужно работающий крыльями боцман тяжело переваливался через бортик – в этот момент надежды на него было мало.

– Уступите корабль, и обойдемся без смертоубийства, – предложил Равион.

– Нам есть, о чем поговорить, – откликнулась Тая.

– О чем говорить с разбойниками? Они заговорщики и убийцы! – возразил Фит и бросился в яростную атаку.

Вокруг Таи закружилась суматошная кутерьма. Равион орудовал камнем, как кистенем, Бармут размахивал саблей, норовя покрошить всех вокруг, а отдышавшийся боцман схватился наконец за кирку и принялся тыкать ей в деревянную палубу, отчего поднялся оглушительный грохот.

Численный перевес адмиральской команды дал о себе знать: лейтенант с боцманом загнали пирата на корму, не оставив путей для спасения. Бармут соскочил с юта, взмахнул крыльями и опустился на землю. Его сообщник остался один. Камень на веревке не пугал адмирала. Подобрал кортик, Тар продолжал наступление, выкрикивая:

– Настала пора вывести вас на чистую воду. Кто вы? Ночной Упырь или беглый слуга? А может, наемный убийца, ко-

того заговорщики подослали, чтобы прикончить принца? Я допытаюсь до правды, чего бы это ни стоило!

Лейтенант с боцманом поспешили адмиралу на помощь. Оказавшись в меньшинстве, Равион отбежал к краю палубы и прыгнул за борт. Пират уже отступал в коридор, ведущий из пещеры в непроглядную темноту. Равиону не осталось ничего, кроме как последовать за ним. Едва они скрылись во тьме, как адмирал вскинул руки и торжествующе провозгласил:

– Мы победили! Корабль наш!

Соратники разразились победоносными выкриками.

– А они не вернуться? – осторожно спросила Тая.

– Пусть только попробуют! – захохотал Буль. – Надеюсь, что в глубине этого адского лабиринта их растерзает тот самый монстр, которым ты всех столько страшала.

Для верности он забежал в коридор и убедился, что в нем никто больше не прячется.

– Нам осталось спустить судно со стапелей, – напомнил адмирал.

– Не спешите! – предостерег лейтенант Фит. – Оно пришвартовано к причалу. Взгляните!

В самом деле: от кормы судна тянулся толстый канат, привязанный к железному крюку, вбитому в скалу. Только сейчас Тая разглядела его благодаря свету, льющемуся из пролома.

– Обрубим его, да и дело с концом, – решил адмирал.

Буль с готовностью полез исполнять его поручение. В этот миг веревка, спущенная с потолка пещеры, заколыхалась, и из ведущей в верхний зал щели скользнула массивная фигура, закованная в железные доспехи. За ней проскочили еще два таких же силуэта. Лихо приземлившись, трое рыцарей рассыпались по пещере. Килимон Кардасар вырвал у Буля кирку, Тепаш Глинт здоровенным мечом выбил рапиру из рук лейтенанта, а Дили Драй схватил за запястье адмирала, сжавшего кортик. Тая спрятала шпагу и отступила в тень.

– Сдайте оружие. Оно вам не понадобится, – сурово вымолвил бывший начальник охраны.

– Откуда вы взялись? – ошеломленно спросил Тар.

– За вами давно следят, – ответил Драй. – Есть все основания полагать, что вы, адмирал – мятежник, задумавший государственное преступление. Но хуже всего – ваша внучка, эта мелкая интриганка, которая так и выискивает случай напасть на любого, кто занят серьезным делом.

– Не смейте оскорблять членов моей фамилии, – возмутился Тар. – Я все еще граф, и заставлю ответить вас по законам дворянской чести.

– После того, что вы наворотили, вас ждут только суд и палач, – возразил Драй. – С дворянским достоинством придется расстаться. Признайтесь по-хорошему: что вы задумали? Для чьих нужд своровали этот корабль? На кого собрались налететь?

Тепаш и Килимон заломили пленникам руки и принялись

связывать их.

– Где девчонка? Разыщите ее! – приказал Драй.

Тая тихонько подобрала брызгалку и бутылку с маслом, и начала отступать в темноту, но облачка пыли, взметающиеся при каждом шаге, ее выдали. Рыцари бросились и привели ее. Дили Драй злорадно потер ладони и произнес:

– Вот и ты! Давно пора отправить тебя в башню к родне. Что это за барахло ты прячешь? Мешок с носиком? Масло? Опять что-то затеяла?

Он повертел в руках находки, но не смог сообразить, для чего они предназначены.

– Хитрость, повсюду интриги и коварство. Нет, чтобы выступить в открытую, лицом к лицу. Тогда все было бы ясно. А так приходится гадать, что за пакость преподнесет тебе враг в следующую минуту.

Таю разместили на палубе рядом со связанными боцманом и лейтенантом.

– Наше дело проиграно, – сокрушенно сказал адмирал.

– Рано вешать нос, – возразила игрунья. – Мы найдем выход.

– Ищите-ищите, – пробурчал Дили Драй. – А не найдете – так до конца жизни просидите в Каменной башне. Туда вам, изменникам, и дорога.

Он обернулся к подручным и распорядился:

– Корабль готов к полету, осталось его подтолкнуть. А ну, подналяжем!

Килимон с Тепашем уперлись в корму и принялись толкать судно к пролому, за которым гулял ветер. Паруса всколыхнулись и затрепетали, однако корабль был слишком тяжел даже для рыцарей. Полозья, на которых он стоял, заскрипели, но едва сдвинулись с места.

– Еще чуть-чуть! – подзадоривал Дили Драй. – Осталось немного!

В этот миг из глубины темного коридора донесся такой грохот, как будто рушились скалы. Поднялись клубы пыли, из них выскочили ошалевшие Бармут и Равион, и бросились к кораблю, не обращая внимания на рыцарей, вставших у них на пути. Из затуманенной мглы выплеснулась каменная струя. Черда гладких булыжников вытянулась в струну и попыталась ударить пирата в спину, но тот отскочил, суматошно заверещав, и метнулся в сторону. Булыжники обрушились на известковую колонну, подпирающую потолок пещеры, и оставили на ней ряд выщербленных вмятин.

– Чудище! – взвизгнула Тая. – Я же говорила, что оно не отдаст клад просто так!

Пещерный монстр выкатился из темноты, гремя непомерным скелетом, сложенным из гладких булыжников. Эти булыжники образовывали сочленения и суставы. Они сжимались, ударялись и отскакивали друг от друга, поднимая невообразимый шум.

– Спасайтесь! Он всех раздолбает в труху! – завопил Равион, поднимаясь на сломанном крыле и цепляясь за борт

корабля.

– Не может быть! Чудо все-таки существует! – пробормотал замороженный лейтенант Фит.

Пират попытался взлететь и схватиться за край палубы, но сорвался и шлепнулся на жесткий пол. Килимон с Тепашем бросили подпирать корму и понеслись вдоль корпуса судна, надеясь за ним укрыться. Монстр мгновенно отреагировал на их движение и выбросил вперед руку, похожую на каменную плеть. Язык этой плети хлестнул по деревянному борту. Поток камней прошелся по доскам, как ряд пушечных ядер. Несколько булыжников угодили в дощечку, привязанную к крылу Равиона, отчего она разломилась на части. Щепки осыпались, оставив трепыхаться прозрачное крыло с едва заметным рубцом от заживающего перелома. Тая схватила разбойника за ворот рубахи и втащила его на палубу. Дили Драй выхватил меч и побежал по кораблю, выискивая место, с которого можно было дотянуться до чудища.

– Ваши железки против этих камней бесполезны! – крикнул ему Равион, прижимая крыло к спине. – Лучше освободите пленных, иначе им конец.

Драй мгновенье поколебался, но все же решился и перерезал веревки, которыми были спутаны адмирал, боцман и лейтенант.

– Нужно срочно отчаливать, – произнес адмирал. – Это чудище всех перебьет.

Монстр погнал вокруг корабля Бармута, Тепаша и Ки-

лимона. *Перемешавшись, беглецы перестали замечать, кто из них рыцарь, а кто пират.*

– Забирайтесь на палубу! – крикнул им адмирал.

И, обернувшись к Дили Драю, добавил:

– Моя команда готова к полету, но вам придется отдать корабль под мое управление.

– Вот еще! – взревел Дили Драй. – Надуть меня вздумали? Как бы не так! Вы все еще под арестом. Корабль мой!

Тая поймала рыцаря за руку, остановила и заглянула в его стальные глаза:

– Сударь, – проникновенно сказала она, – сейчас не время для споров. Это чудом сохранившееся судно вот-вот будет потеряно. Доверьтесь опытному экипажу, мы выведем его на простор.

– Довериться? Тебе? Ты только и делаешь, что хитришь! – рявкнул Драй.

Бармут рванулся вверх и полез через борт. Оба рыцаря, гремя доспехами, последовали за ним, но монстр прошелся по ним каменным кулаком, и они рухнули на пол, причитая и жалуясь на судьбу.

Равион помог Бармуту перекатиться через высокий бортик. Монстр собрал силы и обрушил их на корму корабля. Удар оказался таким мощным, что «Королевский дракон» съехал с места и с ужасающим скрипом заскользил по стапелям.

– Берегись! Этак мы не взлетим, а потонем! – выкрикнул

боцман Буль.

Нос корабля высунулся в пролом и начал заваливаться вниз. Тая зажмурилась, очутившись на вольном просторе – после полумрака пещеры дневной свет показался ей невыносимо ярким.

– Держитесь за мачты! – скомандовал адмирал. – Сейчас свалимся!

Крен корабля стал угрожающим. Съехав по стапелям, как по горке, он очутился над обрывом и нырнул в пустоту. Все, кто остался на палубе, полетели вверх тормашками. Тая инстинктивно заработала крыльями – это позволило ей удержаться, хотя палуба ушла из-под ног. Адмирал, Драй и лейтенант с боцманом уцепились за мачты и держались, что было сил.

Падало судно недолго – толстый канат, которым оно было привязано к крюку в скале, натянулся и удержал его. Корабль судорожно дернулся и повис носом книзу, бултыхаясь над зеленой равниной, простирающейся далеко внизу. Адмирал не удержался и оторвался от мачты, то же самое случилось и с его спутниками. Они непременно рухнули бы вниз, если бы не выпустили крылья. И даже гордый рыцарь Драй презрел дворянские предрассудки, на лету избавился от железного панциря и показал, что умеет держаться в воздухе. Игруны закружились вокруг судна, раскачивающегося, как маятник на веревочке.

Тая испугалась за деда, поддержала его на лету и потянула

обратно к пещере:

– Вернемся на твердую почву!

Однако навстречу им из пролома в стене выскочили до смерти перепуганные Тепаш и Килимон. Каменное чудище продолжало бушевать за их спинами, круша все, что попадалось ему под горячую руку.

– Все на корабль! Мы вернем ему ход! Занять места! – проявил адмирал твердость духа.

Игруны облепили реи, и даже толстый Буль оседлал мачту, севшись на ней, как на древесном суку.

– Все должны действовать, как одна команда, иначе судно будет потеряно! – уверенно распоряжался адмирал. – Лейтенант, расправь несущий парус! Боцман, встать за штурвал! Всем остальным – держать паруса, пока руки не оторвутся! Исполнять! Живо!

Фит метнулся к главному парусу, безвольно провисшему, как простыня, сползшая с постели. Равион, Бармут и даже Дили Драй взяли за концы полотнища и принялись растягивать и расправлять их. Ветер начал задуть в просвет между двумя слоями ткани. Полотно раздулось, его потянуло ввысь.

Тая почувствовала, что корабль выравнивается. Его перестало болтать, и далекая зеленая равнина, над которой они зависли, прекратила мелькать перед глазами. Нос начал приподниматься, судно обрело устойчивость и заскользило по воздушным волнам. Игрунья опустилась на палубу и убеди-

лась, что на ней можно стоять, ни за что не хватаясь.

– Так держать! – командовал адмирал. – Буль, отведи судно подальше от берега!

Боцман крутанул штурвал и для верности потянул за дополнительные паруса, свесившиеся с рей. Однако канат, привязанный к железному крюку, удержал судно и не позволил ему удалиться.

– Руби конец! – велел Тар.

– Отставить! – остановил его Дили Драй. – Куда это вы собрались? Вы – мои пленники, не забыли? Лезьте в трюм и не смейте высовываться.

– Барон, вы обезумели! – возмутился адмирал. – Для управления кораблем нужен опытный экипаж. Вы не справитесь в одиночку.

– Лучше корабль разбить, чем отдать мятежникам, – возразил Драй. – Я не знаю, для чего он вам понадобился. Наверняка вы задумали коварную интригу.

– Спасите! Этот монстр нас измочалит! – прыгали на краю пропасти Тепаш и Килимон.

– Летите ко мне! – позвал их начальник.

Рыцари швырнули остатки доспехов в чудовище, прыгнули в воздух и заработали крыльями.

– Мы теряем корабль, – сказала Тая, приблизившись к деду.

– Драя не удастся привести в чувство. Он одержим желанием выслужиться и вернуть потерянную должность.

– Наш единственный шанс – отдать судно Бармуту с Ра-вионом, – сказала игрунья.

– Пирату с разбойником? Ни за что! – бурно возразил адмирал.

– Деда, рыцарей нам не одолеть. Мы можем лишь задержать их. Если они завладеют кораблем, то больше мы его не увидим.

– А пират? Ты что, веришь в его благородство?

– С ним мы еще сможем встретиться. Решай быстро. Рыцари приближаются.

Адмирал кинул взгляд на Тепаша с Килимоном, которые ухватились за борт и подтягивались на могучих руках.

– Цыба, Ланс! Дать захватчикам отпор! – велел он.

Боцман и лейтенант оставили раздувшийся парус и бросились сталкивать рыцарей с корабля. Адмирал приставил кортик к горлу Дили Драя и твердо сказал:

– Барон, вы знаете, что я не шучу. Вам придется покинуть корабль.

– Эта измена вам дорого обойдется, – прошипел Драй.

– Мы храним верность принцу, а вот вы перепутали берега, – возразил Тар.

Тепаш и Килимон не желали сдаваться. Боцман и лейтенант схватились с ними врукопашную и закружились в полете между судном и скалистой пещерой. Адмирал вывел Дили Драя на высокий ют и столкнул с кормы. Огненная грива рыцаря мелькнула за бортом, он заработал крыльями и вы-

брался на площадку перед разломом в скале.

Тая подлетела к Равиону и быстро проговорила:

– Сударь, мы отдаем вам корабль и надеемся, что при случае вы оплатите сторицей.

– Обещаю, что не останусь в долгу, – взглянул ей в глаза Равион.

– Вот ваша шпага. Она вам нужнее. Как ваше крыло?

– Благодаря вашим стараниям почти зажило.

– Вы сладите с управлением?

– Еще бы! – захохотал рядом Бармут. – Полеты – моя стихия. Не беспокойся, детка. Пока я правлю этой посудиною, с ней ничего не случится.

Тая сунула перевязь с ножами в руки разбойника и понеслась на помощь Фиту и Булю, которые едва удерживали противников. Бармут спрыгнул с кормы, и, повиснув на трепещущих крыльях, начал рубить широкой саблей канат. Толстые нити долго не поддавались, но в конце концов канат лопнул, и корабль вырвался на свободу.

– Знать бы, что мы не ошиблись, – с сомнением произнес адмирал и взлетел с палубы.

Ветер раздул парус и потянул судно прочь. Корабль поймал воздушный поток и изящно заскользил, ловя ветряные струи. Через пару минут он отдалился настолько, что стал недосыгаем. Увидев, что корабль улетел, Тепаш и Килимон впали в панику. Как и все игрушки, они ужасно боялись летать на большой высоте, да еще когда рядом – отвесные скалы, за

которые не зацепиться. Они бросили драться и полезли обратно в пещеру, где их и застал Дили Драй. Адмирал с Таей и экипажем приземлились рядом.

– Где чудище? – нервно спросил Драй, оглядываясь по сторонам.

– Оно здесь. Затаилось во тьме. Только и ждет, чтобы раскрошить нас, – предупредил Тепаш.

– Адмирал, сдайте кортик и поднимайтесь наружу, – приказал Драй.

– Я уступаю вам право спастись первым, – со скрытой насмешкой возразил Тар.

Они добрались до веревки, спущенной из щели в дворцовом зале. Ее конец болтался, взметая с пола пещеры облачка пыли.

– Килимон, Тепаш! Взять пленника и доставить в места заключения, – теряя терпение, распорядился начальник.

Оба рыцаря с готовностью бросились исполнять его приказ.

– Стойте! – ловко изображая испуг, воскликнула Тая. – Я вижу монстра. Сейчас он вас схватит. Бегите!

Забыв об обязанностях, двое подручных оставили адмирала, схватились за веревку и принялись карабкаться вверх, помогая себе крыльями. Дили Драй не успел раскрыть рот, как они уже выбрались в щель и махали ему руками, призывая за собой.

– Вы за все ответите! – с угрозой прошипел Драй, и полез

следом.

Тая подобрала свое добро: бутылку и брызгалку, наполненную маслом.

– Нам тоже пора убираться, – вжимая голову в плечи, произнес Буль.

– погоди. Пусть рыцари сначала уйдут, – остановил его адмирал. – Иначе нас сразу же арестуют.

– А так нас раскрошит каменный монстр! – не унимался боцман.

– По-моему, нам лучше спрятаться, не шуметь и не лезть на глаза, – посоветовал Фит.

Он двинулся вдоль скалистой стены пещеры, выискивая укромный уголок. Неожиданно скала ожила: от нее отделилась чудовищная фигура, сложенная из булыжников и осколков, приняла форму каменного великана, и потянулась к лейтенанту руками, напоминающими раздробленный костяк.

– Фит, назад! – выкрикнул адмирал.

Но чудище успело охватить ноги лейтенанта кольцом, из-за чего тот потерял способность двигаться.

– Я в ловушке! – выкрикнул лейтенант.

– Держись, я иду! – поспешил к нему Тар.

– Стойте! Оно всех переколошматит! – крикнула Тая, бросаясь за дедом. – Пустите, я с ним сама разберусь.

– Куда ты, девочка? – попытался удержать ее боцман. – Держись от схватки подальше, иначе придется спасать и те-

бя.

Но Тая не слушала боцмана. Вырвавшись, она подскочила к монстру, направила на него длинный носик брызгалки и надавила на мешок. Масляная струя брызнула на каменный скелет, вертящийся в темноте. Гремящие друг о друга булыжники смочились и стали скользкими.

Адмирал попытался вытащить Фита из каменного кольца, охватившего ноги лейтенанта. Чудище, занятое сразу двумя противниками, не обратило внимания на маленькую игрушку. Тая взлетела и начала поливать маслом каменную голову, шею и плечи. Жидкость с них растеклась и начала капать вниз, на хребет, извивающийся, как змея.

Масло кончилось, Тая мигом вернулась на землю и залила в мешок новую порцию из бутылки. Краем уха она уловила, что звук от ударов каменных кулаков изменился: звонкие хлопки превратились в глухое шлепанье. Тая вспорхнула и обрушила на чудовище новую порцию масляных струй.

Булыжники в позвоночнике чудища начали проскальзывать, каменные сочленения рассыпаться. Каждый удар приводил к тому, что на мокрые камни налипал слой пыли, делая их неповоротливыми. Целые фрагменты вываливались из кулаков и локтей, оставаясь неподвижно валяться среди вздымающихся колонн. Остатки рук чудища задергались, пытаясь вернуть былую подвижность, но после нескольких судорожных движений позвоночник осыпался и превратился в груды камней, шевелящуюся на полу. Нелепая голова на-

хлобучилась на эту грудь, челюсть отпала, зубы, состоящие из мелких осколков, рассыпались и затерялись в пыли.

Боцман ударил по куче киркой и принялся разбрасывать камни в стороны, подальше друг от друга. Некоторые из сочленений продолжали судорожно сжиматься и разжиматься, камни все еще двигались и искали путь, чтобы соединиться.

– Наверх! Быстро, иначе оно соберется! – сказала Тая.

Адмирал наконец освободил Фита из кучи обломков, в которую превратилась чудовищная лапа. Лейтенант отпихнул сапогом каменный череп и крикнул вдогонку:

– Вот тебе! А ведь я не хотел в тебя верить!

Все вместе они помогли боцману подняться по веревке и протолкнули его в щель в потолке.

– Все в порядке. Тут никого! – доложил Буль, оказавшись в дворцовом зале.

Лейтенант пропустил вперед адмирала, но Тар отказался покидать пещеру до тех пор, пока наружу не выберется вся его команда. Тае пришлось уступить и вылезти первой, лишь после этого она с лейтенантом выудила из провала престарелого флотоводца. Как только Тар оказался на твердой поверхности, боцман вытащил веревку и закрыл щель настилом из досок. Фит помог ему придавить доски обломком колонны, чтобы крышка не сдвинулась с места.

Адмирал отдышался, проверил, на месте ли кортик, и с облегчением сказал:

– Кажется, мы от него избавились.

– Рано или поздно чудище очнется, но пока его можно не опасаться. – Тая обняла деда и проверила, не ранен ли он.

– Чему радуетесь? – буркнул Буль. – Мы потерпели полное поражение. Корабль достался пиратам. Драй точит на нас зуб. Того и гляди, засадит всех под арест. Мы остались ни с чем.

– А по-моему, все не так плохо, – весело возразила Тая. – Может, все обернется и к лучшему.

– К лучшему? Это вряд ли, – возразил боцман. – По-моему, дело становится только хуже и хуже.

Глава 12. Король воров

Пятый день Разноцвета

– Какое это счастье – вырваться на свободу, пусть даже всего на полчаса! – Леммонт сладостно потянулся в кресле, установленном на лужайке перед адмиральским домом. – Во дворце за мной постоянно следят. Я ужасно стеснен. Там и шагу не ступишь, чтоб за тобой не увязалась какая-нибудь подозрительная тень. Все подслушивают и подсматривают, а после шепчутся по углам и разносят самые невероятные слухи. И к тому же, представьте, этот жлоб Дили Драй до сих пор квартирует прямо под моими палатами, хотя его и вытурили со всех должностей. Я даже сапог с каблуками не надеваю, чтоб он не слышал моих шагов над своей головой.

– Многие недолюбливают Дили Драю, но вам-то он чем не угодил? – поинтересовался Тар, устроившийся за круглым столиком, вынесенным на солнце.

– Как чем? Он же прихвостень герцогини, а она, как вы знаете, готова на все, лишь бы не допустить меня до престола. Короновать своего сынка – вот о чем ее самые заветные сны. Это ни для кого не секрет. Драй – кровожадный пес, готовый на все, чтобы выслужиться перед хозяйкой. Как я рад, что могу наконец произнести это вслух! Во дворце я бы

такого себе не позволил.

Тар не рискнул явиться во дворец Паллиандров после вчерашнего конфликта с Драем. Неудача, которую потерпели обе команды, лишь обострила ссору. Однако доложить его высочеству о том, что случилось, было необходимо, поэтому адмирал пригласил Леммонта к себе домой. Принц принял его приглашение с энтузиазмом и теперь наслаждался тем, что можно беседовать о чем хочешь, не опасаясь чужих ушей. Вместо обеда в гостиной хозяин и гость устроились на лужайке, заросшей огромными одуванчиками, за круглым столиком под большим зонтиком.

Рядом в креслах уселись лейтенант Фит и мадам Каппадокия, донельзя гордая тем, что ее допустили в ближний круг будущего короля. Тая держалась скромно и в общество таких важных персон не напрашивалась, однако принц сам потребовал, чтобы она скрасила этот скучный деловой разговор.

– Красавица, свет очей моих, – удержал он ее за ручку, когда она собиралась уйти, расставив на столике чайный сервиз. – Я день и ночь вспоминаю вашу улыбку. Умоляю, не покидайте меня. Без вас мне не мил белый свет.

Лицо мадам Каппадокии стало пунцовым от удовольствия: такое откровенное внимание принца к своей воспитаннице она воспринимала, как личное достижение. Тая разлила травяной чай по чашкам и присела за столик.

– Вы не поверите, но моя внучка – настоящая мастерица по части приготовления травных настоев, – принялся нахва-

ливать ее адмирал. – Это у нее от матери. Та – просто колдунья. Жаль, что она вынуждена делить тяготы заточения вместе с моим сыном.

Тая смутилась и опустила глаза.

– Давайте, я лучше угощу вас коньячком, – предложил принц. – Отменный продукт. Мне подарил его Чумаданио Хрюнкель, а он знает толк в выпивке.

Леммонт собственноручно разлил пахучей напиток по рюмкам. К Тае он проявил особенную любезность, хотя обычно ей и не дозволялось выпивать вместе со старшими. На этот раз дед и мадам Каппадокия промолчали, как будто так было и нужно.

– А что же наш добрый боцман? – не забыл принц про Буля. – Неужели он к нам не присоединится? Сударь, для вас тоже есть рюмочка. Коньяка – целая бочка, поверьте, я его не жалею.

Боцман, суетящийся вокруг стола с закусками, боязливо взглянул на адмирала. Тар благосклонно кивнул ему, и Буль сел со всеми, ужасно польщенный, что господа обходятся с ним, как с равным.

– Ваше высочество не чурается простонародья, – заметил Тар. – Вы лишены сословных предрассудков. Это сделает вас популярным правителем.

– Меня съедят прежде, чем я стану правителем, – печально ответил Леммонт. – Если только я не обставлю врагов и не улечу из этого осинового гнезда. Единственное средство спа-

стись – «Грозовой дракон», но он в руках у разбойника и пирата, которые составили шайку, чего я и боялся.

– Признаться, меня поначалу шокировала ваша просьба прикончить разбойника потихоньку, – признался Тар, повертев головой вокруг и убедившись, что посторонние не могут подслушивать. – Но теперь я убеждаюсь, что вы были правы. Этот головорез слишком опасен.

– А вот и нет! – ни с того ни с сего подскочил в кресле принц. – Теперь у него корабль. Это все меняет. Бандиты в любой момент могут поднять паруса и улететь за тридевять земель. Пропадут с концами, и я останусь ни с чем. Поймите, Тар, этот корабль мне нужен. Без него мне кирдык, фундаментальный кирдык! Теперь уже до фени, кто этот Равион – Ночной Упырь, кровопийца или вурдалак. С ним нужно договориться любой ценой. Мне есть, что предложить, и поверьте: плата, которую я готов дать, не оставит его равнодушным. Но судно он должен отдать. Я хочу обделаться с ним это дельце. Устройте нам встречу.

– Встречу? С Ночным Упырем? Вы с ума сошли! – от удивления адмирал забыл о вежливости. – Он же прирежет вас, как только увидит.

– Он как минимум дважды на вас покушался, и один раз, во время похищения и воздушного боя, ему едва это не удалось, – добавил Фит, которого охватившие всех эмоции вывели из обычного состояния ледяного спокойствия.

– Я этого не забываю, и не устаю благодарить мою добрую

фею за то, что она меня выручила. Жаль, что это вышло ей боком. В кулуарах смеются над Драем за то, что он не сумел вырвать меня из лап пары бандитов. Говорят, что семнадцатилетняя девушка подменила и рыцарей, и вся службу охраны. Как его это бесит!

Леммонт довольно рассмеялся.

– Эта тупая гора мышц плетет небылицы про нашу Таиссу. Почему-то он думает, что она подложила ему свинью. Будто бы это она навела разбойника на сокровищницу, опоила стражу сонным зельем, да в придачу сдала единственный уцелевший корабль пиратам. Не игрунья, а прямо-таки дьяволица. И все, разумеется, сделано ему назло. Если бы он хоть на что-то влиял, то давно уговорил бы герцогиню сварить вас живьем в кипятке.

Но сейчас мои мысли о Равионе. Он поведется, как только узнает, что я ему посулю. Пусть я далек от реальной власти, но я все же принц, и мне есть, чем расплатиться. Все решит только личная встреча. Мне больше не к кому обратиться, адмирал, вы – единственный, кто служит мне не за страх, а за совесть.

Адмирала эта новая просьба привела в состояние крайней озабоченности.

– Ваше высочество, – сказал он, – у нас нет связи с командой пирата, и мы не знаем, где искать Равиона. Эта парочка может летать, где угодно.

– Придумайте что-нибудь. А пока отведайте коньячку.

Под закусочку. Ну, уважьте меня!

И Леммонт протянул рюмку Тае, чтобы чокнуться с ней.

– А коньяк в самом деле отменный, – сладко облизнулся Буль, когда принц отбыл восвояси. – Многолетняя выдерж-ка, и пахнет свежим дубком. Наверное, бочка была из особенной древесины. Но есть и странный, металлический привкус. Интересно, от чего он может происходить?

– Тебе бы только лакать, выпивоха, – обрушился на товарища лейтенант Фит, озабоченный глубокой задумчивостью, в которую впал адмирал.

– Да, я знаю толк в выпивке, – обиделся боцман. – Что тут такого? Это полезное свойство, когда нужно завести связи.

– Ума не приложу, как исполнить поручение принца, – признался Тар, выходя из задумчивости. – Мало того, что встречаться с разбойником смертельно опасно, так он еще не идет на контакт. В каком поле искать этот ветер?

– Разбойники не действуют в одиночку, – высказал соображение лейтенант. – У них обязательно заведутся дружки и подельники. Должен же кто-то им помогать, стоять на страже и сбывать наворованное?

– Городское ворье – целый мир, который живет по своим законам, – кашлянул в кулачок боцман Буль. – Посторонних в него не пускают.

– Я слышал, что после Огненной бури много бывших матросов опустилось на дно, – заметил адмирал.

– Увы, это так, – откликнулся боцман. – Я сам знаю мно-

гих, кто пропил душу и не вылезает из кабака. Они держатся на плаву только за счет темных делишек с жульем.

– Может, кто-то из них выведет нас на разбойника?

– Надо поспрашивать, но это опасно. Если кто-то на дне заподозрит, что мы расследуем уголовное дело, то расправа выйдет скорой. Чик-чик, и голова отдельно, шея отдельно, а руки-ноги и вовсе скормлены клыкодюрам.

Вечером Буль надел старую матросскую тельняшку и собирался в кабак.

– Опять пошел пьянствовать? – с подозрением спросил его Фит.

– Не пьянствовать, а выполнять розыскные мероприятия, – поправил его боцман.

– Нашел работку себе по душе, – высокомерно вздернул нос лейтенант. – Жаль, что нет таких должностей, на которых за пьянки-гулянки платили бы премии. Иначе ты бы стал самым процветающим чиновником во всем королевстве.

Но боцман не обратил внимания на издевательства своего товарища. Всю ночь он пропадал, а под утро вернулся растрепанным и лихорадочно возбужденным. От него в самом деле явственно несло ромом и табаком, запятнанная чем-то липким тельняшка оказалась порванной, а под глазом сиял свежий синяк.

– Побазарил с кем надо, завел кое-какие связи, – сообщил он. – Один кент обещал свести меня с вором в законе по прозвищу Щудрый Хрыщ.

– Ты с ума сошел. Тебя сразу прирежут, – бросил Фит.

– Он уже отошел от дел и теперь на заслуженном отдыхе, – возразил Буль. – Если вести себя осторожно, то получится кое-что разузнать. Игра стоит свеч: говорят, что этот Хрыщ не только близко знал Ночного Упыря, но и наставлял его в воровском ремесле.

– У воров бывают свои наставники?

– А ты как думал? Жуликами не рождаются. Этому делу нужно долго учиться, и тут, как и в любом учении, находятся свои бездари и таланты. Вот мы и сходим к такому учителю, порасспросим о бывшем ученике.

– Захочет ли он говорить?

– Нужно чем-то его подмазать. Говорят, он скучает по тем временам, когда обирал лохов. Вот только теперь он настолько стар, что больше не может работать на улице.

Тая привыкла видеть боцмана расслабленным и благодушным. Он сохранял самообладание даже в разгар самого бурного шторма. Тем более ее удивило, каким озабоченным и суетливым стал этот толстяк, когда засобирался на встречу со старым вором. Он долго не мог придумать, куда спрятать стилет с острым стальным жалом, и совал его то за пазуху, то за пояс, то под полу матросской куртки.

– Перестань дурить! – образумил его Фит. – Все равно найдут, и тогда будет хуже.

– Да, ты прав, – осунулся Буль. – Лучше оружия не брать, хотя без ножа я чувствую себя голым. И у меня до сих пор

нет идей, как разговорить этого пахана. На какую удочку его подцепить? Для этой рыбалки мы даже червей не накопили.

Тая задумалась, поднялась в кабинет деда и, смущаясь, попросила у него десять золотых кронок.

– Десять кронок? – расхохотался адмирал. – Девочка моя, за эти деньги можно купить и тебя, и еще десять таких же прелестных созданий, как ты. На что тебе понадобились такие деньжищи?

– Нам нужно подкупить разбойничьего атамана...

– Что значит «нам»? – адмирал перебил ее, не дослушав.

Он резко распрямился в кресле и с напором продолжил:

– Ты же не думаешь, что я отпущу тебя на такую опасную встречу? Даже у боцмана, и у того мурашки бегут по коже.

– Понимаешь, мне надо.

– Что значит «надо»?

– У меня появились кое-какие догадки. Их очень нужно проверить.

– Нечего проверять! Даже носа не смей высовывать за порог!

Тая сделала вид, что послушалась, и старательно изобразила из себя паиньку. Ей удалось выклянчить три золотых монеты – блестящих, увесистых, с благородным королевским профилем и шмелем на обороте. Она сложила их в кожаный мешочек, затянула его шнурком и подвесила к тонкому поясу так, чтобы он сразу бросался в глаза.

Когда Буль засобирался «на дело», она прилипла к нему и

не отставала до тех пор, пока он не сдался и не взял ее с собой. Надев темный плащ с капюшоном, скрывающим лицо, она выскользнула вслед за боцманом на улицу, где накрапывал мелкий дождик.

Буль велел ей не рисоваться и не раскрывать рта, и она до поры до времени соблюдала запрет, чтобы он не передумал. В кабаке боцман быстро сошелся с «кентом» – потрепанным доходягой, азартно играющим в кости с компанией таких же сомнительных типов. Тот подозрительно оглядел закутанную в плащ девичью фигурку, но ничего не сказал, и повел их по грязным простецким кварталам такими закоулками, о существовании которых Тая даже не подозревала. Наконец, они оказались в кирпичном особняке, выстроенном посреди деревянных хибар.

«Кент» исчез, передав их прислуге, больше напоминающей вооруженную до зубов охрану. Буля тщательно обыскали, и даже Таю ошупала морщинистая сварливая карга, глаза которой так и сверлили пришельцев. Их проводили на верхний этаж, и Тая очутилась в просторной, богато обставленной комнате с задернутыми шторами, сквозь которые едва пробивался свет. Охранник отступил в тень у них за спиной и замер без звука. Пока взгляд привыкал к мраку, ей казалось, что комната пуста, и только когда из глубокого кресла раздался хриплый, сдавленный голос, она заметила хозяина особняка, притаившегося в полутьме, как хищник в засаде.

– Мне сказали, что вы по делу, но я давно уже не при де-

лах, – произнес он, пошевелив рукой, покоящейся на мягком подлокотнике.

– Да и у нас не дела, а делишки, – нашелся с ответом Буль, почтительно склоняясь и целуя перстень на пальце хозяина.

Тая повторила его движение, успев кинуть на владельца особняка острый взгляд. Он казался совсем старым и дряхлым. Под халатом из роскошного бархата виднелась льняная рубашка с галстуком-бабочкой и золотым кулоном, свисающим на цепочке. Слепшие глаза, затянутые белесой пеленой, отпугнули Таю. Она отшатнулась, и золотые монетки в ее кошельке глухо звякнули. Слепой вор прислушался и едва заметно улыбнулся. Палец с перстнем чуть-чуть пошевелился, погладив бархатный подлокотник.

– Нам бы встретиться с Ночным Упырем, – заискивающе произнес Буль.

– Да что вы говорите? – Щудрый Хрыщ зашелся то ли от смеха, то ли от приступа кашля. – С ним многие мечтают встретиться: цензурионы, судьи, палач, и кое-кто из коллег по профессии, у которых к нему личный счет. А у вас что за счета?

– У нас нет счетов, – поторопился заверить Буль. – Мы служим одному очень богатому господину. Он хочет предложить Упырю сделку. Крайне выгодную. Дело верное, никакого подвоха.

– Знаю я, кому вы служите, – проворчал вор. – Чернорунному адмиралу. Это он-то богатый? Ни поместий, ни жало-

ванья, только гордость и куча долгов.

– За ним стоят очень высокие силы, – намекнул боцман.

– Высокие силы на дно не спускаются. Тут своя жизнь.

– Мы в долгу не останемся.

– Лучше сто раз подумать, прежде чем мне задолжать.

Долги принято взыскивать. Кто этого не усвоил – тот досрочно примерил гроб. Но вам повезло, мне от вас ничего не нужно. Да и не знаю я, где теперь мой воспитанник. Нет о нем новостей.

– Ночной Упырь – ваш воспитанник? – не смогла удержаться Тая.

– Да, детка, я помню его с тех пор, когда он был еще малолетним шалопаем, – заговорил Щудрый Хрыщ. – Как страшно звучит это имя – Ночной Упырь! Попробуйте покатасть его на языке. Чувствуете, как мурашки бегут по коже?

Слепой вор рассмеялся, и смех его был похож на звук мокрого пальца, которым трут по стеклу.

– Но я знавал этого упыря еще тогда, когда его звали Кирдуля Капецкий. Кирдулей его называли на улице, а родители дали ему имя Кирдыщ. Они тоже были ворами, и мать, и отец. Хотели, чтобы имя их сына наводило страх. Так он и рос вором, с самого раннего детства. Попервоначально предки использовали его на подхвате. То пошлют отнести порцию дряни покупателю, которого ломка заставляет отдать последний грош. То помогут залететь в форточку, чтобы обнести хату.

Ему не было и десяти, когда он прибил к дворовой компании и начал промышленячь в переулках. Шабла подобралась веселая, озорная. От воровства перешли к грабёжам – сначала вытряхивали мелочь у таких же лоботрясов, потом занялись добычей покрупнее. Вот тут талант Кирдули и начал проявляться во всей красе. Благодаря семейному воспитанию он быстро выдвинулся в заводицы. Чего он только не вытворял! Кидал лохов, придумывал ловкие схемы обмана, и, конечно же, грабил. В общем, проявил себя, как мастак на все руки. Другой жизни он никогда не знал, да и не хотел.

Тут он и попался мне на глаза. Я принял его в свою воровскую семью. Разглядеть его дар было нетрудно, но он играл не за команду, а за себя самого, а в нашем деле это ведет к косякам. Признаюсь, я малость переборщил с воспитанием. Чтобы поставить его на место, я постоянно одергивал и унижал его, внушал, что он мелкий сявка без будущего, тупой бездарь, пустое место, и что подняться ему поможет только верность семье и послушание пахану.

С этим воспитательным методом я обмишулился: вместо того, чтобы стать исполнительным и послушным, Кирдуля взбунтовался. То, что он начал творить, даже по нашим, воровским меркам, тянуло на беспредел. Отбил от рук, кинул шаблу и начал работать на себя. По ночам улицы принадлежали ему. Сколько лохов, задержавшихся в кабаке, пожалело, что так припозднилось! Про него поползли ужасные слухи: будто он вурдалак и упырь, пьющий кровь, будто уме-

ет оборачиваться хищным зверем, вроде крылатого волка, и улетать от преследователей. Конечно, все это были байки, но кипеш от них поднимался порядочный. Так его и прозвали Ночным Упырем.

– А на убийство он может пойти? – задала вопрос Тая.

– Растили его, как вора, а вор жизнь отнимать не станет. Однако Кирдуля не таков. Если кто-то встанет между ним, и его мечтой, то он пойдет на все.

– И что у него за мечта?

– О, это самое интересное, – заскрипел Щудрый Хрыщ. – Забунтовав, он задался целью доказать, что станет лучше, хитрее и опытнее меня. Чтобы не уронить авторитета, я ставил его на место и твердил, что из него никогда не выйдет толку и не получится настоящего вора – такого, каким все будут восхищаться. Тут Кирдуля и загорелся желанием доказать мастеру, но прежде всего – себе самому, что он – настоящий талант. Стать непревзойденным вором, какого никто никогда не видал. А для этого – устроить самый лихой грабеж, чтобы все просто охнуло. Такой, как ограбление королевской казны. И умыкнуть Грозовую корону – вполне в его духе. Только вряд ли ему придет в голову ее продавать. Скорее, он захочет в ней покрасоваться.

– Вы думаете, что это он грабанул казначейство? – спросил Буль.

– Если кто-то на это и был способен, то только он, – убежденно заверил вор. – Это то самое Большое Дело, о котором

он столько мечтал. Но теперь ему нужно признание. Ему хочется доказать всем, что это сделал именно он. Чтобы и сто лет спустя народ травил о нем байки – чем загадочнее, тем лучше. Так что теперь он объявится и сверкнет короной – в этом я не сомневаюсь.

По слуху Таи прошелся, как нож, скрипучий смех вора. Щудрый Хрыщ притронулся к ней, провел рукой по ее плещу и сказал:

– Зачем такой юной девице отбросы столичного дна? Тебе нужно мечтать о принце. Конечно, Ночной Упырь умеет производить впечатление. Он с детства менял маски и подражал господам, так что неудивительно, если вдруг он объявится под видом графа Кирдуллиано Капещо, а то и короля всех воров. Но связавшись с ним, ты не наживешь добра.

– Я вовсе не хочу с ним связываться, – растерявшись, ответила Тая.

– А что тебе нужно?

– Освободить папу и маму. Их заперли в Каменной башне. Мне дела нет до ночных упырей, но этот разбойник вмешался в историю, и теперь без него не обойтись.

Щудрый Хрыщ убрал руку и спрятал ее под халат.

– Я не знаю, где его искать, – сказал он так правдиво, что Тая поверила. – Может, мне и хотелось бы, чтобы он вернулся в семью. Без него не так весело, да и я уже стар. Но этот птенец уже вылетел из гнезда, и теперь его не удержать. Если вам удастся найти его, передайте, что путь домой не закрыт.

– Говорят, что его прирезали где-то на постоялом дворе, – подал голос охранник, стоявший в тени.

– А еще говорят, будто он убил принца и надел его лицо, а теперь бродит по ночным улицам, режет глотки и высасывает кровь из детей, которые вовремя не возвращаются домой. Скорее уж, я поверю, что он раздобыл корабль и из пешехода превратился в летуна. А что тут такого? Кто из нашего брата подавался в пираты?

– Никто, – подсказал охранник.

– Ну вот. Должен же кто-то стать первым, – проскрипел вор.

У Таи на душе полегчало, когда беседа закончилась, и их вывели на свежий воздух. Оказавшись за воротами особняка, боцман Буль перевел дух и сказал:

– Какая удача! Мы целы. Его сиятельство голову с меня снимет, когда узнает, что я взял тебя на такую опасную встречу.

Тая откинула капюшон и подставила лицо дождю.

– Что это у тебя там болтается? – спросил Буль, указывая на ее пояс.

Тая провела рукой по тоненькому ремешку, стягивающему сорочку. От кошелька, в котором хранились три золотых, остались только сиротливо свисающие шнурки.

– Кажется, он меня обокрал, – сказала она.

– Вот шельма! – возмутился боцман. – Глаза ничего не видят, а руки былую ловкость не потеряли. Вот только зачем

ему это? Он и так живет богачом.

– Вор остается вором, – заметила Тая. – Он крадет не потому, что нужны деньги, а потому, что это его страстишка.

Адмирал пришел в ужас, когда узнал, в какое логово Буль затащил его дорогую внучку. Он сделал боцману выговор, а затем подозвал Таю и строго спросил:

– Как ты могла меня послушаться? У тебя совесть есть?

– Есть, – моргнула Тая зелеными глазками.

– И где она? Почему я ее не замечаю?

– Она заперта в ларчике, под замочком. Я так ее берегу, что ларчик даже не открываю, – невинно ответила Тая.

Дед махнул на нее рукой.

– Мы снова в тупике! – сокрушенно обратился он к помощникам. – Корабль достался пиратам, мы не можем найти их, все нити оборваны, а поручение принца мы провалили, причем с треском. Ну, и какие мы после этого служащие? Какой я адмирал, если не справляюсь с заданием?

Ни Буль, ни Фит не могли успокоить стареющего флотоводца, и только Тая хитренько улыбалась. Ее ни с того ни с сего посетило приподнятое расположение духа.

– Ты что-то задумала? – подозрительно спросил дед, проследив за тем, как она порхает по залу.

– Куда мне? Разве я на это способна? – невинно откликнулась игрунья.

– Не смей соваться в передраги. Я категорически запре-

щаю. Ты меня поняла? Не хватало еще, чтобы я тебя потерял. У меня уже отняли сына с невесткой, с кем я останусь?

Тая подлетела и чмокнула деда в щечку.

– Не заставляй меня отвлекаться на твои шалости, – назидательно произнес он. – У меня и так забот полон рот, а тут еще за тобой нужен глаз да глаз. Я, между прочим, со стыда стораю, когда думаю, как доложить принцу об очередном провале.

– За это можно не беспокоиться. Сейчас его высочеству не до нас – он развлекается и о наших заботах не вспоминает, – вплывая в зал, как ладья, пропела мадам Каппадокия.

Тая с изумлением взглянула на нее – она не ждала, что помощь может прийти из такого необычного источника. Губернантка протянула изящное письмецо в конверте и пояснила:

– Пока вас не было, прибежала та белоглазая цаца с ящерицей на плаще. Она принесла приглашение от своей госпожи: баронесса дает большой праздник в своем новом поместье. Как оно называется? Вилливиригис, или что-то в этом роде. Там будет весь свет, и нас тоже ждут. Мило, правда? Такие важные господа о нас не забывают, а все потому, что наша юная ветреница наконец взялась за ум и подыскала себе достойную пару. Вот что значит хорошее воспитание!

И мадам Каппадокия мечтательно закатила глаза.

– Так чего же мы ждем? – пришел в движение Тар. – На придворные праздники не опаздывают. Срочно всем соби-

раться! Форма одежды – парадная. Мадам, без вас мы не обойдемся.

Каппадокия ахнула и всплеснула ладошками. Праздник высшего света был пределом ее мечтаний.

По пути адмирал десять раз переспросил, туда ли они направляются. Лейтенант Фит перечитал приглашение и подтвердил:

– Ошибки нет. Центральная усадьба поместья Виртис.

– Но это же вотчина Драя! Может, это засада? Тут какой-то подвох.

Его подозрения рассеялись, как только шершни дотянули карету до роскошного особняка, окруженного крепостной стеной. Буль соскочил с козел и удивленно воскликнул:

– Ого! Да тут и в самом деле весь белый свет!

Ворота приветливо распахнулись, и они оказались в замке. У Таи в глазах зарябило от разноцветных нарядов, мелькающих во дворе. Вельможи и знатные дамы так плотно заполнили площадь, что невозможно было пройти мимо них, никого не задев. Смех, веселье и гомон толпы били в уши, как на ярмарочной площади. Мадам Каппадокия поспешила выбраться из кареты и понесла свои пышные телеса навстречу этой сиятельной публике, всем своим видом давая понять, что она тут своя.

– Ой, баронесса! – воскликнула Тая.

В самом деле: Лайра Кин величественно приближалась к ним в сопровождении Пирифора дю Меллона и целой свиты

из блистательных членов совета. Она выглядела великолепно: головной убор был отброшен прочь, в бунтарски взметнувшихся волосах сияла алая роза, а черные перья, обрамляющие воротник жюстокора, создавали впечатление гордой птицы, реющей по поднебесью.

– Вот и вы, адмирал! И моя милая Таечка. Как раз вовремя. Какой праздник без вас? – поприветствовала она гостей.

Пирифор чинно раскланялся с Таром и кивнул скромно держащемуся позади лейтенанту.

– Сегодня я праздную новоселье, – обняв Таю за талию, весело защебетала Лайра.

– После стольких мытарств это благородное владение наконец-то вернулось к законной хозяйке, – поддержал ее Пирифор.

– Вы ведь знали, что когда-то оно принадлежало моему отцу? – обернулась Лайра к адмиралу.

– Конечно-конечно, – заверил Тар. – Признаться, об этом поместье ходили разные слухи. Говорили, что после отставки Драя для него подбирают нового, достойного владельца. Я искренне рад, что самой достойной признали вас, баронесса. Ведь рассматривалось столько кандидатур...

Произнося эти слова, он с опаской взглянул на Пирифора, но тот и ухом не повел, как будто намек его не касался.

– Ах, этот противный Драй! – пожаловалась Тая. – Даже после отставки он продолжает вредить мне. Он такой злой!

– Чем он обидел тебя, моя деточка?

– Он считает, что я виновата во всех его бедах. Грозится упечь меня в башню. А Килимон с Тепашем до сих пор его слушаются, как будто он все еще их начальник. Того и гляди, схватят нас. Страшно даже подумать, что будет дальше.

– Как это гадко! – поддержала ее баронесса. – Рыцари не должны подчиняться уволенному командиру.

– Вдруг ему придет в голову затеять переворот? – высказал соображение дю Меллон.

– И он все еще живет во дворце, прямо под апартаментами принца, – напомнил Тар.

– Пока он остается под боком, никто не может чувствовать себя спокойно, – взглянула на Пирифора Лайра.

– Давно пора его выставить, – оживленно потер тот ладони.

Вокруг герцогини образовался целый водоворот придворных, и даже Лайра едва протиснулась, чтобы адмирал с Таей смогли поприветствовать госпожу. Чуль-Паль обвела взглядом пришедших и капризно сказала:

– А где мой Дили Драй? Мне его не хватает.

– Ваша светлость, господин Диллирой не у дел, – мягко напомнила Лайра.

– Я без него, как без рук, – сложила в трубочку губки ее светлость.

– Он так тяжело переживает свои промахи, что не решается показаться вам на глаза, – вкрадчиво заговорила баронесса. – Вспомните, сколько волнений мы из-за него претерпе-

ли. А похищение нашего драгоценного принца? Пираты едва не вытрясли из него душу. И кто его спас? Наш доблестный рыцарь? Как бы не так! Его спасла эта юная дева, вот она, мечтает облобызать вашу ручку.

Тая вовсе не думала лобызать чьи-то ручки, но все посмотрели на нее с таким ожиданием, что пришлось приложиться к перчатке правительницы и чмокнуть воздух в миллиметре от ткани. Чуль-Паль недовольно поморщилась и сказала:

– Со всеми случаются промахи.

– Но не так часто! – возразила Лайра. – Так подставлять свою госпожу может только тот, кто нарочно вредит ей. В кулуарах все только и толкуют о заговоре. Не построил ли Дили его против вас?

– Ах, этого не может быть! – всплеснула ладонями герцогиня.

– С какой стати тогда он живет рядом с вами? Ведь он уволен со всех должностей. Во дворце ему нечего делать, но он не съезжает. До ваших покоев ему буквально два шага. Что он задумал?

Глаза баронессы сверкали, как два драгоценных камня, и Тая невольно ей залюбовалась. Герцогиня поежилась, поджала губки и нехотя признала:

– Да, это выглядит подозрительно.

– Сударыня, для вашей же безопасности от Дили Драя нужно избавиться. – Лайра говорила так, как будто вбивает

гвоздь в крышку гроба.

– Хорошо, можете удалить его от дворца. Но на большее я не соглашусь, – молвила герцогиня, и отвернулась, чтобы продемонстрировать всю степень своего недовольства.

Лайра вынырнула из толпы с Пирифором и красноречиво на него посмотрела.

– Сегодня же очистим помещение, – заверил дю Меллон.

Тая повисла на шее Лайры и расцеловала ее в обе щеки, на этот раз искренне.

– Можешь больше не опасаться этого льва, – сказала ей баронесса.

– Я и не думала, что вы столько для меня сделаете, – ответила Тая.

Адмирал уже разглядел новый кружок, еще более оживленный, образовавшийся рядом с Леммонтом. В отличие от правительницы, принц сам зашагал Тару навстречу, широко распахнув руки, и поприветствовал его столь радушно, что любой его поклонник обзавидовался бы. Тае досталась изрядная порция галантных любезностей, несколько неумелых, что было неудивительно, учитывая скитальческое воспитание его высочества. Тару удалось отвести принца в сторонку, чтобы поговорить с ним наедине.

– К превеликому сожалению, нам не удалось разыскать Равиона, – начал смущенно извиниться пожилой флотоводец.

– Но мы придумали кое-что получше! – перебила его Тая.

– Что? – мгновенно переключил на нее внимание принц.

– Всенародную церемонию. Мы объявим о коронации и растрезвоним о ней на весь белый свет. Равион непременно услышит и явится. Он просто не сможет устоять перед таким шансом, разве не так?

Адмирал ошарашенно молчал, глядя на внучку.

– Отличная идея, – растроганно отозвался принц, поглаживая Таю по крылышку.

– Вовсе нет, – возразила вездесущая Лайра, приближаясь к гостям. – Разбойник прекрасно знает, что без Грозового венца коронация невозможна. Он не поверит и заподозрит ловушку.

– Тогда мы назовем это не коронацией, а как-то иначе. Что может быть вместо нее?

Адмирал начал улавливать ход мыслей внучки и поддержал ее:

– За коронацией обычно следует церемония присяги. Все служилые люди: рыцари, стражники, офицеры, все чины и сановники государства приносят присягу новому королю. Они обязуются подчиняться и исполнять любые его приказы.

– Отлично! Это как раз то, что нужно, – обрадовался Лемонт. – После того, как они присягнут, я стану их главнокомандующим, и будет уже не важно, на чьей голове венец.

– Герцогиня с наследником этого не допустят, – с сомнением произнесла Лайра.

– А мы их и не спросим! – залихватски расхохотался Леммонт.

Тая боязливо оглянулась на придворный кружок, но он сгрудился в такую плотную стену, что правительницу едва было видно. Все поздравляли Пирифора с недавно приобретенным графским титулом. В ответ новоиспеченный граф ораторствовал, делая театральные жесты руками, и посылал дамам воздушные поцелуи.

– Церемония нужна вовсе не для этого, – объяснила юная игрунья. – У нас не осталось других способов выманить Равиона. Теперь у него корабль, и он может улететь невесть куда. Но если только он услышит о всенародном собрании, то непременно явится, чтобы сорвать его. Ведь он столько раз покушался на принца, что просто не может упустить решающей возможности.

– Девочка, так не поступают! – пришел в ужас ее дед. – Мы должны охранять принца, а не подставлять под угрозу.

– А мне мысль кажется здоровой, – возразил Леммонт. – Но важно обставить все так, чтобы разбойник прилетел на корабле. Мне нужен корабль, вы не забыли?

– Ваше высочество, это недопустимо, – упирался Тар. – Ведь это не кто иной, как Ночной Упырь. Вдруг он на вас нападет?

– Непременно нападет, – подтвердила Тая. – Он же столько охотился на нашего любимого принца.

– Я не боюсь этого ужасного Равиона, будь он Ночной

Упырь или еще кто, – решительно вымолвил Леммонт. – Пусть только попадетя в ловушку – там мы его и прихлопнем.

– Нет, мы не можем рисковать вашей жизнью.

– Я рискую с тех пор, как вернулся в столицу. Пора положить этому конец.

Лайра с сомнением наблюдала за спором, не решаясь вмешаться, но, наконец, просияла и обняла Таю.

– Как ловко ты все придумала, моя деточка, – сказала она. – Твой хитрый ход должен сработать, тем более, что наш принц проявляет себя храбрецом. Немедленно переговорю с Пирифором. Одобрить церемонию должен совет, это в его власти.

На ступенях роскошного многоэтажного здания показалась Цаца Ветвярская, по случаю праздника скинувшая свой обычный коричневый плащ с капюшоном и переоблачившаяся в пестрый придворный наряд. Она бросила на Леммонта смущенный взгляд, обернулась к гостям и тоненьким голоском объявила:

– Пожалуйста в гостиную палату! Обед подан.

– Нет ничего лучше хорошей пирушки! – оживился Пирифор.

– Да-да, прошу всех к столам! – громко произнесла Лайра, и принялась почтительно ухаживать за герцогиней.

Гостиный зал оказался набит битком. Гул голосов перекрывал музыку струнного оркестра, устроившегося у даль-

ней стены. Тая едва нашла место, чтобы протиснуться за стол, отведенный младшим чинам и родне важных персон. Там ее уже поджидали лейтенант Фит и мадам Каппадокия, а вот адмирала Лайра разместила сразу вслед за дю Меллоном. Такая возмутительная близость вызвала раздражение герцогини, но Лайра нашла способ быстренько ее успокоить.

Леммонта посадили на противоположном конце стола, лицом к лицу с герцогиней, что создавало впечатление антагонизма. Он поймал Таю за руку и потянул к себе, приговаривая:

– Куда ж вы, моя прелесть? Окажите мне милость, сядьте рядом! Пусть все видят, что вы моя будущая королева.

Тая поджала губки, но тут же прикинула что-то в уме, согласилась и устроилась сбоку от Леммонта. Вышколенные слуги побежали по рядам, разнося яства. Тар, помнивший старый этикет Ярвеля Лучезарного, чинно поднялся и провозгласил цветистый тост в честь хозяйки столь блистательного собрания. Он поздравил ее с ценным приобретением, доставшимся ей по заслугам, и пожелал новому владению процветания. Лайра ответила столь же любезно, и все выпили по первой чарке. Пирифор похвалил вино, хотя Тае оно показалось слегка горьковатым. А вот Леммонт, не стесняясь, проглотил свою порцию одним духом, ладонью утер подбородок и без промедленья велел служке наполнить бокал по новой. Его ладонь легла Тае на крылышко и принялась ласково щекотаться.

Закусывали паштетом из печени клыкодюров, после чего слово перешло к следующему по знатности вельможе, каким оказался Пирифор дю Меллон. Тае показалось, что новоявленный граф уже слегка под хмельком: он выступал развязно и так размахивал рукой, что соседней даме пришлось отодвинуться.

– Я поднимаю бокал за нашего великолепного принца, – провозгласил дю Меллон. – Пусть церемония присяги пройдет без сучка, без задоринки. Пусть все чины королевства поклянутся служить ему не за страх, а за совесть.

– Минуточку. Что еще за церемония? – перебила его герцогиня.

– Как, ваша светлость? Вы разве не знаете? – растерянно оглянулся на нее дю Меллон. – Принц желает, чтобы ему присягнули.

– Без моего согласия?

Чуль-Паль резко вскочила с кресла. Вышивка на ее черном платье заколыхалась, как будто шитый серебряной нитью ястреб взлетел с башни.

– Извините, сударыня, но вашего согласия не требуется! – подскочил вслед за ней и Леммонт.

Его ладонь соскочила с крыла Таи.

– Не забывайте, что по всем писанным и неписанным правилам королевский престол остается за мной!

И Леммонт грохнул по столу кулаком. В зале мигом стих гомон. Пирующие замолчали и принялись тянуть шеи, чтобы

лучше разглядеть, что там вообще происходит.

– Но во главе государства все еще стою я! – зловеще напомнила герцогиня.

– Теперь уже нет! – возразил Леммонт.

– Ах, вы так? Тогда я запрещаю проводить церемонию. Присяги не будет.

Окружающие зашумели. Пирифор ошалело вертел головой, силясь угадать, какая из властей нынче в силе.

– Господа! Члены совета! Вы здесь? – загремел Леммонт. – Приказываю провести церемонию завтра утром. Чтобы все были в сборе: и охрана, и рыцари, и чины с самого низа до самого верха. Кто не явится – тот не получит службы в моем государстве.

Придворный люд зароптал. По встревоженным лицам сановников Тая прочитала, что они решают мучительную задачу: как не прогадать в споре двух властителей? На чью сторону встать?

– Не допущу! – выкрикнула герцогиня и выбежала из зала.

Ее пышное черное платье прошуршало по ступеням и скрылось.

– Все в порядке! Ничего не случилось! Я ее успокою! – принялась увещевать всех Лайра. – Музыканты, играйте! Веселее и громче!

Музыка грянула Тае в уши.

– Видите, моя душечка? Сила за мной! – обернулся к ней принц. – Погодите, я их всех уломаю. Как я скажу, так и бу-

дет, или я не сын Ярвеля Лучезарного!

Глава 13. Пленница

Лайра приложила все силы, чтобы пир закончился празднично, однако, несмотря на все ее старания, веселое настроение пропало. Вельможи разбились на кучки и принялись шушукаться о том, что произошло.

Леммонт схватил за рукав адмирала, вытащил его на свет дня и сказал:

– Едем к вам. Отступить больше некуда. Я ставлю на кон корону, да и саму жизнь. Вы со мной?

Флагшток на лужайке перед адмиральским домом опустел – штандарт спустили прошлым вечером, а нового пока не поднимали. Леммонт прикрепил к тросику широкое багряное полотнище, на котором был выткан корабль под развевающимися парусами, а над ним – шмель в королевской короне.

– Сударыня, окажите мне милость, поднимите мой личный стяг, – попросил он Таю.

Игрунья потянула за тросик, и флаг пополз ввысь. Летучий корабль под золотой короной затрепетал на ветру.

– Вот так! – обрадовался Леммонт. – Теперь даже слепой разглядит: где корабль, там и корона. Надеюсь, разбойник поймет этот намек. А не поймет – пусть приходит, я сам ему объясню.

Для возвращения во дворец адмирал предоставил принцу собственную карету. Он строго-настрого наказал Фиту и Булю сопроводить его высочество до самых покоев, и не спускать глаз с подозрительных проходимцев, встречающихся на пути. Перед тем, как захлопнуть за собой дверцу кареты, Леммонт взял Таю за руки, притянул к себе и произнес:

– Не забывайте, моя душечка: я сделал вам предложение. Скоро моя судьба решится. Неужели вам не хочется стать королевой?

Это напоминание почему-то расстроило юную деву. После отъезда Леммонта она села за стол вместе с дедом и гувернанткой, но еда не лезла в горло. Тар заметил ее состояние и участливо осведомился:

– Таюшка, что с тобой? Сомневаешься, стоит ли выходить замуж за Леммонта? А что говорит твое сердце?

– Мое сердце хочет поколебаться и покапризничать. И потом, в него так сильно влюблена Цаца! Мне даже неловко: вдруг я собралась строить счастье за чужой счет?

– За это не беспокойся: принцы на Цацах не женятся, – отрезал адмирал.

– А вот и нет! Как раз цацы им чаще всего и встречаются. Если бы Тая получше цацкалась, то и на ней уже давно кто-нибудь бы женился, – со вздохом заметила мадам Каппадокия. – Учишь их, учишь, а они ни в какую. Какая удача, что даже эта бестолковая голова дождалась наконец такого большого счастья!

Пятый день Разноцвета выдался суматошным, и Тая была рада, увидев, что солнце клонится к закату. Однако ее надежды на ночной отдых не сбылись. Рыцари Тепаш и Килимон явились в сумерках, строгие, молчаливые и зловещие. Адмирал надел парадный китель, прикрепил к поясу кортик, и, сжав зубы, отправился с ними.

– Его светлость герцог-наследник хотел бы видеть и леди Таиссу, – сказал Килимон.

– Девчонка-то вам зачем? – раздраженно спросил Тар.

– Ей будет приятно побывать на приеме, – дал исчерпывающее пояснение рыцарь.

Тая растревожилась еще больше, когда увидела, что их ведут не к парадному крыльцу герцогского дворца, а к мало заметной дверце, уводящей в подвал. Едва створка двери раскрылась, как из мрачного подземелья попытался вырваться градоначальник Феррандо Флип.

– Выпустите! Я не хочу участвовать в этом безумии! – выкрикнул он.

Однако Шипилио Жмых преградил ему путь и затолкал обратно.

Тая очутилась в глубоком и мрачном подземелье, освещенном неровными рядами факелов, воткнутых в гнезда на стенах. Тяжелые сводчатые потолки нависали над головой, норовя придавить. Их поддерживали расширяющиеся кверху каменные столбы, вдоль которых высились груды бочек

и ящиков с провиантом. Удивляло, что в этот поздний час в подвале было не протолкнуться. Члены государственного совета, бароны и рыцари, перемешались со стражниками и дворцовой прислугой.

Цензурион запер дверь на засов, давая понять, что просто так никого отсюда не выпустит. Феррандо Флип, пометавшись, спрятался за столбом, подпирающим свод.

– Ах, вот и вы!

К Тае стремительно подошел Тупиллио. В серых глазах юного герцога мелькали блики чадящих факелов. Камзол с вышитой серебряной башней на спине был распахнут, и выпущенные крылья трепетали, заставляя дрожать огоньки на стенах.

– Сударыня, я рад, что в этот решительный час вы со мной, – сказал он, беря Таю под руку и уводя ее в глубину подземелья. – Я знаю, что Леммонт сделал вам предложение, но вы ведь ему не ответили, верно?

– Не ответила, – пробормотала игрунья.

– Вот и правильно! – лихорадочно расхохотался герцог. – Что он может вам предложить? Корону? Ее увели у него из-под носа. Земли, богатства, дворцы? Да он нищий, как последний бродяга. Лишь из милости мы содержим его в нашем доме. Не бывать ему королем! Мне нужна ваша помощь, и поддержка вашего деда.

Тупиллио провел Таю к импровизированному престолу, наспех собранному из сундуков и контейнеров. Роль трона

играло ветхое кресло, которое спустили в подвал за ненадобностью. Герцог демонстрировал подданным девушку, как очередное завоевание, и Тая почувствовала себя жертвой, доставшейся захватчику.

Придворные в капюшонах, надвинутых на лбы, выстроились вдоль стен. Тупиллио по-царски воссел на трон, спрятав крылья за складки камзола. Стражники с факелами в руках выстроились вокруг, отгораживая его от толпы. Тае с адмиралом отвели место у бочек с вином, где уже поджидали бароны во главе с Пирифором дю Меллоном. Сюда же доставили Феррандо Флипа. Градоначальник трясся от страха так, что магистерская цепь, надетая поверх его бархатного кафтана, мелко дрожала. Адмирал обнял его за плечи, чтобы привести в чувство.

– Попахивает заговором, большим заговором, – возбужденно зашептал ему на ухо Флип. – От таких сборищ лучше держаться подальше, иначе как бы не вышло беды.

Тупиллио начал вызывать по именам баронов, владеющих поместьями в окрестностях столицы. Они выходили, откидывали с лиц капюшоны и приносили ему клятву верности. До Тепаша с Килимоном очередь дошла не сразу – им было далеко до влиятельных сеньоров. Оба рыцаря выступили, гордо открыли лица и без тени сомнения произнесли слова клятвы. Юный герцог благосклонно кивал, благодарил и обещал, что никого не забудет, когда настанет пора отбирать владения у изменников и передавать их самым верным

и преданным слугам. На сладкое он приберет Пирифора.

– Господин дю Меллон, – произнес Тупиллио так, что эхо его голоса разнеслось под каменными сводами. – Моя ма-тушка оказала вам милость и даровала титул графа. Если вы без колебаний примете мою сторону, то мы – я и она – назначим вас председателем госсвета. Это принесет вам еще больше влияния и власти, но главное – новые приобретения, холопов и земли. Готовы ли вы сделать выбор?

– Мой выбор давно уже сделан, – волнуясь и нервничая, произнес дю Меллон.

На лбу его выступили крупные капли пота.

– Клянусь в верности династии Паллиандров, ее наследнику Тупиллио Первому и его потомству, ежели таковое случится.

Пользуясь тем, что все внимание отвлечено на Пирифора, Феррандо Флип оторвался от адмирала, проскользнул мимо колонн, отпер засов и выскочил за дверь. Еще миг – и его одутловатая фигура растворилась в ночных сумерках.

– Отлично! – произнес герцог. – Теперь очередь градоначальника.

– Государь, он сбежал, – смущенно сказал Килимон.

– Вот досада! Как бы он не разрезвонил о нашем собрании раньше, чем мы начнем действовать. Впрочем, пусть болтает, что хочет. Отступить уже некуда. Меня никто не остановит!

Рыцари вывели и поставили перед ним адмирала и Таю.

Герцог спустился с кресла, подошел к игрунье и молвил так громко, чтобы всем было слышно:

– Сударыня, вы уже догадались, что настоящий правитель – я, а не этот бродяга Леммонт. Я не допущу, чтобы ему приносили присягу, как настоящему королю. Он не достоин такого ценного приза, как вы. Вы нужны мне, чтобы все члены ордена Грозового дракона заняли мою сторону. Предстоит нешуточная борьба, и мне нужна каждая шпага.

– Сударь, орден Грозового дракона распущен, – напомнил Тар.

– Не важно. Остались его приверженцы. Мне нужны все. Адмирал, я прошу руку и сердце вашей очаровательной внучки, леди Таиссы. Если вы согласитесь, то наши с ней потомки будут повелевать страной.

– Делайте предложение ей, а не мне, – недовольно отвернулся от него адмирал.

Тупиллио требовательно взял Таю за руку и велел ей:

– Выходите за меня замуж. Мы объявим о нашей помолвке сейчас, чтобы партии Леммонта не на что было рассчитывать, а свадьбу сыграем после того, как я завоюю власть.

– Ваша милость, вы преувеличиваете, – сверкнула зелеными глазами Тая. – Я вовсе не такой ценный приз, как вам кажется. Не сомневаюсь, что при дворе есть еще много благородных девиц, которых вы могли бы осчастливить.

– Кое-кого я уже осчастливил, но теперь все должно быть по закону. Говорите так, чтобы всем было слышно: согласны

ли вы стать моей женой?

– Нет, ваша светлость! – звонкий голосок Таи эхом отразился от каменных сводов. – Я мечтала выйти замуж исключительно по любви.

– Так я недостойн вашей любви? – вскипел герцог. – Я что, чем-то хуже этого принца-бродяги? Он уже соблазнил вас? Что он вам наобещал?

– Никто меня не соблазнял, – возмутилась игрунья. – Да и вам это вряд ли удастся, извините за прямоту.

Герцог опешил. Он не привык получать отказы и не знал, как вести себя в таких случаях. Придворные замерли и не осмеливались произнести ни слова. Ряды опущенных капюшонов превратились в подобие статуй.

– Никто не имеет права перечесть мне, – яростно прошипел он. – За неповиновение вас ждет расплата. Цензурион! Ухудшить условия содержания родителям этой изменницы.

– Всенепременно! – с готовностью выскочил Шипилио Жмых. – Из башни их переведут в сырую темницу, в которой царит вечный мрак. Посидев там, они быстро поймут, что такое измена.

– Вы не смеете! – вскричала Тая.

– Еще как смею, – заверил Тупиллио. – Адмирал, вас тоже ждет наказание. Я не смогу отпустить вас, если вы откажетесь подчиниться.

– Ваша светлость, я всегда подчинялся законным властям, – сдерживая гнев, произнес адмирал. – Когда королем

был лучезарный Ярвель, я повиновался ему. После я подчинился вашему покойному батюшке, хоть он меня и не жаловал. Но сейчас власть по праву и по закону должна отойти сыну Ярвеля, принцу Леммонту. Он – наша законная власть, и ему я собираюсь служить, как делал это всегда!

– Ах, так? Тогда вы мой враг! – голос Тупиллио стал визгливым. – Килимон, Тепаш! Схватить этих изменников. Засадите их в башню. Говорила мне матушка: на них нельзя положиться. Что за семейка – сплошные предатели! Видать, это у них в крови. Чем раньше я от них избавлюсь, тем спокойнее будет мое царствование.

Рыцари грубо схватили Таю и ее деда и потащили их в темноту.

– Отпустите! Не смейте ко мне прикасаться! – возмущенно выкрикнула Тая.

Тепаш сорвал с адмирала пояс с прикрепленным к нему кортиком – это считалось неслыханным бесчестьем.

– Под замок их! На веки вечные! – провожал Таю криком Тупиллио. – Возомнила себя недотрогой? Вот и отлично: в башне до тебя смогут дотронуться только мыши и тараканы. Не хочешь быть моей – не достанешься никому. Пройдут годы, и твоя красота увянет. Ты превратишься в старую ведьму и сгниешь заживо, а мы будем праздновать и веселиться, и ты сто раз раскаешься, что упустила свой шанс!

Таю и адмирала доставили в Каменную башню посреди

ночи. Капитана Фабиала Тара с женой Хрусталиной и сыном Микенио успели перевести в глубокий подвал под замком, располагавшимся в стороне. Тае не удалось взглянуть на родителей даже краешком глаза, а ей так хотелось убедиться, что с ними ничего не случилось!

Мало этого – конвоиры разлучили ее даже с дедом. Адмиралу отвели помещение на нижнем этаже башне, а Таю отправили наверх, прямо под зубчатую площадку, выход на которую оказался наглухо заколочен деревянным щитом.

Она столько раз видела изображение этой башни, вышитое серебряной нитью на одежде Тупиллио и герцогини Чуль-Паль, и вот теперь оказалась внутри, среди каменных стен, прорезанных узенькими бойницами, выходящими на все стороны света. Призрачный свет трех лун, выкатившихся на небосвод, едва проникал сквозь их щели, отчего в темнице стоял глухой мрак.

Оставшись одна, Тая не выдержала и расплакалась. Ей стало до жути жалко своей прежней жизни в уютном просторном доме, наполненном светом и голосами друзей. Она тревожилась за родных, которых содержали неподалеку, вот только докричаться до них не удалось бы – толстые стены не пропускали звуков. Но самое главное: ей овладевало отчаяние при мысли, что все почти уже удалось, что она почти догадалась, кто плетет закулисные интриги и дергает за ниточки игроков, управляя их действиями, как куклами. Вот только доказать это, сидя в Каменной башне, никак невозможно.

Тая не знала, что теперь делать, и от того плакала. Но вскоре восточный ветер, задувающий сквозь бойницу, высушил ее слезы. Ей удалось даже вздремнуть на грубом топчане с соломенным тюфяком.

Сколько еще ей сидеть в заточении? Может, друзья уже скоро придут на помощь? Или ей суждено томиться тут до конца жизни, состариться и увянуть? Мысли роились в ее голове, заставляя ворочаться на колючей соломе.

Шестой день Разноцвета

Светозара взошла, и заиграла огненными лучами на зубцах башни. Яшмовые горы, начинающиеся сразу за замком, засверкали снежными шапками.

Крышка лаза в полу откинулась, и в узилище поднялась по винтовой лестнице Лайра с баулом в руках. Тая вскинула на нее заплаканные глаза. Снизу послышались сварливые голоса – это тюремщик ругался с Цацей, запрещая ей следовать за госпожой:

– А ты куда? Нет, останься. Свидание разрешено только барыне.

Лайра обняла Таю и сочувственно произнесла:

– Как мне жаль тебя, моя девочка! Я принесла еду и одежду, их хватит на первое время.

– Что с моими родными?

– Мне не позволили с ними увидеться. Я едва выпроси-

ла встречу с тобой. Как ты решилась отказать Тупиллио, да еще при всех подданных? Он ужасно рассержен. Его мужское самолюбие уязвлено. Никто из придворных девушек до сих пор так его не унижал.

– Меньше всего я хотела кого-то унижить. Он обращался со мной, как с вещицей. Ему была нужна не любовь, а расчет и интрига. Что я должна была отвечать? Что свяжу свою жизнь с тем, кто мучает меня и мою семью? Раньше он строил из себя галантного кавалера, а потом оказался чудовищем.

– Ты права, моя милая. Тупиллио замыслил переворот. Леммонт настаивает на присяге, и церемония состоится уже через два часа, на главной площади перед дворцом Паллиандров. Ни герцогиня, ни ее сын этого не допустят, ведь тогда их династия навсегда потеряет власть. Живые души им не нужны, им нужны шпаги дворян и мечи рыцарей. Тебе не стоило влезать в эту свару, тогда тебя, может, и пощадили бы. Тупиллио привык получать все, чего пожелает. В детстве ему дарили любые игрушки, какие он мог вообразить. Теперь он вырос, но все еще хочет новых игрушек: короны или тебя, моя девочка. И ему глубоко наплевать, что он играет с жизнями или с силой драконов, которой не умеет управлять.

– Я ему не игрушка, – твердо сказала Тая.

– Может, ты рассчитывала на свадьбу с Леммонтом? Будь благоразумна. Этого принца принес нам восточный ветер, и никто не знает, каким ветром его унесет. До меня дошли слу-

хи, что он ищет корабль. Ты не знаешь, зачем? Как бы он не затеял какую-нибудь глупость.

– Его высочеству угрожали. Он надеялся, что корабль его спасет.

– Ты была с ним близка? Кажется, он тебе доверял.

– Не так близка, как все думают.

– Но ведь он сделал тебе предложение!

– Его предложение пропало впустую.

– Многие девушки о таких женихах только мечтают, – со вздохом заметила баронесса. – Неужели тебе не хочется замуж за одного из них?

– Хочется, как шалупондре. – Тая наморщила носик.

– Какой еще шалупондре? – удивилась Лайра.

– Летят мимо острова два чумазабра. Видят: сидит на берегу шалупондра и блох ловит. Один чумозавр говорит другому: давай поприкалываемся над дурехой. Подлетим и спросим: шалупондра, ты замужем? Если ответит: «нет, не замужем», мы скажем: и правильно, кто такую шалупондру возьмет? А если скажет «да, замужем», мы ответим: ну и дела! И кто только такую шалупондру взял замуж? И вот они подлеют и во всю глотку орут: эй, шалупондра, ты замужем? А шалупондра смотрит на них свысока и отвечает: да за кого тут замуж? Одни чумазабра вокруг!

Лайра мелодично рассмеялась, отчего заколыхались черные перья, обрамляющие ее воротник.

– Я надеялась, хоть ты объяснишь, что у Леммонта на

уме, – добавила она.

– Скоро все объяснится, – пообещала Тая. – В этой истории есть еще те, кто не сказал своего слова.

– Кто это?

– Бармут и Равион.

– Пират и разбойник? А они тут причем?

– С них эта история началась, им ее и заканчивать. Без этих двух не раскроется тайна. Унывать пока рано.

Распроставшись с Лайрой, Тая подошла к восточной бойнице. Луч восходящего светила упал на ее золотистые волосы, коротко стриженные над левым ухом. Она улыбнулась, и улыбка ее вышла на удивление едкой и хитрой.

Стражники Задрубал и Обар Мотт заперли двери темницы на тяжелый засов. Фабиал Тар, этот лощеный дворянчик и адмиральский сынок, получил по заслугам. В глубине каменного мешка его ждали сырость и мрак. Ему нарочно не оставили ни факела, ни свечи, чтобы ощущение времени в темноте потерялось, и он сошел бы с ума, гадая, сколько времени он тут уже просидел.

Его жена с сыном остались в камере чуть получше – там было маленькое оконце, сквозь решетки которого пробивался дневной свет. Но и их содержали на таком скудном пайке, что долго они бы не протянули.

– Как по мне, так и эту колдунью нужно запереть в самый глухой угол, чтобы ее чары потеряли силу, – проговорил Зад-

рубал, поднимаясь из подземелья на высокую стену замка.

– Говорят, раньше колдуний сжигали, – почесал грязные лохмы Обар Мотт.

– Ты бы взялся ее сжечь?

– Ну, не знаю... Только при крайней необходимости. Или если начальник прикажет.

– А если тебе дадут выбор: хочешь – сжигай, хочешь – нет?

– Тогда я бы попробовал для начала ее утопить. Если утопила – значит, никакая она не колдунья. Зря добрую бабу оклеветали. А если распутала руки, всплыла и шевелится – значит, точно нечистая сила в нее вселилась. Вот тут бы ее и спалить.

Оба стражника взяли за арбалеты и зашагали по пряслу, не замечая живописные поля и озера, тянущиеся за стеной.

– Ну что, по пивку? – предложил Обар Мотт.

– Что ты! Вдруг его снова отравят? – испугался его сослуживец.

– Травить некому. Дочь колдуньи сидит в башне. Скоро ведьм не останется – выметем всех подчистую.

Оба уставились на каменную цитадель, уносящуюся ввысь посреди замкового двора.

– А вдруг она ночью оттуда слетит, и наведет на нас лютую порчу? – пришло на ум Задрубалу.

– Летать она, предположим, умеет. Только как она вылезет из тюрьмы?

– Она ж ведьма! Превратится в туман и просочится сквозь бойницу.

Оба стражника крепко задумались. Перспектива подвергнуться злему заклятию их явно не радовала.

– Эй, а там что за тварь? Кажись, кто-то и вправду летит!

Задрубал ткнул копьем в небо. Среди пушистых облаков показался белый лоскут, издали напоминающий чайку.

– Это птичка, – сказал Обар Мотт.

– Сам ты птичка. Это летучий корабль, – заспорил его товарищ.

– Ну ты сказанул! Откуда в наших краях корабли? Их уже десять лет никто не видал.

Однако это и в самом деле было летучее судно. Лоскут превратился в двойной парус, упруго натянутый ветром. Мачты несли дополнительное снаряжение, позволяющее маневрировать в воздушных потоках.

– Атас! Шухер! Тревога! На нас нападают! – завопил Задрубал.

– Не может такого быть. Нас все боятся, – усомнился его коллега.

– Щас он свалится тебе на башку, и кранты!

– Ёпсель-мопсель! Занять оборону!

Бравые вояки бегом бросились к караулке, расположенной в угловой башенке.

Покачиваясь, пузатый галеон заложил вираж и начал сближаться с башней. На его выпуклом борту сверкнула

золотом надпись: «Королевский дракон». Голубоватый луч Светозары отразился от букв и солнечным зайчиком ударил в глаз Задрубалу, который зажмурился и воскликнул:

– Почему с нами нет командира? Где наш Шипилио Жмых? Он бы не растерялся!

Галеон осторожно подплыл к башне, стараясь не стукнуться о нее бортом. Через резные перильца, ограждающие край палубы, перегнулся Бармут Барабуля, лихо взмахнул абордажной саблей и гулко выкрикнул:

– Прочь с дороги, сухопутные крысы! Кто попадется мне под горячую руку – изрублю в крошево!

К Задрубалу и Обар Мотту присоединился десяток стражей, поднятых по тревоге. Они расхватили арбалеты, копья и алебарды, и суматошно забегали по пряслам. Но одинокая цитадель высилась посреди замка обособленно – к ней не было переброшено ни мостика, ни перехода, поэтому добраться до нее можно было лишь по земле.

Равион со сверкающей шпагой в руках соскочил на вершину Каменной башни и привязал к зубцу толстый канат, чтобы корабль не отнесло ветром. С дополнительными парусами управлялись Атасио Рыльц и его подруга, Лындра Штрыль. Эта парочка освобожденных крепостных пользовалась собственными крыльями, и, не боясь высоты, лихо порхала над рядами, мгновенно выполняя команды капитана.

– Есть причал! – выкрикнул Равион.

– Посторонись! – предупредил Бармут, сбрасывая на пло-

щадку лом и топор.

Разбойник отпрыгнул. Тяжелые орудия глухо звякнули о выщербленный камень. Пират присоединился к товарищу, и оба начали сбивать тяжелый замок, запирающий крышку лаза.

Через узкие бойницы Тае не удавалось разглядеть, что происходит снаружи. Над ее головой вдруг послышался такой грохот, будто кто-то проламывал потолок. Она прижалась к стене, чтобы щепки и каменная крошка не сыпались на волосы, и вдруг деревянный щит, перекрывавший выход на волю, откинулся, и по винтовой лестнице к ней спустились пират и разбойник, которого все так боялись.

– Не пугайтесь, сударыня! – бросился Равион к пленнице. – Я не собираюсь высасывать из вас кровь. Наоборот, я хочу вас освободить.

– Моя кровь размягчила бы ваши мозги, – ответила Тая. – Если вы такой храбрый, то освободите и моего деда, а еще лучше – братика, папу и маму. Они тоже здесь, но раскиданы по казематам.

– Мы сделаем все, что в наших силах, – пообещал Равион.

Бармут уже орудовал топором, выбивая в полу крышку нижнего люка. Разбойник принялся помогать ему ломом. Вдвоем они справились за минуту. Перед Таей открылся лестничный пролет, ведущий на нижние этажи. Она первой нырнула в него и полетела вниз, едва находя место, чтобы взмахнуть крыльями.

Тиборль Тар сидел в нижней палате, напряженно вслушиваясь в шум, доносящийся сверху. Тая бросилась ему на шею, обняла и воскликнула:

– За нами прилетели. Сейчас мы отсюда выберемся.

– Кто мог за нами прилететь? – недоверчиво спросил адмирал. – лейтенант? Боцман?

– Нет, пират и разбойник.

– Им-то что от нас нужно?

– Скоро сам все узнаешь. Побежали спасать папу с мамой.

– Постой, моя девочка, – остановил ее Тар. – Мы тут заперты. Но даже если мы выберемся, то столкнемся с тремя взводами стражников, а они вооружены до зубов. Нам придется взять замок штурмом, с боем пройти в подземелье и вывести пленных. Они обессилели, и их могут убить на обратном пути.

– Как же быть? – обескураженно вскрикнула Тая.

Равион с Бармутом докатились до нижней палаты. Пират без лишних слов начал высаживать обитую железом дверь, ведущую во двор. Равион протянул адмиралу шпагу и почтительно проговорил:

– Сударь, я заблуждался на ваш счет. Теперь я вижу, что вы не можете быть заговорщиком. У меня нет вашего кортика, но возьмите хотя бы шпагу. Вы достойны носить оружие времен лучшего из королей.

Не успел Тар перебросить перевязь через плечо, как железная дверь распахнулась, и в узкий проем полезли, толка-

ьясь, стражники в жестких кожаных доспехах, с алебардами наперевес.

– Вот ведь черти! Что теперь делать? – завопил Бармут, отбиваясь от них топором.

Равион швырнул лом в нападающих и коротко приказал:

– На корабль! Живо!

Подгонять адмирала не пришлось: он сгреб внучку в охапку и ринулся вверх по ступеням. Тая попробовала освободиться, крича:

– Куда, там же мама и папа!

Но Равион с Бармутом подгоняли и пихали их снизу, так что пришлось выкатиться на верхнюю площадку башни, открытую всем ветрам. Тая расправила крылья и перелетела на борт корабля, где ее подхватили Атасио с Лындрой. Пират с разбойником помогли перебраться и адмиралу. Равион снял трос с зубца башни и закинул конец на палубу.

– Отчаливай! – приказал Бармут.

– Нет! Нельзя! Я так не могу! – отчаянно забилась игрунья. – Там же мама и папа. Мы не можем их бросить. Зачем вы прилетели, если не можете забрать их с собой?

– Нам надо спешить, – бросил Равион, подлетев к ней. – Ваш дружок из дворца может наделать больших глупостей.

– Все равно! Мы в одном шаге. Хотя бы попробуйте!

– Ладно, что с ней поделать? – согласился пират. – Лындра, Атасио, сажайте корабль на землю. Авось, в замок удастся прорваться, а там и до подземелья недалеко.

Но стоило судну начать маневрировать, как выяснилось, что оно не сможет приземлиться внутри тесного пространства крепостных стен, застроенного казармами, хлевами и ульями. Вдобавок, на галеон обрушилась целая туча стрел, выпущенных стражниками из арбалетов.

– Нас обстреливают! – сказал Равион с таким возмущением, будто это переходило границы.

– Делать нечего, Таюшка, нам придется спасаться, – печально произнес адмирал. – Твоим маме и папе мы уже не поможем.

От досады игрунья прикусила губу.

– Расправить несущий парус! Поднимаемся ввысь! – приказал Бармут.

Корабль взмыл в небеса, оставляя стражников с их арбалетами далеко внизу. Тая выглянула за борт: замок с его внутренней площадью показался ей с овчинку, а высокая Каменная башня из поднебесья походила на игрушечный шпиль.

Паруса «Королевского дракона» надулись, и ветер понес его к столице, где вовсю кипели приготовления к торжественной церемонии. Тень судна уже упала на окраинные кварталы города, когда Тая взяла Равиона за руку и сказала:

– Погодите! Сначала нам нужно в «Край света».

– Мы не успеем! – занервничал разбойник. – Вы не представляете, какую беду может накликать ваш принц, если его вовремя не остановить.

– Мы никого не остановим без Чумаданио Хрюнкеля.

– Какой прок от этого толстяка? – усомнился Бармут, разглядывая ниточки улиц в подзорную трубу. – На площади собралась толпа. Еще чуть-чуть, и присяга начнется.

– Ты совершенно уверена, что трактирщик нам необходим? – спросил адмирал.

– Да, можешь не сомневаться, – ответила Тая.

– Что ж, берем курс на трактир, – решил Бармут.

Он отдал короткий приказ, и Атасио с Лындрой натянули канаты, меняя положение парусов. Корабль поймал струю воздуха, его покачнуло, и палуба ушла из-под ног игруньи. Ее сердце ухнуло, и она ухватилась за мачту. Развернувшись, «Королевский дракон» обогнул город и понесся к заброшенной гавани.

Глава 14. Разоблачение

Народ начал толпиться на Мятежной площади с раннего утра. Мраморная русалка, льющая в фонтан воду из кувшина, пыталась отгадать причину возбуждения, охватившего горожан. Забыв о приличиях, игрушки и игрушки то и дело взлетали и принимались носиться над головами. Бдительные стражники хватили их за ноги и с силой тянули вниз, заставляя вернуться на землю.

Цаца Ветвярская тенью скользнула к цензуриону Шиппилио Жмыху и передала ему приказ выставить почетный караул вдоль ступенек, по которым с дворцового крыльца будет спускаться принц. Цензурион бросился расставлять подчиненных с блестящими алебардами, на чем свет костеря их за нерасторопность. Цепочка караульных выстроилась по обе стороны от парадного входа и замерла, но ей пришлось красоваться у всех на виду еще долго.

Не меньше часа ушло на то, чтобы собрать и выстроить рыцарей вдоль дворцовой ограды. По случаю праздника воинство не стало облачаться в доспехи, вместо тяжелого железа бароны и мелкие землевладельцы предпочли придворные камзолы и накидки из дорогих тканей.

Из здания Государственного совета чинно вышли члены правительства во главе с Пирифором дю Меллоном, все, как

один, в строгих черных костюмах с эмблемой династии Паллиандров – серебряным ястребом, сидящим на вершине Каменной башни.

В этот летний день радовала даже погода: легкий туман рассеялся еще в утренних сумерках, и теперь солнце заливало громоздкие палаты Казначейства, Арсенала, Высокого суда и Городского магистрата, где на фоне вельмож и придворных терялся градоначальник Феррандо Флип с виднейшими представителями управы.

– Пригнись! Нас застукают. Твоя дурная башка торчит над толпой, как каланча!

Боцман Цыбер Буль дернул за рукав лейтенанта Ланса Фита, призывая его вести себя незаметнее.

– Зато тебя в толчее не разглядеть, – огрызнулся лейтенант. – Все только спотыкаются о твою тушку, как о пенек.

Буль попытался взмахнуть крыльями, чтобы взлететь и оглядеться, но сосед сзади так плотно прижался к его спине, что крылья даже не пошевелились.

– Чего напирался, свиное рыло? – раздраженно выкрикнул боцман. – Не видишь, что ли, здесь и без тебя тесно.

Неожиданно он поперхнулся, прикрыл рот ладошкой и сменил тон:

– Ох, это вы, господин барон? Простите, ради всего святого. Не ожидал встретить вас тут, в толчее.

Фит повертел головой и увидел худого, небритого Дили Драя, затертого толпой. Львиная грива рыцаря опала и сби-

лась в космы, усы провисли и болтались, как спущенные канаты, а придворный камзол уступил место простецкой кожаной куртке и длинному плащу, полы которого сметали пыль с мостовой.

– Я уже не барон, – хмуро выдавил из себя рыцарь.

– Вы могли бы занять место среди дворян, – заметил лейтенант.

– Боюсь, меня выставят и оттуда, – с горечью бросил Драй. Толпа народа всколыхнулась и загомонила.

– Что там? – потянулся ввысь боцман.

– Герцогиня с сынком вышла на дворцовый балкон, – объяснил Фит. – Ха-ха, какие они оба хмурые! Видать, событие им не по нраву. Тупиллио так и скрипит зубами, и бряцает о порог шпагой. Недолго им осталось щеголять у всех на виду. Скоро они и носа не высунут у принца из-за спины.

– Идет! Вот он! Смотрите! – раздались возгласы.

Буля так сжало, что перехватило дыхание.

– Ланс, меня тут раздавят, – пыхтя, пожаловался он.

– Попробуй тебя раздави. Ты же вешишь как бочка вина, – не поверил его товарищ.

Слова лейтенанта утонули в восторженном реве. Горожане приветствовали принца Леммонта, вышедшего из парадных дверей. Его камзол из багряной парчи с золотым шмелем казался особенно ярким в светло-лазурных лучах Светозары, заливающих площадь. Белое перо на широкополой шляпе колыхалось, а роскошная мантия из меха летяги во-

лочилась за ним по ступеням.

– Принц! Наш принц! Слава Ярнам! – орала толпа вразнобой.

Позади герцогини мелькнула шапка с пушистым беличьим хвостом – Лайра предпочитала не лезть на глаза, хотя ее яркий кафтан с золотым шнуром выделялся на фоне черных одеяний Паллиандров.

Голодранио Куксель выкатил вслед за принцем объемную бочку с коньяком и поставил ее у всех на виду.

– Смотри-ка! Его высочество собрался устроить попойку, – заметил Фит.

– Возможно, он хочет обмыть потерянную корону? – едко бросил в ответ Дили Драй.

Леммонт поманил к себе цензуриона. Шипилио Жмых сломя голову бросился к нему, низко склонился и раболепно выслушал приказ. Повинуясь, стражники выстроились цепочкой, отгородившей принца от рыцарства и дворян. Леммонт вышел за дворцовую ограду и оказался на площади, среди народа. Толпа взорвалась от восторга. На балконе Тупиллио перегнулся через перила и, сжав зубы, буравил взглядом водоворот, закрутившийся внизу.

Стража оттеснила простолюдинов и провела принца к фонтану. Куксель плюхнулся на четвереньки и выгнул спину ступенькой, по которой Леммонт взобрался на бочку. Его меховая мантия затрепетала над головами взволнованных игрунов, а белое перо на шляпе всколыхнулось над перели-

вами радуги, играющей в струях фонтана. Бочка превратилась в трибуну, возвышающуюся над людским морем.

– Мой любимый народ! – выкрикнул Леммонт. – Я здесь, с вами. Эти рыцари и бароны только и делали, что строили против меня козни. Так пусть принесут мне присягу! Пусть клянутся мне в верности, или я посчитаю, что они все – изменники и заговорщики. Ну, кто первый? Выходи и вставай на колено вот тут, перед бочкой!

Толпа разразилась одобрительным гулом. Ряды рыцарей и дворян не шевелились. Головы многих поворачивались в сторону балкона, с которого на происходящее взирала герцогиня Чуль-Паль. Ее лицо стало бледнее выкрашенных в снежный цвет волос Лайры. Тупиллио резко качнулся, звякнул шпагой и бросился прочь.

– Вы не хотели бы попытаться счастья, сударь? – спросил Драя лейтенант Фит. – Кто первым преклонит перед принцем колено, тот попадет к нему в вечный фавор.

– Я клялся в верности династии Паллиандров, – ответил рыцарь. – И пусть ее светлость от меня отвернулась – что это меняет? Я своего слова обратно не заберу.

– Что, нет желающих? – гневно выкрикнул Леммонт с трибуны. – Тогда начнем с самых знатных. Граф Пирифордю Меллон! А ну, живо ко мне! На колено! И не вздумай взбрыкнуть!

Пирифор беспомощно взглянул на герцогиню, но та демонстративно отвернулась, давая понять, что не желает

участвовать в этом спектакле. Трясущийся граф приблизился и застыл перед бочкой.

– Чего ждешь? Читай клятву! – рявкнул на него Леммонт.

– Н-никак н-нет, в-ваше высочество, – пролепетал председатель. – Я получил титул благодаря герцогине и ее сыну-наследнику, а вовсе не вам. Вас тут никто не знает. Может, вы завтра снова исчезнете, а нам тут еще служить и служить.

Со стороны рыцарей и баронов донесся одобрительный гул. Толпа простонародья, наоборот, притихла и замерла в ожидании. Над площадью повисла напряженная тишина, которую нарушило лишь пронзительное звяканье шпаги – это Тупиллио сбежал по ступеням и мимо стражников устремился к фонтану.

– Ах, так? – вскипел от возмущенья Леммонт. – Я знал, что придворные мне изменяют. Во дворце каждый темный угол – гнездо заговорщиков! Наплевать! Мне до ваших интриг нету дела. Я всем докажу, кто тут настоящий король!

Каблуком сапога принц выбил крышку бочонка, погрузил руку в ее нутро и выудил из пахучей коричневой жидкости массивный золотой венец.

– Смотрите все! Это Грозовая корона Ярвеля Лучезарного! – выкрикнул он на всю площадь. – Корона династии Ярнов! И она у меня!

Народ ахнул.

– Вот тебе и на! – вырвалось у боцмана Буля. – Ее же стырил разбойник, откуда она тут взялась?

Леммонт сбросил шляпу с пером и водрузил венец на свою голову. Тяжелое золото примяло его каштановую шевелюру. Девять зубцов с драгоценными самоцветами заискрились в лучах Светозары. Принц поправил обруч так, чтобы самый высокий зубец с голубым яхонтом оказался ровно посреди лба.

– Стой! – выкрикнул Тупиллио, бросаясь к нему со всех ног. – Королевство мое!

– Цензурион! – крикнул Леммонт. – Арестовать заговорщиков! Заковать в кандалы герцога Паллиандра! Председателя дю Меллона – в Каменную башню! Поступить так со всеми, кто откажется подчиняться.

Однако Шипилио Жмых не торопился исполнять его приказ. На лице цензуриона отобразились задумчивость и затруднение, от которых он впал в протрацию, не совместимую с действием. Его подчиненные вытянулись в струнку, замерли и перестали дышать, надеясь, что начальство само разберется, как поступать дальше.

– Не шевелитесь? – обрушился на них Леммонт. – Ну и пусть. Мне от вас ничего и не надо. Мне надо, чтобы весь город увидел, кто его кумир. Смотри, Облачный Вышеград! Смотрите все, игрушки! Я – ваш настоящий король! Но я не король рыцарей и баронов, не король свинопасов и мастеровых. Я – король во...

– Заткнись! – перекрыл его голос Тупиллио.

Герцог сбросил накидку с серебряной башней, распустил

крылья, взмыл ввысь и, резко напав на принца, столкнул его с бочки. Леммонт опрокинулся навзничь и плюхнулся в фонтан, подняв тучу брызг. Корона упала с его головы, ударилась о мраморный бордюр и покатилась по мостовой, жалобно звеня. Никто из столпившихся на площади не решился притронуться к ней.

– Не смей надевать корону! – яростно выкрикнул Тупиллю.

Он выхватил шпагу из ножен и направил ее острие на принца.

– Твой род угас! Династия Ярнов пропала! – продолжал герцог. – Власть принадлежит мне и моей матери. Следующим королем буду я, а не ты!

И он сделал выпад, норовя проткнуть Леммонта. Принц отпрыгнул подальше в фонтан и избавился от мантии, набухшей от воды.

– погоди! – крикнул он потерявшему голову герцогу. – Ты все не так понял. Дай мне буквально минутку, и я все объясню!

– Слышали мы твои объяснения! Сыты ими по горло! Меня все знают, а ты кто такой? Откуда явился? Кому ты здесь нужен? Все шло так хорошо – я должен был взойти на престол, и тут на тебе! Корону крадут у меня из-под носа. Я этого не допущу! И если придется разделить тебя прямо у всех на глазах – то так тому и быть!

И герцог полез в фонтан, пытаясь добраться до Леммонта.

– Что за безобразие! – всплеснула руками герцогиня Чуль-Паль. – Лайра, хоть ты забери у принца корону, если никто из наших доблестных слуг не решается на поступок.

Баронесса ван Виль-и-Виртис бесшумно покинула госпожу и исчезла за шторами, прикрывающими дверной проем.

– Цензурион, чего встал? Вмешайся! – выкрикнул Дили Драй.

– Виноват, сей вопрос не в моей канпитемции, – забормотал Жмых. – Господа сами решат, кто из них тут за главного. А наше дело маленькое...

Бархатный камзол герцога быстро намок, из-за чего его движения сделались неуклюжими. Однако мастерство, с которым Тупиллио орудовал шпагой, могло вызвать восторг даже у самых больших знатоков. Стоя по пояс в воде, он умудрялся делать стремительные выпады. Леммонту пришлось туго – он спрятался за толстую мраморную колонну, увенчанную русалкой, и лишь на короткие мгновенья выглядывал, чтобы крикнуть:

– Ты портишь всю церемонию! Дай мне сказать!

Внезапно на колышущуюся толпу игрунов упала тень. Здрав головы, лейтенант Фит и боцман Буль разглядели летучий корабль, плывущий со стороны Каменной башни. Его покатое днище с длинным килем и причальными полозьями пронеслось над крышами зданий и едва не задело шпиль городского магистрата. Народное сборище охнуло.

Широкий горизонтальный парус натянулся и выгнулся ку-

полом. Потоки ветра влекли его в вышину, но команда, состоящая из Бармута Барабульи, Атасио Рыльца и Лындры Штрыль, умело управляла снастями и вела судно вниз.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, Леммонт вырвал у ближайшего стражника копье, вскочил на бортик фонтана и начал вертеть древком, как заправский вояка. Тупиллио выбрался из воды, влез на мраморное ограждение и попытался сделать выпад, но соперник не подпустил его близко. Кончик шпаги ударился о наконечник копья и зазвенел.

Атасио натянул канат, привязанный к углу паруса. Корабль заложил крутой вираж и пошел на снижение. Тая и адмирал перегнулись через корабельный борт и вгляделись в фигурки игрунов, мечущихся на площади.

– Не надевайте корону, иначе будет беда! – крикнула Тая.

Среди кожаных курток баронов мелькнул яркий кафтан Лайры. Баронесса нагнулась и подобрала корону, валяющуюся на мостовой.

– Нет! Не трогай! – яростно выкрикнул с палубы Равион Варт.

Он сорвал с пояса Бармута широкую абордажную саблю, перескочил через корабельный борт и спрыгнул вниз. Его понесло к мостовой, как стрелу, выпущенную из арбалета, и Тая подумала, что он вот-вот разобьется. У нее перехватило дыхание, но, не долетая до земли всего трех локтей, Равион лихо расправил крылья, спикировал к Лайре и опустился на

ограждение фонтана.

– Кыш отсюда! – гневно выкрикнул он, заноса саблю над ее головой.

Лайра отпрянула, но Равион схватил ее за воротник, вырвав несколько черных перьев. Хвостатая шапка слетела с головы баронессы, обнажив густую копну белых волос с воткнутой алой розой.

– Пусти! – крикнула баронесса.

– Стража! Рыцари! Что вы встали? Разве не видите: это изменники и смутьяны! – истошно завизжала герцогиня, указывая пальцем на Таю и адмирала. – Они вошли в сговор с разбойником и пиратом. Немедля схватить их!

Рядовые охранники растерянно посмотрели на цензуриона, но Шипилио, задрав голову, провожал задумчивым взглядом корабль и не шевелился. Зато по рядам разодетых рыцарей пробежало волнение. Из их гущи выбрались Килимон Кардасар и Тепаш Глинт, сбросили на руки слуг плащи из тяжелого бархата, с трудом выпростали крылья сквозь прорези в парадных камзолах, и с натугой взлетели.

Равион протянул руку, чтобы вырвать корону у Лайры.

– Эй, куда? Не твоя очередь! – крикнул Тупиллио, бросая Леммонта и направляясь к нему.

– Стойте! Я еще не закончил! – рявкнул Леммонт и понесся за ним.

Лайра вырвалась, но корона осталась в руках Равиона. Тупиллио набросился на него и спихнул с ограждения. Лем-

монт огрел герцога по спине древком копья, отчего тот взвыл. Баронесса шмыгнула в сторону, торопясь убраться подобру-поздорову.

Принц атаковал Равиона, но тот ловко отбил копье саблей. Тупиллио поднялся: в его горящих глазах сверкало желание отомстить обидчику, но, увидев сверкающую корону, он забыл о боли, подпрыгнул к разбойнику и вцепился в золотой обруч. Принц вмешался в их схватку, все трое свалились и клубком покатались по мостовой, вопя и отчаянно молотя друг друга. Корона выскользнула из этого клубка и осталась лежать на гладких яшмовых плитках.

Тая расправила крылья, перелетела через борт корабля и сделала круг над головами дерущихся. Золотой обруч с лазурным сапфиром оказался от нее на расстоянии вытянутой руки, но дотронуться до него не удавалось из-за того, что рядом тройка соперников валтузила друг друга почем зря.

Тепаш и Килимон подлетели к ней с двух сторон и попытались зажать в коробочку, но Тая ловко выпорхнула у них из-под носа, и рыцари едва не сшиблись лбами.

– Лети сюда! – крикнул с корабля адмирал.

Тая взлетела повыше, дед подхватил ее и втащил на палубу. Тепаш и Килимон не отставали. Они догоняли судно, но Бармут заложил новый вираж, и «Королевский дракон» резко ушел в сторону, едва не чиркнув килем по крыше дворца. Герцогиня на балконе невольно пригнулась и погрозила ему вслед кулаком в черной перчатке.

Грузные рыцари махали крыльями так быстро, как только могли, но состязаться в скорости с кораблем было бесполезно, и вскоре они выбились из сил. Взопрев, они опустились на площадь, где продолжало кипеть сражение.

Трое соперников вновь поднялись на ноги и взялись за оружие. Корона каталась у них под ногами, но стоило одному наклониться, чтобы схватить ее, как двое других тут же набрасывались и пытались проткнуть его. Народ бурно приветствовал Леммонта, явно оказывая ему предпочтение, и раздражался негодующими криками, если верх одерживал Равион.

– Куда суешься, разбойник? Тебя заждался палач! – кричали ему из толпы.

С простонародьем спорили вельможи, выразившие симпатии герцогу. Стоило Тупиллио сделать удачный выпад, как придворные начинали бурно рукоплескать. Однако вмешаться в сражение в этот миг, когда решалось, кому достанется корона, никто из них не рисковал.

Корабль развернулся и снова поплыл над головами. Слуги подвели Тепашу и Килимону ездовых шершней. Рыцари прыгнули в седла и воинственно взмахнули оружием – первый мечом, второй булавой. Летуны деловито зажужжали и понесли их ввысь.

Фит и Буль, задрав головы, наблюдали, как оба преследователя догоняют воздушное судно. Когда до кормы оставалось всего несколько рукавов, оба привстали в седлах, под-

прыгнули и попытались перелететь на корабль. Но Бармут отдал резкий приказ, Атасио натянул боковой канат, судно вильнуло, и оба рыцаря, промахнувшись, полетели к земле. Не рассчитав скорости, они свалились в фонтан под взрыв хохота, которым наградила их толпа.

– Да что же такое? Схватите изменников, наконец! – буйствовала герцогиня.

Пирифор дю Меллон засуетился, демонстрируя рвение, кружок баронов пришел в движение, знатнейшие из вельмож принялись снимать плащи и расправлять крылья, сохраняя достоинство и высокомерный вид. Один за другим они вскарабкались на шершней, украшенных разноцветными попонами с гербами и родовыми девизами.

Корабль опустился совсем низко и едва не задел поломом мраморную русалку на вершине колонны. Адмирал перегнулся через борт и прокричал:

– Остановите сражение! Настало время все прояснить!

Но его голос утонул в жужжании целого роя шершней, окруживших корабль. Со всех сторон к бортам «Королевского дракона» подлетали бароны, соревнующиеся за то, кто первым исполнит приказ повелительницы. Они поднимались в седлах, подпрыгивали и неслись к кораблю, размахивая крыльями. Один из них вцепился руками в бортик и попытался забраться на палубу. Тая ударила по его сжатым пальцам и отбросила обратно, но другие рыцари уже облепили корабль и настойчиво лезли, как пчелы в улей.

– Бармут, рули! Сбрось их! – закричал адмирал.

Пират заложил крутой вираж. Корабль резко развернулся, задел килем статую, и выбил из рук русалки кувшин, плещущий воду. Струя фонтана рванулась ввысь, резко ударила в днище и смыла пару баронов, болтающихся на бортах, однако и сам корабль не выдержал, накренился и клюнул носом, как птица, сбитая на лету. Парус перекосялся, канат вырвался из рук Атасио и сбил с Бармута шляпу.

– Покинуть корабль! Всем за борт! – громоподобно командовал адмирал.

Тая едва успела взмахнуть крыльями и оторваться от палубы, стремительно уходящей из-под ног. Рядом с ней взмыли в воздух ее дед и Бармут со своим экипажем. «Королевский дракон» врезался носом в фонтан и рухнул на площадь с грохотом, напоминающим раскат грома. Толпа игрунов отпрянула, многие начали разбегаться. Облепившие борта бароны посыпались на мостовую, как горох. Обескураженные шершни приземлились и начали беспорядочно ползать по площади, не находя себе места.

Адмирал изящно спланировал и плавно приземлился рядом с разбитым фонтаном. Тепаш Глинт вздернул меч и бросился ловить пирата, соколом парящего над суматохой. Килимон Кардасар пришел на помощь товарищу и принялся так размахивать булавой, что оглушенные падением бароны сочли за лучшее посторониться.

– Все пропало! Нас располосуют! – взвыл бултыхающийся

в воздухе Атасио.

Бармут ухватил его за ворот и потянул к «Королевскому дракону», грозно крича:

– Ну уж нет! Я слишком долго мечтал о своем корабле, и теперь с него не уйду!

Он изловчился, вцепился в провисший канат и принялся раскачиваться над палубой, как обезьяна на лиане. Атасио с Лындрой наткнулись на мачту и рухнули рядом с люком, ведущим в трюм.

– Этот кораблик так просто не поломаешь! – выкрикнул Бармут, проносясь на канате над их головами. – Команда, по местам! Подтянуть снасти! Поднять парус! Сейчас мы вернем этой посудине ход.

Тая сделала круг над головами принца, герцога и разбойника, сцепившихся врукопашную. Рядом с ними мелькнул коричневый плащ с желтой ящерицей. В руках Цацы Ветвярской сверкнул золотой ободок с самоцветами. Служанка спрятала корону под полу и заторопилась прочь, явно намереваясь улизнуть под шумок.

Сложив крылья, Тая спикировала ей на макушку, повалила на землю и выхватила корону.

– Ты чего? – разозлилась служанка. – А ну, отдай!

– Пошла прочь! Она не про тебя! – возразила Тая, пытаясь оторваться от ее цепких объятий.

Корона оказалась тяжелее, чем Тая могла себе представить. Зубцы в форме стрелочек впивались в ладони, судо-

рожно сжавшие ободок. Холодное золото до сих пор сохраняло острый запах коньяка из бочки, в которой оно так долго пряталось от чужих глаз.

Цаца не желала сдаваться. Несмотря на худобу, она оказалась хваткой и жилистой. Обе игруньи покатались по мостовой, вырывая венец друг у друга. Тая кое-как одержала верх, оседлала соперницу и принялась молотить ее тяжелым ободком, приговаривая:

– Не трогай чужого!

Адмирал поспешил внучке на помощь, но дорогу ему заступили Тепаш и Килимон. Тар выхватил шпагу, направил на них клинок и велел:

– В сторону! У вас своя служба, у меня – своя, и проливать кровь друг друга нам не к лицу.

– Твоя служба давно закончилась, дед, – грубо сказал Тепаш и отбил шпагу мечом.

Килимон принялся наседать на адмирала, угрожая ему булавой. Вдвоем они оттеснили его к бордюру фонтана, за которым хлестала вода.

Тая так приложила Цацу тяжелым золотом, что та взвыла и бросилась наутек. Желтая ящерка на ее плаще судорожно затряслась и засучила лапами. Тая приподнялась и окинула взглядом площадь.

Толпа зрителей поредела и отступила. Дворяне перемешались с ремесленниками и купцами. Потерявшие седоков шершни ползали по мостовой, не находя, куда бы приткнуться.

ся. Стражники попрятались, чтобы тот из господ, кто возьмет верх, не припомнил им колебаний.

Заметив, что короной завладела игрунья, Тупиллио, Леммонт и Равион перестали валтузить друг друга. С головы герцога слетел берет, пышная шевелюра растрепалась, он тяжело дышал и не мог распрямиться.

– Таисса, вы меня знаете, – проговорил он, еле ворочая языком. – Я всегда был к вам равнодушен. Отдайте корону, и я прощу все грехи вам и вашей семье.

Тая не торопилась выполнять его требование.

– Обещаю, что помилую ваших родителей, – настаивал Тупиллио. – С них снимут все обвинения. Я верну ко двору адмирала, дам ему важный чин и подарю дорогое имение. Это в моей власти. Моя матушка не возражает, ведь верно?

Он взглянул на балкон, где побледневшая герцогиня стояла, мертвой хваткой вцепившись в перила. Не успела она отозваться, как слово перехватил принц.

– Тая, малышка, – ласково проговорил Леммонт. – Я не сомневаюсь в твоей верности. Ты и твой дед – единственные, кто с самого начала был мне полностью предан. Верни мне эту побрякушку, и твой долг будет исполнен.

Тая медлила.

– Вспомни: я сделал тебе предложение! – повысил принц голос. – Оно все еще в силе. Стань моей королевой, и мы будем править страной вместе! Ты сама сможешь исполнить любое желание!

Тая взглянула на Равиона, скромно оставшегося в стороне.

– Сударыня, мы не успели как следует познакомиться, – проговорил он. – Но я вижу, что вы обо всем догадались. Просто сделайте правильный выбор. Все тайны должны наконец раскрыться.

Тая шагнула и протянула ему корону.

Толпа горожан вздохнула и разразилась возмущенными возгласами.

– Что ты делаешь? Он же разбойник! – кричали ей со всех сторон площади. – Отдай ее Леммонту! Он – наш законный король.

– Это измена! – истошно выкрикнула герцогиня.

Лайра вытолкнула из толпы растерянных придворных Пирифора дю Меллона и бросила его Тае под ноги. Пирифор хлопнулся о яшмовую мостовую и покатился, как колесо, отломившееся от кареты. Тая глазом моргнуть не успела, как он подлетел к ней и сбил ее с ног. Она опрокинулась и рухнула, выронив корону.

Толпа зрителей заволновалась. Адмирал насел на двух рыцарей и провел серию таких ловких приемов, что им пришлось отступить.

– Вся семья Таров – предатели! – голос герцогини разносился над площадью и скрежетал так, что резал слух. – Эта изменница доказала, что она заодно со злодеями. Схватить ее! Живо! Казнить вместе с дедом и сообщниками! Ну, чего

встали? Исполняйте! Или я покараю всякого, кто осмелится мне возражать!

Пирифор подобрал выпавшую корону и поднес Лайре. Килимон Кардасар накинулся на Равиона и заломил ему руки, а Тепаш Глинт поднес меч к горлу Таи и велел адмиралу:

– Сдавайтесь! Немедленно! Или я перережу ей глотку!

Адмирал скрипнул зубами и бросил шпагу на мостовую.

– Казнить предателей! Здесь и сейчас! – заходила от крика герцогиня Чуль-Паль.

Очнувшиеся стражники гурьбой набросились на адмирала и облепили его. Тепаш подтащил Таю к фонтану, резко склонил ее и придавил голову к мраморному бордюру.

– Да! Приказываю начать казнь с этой юной изменницы! – бесновалась Чуль-Паль. – Она – самая гадкая во всей этой компании. А за ней пойдут и остальные.

– Погодите! – пискнула Тая. – Дайте мне все объяснить!

– Поздно! – сказал Тупиллио, приближаясь. – Я оказал тебе честь, польстившись на твою юную красоту. Я ухаживал за тобой! А ты... Как ты могла выбрать другого? Да еще гнусного разбойника и убийцу!

– Нет! Все не так! – пыталась освободиться Тая, но железная рука рыцаря так сжимала ее, что она не могла двигаться.

– Все слова уже сказаны, – с негодованием отвернулся Тупиллио. – Твоя измена не вызывает сомнений. Тепаш, исполни свой долг. Постарайся отсечь ее голову аккуратно и быстро, чтобы она не страдала. Это последняя милость, которую

я могу оказать ей.

Тепаш кивнул господину и занес меч над Таей. Лейтенант с боцманом рванулись к ней, но стражники навалились и силой затолкали их обратно в толпу.

– А ну, стоп! – Тая рванулась так, что рыцарь не смог ее удержать. – Я имею право на слово в свою защиту! Что это за казнь без суда и без справедливости? Или закон в королевстве совсем отменили?

– Дело ясное, нечего рассуждать! – попыталась перекрыть ее голос герцогиня, но народная толпа неожиданно загомонила, поддерживая пленницу.

– Хватит распоряжаться! – раздались выкрики из народа. – Наш король – Леммонт. Пусть он все решает.

Тая поискала глазами принца и нашла его между разбитой бочкой и кораблем – тот потихоньку отползал прочь, пользуясь тем, что внимание сосредоточено не на нем. Оказавшись на виду, он принял невинный вид и застыл.

– Пусть все знают правду! – звонко крикнула Тая. – Никто не может отобрать у меня право на суд и защиту.

– Верно! – на этот раз даже мелкие дворяне присоединились к крикам простонародья. – Защита в суде – наше право! Пусть говорит!

Толпа так грозно взревела, что герцогиня отшатнулась и махнула рукой, давая знать, что больше не возражает.

– Отцепись от меня! – Тая оторвала руки Тепаша и вышла на середину площади.

Ее звенящий голос понесся, долетая до самых дальних закоулков. Толпа горожан притихла, ловя ее слова.

– Меня обвиняют в измене, но кому я изменила? – заговорила игрунья. – Герцогине с ее сыном? Придворным?

– Леммонту, нашему королю! – выкрикнули из толпы. – Ты протянула корону не ему, а разбойнику.

– Ах, разбойнику? – взъелась Тая. – Давайте-ка разберемся, кто тут разбойник. Я участвовала в расследовании, но никто не принимал меня всерьез. Может, именно поэтому я замечала много такого, на что не обращали внимания другие. Началось все с того, что разбойник по кличке Ночной Упырь попытался ограбить сокровищницу и украсть Грозовую корону, но барон Диллирой Драй схватил его за рукав и пресек ограбление. На следующий день стража перевернула город вверх дном, но преступника не обнаружила. Зато в трактире Край света, что на берегу воздушной гавани, произошло загадочное убийство. Я сама нашла тело убитого – на нем были маска и плащ Упыря, из-за чего Драй и решил поначалу, что это разбойник. Перед этим в том же трактире произошло и радостное событие – обнаружился всеми любимый принц Леммонт, вернувшийся из долгих странствий со слугой Равионом. Однако случилась беда: стоило Леммонту отлучиться, как в его номер забрались воры. Слуга пропал, оставив лишь следы крови, отчего принц решил, что его спутника убили. Однако дворянин, называющий себя Равионом, в тот же день объявился у нас в доме и напал на хозяина, за что

был задержан, а днем позже отпущен.

На этом злключения не прекратились. Стоило принцу очутиться во дворце Паллиандров, как тайные заговорщики начали плести против него интриги и подбрасывать письма с угрозами. В довершение всего, неизвестный злодей ограбил-таки сокровищницу и украл корону прямо из-под носа у нашей доблестной стражи.

Дальше события закрутились с такой скоростью, что я едва успевала на них реагировать. Наутро после ограбления Равион явился во дворец и попытался пролезть к принцу, что приняли за покушение. После он же на пару с Бармутом Барабульей похитил Леммонта, подверг пыткам и угрожал сбросить в бездну. Разумеется, все считали его за разбойника.

Поначалу меня удивило, что принц, забыв о собственной безопасности, отправился на опасную встречу. Его вызвал трактирщик Чумаданио Хрюнкель, пообещав раздобыть корабль. Доверившись ему, принц угодил в ловушку, устроенную пиратом и разбойником – тем самым, что звал себя Равионом. Я объясняла неосторожность принца тем, что он долго скитался и привык к риску. Однако во время схватки я кое-что заприметила, и это наблюдение натолкнуло меня на ряд догадок, в которые мне самой очень не хотелось верить.

По тому, как пират и разбойник обращаются с принцем, я узнала, что прежде они не встречались. Их поведение показало: Бармут и Равион хорошо знают друг друга. Однако

принц ни с одним из них не знаком. Если под именем Равиона спрятался разбойник, то это не удивительно – знать столичное дно принцу неоткуда. Но мог ли он быть не знаком с Бармутом?

Ведь мы уже выяснили, что принц со своим слугой вернулся на остров на пиратской лодке. Всем троим пришлось провести в утлом суденышке несколько суток, и вместе бороться с ветрами. Других судов в гавани не было – это установило следствие. Таким образом, Бармута, Леммонта и Равиона должно было связать знакомство. И тут вдруг я вижу, что тот, кого мы привыкли называть принцем, не из их числа! Он что, не сидел в одной лодке с Бармутом и Равионом? Как это понимать?

Я долго гнала от себя эту мысль, но от нее было не отвертеться. Выходило, что принц – самозванец. Что он вовсе не Леммонт Ярн. А кто же тогда?

Народ на площади вздохнул от удивления. Драй встряхнул косматой гривой и с подозрением уставился на королевича. Ланс Фит и Цыбер Буль вытянули головы, чтобы лучше рассмотреть происходящее, но оцепление продолжало сдерживать толпу игрунов и не подпускало их ближе.

Леммонт засуетился, подозвал Голодранию Кукселя и велел ему затащить на корабль бочку, однако даже долговязому прислужнику это оказалось не под силу. Куксель попытался приспособить к делу ездового шершня, потерявшего седока, но летун возмутился и недвусмысленно продемон-

стрировал службе жало, так что тот отскочил.

Тем временем Атасио с Лындрой на палубе расправляли спущенный парус. Бармут торопил их, но широкое полотнище едва трепыхалось. Леммонт взлетел и полез через борт, однако, стоило ему увидеть черную бороду пирата, как он охнул и свалился обратно.

– Бармут, скажи-ка нам, ты когда-нибудь видел Леммонта раньше? – громко крикнула Тая.

– Еще бы! – потер ладони пират.

– И когда же?

– Не далее как три дня назад, когда вон тот добрый молодец, – пират указал на Равиона, – рассказал мне, что этот хлыщ только что сорвал большой куш, и из него можно вытрясти кучу бабок.

– А до этого?

– Не приходилось, – коротко бросил пират.

– Но ведь ты привез в своей лодке двух путников. Один из них был принцем, так?

– Почему мне знать? Я действительно вез двух важных господ. Одного из них, как я вижу, ласкает вон тот дуболом с булавой, а второго, если я ничего не попутал, прирезали на постоялом дворе. Но вот кем они приходились друг другу – сказать не могу. В нашем деле не принято задавать лишних вопросов. Могу только припомнить, что юнец, которого ты ни с того ни с сего решила пожаловать короной, называл своего спутника «ваше высочество», а того это почему-то весе-

лило, он хохотал и твердил, мол, да, высочество из меня хоть куда.

– Из всех троих достоверно установлена личность Бармута Барабульи, – обратилась Тая к народу. – У следствия не оставалось сомнений, что владелец пиратской лодки – именно он. Ведь он попался моему деду и Дили Драю, когда пытался сбыть награбленное. Его опознал давний знакомый Чумаданио Хрюнкель. Его личность подтвердил и беглый крепостной Атасио, которого Бармут освободил. И даже рыцарь Тепаш Глинт видел Барабулю во время налета на поместье Виртис.

Тепаш важно кивнул, изображая из себя ключевого свидетеля.

– Давайте попробуем разобраться. В первый день месяца Разноцвета в трактире «Край света» сошлись четверо: принц Леммонт, его слуга Равион, пират Бармут, который привез их обоих, и разбойник Кирдуля Капецкий, известный как Ночной Упырь. Ни Бармут, ни оба его пассажира не знали разбойника.

Пират на палубе презрительно фыркнул.

– Уже к вечеру один из этой четверки был убит, другой забрался к нам в дом и попал в плен, третий на следующий день объявил себя принцем, и только Бармут продолжил летать и пиратствовать, как ни в чем не бывало.

– Поднять парус! – скомандовал Бармут своему экипажу.

– Не получится, – отозвался с досадой Атасио. – Корабль

нужно толкнуть и запустить, иначе парусу не хватит тяги.

– Погодите! Возьмите меня! – закричал принц. – Я расплачусь. Вы озолотитесь! Вот, смотрите!

Он нырнул в бочку и вытащил из нее пригоршню золотых украшений. Дили Драй зарычал и начал проталкиваться сквозь толпу.

– Итак, Леммонт, Равион и Кирдуля, – звенел голос Таи. – Один убит, другой признан принцем, третий преследует принца, непонятно зачем. Кто из них самозванец?

– Ночной Упырь! – хором вскричала толпа.

– Почему?

– Потому что других знает Бармут!

– Верно. Тогда кто же убит? Дили Драй утверждал, что погибший – разбойник. Наш рыцарь его опознал по маске и плащу с оторванным рукавом. Но теперь оказалось, что разбойник сидит во дворце под именем принца, он жив и здоров, лишь жалуется на интриги. Что, если слуга Равион говорит правду? Тогда выйдет, что погибший – сам Леммонт. Разбойник убил и ограбил его, присвоил королевскую печать, орден и письма Ярвеля, что и позволило ему выдать себя за наследника трона. Стоило мне подумать об этом, как на меня накатила такая печаль, что слезы из глаз потекли.

Толпа игрунов взорвалась от возмущения, и даже герцогиня Чуль-Паль изменилась в лице и ошеломленно уселась на стульчик, заботливо подставленный лакеем. Тупиллио уставился на того, кого еще недавно все принимали за

Леммонта, и проворчал:

– То-то я смотрю, он выглядит старше своих лет. А я еще переживал, что этот бродяга такой матерый и сильный, что мне с ним не сравняться.

– Я не понял, казнить-то мы кого будем? – осведомился Тепаш.

Тая справилась с эмоциями и продолжила:

– Представьте себе мои чувства, когда самозванец пообещал сделать меня своей королевой и предложил выйти за него замуж. Как я его ненавидела в этот миг! Ведь он же убийца! С принцем Леммонтом были связаны мои лучшие надежды, а тут вдруг все рухнуло. Во мне разгорелось желание отомстить.

И тут я вспомнила, что есть еще один игрун, который горит тем же желанием. Это Равион Варт, тот самый слуга, что приплыл с принцем, а после прибился к пирату. Теперь стало ясно, почему он преследует «его высочество» с такой одержимостью.

Я сделала вид, что поддалась на уговоры Кирдули, и согласилась добыть для него корабль. Самозванец твердил, что вокруг заговорщики, и он хочет сбежать. Я поняла, что он торопится удрать с награбленным. Раз так, то он притащит на палубу все, что украл, в том числе Грозовую корону. Там-то мы его и поймем с поличным!

Дили Драй появился в подземной пещере, вмешался и едва не сорвал этот план. Лишь в последний момент мне уда-

лось вырвать корабль из его рук. Судно ушло к Равиону и Бармуту, а уж они не дадут самозванцу спуска, в этом я не сомневалась. Теперь нужно было лишь ждать, пока мышь попадетя в ловушку.

Но оставались еще кое-какие вопросы. Как разбойник ограбил сокровищницу, ведь ее так охраняли? Первая попытка провалилась, после чего ему пришлось прятаться в «Краю света», где и случилось убийство. Но как ему удалось проверить все во второй раз?

– Минуточку! – прокричал Дили Драй, выбившись в первый ряд. – С чего ты вообще взяла, что хранилище грабанул самозванец? Все думали, что это сделал Равион. Твой дед нашел на месте преступления его ливрею.

– Давайте спросим у самого Равиона, – предложила игрунья. – Как вышло, что это старорежимное одеяние, в котором вы щеголяли в Цветочном лесу, на следующее утро оказалось в разграбленной сокровищнице?

Килимон перестал сдавливать Равиону горло, и тот смог проговорить, преодолевая хрипы и боль:

– В Цветочном лесу я попал в лапы егеря. Он отнял сонное зелье и запер меня в избушке, однако не удержался и отпил из бутылки – вероятно, он думал, что там самогон. Пары глотков хватило, чтобы свалить его с ног. Я убедился, что он будет храпеть до утра, и сбежал. На дворе была ночь, крыло жутко болело, и взлететь я не мог, поэтому вышел на дорогу и дождался телеги, что везла в город бочки. Но и тут

мне не повезло: отчего-то возница был зол на весь мир, и попытался меня зашугать, будто встретился с нечистой силой. Из-за этого мы подрались. В драке я скинул ливрею, и она досталась этому негодяю. Ну а мне пришлось добираться до города на своих двоих. Представьте, каково было мое удивление, когда явившись под утро, я узнал, что ночью разбойник ограбил-таки сокровищницу! Я заподозрил неладное и попытался встретиться с самозванцем, чтобы как следует его расспросить. И кто же мне помешал? Вы, леди Таисса, и ваш благородный Тиброль Тар. Никогда в жизни я не улепетывал с такой скоростью. Это чудо, что я оторвался от рыцарей и от вас.

– Ваша ливрея досталась Кирдуле Капецкому, – подвела итог Тая. – Вот откуда она взялась в разграбленном хранилище. А я не сомневалась, что это вы обнесли казначейство.

– Увы, такие подвиги мне не по плечу. Я и представить себе не мог, что столкнусь с самозванцем на проселочной дороге посреди ночи, да он еще будет одет в обноски, снятые с мелкого служки. Кабы знать – мой путь к цели был бы намного короче.

– Кирдуля Капецкий – мастер менять маски, мы узнали это от его бывшего учителя, Щудрого Хрыща. Признаюсь, в ограблении есть и моя вина. Сонное зелье, которое я приготовила, предназначалось вовсе не для воров. Я собиралась использовать его, чтобы освободить папу, маму и брата. Но Чумаданио Хрюнкель меня обманул – сделал вид, что вы-

ливаает его, а сам передал своему дружку вместе с пивными бочками. Мы так были заняты засадой на Бармута, что не заметили незнакомца, приехавшего с Голодранио Кукселем в ночной темноте. Я слышала, как он ругается с трактирщиком, но подумала, что у них спор из-за денег, и не обратила внимания.

Едва услышав свое имя, долговязый прислужник бросил возиться с бочкой. Его голова с всклокоченными волосами завертелась на длинной шее, но вокруг не находилось ни единого местечка, куда можно было бы спрятаться или сбежать.

Дили Драй вырвался из толпы. Двое стражников повисли у него на плечах, но он сбросил их, как котят, и схватил Кукселя за загривок.

– Кого ты привез в «Край света» в ту ночь, когда мы торчали в засаде? – заревел рыцарь.

Попав в руки рассерженного силача, Куксель лишился дара речи. Он только указал кривым пальцем на самозванца Кирдулю, доставшего из бочки тяжелую золотую чару.

– Мертвых уже не вернуть, – провозгласил вор. – Давайте помянем безвременно почившего принца Леммонта чаркой доброго коньяка и простим все обиды. Говоря откровенно, никто его и не ждал. Жизнь без него устоялась. Ну, убил я его, ну и что? Всем от этого только легче.

Глядя на Драю, Тая решила, что он готов свернуть разбойнику шею.

– Так вот из-за кого мои беды! – гаркнул рыцарь. – Вот

кто во всем виноват! Как жаль, что я не прикончил тебя в ту ночь, когда ты впервые попался мне в маске упыря.

– Выходит, все это время он прятал сокровища прямо у нас под носом? – проговорила с балкона Чуль-Паль. – А мы сбились с ног и не знали, где их искать.

Драй навалился на тяжелую бочку и опрокинул ее. Она с грохотом покатилаь вокруг фонтана, расплескивая содержимое. Волны коричневой жидкости заструились по яшмовым плиткам, и в нос Тае ударил терпкий запах, отдающий дубовым настоем. Бочка врезалась в бордюр, и из нее выпала целая груда золотых слитков, кубков и чаш, среди которых сверкнул белой сталью тяжелый ключ от массивной двери.

– Вот он, ключ от сокровищницы! – вскричал Драй. – Вор утащил его из моих покоев, пока я охотился на пирата в этом задрипанном «Краю света».

– А вот и план здания, благодаря которому похититель обошел все ловушки, расставленные после его первой попытки, – добавила Тая, поднимая лист промокшего пергамента, вынесенный волной. – Однако наш рыцарь не прав. Ночной Упырь – не единственный, кто виноват в его бедах. За ними стоял кое-кто поумнее.

Куда ни глянь, отовсюду торчат ушки трактирщика Хрюнкеля. Может, именно он подсказал самозванцу, где украсть карту и ключ от сокровищницы? Но он обитает вдали от дворца и даже в столице бывает от случая к случаю. Нет, ему

неоткуда было это узнать. Тут не обошлось без придворных. Это мог знать только тот, кто живет во дворце, кому ведомы все входы и выходы.

Помните, как у покоев его высочества схватили Цацу Ветвярскую? Про нее ходили смешные сплетни: будто бедная девушка влюбилась в принца и мечтает обратить на себя его внимание. Но я знала, что Цаца не так проста, как и ее хозяйка. Кто-то подкидывал принцу письма с угрозами – он сам жаловался, что его шантажируют.

Кто мог подсунуть письмо так ловко, что никто не заметил? Почему «принц» так рассердился, когда застал незнакомку в своей спальне?

Сколько раз Цаца приходила ко мне по поручению своей госпожи – Лайры Кин, моей лучшей подруги! Тут мне вспомнилось, к кому побежал Чумаданио после того, как мы привезли его во дворец, наутро после засады на Бармута. У него были дела с «принцем» – мы видели, как он выходил из покоев с целым мешком денег. Но перед этим он забежал к Лайре, якобы, чтобы поблагодарить ее за высокое покровительство.

Все ниточки сходятся на этом толстом трактирщике, поэтому мы и привезли его, чтобы он сам все рассказал.

– Бармут, тащи сюда нашего гостя! – крикнул Равион, освобождаясь от цепкой хватки Кардасара.

Пират прекратил попытки расшевелить провисающий парус, прыгнул в трюм и вытолкал на свет божий Чумада-

нию Хрюнкеля, взьерошенного и ободранного после недавнего падения корабля. Трактирщик перевалился через борт и шлепнулся прямо в коньячную лужу, перепачкав лицо и ладони. Увидев его, Лайра, до сих пор внимательно слушавшая речь Таи, скользнула в толпу придворных и растворилась среди их праздничных нарядов.

– Давайте уже казним кого-нибудь, что ли, – предложил Кардасар.

– Новость об ограблении сокровищницы свалилась на нас, как снег на голову, – не слушая его, продолжила Тая. – Такого развития событий никто не мог даже представить. Я думала, что злодей хочет сорвать коронацию Леммонта, и грешила на рыцаря Драя. Однако это дерзкое преступление сыграло в его судьбе роковую роль. Он потерял должность, поместье, а вместе с ними и титул барона ван Виртиса. Все видели, как добивался этого Пирифор дю Меллон. Но сам дю Меллон не получил выгоды, ему только пообещали пост председателя совета, да и то лишь после переворота, затеянного Тупиллио. Кто же получил настоящую выгоду от опалы Драя? Это всеми любимая Лайра, вернувшая себе титул баронессы ван Виль-и-Виртис. Именно ей достался лакомый кусочек в виде лучшего поместья на острове.

Эта мысль пришла мне в голову после того, как Драя подвергли опале. Я вспомнила, как страстно желала Лайра вернуть имение своего отца. Но могла ли она это сделать открыто? Ведь ее госпожа, герцогиня Чуль-Паль, безмерно дове-

ряла начальнику своей личной охраны и не соглашалась хоть в чем-то его обделить. Вот и выходит, что у Лайры не было иного пути, кроме придворной интриги. Только с помощью закулисного заговора она могла добиться своего.

Поначалу эта догадка казалась неправдоподобной. Все говорило о том, что заговор существует, вот только направлен он вовсе не против барона ван Виргиса, а против принца, чудом возвращенного нам после долгих скитаний. Я даже смеялась над Дили Драем, когда он плел небылицы о том, что тайные силы сплотились против него.

Но после похищения Леммонта и воздушного боя я посмотрела на все по-другому. Когда стало ясно, что принц – самозванец, я подумала, что его появление было бы невозможно без высокого покровителя во дворце.

– Врешь! Не было никаких покровителей! – злобно выкрикнул Кирдуля. – В этом гадюшнике все готовы сожрать друг друга. Никто мне не помогал.

– В том-то и хитрость, – заметила Тая. – Баронесса ван Виль управляла событиями через своего ставленника Чумаданио. Разбойник невольно превратился в орудие ее замыслов, не подозревая об этом. Он делал то, что ей выгодно, но проявлял своеволие и упирался – например, не отдавал корону, поэтому она и шантажировала его подметными письмами, давая понять, что в любой момент готова выдать его тайну. Кстати, зачем тебе корона, Кирдуля? Ведь ты уже знаешь, что грозные драконы не слушаются самозванцев.

– Вы ничего не понимаете! – растрепанный разбойник прошелся мимо рядов стражи, за которыми теснился столичный люд. – Я с детства мечтал стать королем воров. Кто еще мог ограбить казну государства? Такого никто никогда не совершал. Один этот поступок – и я навеки останусь в истории. Да, я останусь непревзойденным, и пусть все помнят об этом!

Он приблизился к Равиону и крикнул ему в лицо:

– Дурак! Я хотел обменять корону на корабль и улететь из-под носа у стражи, рыцарей и расфуфыренной герцогини. Ты сорвал самый ловкий трюк, на какой хватит фантазии. Корона нужна была лишь для того, чтобы все убедились в моем превосходстве. Я великий, но не такой, как вы все. Я великий вор. Равных мне нет и не будет!

– А по-моему, ты не вор, а убийца! – гневно сказала Тая. – Ведь это ты заколол в трактире ни в чем не повинного путника, чтобы присвоить чужие вещи.

– А что мне еще было делать? – огрызнулся Кирдуля. – Я всего лишь хотел обнести хату, а тот фраер вернулся не вовремя и набросился, не раздумывая, так что я даже не успел его вразумить. Он пытался проткнуть меня шпагой, но в тесной комнатке орудовать ей было неловко. Мой кинжал с осиным жалом оказался как нельзя кстати – я носил его под плащом.

– А зачем ты обрядил тело в свою одежду и маску? – спросил Дили Драй.

– Пусть лучше об этом расскажет его сообщник! – предложила Тая.

Драй за шиворот поднял Чумаданио из лужи, однако трактирщик до того перепугался, что ноги его подогнулись, и он не смог держаться самостоятельно. Рыцарю пришлось как следует встряхнуть его, чтобы он пришел в себя и вновь обрел способность говорить.

– По городу давно ходили слухи, что сын Ярвеля рано или поздно вернется, и тогда снова начнут летать корабли, а народец богатеть, – дрожащим голосом залепетал трактирщик. – Ее милость баронесса ван Виль мне строго-настрого наказала: следить за всеми прибывающими и немедленно докладывать, если кто-то из них окажется похож на принца или найдутся вещички прежних, королевских времен.

– Почему именно тебе? – вмешался в расспрос адмирал.

– А кому же еще? Мой трактир – у воздушной гавани. Пусть она и запущена, но другого удобного места, чтобы причалить, не сыщешь. Вот я и взялся смотреть, кто, куда и за чем. Баронесса была щедра и на подарки не скупилась, а уж я к ней со всей душой. От меня она первой узнала, что появились два путника, по всем приметам похожие на принца со слугой. Новость так ее взволновала, что она лично пожелала на них взглянуть, хоть я и советовал ей воздержаться – публика у нас подбирается разная, народ выпивает, а в тот день еще и пират буянил – спускал мне на радость оплату, полученную им за подвоз пассажиров.

Ко второму завтраку один из новоприбывших вышел, весь такой разряженный, фу ты ну ты. Вылитый принц, и возраст, и рожа – все как у особенно важных персон. Но ее милости и этого было мало. Велела она мне обшарить их номер и отыскать вещички, подтверждающие личность наследника. Чтоб, понимаете, не обмишулиться.

А у меня в дальней комнатке как раз отсыпался после ночного дельца Кирдуля – ну, вы уже знаете, он тогда маху дал с ограблением казны, по первому-то разу. Я ему и заказал работенку по его способностям.

Один из приезжих отправился в город, да там и пропал. Второй вышел к обеду, я подал ему соляночку с жареным мясом, но он сидел, как на иголках, и все порывался вернуться. Баронессы к тому времени уж и след простыл, да и Бармут отчалил по пиратским делам, так что все было чисто. Я Кирдуле дал знать, что пора выходить, а гостя задержал бесплатным пивом с закуской. Да он, вишь, на месте не усидел – поднялся раньше времени и пошел в номер, наверное, что-то почуял.

Что там было – не ведаю, я от драк держусь в стороне. Только когда Кирдуля меня позвал, этот путник уже лежал на полу в луже крови, а из груди у него торчал разбойничий кинжал из ядовитого жала. Кирдуля боялся, что его будут искать, и решил обмануть всех – обрядил труп в свой плащ, да еще натянул на него свою маску. Чтобы, значит, решили, будто Ночной Упырь мертв, и больше его не тревожили.

Вдвоем мы вытащили тело в окно и сбросили с обрыва – кто ж знал, что оно не провалится в бездну, а останется на уступе? После я, свет не видя, драил пол и смывал следы крови. К вечеру насилу управился. Все боялся, когда же вернется второй господин и спросит, куда подевался его дружок. Да этого не случилось, к моему облегчению.

А вот добыча в номере мертвеца и вправду оказалась любопытной. Кирдуля нашел письма Ярвеля к сыну, орденский знак Грозового дракона и большую печать, какие только у королей и бывают. По всему выходило, что приезжий – и впрямь принц. Только вот незадача – он же теперь вроде как покойник. Что тут делать?

Выручила баронесса. Я докладывал ей обо всем по порядку. А она мне и говорит: что, если этот разбойник покажет печать и сам назовется принцем?

– Зачем ей это было нужно? – спросил адмирал.

– Я толком не разобрал, понял лишь, что от этого выйдет ущерб одному из ее врагов. С этой поры беды так и посыпались мне на голову, как из дырявого мешка. То силачи в доспехах грозятся меня в порошок растереть, то его сиятельство граф глазами буравит, то его внучка шалить начнет. И все требуют, чтобы я выполнял их приказы. А дело-то нешуточное: вдруг пират вздумает мне отомстить за то, что я сдал его с потрохами?

В ту самую ночь, когда вы, господа, вздумали ловить Бармута на моем постоялом дворе, пожаловал ко мне наш но-

воявленный принц, одетый простецким извозчиком. Я Кирдулю и раньше знавал – он всегда был большим ловкачом по части переодеваний. Представляете, в какой ужас меня это ввело? Ведь в доме засада. Что будет, если его схватят и разоблачат? Я метнулся ему навстречу и тараторю, мол, куда, остолоп, поворачивай и кати прочь, тут шухер и стрем! А он даже слышать не хочет. Схватил меня за грудки и давай костерить на чем свет. Обвиняет, что я, мол, его шантажирую, пишу письма и угрожаю растрепать всем его тайну. Представляете? Это я-то! Его! Своего корешка, с которым я общим делом повязан! И как только ему в голову такое пришло?

Затащил я его в амбар и давай объяснять: приди, мол, в себя, образумься! А он ни в какую. Напал на меня и едва не прирезал! Он на это способен, лиходей оголтелый. Но Чумадани Хрюнкель ко всем найдет ключик. Нашел и к нему.

Нашептал я Кирдуле мыслишку, подсказанную госпожой. Выпал, говорю, тебе шанс, какого до сих пор никому не давалось. Этой ночью барон Дили Драй гостит тут, в Краю света. Его дворцовые покои пусты, а он держит там карту и ключ от сокровищницы. С картой ты обойдешь все ловушки, а ключом отопрешь хранилище. И забрать их проще простого: достаточно дождаться, пока во дворце все уснут, и спуститься с этажа на этаж. Это мне баронесса ван Виль во всех подробностях обрисовала. От себя присовокупил я к этому плану три бочки с намешанным в них сонным зельем, отнятым у

адмиральской внучки. Кирдуля как посмотрел на Драника Кукселя, на котором это зелье опробовали, так тут же уверовал в его силу. Глаза у него загорелись, руки зачесались. Вижу: он и сам от этой идеи в восторге. Мне и упрасивать не пришлось. Не забыл я и интересы моей госпожи: вытребовал себе долю – корону почившего Ярвеля. Уж больно ее баронесса желала заполучить.

Наутро после засады я напросился в город вместе со знатными господами, чтобы первым доложить баронессе об исходе ночного дела. Приезжаем, а тут на тебе! Все стоят на ушах. Шельмец Кирдуля использовал-таки сонное зелье по назначению и грабанул казначейство. Баронесса меня посылает к нему и велит: истребуй корону, как договаривались. А Кирдуля – ни в какую! Не для того, говорит, я рисковал головой, чтобы тебе, грязному борову, отдать это сокровище. Она, говорит, нужна мне для вечной славы. Вот покажусь в ней народу – тогда делайте со мной, что хотите, а до тех пор – ни-ни!

Я аж похолодел. Как я вернусь к госпоже без сокровища? Она не потерпит, чтоб ей перечили. Кирдуля мне зубы заговаривал и умаслил целым мешком драгоценностей, украденных из казны. А чего ему стоило? Они ж не евонные. Сегодня наградил, а завтра спустил. Если б знать, как он использует бочку старого коньяка – ни за что бы ее не послал ему, святотатцу.

Баронесса, и впрямь, рассердилась так, что я чуть сквозь

землю не провалился. Велела Кирдулю из дворцовых покоев выманить, пыткой выведать, куда он спрятал корону, а после прикончить. Ох, не по мне эта задачка! Я, конечно, могу хлестнуть тряпкой по морде кого-то из нерадивых уборщиков, но чтоб пытаться, да еще убивать – это разве трактирщика дело? Надумал я нанять по такому случаю того, кто в делах подобного рода знает толк – пирата Бармута. Тем более что госпожа соглашалась платить, не считая затрат. Бармут, признаться, точил на меня острый зуб за подставу, что устроили ему на моем постоялом дворе.

– И сейчас точу, – крикнул пират через борт корабля. – Не думай, что я легко прощаю измену.

– Но я как показал ему золотую монетку из тех, какими наградило меня его воровское высочество, так пират мигом забыл об обидах. Я ему говорю: у принца таких полным-полно. Нужно только как следует его расспросить. Как найдем его клад – чур, мне корона, а тебе все остальное. Только не подведи!

Откуда ж я знал, что к пирату в помощники напросится этот бродяга, что прилетел вместе с принцем? Я имею в виду, настоящим. Условились мы, что я выманю Упыря из дворца, а Бармут сделает все остальное. Кир как раз собирался линять вместе со всем, что натырил. Я наплел ему, что у пирата есть свой корабль – Кир и пошел за ним, как крыса за дудочкой.

– Так Лайра с самого начала знала, что принц – самозва-

нец? – удивленно воскликнула герцогиня. – Все это время она водила меня за нос? Лайра, как ты могла так со мной поступить? Ведь я тебе доверяла! А ну, покажись-ка мне на глаза!

По толпе придворных пробежало волнение. Торжественные одеяния всех мыслимых цветов и оттенков заколыхались и образовали водоворот вокруг баронессы, оказавшейся в пустом круге. Никто не решался приблизиться к ней, протянуть руку, сказать слово.

– Не дайте ей уйти! – резко приказал Драй.

Бароны и великосветские дамы сгрудились и образовали вокруг Лайры плотную стену. Герцогиня привстала со стульчика, перегнулась через перила и начала бросать в толпу фразы, отрывистые, как стук барабана:

– Да, я беспокоилась, что явится пропавший отпрыск Ярвеля и отберет будущее у моего сына. И я поручила следить за слухами Лайре, хотя больше надеялась на Дили и его охрану. Может, я и перегнула палку, разжигая соперничество между ними, чтобы они против меня не сдружились, и чтобы каждый из них старался выполнить поручение как можно лучше. К моему большому разочарованию, Дили меня подвел – прибытие принца проспал, да еще не справился с целой цепочкой преступлений, устроенных у него прямо под носом. А вот Лайра меня только радовала.

Разумеется, я не собиралась уступать принцу корону. Когда он водворился, я велела совету подыскать предлог, под

которым можно будет отказать ему в коронации. Но Леммонта кто-то предупредил: он заявился на заседание и предъявил свои права, а мои горе-помощники не придумали ничего лучше, чем согласиться.

Что уж скрывать: я подумывала, не избавиться ли от его высочества втихомолку – теперь в этом можно признаться, ведь он оказался самозванцем, так что большого греха все равно не случилось бы. Вот тут мои верные рыцари меня бы не подвели. Но Лайра меня отговорила. Она пообещала, что коронация не состоится, и убедила меня подписать закон о воцарении Леммонта, чтобы никто ничего не заподозрил. Взамен она попросила награду – поместье Виртис. Я была в отчаянии и пообещала ей все, чего только она пожелает.

В ту же ночь коронация сорвалась. Кто-то ограбил сокровищницу и украл корону. Лайра в очередной раз оказалась провидицей. Как она угадала? Я и представить себе не могла, что она управляет событиями.

Ах, Лайра, как ты могла так меня подвести? До тех пор, пока ты хитрила и манипулировала, чтобы услужить мне, ты была бесценной помощницей. Но как ты посмела обратить свою лисью хитрость против меня, твоей госпожи?

Я чувствую себя униженной и обманутой. Дили, эта лгунья твоя. Делай с ней все, что захочешь. Знать больше ее не хочу!

Герцогиня резко развернулась и убежала с балкона. Лакей подхватил стульчик, вынес следом и прикрыл за собой дверь.

ky.

Глава 15. Леммонт и Равион

Толпа придворных расступилась перед Дили Драем. Рыцарь вошел в круг, грубо схватил Лайру за волосы и потащил к фонтану. Алая роза оторвалась от прически баронессы и упала на мостовую. Рыцарь наступил на цветок сапогом и раздавил его.

– Не смей ко мне прикасаться! – зашипела на него баронесса.

– Я прикоснусь один раз. К твоей шее. Мечом, – бросил в ответ Драй.

Кирдуля вскарабкался на корабль, направил на Бармута саблю и скомандовал:

– Взлетай!

– Корабль взлетит тогда, когда его ветер поднимет, – насмешливо ответил пират, – а не тогда, когда ты ему прикажешь.

Разбойник оттолкнул Атасио, схватился за край паруса и начал отчаянно его колыхать, однако широкое полотнище едва откликалось на его судорожные движения. Бармут накинудся Кирдуле на плечи, выбил из его рук саблю и крикнул Атасио:

– Тащи пеньку! Вяжи его! Хватит этому разгильдяю паясничать.

Дили Драй бросил Лайру на выщербленный бордюр фонтана, подозвал Тепаша и потребовал:

– Дай меч!

Подчиненный не решился перечить бывшему командиру и отдал оружие. Драй склонился над Лайрой и грозно сказал.

– Я победил многих врагов, но со всеми я сражался лицом к лицу. Ты ужалила меня как змея – исподтишка. И поступлю я с тобой, как со змеей.

– Я тебе не девчонка, с которой можно делать все, что захочешь! Задумал избавиться от меня? Хочешь мне отомстить? Как бы не так! Если мне суждено сгинуть, то я всех утяну на тот свет!

Баронесса выкрутилась и достала из-под полы золотую корону.

– Ты знаешь, что это такое! – бросила она в лицо рыцарю. – Грозовые драконы – буря, с которой не справится ни одна сила. И если вы все на меня ополчились, то пусть эта буря сметет вас!

Она потеряла ладонью синий сапфир и водрузила корону на свою пышную шевелюру.

– Пусть древнее проклятие обрушится на моих врагов! – выкрикнула она. – Я проклинаяю барона Драя, который наложил лапу на поместье, принадлежавшее моей семье. Я проклинаяю герцогиню Паллиандр, предавшую меня. Я проклинаяю разбойника и убийцу Капецкого, вероломно нарушившего уговор после того, как я столько сделала для его успеха.

И я проклиная молодую мерзавку Таиссу с ее дедом, которые сунули нос не в свое дело и сорвали мой замысел. Пусть драконы с их молниями оставят от вас один пепел! Пусть они разгромят этот город, который я ненавижу! Если кто-то и уцелеет, то до конца своих дней будет вздрагивать, вспоминая гнев Лайры Кин, баронессы ван Виль-и-Виртис!

Она яростно сжала корону ладонями и подняла ее над головой. Синий сапфир озарился темным сиянием, исходящим из его глубины. Народ на площади ахнул. Стражники перестали давить на толпу, обернулись и растерянно бросили алебарды. Фит и Буль бросились к Тае и адмиралу и встали рядом, готовясь защитить от нападений.

– Так нельзя! – с отчаянием выкрикнул Равион. – Силу короны нельзя будить. Теперь быть беде!

Жгучие лучи Светозары начали меркнуть – их скрадывал туман, окутывающий город со всех сторон. Клубящиеся облака набежали на небо, и почти сразу же на их место пришли тяжелые тучи, придавившие остров свинцово-серой пеленой. Тае показалось, что яркий день вдруг закончился, и начались сумерки. Порывы ветра всколыхнули парус и принялись хлопать его краями. Бармут схватился за канат, но тот вырвался из его ладоней.

– Поначалу мне хотелось только вернуть поместье, и ничего другого, – выкрикнула Лайра, перекрывая рев ветра. – Но я поняла, что способна на большее. Мне не нужно терпеть над собой власть вздорной Чуль-Паль. Не нужно заискивать

перед рыцарями только потому, что они сильнее и носят доспехи. Я могу стать грозовой королевой. Вам придется мне подчиниться, или я напущу на вас силу, которая всех уничтожит.

– Опомнись! – крикнул ей Равион. – Грозовая корона – не для чужаков. Драконы не подчинятся никому, кроме потомков Ярвеля. Пока не поздно – сдайся и повинись.

– Нет, это вы должны повиниться! – ответила Лайра. – Тогда я проявлю милость. Признайте меня королевой, и я обещаю пощаду всем, кроме тех, кто со мной враждовал. Если нет – драконы устроят вторую огненную бурю, и город превратится в руины.

– Я разрублю тебя на половинки! – взревел Драй и замахнулся на нее мечом.

Лайра ловко скользнула в сторону, и тяжелый меч рыцаря высек искры из мрамора на бордюре.

– Что ж, пусть вам будет хуже, – бросила баронесса и, поймав за узду бесцельно бродящего шершня, вскочила в его седло.

Шершень взмахнул крыльями и взлетел.

– Ловите ее! Не дайте ей улететь! – выкрикнул адмирал.

Пожилой флотоводец сам попытался поймать шершня, чтобы пуститься в погоню, он Фит и Буль удержали его.

– Подать мне доспехи! – прогрохотал Дили Драй.

Дворцовые слуги бросились за железным панцирем и шлемом, но медлить было нельзя, поэтому Тая последовала

примеру Равиона и оседлала первого же попавшегося летуна. Равион стартовал, как заправский наездник, и резко начал набирать высоту. За спиной у Таи ловили последних остающихся на площади шершней Тепаш и Килимон, но когда они поднялись в высоту, Лайра успела уже разогнаться и улететь далеко вперед.

Не дожидаясь подмоги, Тая направила своего шершня за ней. Задержавшийся на земле Драй принялся облачаться в доспехи, но летуна для него не нашлось, и он погрозил кулаком удирающей баронессе.

Лайра направила шершня к восточному краю острова. Порывы ветра сорвали с головы Таи шапочку и растрепали ее волосы. Плаща на ней давно не осталось, и ей приходилось прижимать крылья к спине, чтобы начинающийся ураган не сбросил ее с седла.

Внизу мелькали знакомые очертания улиц. Показалась крыша адмиральского дома с высоким шпилем, но Лайра не останавливалась и безудержно неслась вперед, за край земли.

Сердце у Таи отчаянно застучало. Летать над бездной, да еще в ураган – занятие только для крепких духом. Но оставить преследование игрунья уже не могла, поэтому лишь подгоняла пятками своего шершня, зажмуриваясь от потока холодных капель, которые начали проливаться из туч.

Туман становился все гуще и гуще, очертания Лайры терялись, и если бы не Равион, уверенно державшийся рядом,

Тая сбилась бы со следа. Вдали послышались раскаты грома, и небо прорезали извилистые зигзаги молний. Земля под ногами пропала, и страшно было даже подумать, что случится, если упасть в разверстую бездну, у которой нет ни конца, ни края.

Яркий кафтан Лайры мелькнул вдалеке. Тая сжала губы и нырнула в сгустившуюся облачную пелену. Равион последовал за ней. Раскат грома едва не выбил обоих из седел. Ломаная извилина молнии полыхнула над головами, и заставила Таю сжаться.

Неожиданно Лайра вырвалась из тумана и понеслась ей навстречу. Корона на ее голове лучилась зловещим блеском, как будто золото раскалилось, хотя сапфир в самом высоком зубце оставался темным и тусклым.

– Поворачиваем! – прокричал Равион.

Тая едва расслышала его голос сквозь вой ветра и оглушительные громовые удары.

– Вот еще! – бросила она в ответ, не желая сдаваться.

И тут за спиной Лайры показалось чудовище, какого прежде Тае видеть не приходилось. Оно было похоже на огромную извивающуюся змею с гибкой шеей и длинным хвостом. На конце хвоста нервно дергался острый шип, но еще больше опасений внушала хищная морда с разинутой пастью, из которой торчали кривые клыки. Чудище с шумом размахивало широкими перепончатыми крыльями, но главная опасность исходила не от них, и даже не от острого греб-

ня с торчащими над головой иглами, а от длинных когтей, на кончиках которых переливались синие искорки.

Миг – и ярчайшая молния сорвалась с когтя чудовища, прорезав фиолетовым сполохом облачную пелену. Раскат грома ударил в уши с такой силой, что Тая на несколько мгновений оглохла. Она беспомощно оглянулась на Равиона – тот уже развернул шершня и отчаянно махал ей рукой, зовя за собой.

Лайра направила своего летуна на Таю, как будто собралась протаранить и опрокинуть ее. Тая судорожно натянула узду шершня и ударила его в бока пятками. Ей едва удалось увернуться. Она устремилась за Равионом, улетающим обратно к острову так быстро, как это было возможно.

На Мятежной площади стража уже не сдерживала толпу. Шипилию Жмых схватил Кирдулю Капецкого и не позволял ему вырваться, но команд от начальства не поступало, и цензурион соображал, что делать с задержанным дальше. Бармут при помощи Лындры и Атасио пытался оживить корабль: ему удалось восстановить парус, но резких порывов ветра хватало лишь на то, чтобы раскатать корпус судна.

– Уходите! Драконы! Прячьтесь! – издали закричал Равион, подлетая к фонтану.

– Что случилось? – тревожно спросил адмирал, когда запыхавшаяся Тая приземлилась рядом с ним.

– Драконы поднялись из облачной пелены. Они вот-вот налетят! – ответила она.

Разряд молнии вспыхнул над башенкой городского совета. Феррандо Флип распахнул двери здания и принялся зазывать своих подопечных в подвал, где можно было переждать бурю. Игруны принялись разбегаться, и теперь никто уже не мешал им взлетать и нестись прочь на своих крыльях. В воздухе возникла суматоха, горожане сталкивались в полете и падали на мостовую, получая ушибы.

Тепаш и Килимон опустились рядом с Драем и помогли ему натянуть железный панцирь, что оказалось непросто – ведь для этого нужно было плотно сложить за спиной крылья и прижать их к спине. Львиная грива рыцаря исчезла под шлемом. Одной рукой Драй схватил повод шершня, во вторую взял меч.

– Все по подвалам! Сидеть, и нос не высовывать! – по-хозяйски распорядился Феррандо, увидев, что кроме градоначальника, никто больше не в состоянии позаботиться о жителях столицы.

– Как она только не обжигается? – бросил Равион на ходу. Тая посмотрела ввысь и увидела приближающуюся Лайру. Порывы урагана бросали из стороны в сторону ее летуна. Корона на ее голове лучилась от красновато-червоного блеска. Дракон хлопал крыльями у нее за спиной, и было непонятно: то ли он следует за хозяйкой, то ли старается подцепить ее на свой кривой клык.

Драй вонзил шпоры в бока шершня и взмыл вверх. С замиранием сердца Тая смотрела, как он сближается с драко-

ном, размахивая мечом. На конце клинка засверкали синие искорки – сгустившееся в вышине напряжение так и тянулось к железу. Но с длинных когтей дракона срывались уже не искры, а настоящие молнии, спицы которых с яркими сполохами вонзались в крыши домов, шпили и печные трубы. Раскаты грома загрохотали так часто, как будто за облаками целый полк великанов ударил в невидимые барабаны.

Миновав Лайру, рыцарь устремился навстречу дракону. В этот миг он показался Тае маленьким комаром, столкнувшимся с огромным зверем. Дракон лязгнул челюстями, но рыцарь ловко ушел в сторону и попытался достать его мечом. Заложив в полете немыслимую петлю, дракон взмыл в вышину, налетел на противника и нацелил на него острый коготь. С когтя сорвалась молния и ударила в железный доспех Драя, на миг ставший таким же синим, как и ослепительный сполох вокруг. Драй опрокинулся, вылетел из седла и начал падать на землю, выпустив из руки меч. Рядом кувырком полетел вниз оглушенный и опаленный шершень.

Тая сжалась, представив, как рыцарь в тяжелых доспехах со всего маху хлопнется на мостовую, но за мгновение до падения Килимон с Тепашем подхватили его и не дали разбиться. Меч вонзился в площадь, расколочил плитку и ушел в землю на треть – рукоять его крестом осталась торчать на пути у мечущихся в суматохе стражей.

Килимон стянул с бывшего командира шлем – львиная грива Драя сбилась в космы, лицо было мертвенно-бледным,

глаза закрыты.

– По подвалам! Все по подвалам! – метался среди молний градоначальник, приводя в чувство замешкавшихся игрунов.

Килимон с Тепашем подхватили бесчувственного Драя и потащили его в погреб под дворцом герцогини, куда уже забегали Тупиллио и пестрая толпа разодетых придворных.

Лайра опустилась на площадь и бросила повод шершня. Червонное сияние короны на ее голове казалось совсем тусклым на фоне молний, то и дело озаряющих небеса.

– Ну, теперь вы признаете меня королевой? – крикнула баронесса, обращаясь к последним игрунам, еще не покинувшим площадь.

– Драконов не проведешь! Ими нельзя управлять! – выкрикнул Равион ей в ответ.

– Им самим это и расскажи! – захохотала баронесса.

Один за другим из мрачных туч начали вырываться небесные чудища. Их гибкие тела извивались, как клубок червей, рассыпанных небесным рыбаком. Звенела непробиваемая чешуя всех оттенков, от грязно-зеленого до жгуче-коричневого. Изумрудные, рубиновые, опаловые глаза засверкали на Таю со всех сторон. Молнии принялись срывать с их длинных когтей и осыпали город огненным дождем. Деревья, крыши домов, башни и шпили – все вокруг почернело и запылало.

– А вот и он, царь-дракон!

Равион произнес эти слова совсем тихо, но Тая расслышала их даже сквозь грохот и рев урагана. Высоко над их головами взмахнул крыльями и величественно заскользил в воздухе такой огромный змей, что тень от его крыльев, как показалось Тае, могла бы закрыть всю столицу. Игольчатый гребень на его голове топорщился, напоминая корону. Багровое чешуйчатое тело колыхалось в такт движению крыльев, а молнии, срывающиеся с его когтей, по яркости превосходили все, что Тая видела до сих пор.

Одна из них угодила в колонну фонтана и в крошку разбила статую русалки, уже успевшей до этого потерять свой кувшин.

Равион бросил отрывисто:

– На корабль! Мне нужны все, кто умеет им управлять.

Адмирал первым взлетел на борт судна. В этот раз Фит и Буль не решились его остановить. За дедом поднялась на палубу Тая – в суматохе никто не сказал ей ни слова.

– Поднять парус! – велел Бармуту Равион.

Пират бросил недоверчивый взгляд на бывшего помощника, но спорить было не время, и он подчинился. Атасио с Лындрой потянули за канаты, вздымая рвущееся и хлопающее полотнище. Фит и Буль присоединились к ним и изо всех сил начали помогать.

– Взлетаем! – скомандовал Равион.

Ветер наполнил полотнище и потянул его ввысь. Тяжелый корпус судна заворочался и затрещал, полозья заскрипели

по яшмовой плитке, но наткнулись на бордюр фонтана и застопорились.

– Так мы не взлетим. Судно нужно поднять, – сказал Тар. Лайра распустила крылья и взмыла в воздух.

– Вы сами виноваты в своих бедах! – громогласно объявила она тем, кто оставался внизу. – Не захотели мне подчиниться – пропадайте пропадом!

Она сорвала с головы корону и принялась размахивать ей, привлекая внимание чудовищ.

– Эй, твари! – закричала она. – Прекратить суету. Громи-те город спокойно и планомерно, квартал за кварталом. Сначала – дворцы, после – хижины бедняков.

Корона в ее руках продолжала лучиться, но синий сапфир потемнел и в сумерках казался почти черным. Драконы принялись окружать Лайру.

– Кто у вас тут за главного? – не унималась она. – К ноге! Живо! Я – твоя повелительница. Вот корона. Служить!

Но царь-дракон и ухом не повел на ее требования. Его багровая чешуя скрутилась вокруг Лайры в тугий узел, он хлопнул крыльями и упруго хлестнул ее длинным хвостом. Острый шип ударил в лицо баронессе и швырнул ее вниз.

Лайра перекувыркнулась в воздухе и выронила корону – та звякнула о мостовую и расплескала лужу, в которой, как в зеркале, отражались вспышки извилистых молний.

Не успела баронесса долететь до земли, как дракон выпустил в нее ужасающий разряд, похожий на огненную стрелу.

Молния пронзила Лайру насквозь, оставив в ее ярком кафтане черную выжженную дыру. Однако дракону и этого показалось мало. Он подцепил уже безжизненное тело клыком, вынес его за край острова и сбросил в бездну, бурлящую от неистового урагана.

Кафтан в последний раз мелькнул среди грозowych туч и навсегда ушел в непроглядную мглу.

– Быстрее! Нам нужно взлететь! – поторапливал Равион.

Тая бросилась через площадь, прикрывая руками голову, над которой гремели раскаты. Тяжелая корона помялась, золото потускнело. Тая взяла ее в руки и посмотрела ввысь. Разгулявшиеся драконы продолжали свою безумную пляску. Зеленый чешуйчатый великан снес башенку городского собрания. Грязно-коричневое чудище разгромило здание казначейства, проломив крышу и подпалив его молнией. Наконец, сам царь-дракон набросился на дворец герцогини и осыпал его целым пучком полыхающих струй, больше похожих на огненные трезубцы. Дворец рухнул, его стены осыпались, завалив подвал, в котором прятались обитатели.

– Феррандо, собери хоть кого-нибудь, – перегнувшись через борт, позвал градоначальника Равион. – Корабль необходимо поднять. Без толчка он не взлетит.

Феррандо Флип остановился и обвел взглядом площадь, по дальним закоулкам которой мелькали темные силуэты горожан, не нашедших убежища. Сообразив, что от него требуется, градоначальник принялся собирать их, уговаривая:

– Ребятки, нужна ваша помощь. Чуть-чуть подтолкнем – и сразу под крышу.

Тая взлетела на палубу и протянула Равиону корону.

– Я уже догадалась, кто ты такой, – проговорила она. – Возьми. Может, тебе она принесет пользу.

Игрун принял корону из ее рук, погладил пальцами золотой ободок и ответил:

– Еще горячая. Все должно быть наоборот – золото холодным, а камень ярким.

– Встали вокруг! – командовал адмирал собирающимися вокруг горожанами. – Уперлись в днище! Поднимай!

Тая почувствовала, что палуба под ее ногами качнулась.

– Держитесь, сейчас будет трясти, – предупредил Равион.

Толпа игрунов под водительством градоначальника уперлась в корабельное дно.

– Раз-два, взяли! – подбадривал их Феррандо.

Гулко хлопнув, парус взмыл в воздух и выгнулся куполом.

– Маши крыльями! Все вместе! Давай! – кричал с палубы адмирал.

Под кораблем собралась уже целая сотня жителей, оставшихся со своим предводителем. Они заработали крыльями, подняв гулкий шум. Корабль тронулся с места и оторвался от площади. Ветер раздул парус и потянул его к небесам.

– Ух ты! – Таю закачало так, что ей пришлось ухватиться за мачту.

– Дело пошло! – довольно выкрикнул боцман Буль, при-

держивая лейтенанта, которого бросило к бортику.

В этот момент лишь боцман да пожилой адмирал чувствовали себя в родной стихии.

– Не зевать! Держи крепче канаты, иначе нас будет швырять, как щепку! – деловито распорядился Буль.

– Куда берем курс, капитан? – спросил Равиона Бармут.

– На предводителя драконьей стаи.

– Прямо на царь-дракона? – не поверил пират. – Он раздербанит нас в щепки.

– Вот и отлично. О такой славной гибели сложат легенды. Разве не об этом мечтают пираты?

– Пираты мечтают о сундуке золота, горячей красотке и собственной крепости на берегу тихой гавани, – буркнул Бармут, но все же выполнил распоряжение и направил корабль в середину круговорота, кишашего искрящимися тварями.

По лицу деда Тая поняла, что он сомневается в разумности этого плана. Чтобы снять сомнения, она взмыла в «воронье гнездо», расположенное на самой высокой мачте, и принялась направлять движение, выкрикивая:

– Десять градусов на восток! Нос по ветру! Так держать!

Ураган рвал паруса. Корабль казался игрушкой, отданной на волю стихий. Заметив его приближение, драконы разъярились и начали носиться вокруг, осыпая его молниями.

– Еще чуть-чуть! – шептала Тая, изо всех сил хватаясь за поручни тесной кабинки на мачте. – Цель близка!

Равион надел корону на свои волосы цвета иссохшей пшеницы. Золотой ободок оставался тусклым – на его гладкой поверхности отражались лишь сполохи молний. Зато паруса корабля вдруг озарились лазоревым светом, льющимся из камня в самом высоком зубце.

– Сапфир вспыхнул, – удивился адмирал Тар. – Последний раз я видел это сияние еще тогда, когда был жив истинный государь.

– Так и должно быть. Эту корону завещал мне отец, когда я был ребенком.

– Стало быть, вы и есть настоящий принц Леммонт Ярн? Но вас ведь считали погибшим?

– Перед тем, как сесть в лодку пирата, мой слуга Равион уговорил меня поменяться с ним одеждой, – ответил игрун в короне. – Он хотел защитить меня, и оказался прав. Пирата мы опасались напрасно – он сдержал слово и доставил нас на родной остров. Но на постоялом дворе Равиона злодейски убили – он не сдержался, когда увидел, что разбойник грабит мое добро. Он был в моей одежде, поэтому убийца принял его за меня.

– А что случилось с тем кораблем, на котором вы отправились в путь десять лет назад? Почему вы не вернулись на нем?

– Его разбило бурей, многие из моих спутников не уцелели. Но мне посчастливилось – верные друзья не дали мне пропасть. Последним из них был Равион.

– Выходит, вы и есть наш законный правитель? Тая, почему ты мне не сказала?

– Я столько раз ошибалась, что и не знала, стоит ли себе верить. Так боялась спугнуть надежду, что молчала – вдруг сбудется?

Адмирал от души обнял вновь обретенного принца и прослезился.

– Ваше высочество, если б вы только знали, как трудно было хранить надежду все эти годы. Не раз и не два закрадывалась мысль, что славные времена ушли навсегда, и вашего возвращения я не дождусь. Но я гнал эту мысль и продолжал верить. Почему вы сразу не открылись мне, еще тогда, при нашей первой встрече?

– Я так ждал разговора с вами! – воскликнул юноша в сияющей короне. – Все три дня, что нашу лодку носили ветра, я только и думал, как бы найти приют у старого друга. Едва проспавшись после трудного путешествия, я позаимствовал ливрею Равиона и отправился к вам. Вот только сложилось все совсем не так, как я предполагал. В то утро город тонул в тумане, я блуждал и с трудом находил путь. Вдобавок, по улицам шастала стража – ловили Ночного Упыря. Как я ни прятался, а миновать патруль не удалось. За мной погналась целая свора, я дал деру и наткнулся на леди Таиссу, у которой пришлось позаимствовать летуна.

Умный шершень сам принес меня к вашему дому. Я надеялся, что все испытания позади. Как бы не так! Представьте

мое изумление, когда я увидел на вашем дворе кареты Чуль-Паль и ее свиты, да еще и охрану из рыцарей на парадном крыльце.

Влететь в дом мне удалось с заднего дворика, через балкон. И что я увидел? Что вы, адмирал, любезничаете с герцогиней и ее прихвостнем Дили Драем, да еще отдаете им письма моего отца! Что я должен был подумать? Конечно же, я решил, будто вы переметнулись на их сторону, и вам больше нельзя доверять. Поэтому я осторожничал и скрывал свою личность. Сколько всего я наговорил! И в измене вас обвинял, и на бедную Таю высыпал кучу упреков. Теперь я понимаю, что был неправ, и ужасно жалею об этих несправедливых словах.

– Мой мальчик, я так счастлив, что даже не вспоминаю о них, – растроганно произнес адмирал. – Но вас ждет еще одно испытание. Вашу власть должны признать драконы, лишь после этого она станет бесспорной. Приготовьтесь!

Лазурное сияние сапфира слилось со вспышками молний. Предводитель чудовищ заметил кораблик, несущийся к его морде, вытянулся в струну и полетел ему навстречу, хищно разевая пасть. Синие искры со злобным треском побежали по кончикам его когтей.

Игрун в короне обнял резную фигуру на носу корабля и выкрикнул:

– Я – Леммонт Ярн, сын Ярвеля Лучезарного! Грозовая корона принадлежит мне по праву рождения. Подчинись ей,

утихомирься и прекрати бушевать!

Клубок разъяренных драконов роем взвился вокруг корабля. Со всех сторон замелькали мутно-серые, зеленые, радужно-синие и золотисто-желтые глаза с черными зрачками. Они буравили Таю безжалостными взглядами, в которых нельзя было найти ни сочувствия, ни надежды на пощаду.

Царь-дракон закрутил вокруг корабля мертвую петлю. Молнии сорвались с его когтей, унеслись в небеса и прорезали черные тучи. Ни одна из них не задела кораблик, экипаж которого едва держался под порывами ураганного ветра.

Туча над головой Таи раскололась, и в просвете показался клочок голубого неба. Жгучие лучи Светозары хлынули в образовавшееся окно. Раздувшийся парус попал в столб света, как будто его осветили прожектором. Драконы отхлынули и перестали целить когтями в мечущееся судно.

Ветер погнал облака прочь. Принесший столько бед ураган сам принялся расчищать небо. Яркое окно становилось все шире, и вскоре поднебесье засияло во всю силу, как и положено в разгар дня.

Драконы попрыгали в убегающих тучах, как будто солнечный свет их отпугивал. Царь-дракон сделал над площадью круг, гулко хлопнул крыльями и понесся за край острова, догоняя стремительно отступающую облачную пелену.

У Таи отлегло от сердца.

– Идем на посадку! – скомандовал вновь обретенный Леммонт.

Корабль плавно приземлился в центре площади и встал на полозья. Принц перелетел через борт и, ступив в лужу, всколыхнул отражение солнца, сверкающее из воды. Запыхавшийся Феррандо Флип подбежал к Леммонту, и, не заботясь о своем меховом кафтане, плюхнулся перед ним в грязь.

– Ваше высочество, – волнуясь, заговорил он, – вы спасли город от полной разрухи. Все столичные жители вам благодарствуют. Никто больше не сомневается, что вы – истинный сын короля Ярвеля. Вам и быть нашим законным правителем, таково мнение всех горожан. В знак признательности позвольте преподнести вам ключи от Облачного Вышеграда.

И градоначальник протянул принцу огромный ключ от городских ворот. Леммонт повертел его в руках, затем вскинул повыше и показал народу. Толпа разразилась бурными рукоплесканиями.

– Храните его, как и прежде, – произнес он, возвращая градоначальнику ключ. – Сейчас нам не до церемоний. Дворец герцогини обрушился, но фундамент устоял. Подвал мог остаться нетронутым. Нужно разобрать завалы и спасти выживших.

Феррандо Флип поднялся, стряхнул грязь с кафтана и деловито припрятал ключ. По его команде горожане разбились на группы и принялись оттаскивать расколотые яшмовые блоки, завалившие вход.

Тая опустилась на площадь рядом с Леммонтом. Принц взял ее за руку, заглянул в зеленые глаза и с чувством про-

говорил:

– Сударыня, вы оказались первой, кто признал меня. Без вашей пронциательности правда могла не раскрыться. Даже не знаю, как вас благодарить.

– Отблагодарить меня очень просто, – ответила дева. – Достаточно освободить моих родителей с братом. Они до сих пор в заключении, и заточили их за преданность вашему ба-тюшке.

– Я помню о вашей печали, – подтвердил Леммонт. – Если позволите, я поручу вашим слугам, лейтенанту и боцману, передать стражникам мой приказ: немедленно снять все обвинения с капитана Фабиала Тара и выпустить его вместе с семьей.

Фит и Буль с готовностью вытянулись перед Леммонтом.

– Берите шершней и летите как можно быстрее, – сказал он. – Я хочу собрать тех, кто хранил верность династии Ярных.

– Ваше высочество, до охраны Каменной башни еще не дошли вести о переменах в столице, – замялся лейтенант Фит. – Нам окажут сопротивление. Придется брать башню с боем. Понадобится целый полк воинов.

– До этого не дойдет. Возьмите с собой цензуриона. Он сообщит подчиненным мое повеленье. Куда делся этот усатый вояка в кольчуге?

Шипилио Жмых тенью скользнул к принцу и униженно ткнулся перед ним в грязь.

– Не извольте беспокоиться, ваше королевское высочество, – забормотал он. – Мы ваше распоряжение донесем в один миг. Стража привыкла меня слушаться, можете не сомневаться.

Все трое оседлали ездовых шершней и взмыли в воздух.

Феррандо Флип, не чураясь работы, сам откатил в сторону обломок колонны и расчистил подступ к дворцовому подвалу. Однако дубовые двери оставались наглухо запертыми и не поддавались.

– Эй, есть там кто живой? – забарабанил в них градоначальник.

Створки распахнулись, и в темном проеме показался перепуганный Голодранио Куксель.

– Что, конец света еще не настал? – дрожащим голосом пролепетал он.

Работающие на расчистке завала горожане дружно расхотались.

– Выходите, и убедитесь сами, – позвал Феррандо.

Голодранио оттащил в сторону мешки с припасами, которыми для надежности забаррикадировали вход изнутри, и пропустил мимо Тепаша и Килимона, которые вывели под руки очнувшегося, но все еще слабого Дили Драя.

– Вот живучий бугай, – удивился вслух Бармут, вместе с Атасио убирающий паруса. – Даже молния его не берет.

– Не дождетесь, – хмуро буркнул бывший барон, выходя на свет.

Он взглянул на померкшую корону принца, встряхнул львиной гривой и пробормотал:

– Вот оно, значит, как. Кто бы подумал!

Следом за ним выбрался бледный Пирифор дю Меллон в сопровождении целой толпы придворных и мелких слуг. Последними показались Тупиллио и герцогиня Чуль-Паль.

Наследник герцогского титула остался без шпаги и берета. Он выглядел потерянным и помятым. Осунувшаяся герцогиня вела себя тихо – казалось, будто она постарела сразу на десять лет.

– Ваше высочество, я прошу прощения за себя и своего сына, – присела она перед Леммонтом в глубоком реверансе. – Мы сочли бы за милость, если бы вы отпустили нас в родовой замок Паллиандров. Обещаем не строить против вас козней. Все, чего мы хотим – жить в уединении и покое.

– Что ж, пусть так и будет, – ответил принц.

– Будь осторожнее, парень, – посоветовал Бармут. – Господам нельзя верить. Никто не знает, что у них на уме. Неплохо бы засадить их в ту самую башню, где куковала родня этой хитрой оторвы со срезанной косичкой. Да-да, этой самой, от которой ты не отводишь глаз.

И пират указал на Таю. Игрунья вспыхнула и раздосадованно отвернулась. Леммонт успокоил ее и ответил:

– Я не собираюсь превращать остров в тюрьму. Пусть уходят и живут в своем личном имении – это их право.

Тупиллио подал матери руку и помог ей привстать. Вдво-

ем они побрели к западу, медленно переставляя ноги. Пирифор дю Меллон, бароны-советники и Килимон с Тепашем потянулись за ними.

Герцогиня остановилась, и, оглянувшись, позвала Драя:

– Я виновата и перед тобой, мой верный Дили. Как жаль, что эта подлая интриганка затуманила мой рассудок! Но прошлого не вернешь. Идем с нами. Тебе всегда найдется местечко на службе у Паллиандров.

– Ну уж нет! – встряхнул гривой рыцарь, словно отгоняя мороку. – Я в отставке, моя служба кончилась. Меня грохнуло молнией, но я выжил – наверное, это знак. Обратного я не вернусь. Впервые в жизни я чувствую себя хозяином своей судьбы, только выбирать ее придется заново.

– И что же вы выберете? – спросил его адмирал, обнявший за плечи внучку.

– Здесь я больше не нужен. Дождусь корабля и отправлюсь на верхние острова – сражаться с ледяными великанами. Говорят, они страшные и могучие. Вот дело для настоящего рыцаря!

– Мне приходилось слышать, что в заоблачной вышине обитают исполинские твари, с которыми никто не может управиться, – подтвердил Леммонт. – Но до них не добраться.

– Я доберусь, – пообещал Драй, повернулся и пошел прочь, приволакивая ногу.

Тая проводила его долгим взглядом.

– А что станет с поместьем Виртис? – спросил Бармут.

– Не надейся, грабить его я больше не позволю! – откликнулся принц.

– Брось, я вовсе не это имел в виду.

– Что бы ты ни имел – теперь его жители под моей охраной. Я намерен отменить крепостное право, а селян отпустить на волю. Если им вздумается переселиться на другие острова – то пусть отправляются, куда захотят. Никто не вправе их удерживать против желания.

– Ура! Это именно то, чего ждали мои односельчане! – радостно завопил Атасио, бросая вверх подобранную шляпу с белым пером.

– Слава Леммонту, нашему принцу! – повторила за ним Лындра.

– По закону поместье, оставшееся без владельца, отходит в собственность королевской казны, – пояснил адмирал. – Теперь оно ваше, принц.

– Что ж, тем лучше. Я наведу в нем порядок, как и на всем остальном острове.

Внезапно пузатая бочка, перевернутая вверх дном, ни с того ни с сего закачалась. Изнутри слышались пыхтенье и стуки, как будто кто-то барахтался в темноте.

– Спаси меня, сила Счастливой звезды! – воскликнул Бармут и суеверно сжал талисман, болтающийся на его шее. – Кто же бросает на улице пустые бочки, да еще пропахшие коньяком? В них заводятся шальные барабашки, это все зна-

ют.

Бочка упала набок и с грохотом покати­лась. Из нее вывалился Кирдуля Капецкий, с ног до головы мокрый и пропитавшийся коньячным душком. Мантия из дорогого меха ску­жи­лась и превратилась в тряпку, небрежно обмотанную вокруг его плеч.

– Гроза кончилась? Дракончики еще тут? – испуганно бе­гая глазами по сторонам, поинтересовался он.

– Ах, вот ты где! – яростно вскрикнула Тая, набросилась на него, и, сорвав мантию, принялась хлестать его по лицу сырым мехом. – Все это время ты выдавал себя за другого. А я тебе верила! Я на тебя надеялась!

– Уберите от меня эту стерву! У нее крыша съехала! – завопил Кирдуля, отползая от нее на карачках.

– Ведь я сразу заметила, что ты говоришь на нелепом жар­гоне, – не унималась игрунья. – Но все вокруг успокаива­ли: мол, его высочество долго скитался, набрался простец­ких привычек в дальних краях.

Тая пихнула его в зад сапогом и обратилась к присутству­ющим:

– Этот проходимец даже не знал морских слов! Он нахва­тался их не на палубе, а в притоне. На дальних островах не болтают на воровской фене.

– Нам всем следовало придать этому больше значения, – успокоил ее адмирал.

Кирдуля залез на корабль, схватился за парус и принялся

его трясти, надеясь, что тот вновь поднимется в воздух. Глядя на его потуги, Бармут расхохотался:

– Не за свое дело взялся, сухопутная крыса! Куда тебе, криворукому, управлять судном? Разве можно поднять его в одиночку? Тут команда нужна, а у тебя даже подельников не осталось.

Атасио помог ему скрутить вора и вернуть его на землю. Вдвоем они бросили разбойника под ноги Леммонту.

– Надо бы его это... чик-чик! – предложил пират, ладошкой показывая, как отделяется от туловища голова.

– Казнить! Это будет достойное наказание за убийство Равиона, – согласился с ним адмирал.

– Я каждый день вспоминаю о Равионе, – проговорил Леммонт. – У меня не было друга надежней, чем он. Но начинать царствование с казни – плохая примета. Мой отец прославился не потому, что казнил, а потому, что страна процветала, а народ богател. Посадите его под арест, после суд решит, что с ним делать.

– Давайте-ка определим его в трюм. Пусть потрясется во тьме и на собственной шкуре почувствует, каковы корабельные будни.

Бармут затащил упирающегося Кирдулю на палубу и швырнул в разверстый люк, ведущий в темное нутро судна. Тае почувдилось, что из-за покатога бортика донесся глухой шлепок и отчаянные причитания вора.

– Слава Леммонту, нашему будущему королю! – провоз-

гласил Феррандо Флип.

Игруны пришли в радостное возбуждение. Их никто не удерживал, и они принялись взлетать и носиться над площадью.

– На корабль! Взяли и понесли! – лихо выкрикнул градоначальник.

Леммонт, Тая и адмирал взошли на палубу. Игруны толпой подняли корабль на руки и понесли на проспект, обходя разбитый фонтан и груды обломков, оставшихся от разрушенных зданий.

Завидев торжественную процессию, оставшиеся горожане выползали из своих убежищ и присоединялись к ней. Вскоре широкая улица заполнилась народом от края до края: движущаяся по ней толпа напоминала реку, хлынувшую в новое русло.

Шествие привело к развалинам королевского дворца. Горожане опустили корабль, Леммонт подхватил Таю и помог ей спуститься на землю. Они оказались на выщербленных ступенях, по которым всего несколько дней назад Тая убежала от пещерного монстра.

– Я помню этот дворец. Здесь прошло мое детство, – сказал Леммонт. – Тут я прятался после того, как вернулся, после того, как на меня ополчились все, на кого я надеялся. Прежних времен не вернешь, но мы можем положить начало новой, счастливой эпохе. Сударь, – обратился он к адмиралу, – старый государственный совет, служивший ордену Ка-

менной башни, распушен. Его председатель в отставке. Мне нужна ваша помощь – займите его место. Поручаю вам собрать новый совет из надежных слугителей, сохранивших верность памяти Ярвеля Лучезарного. Мы восстановим все лучшее, что было при моем отце. Отстроим заново этот дворец – мне больно смотреть на руины и запустение, оставшиеся там, где когда-то кипела жизнь. Поручаю вам также восстановить Летучий флот и возобновить воздухоплавание во все стороны, куда дует ветер. Былая слава королевства покоилась на могуществе нашего флота – мы должны вновь открыть путь на далекие острова, оторванные от нас Огненной бурей.

– С огромным удовольствием исполню ваше поручение, – ответил ему Тар. – Давно пора это сделать. Наконец-то я снова увижу, как паруса заполняют воздушный простор. Если позволите, я исполню и собственную мечту – верну свою вотчину, остров Горную кручу, на котором осталось мое разрушенное хозяйство.

– Разумеется! – Леммонт обнял адмирала, поднимаясь с ним по ступеням. – Ваши владения и ваш замок должны к вам вернуться. Подумайте и об ордене Грозового дракона – он должен снова собраться после долгого перерыва. Ведь вы были его казначеем? Кому, как не вам, стать его новым великим магистром.

Их разговор прервал скрип кареты, запряженной шершнями. Боцман Буль соскочил с козел и распахнул дверцу.

Лейтенант Фит откинул ступеньку и помог выбраться бледному, осунувшемуся, заросшему густой бородой Фабиалу Тару.

– Папа! – кинулась Тая ему на шею.

Вслед за мужем по ступенькам спустилась мать Таи с Микенио. Тая охватила их руками и разрыдалась.

– Как я давно я вас не видела! – бормотала она. – Как мы все за вас переживали!

Вслед за Таей сына обнял и пожилой адмирал.

– Мне так совестно, – сказал он Хрусталине. – Все эти несчастья свалились на вас из-за меня.

– Вовсе нет, – ответила мать Таи. – Мы – одна семья, и судьба у нас общая.

– Вот и капитан. Как кстати! – подозвал Фабиала Леммонт. – У нас пока только один корабль. Вам нужно восстановить силы после изнурительного заключения. А когда возвратитесь из отпуска – принимайтесь за службу. «Королевский дракон» – ваш.

– Мне не нужен отпуск, ваше высочество, – поклонился ему Фабиал. – Все время, проведенное в башне, я только и мечтал, чтобы вырваться на простор. Вольный ветер и парус над головой – вот что мне нужно для полного выздоровления.

– Я знаю еще одного игруна, который больше всего ценит ветер и паруса, – рассмеялся Леммонт. – Эй, Бармут, ты слышишь нас? Если у тебя хватит воли, чтобы забросить вред-

ные привычки, то место на королевской службе найдется и для тебя. Капитан, примете его к себе старпомом?

– Отчего же нет? – ответил отец Таи. – Опытные воздухоплаватели теперь на вес золота. Тех, из кого можно собрать экипаж, придется искать днем с огнем.

– Вот так история! – расхохотался пират. – Меня, и на королевскую службу? А что... Я давно хотел остепениться и зажить без тревог и волнений. Наряжусь в офицерский мундир и буду щеголять со шпагой, как порядочный господин. Надо же когда-то браться за ум.

Адмирал поднял на руки внука Микенио, от которого не отходила и Тая. Воспользовавшись тем, что все внимание сосредоточено на них, из корабельного трюма выскользнул Кирдуля. Украдкой пробравшись по палубе, он сиганул с кормы и через заросшую плющом галерею с колоннами бросился в зал под проломленной крышей.

– Вот шельмец! Нужно его задержать! – выкрикнул адмирал, опуская Микенио.

Лейтенант с боцманом бросились догонять беглеца, Тая пустилась за ними. Следом хлынули игруны во главе с Леммонтом. Шумной толпой они пронеслись мимо статуи Ярвеля, благосклонно взирающего на своих подданных, и по ступеням спустились в подвальный этаж.

– Стой, олух! Туда нельзя – пропадешь! – закричала Тая, увидев, что Кирдуля помчался к пролому в полу, из которого дышало сыростью мрачное подземелье.

Но ошалевший разбойник был глух к голосу разума. Петляя, он проскочил мимо колонн и остановился на краю пролома, заглянув в его глубину.

– Погоди! Там опасно! – приближаясь, выкрикнул Леммонт.

Увидев его, Кирдуля перепугался еще больше, и, подавшись страху, прыгнул в темноту.

– Не подходите! Держитесь подальше от края! – Леммонт развел руки в стороны, удерживая напуганных спутников.

Адмирал, Фабиал, Бармут, Атасио, Фит с Булем сгрудились перед проломом. Из глубины подземелья донеслись истошные вопли. Камни застучали по стенам, выбивая барабанную дробь. В тонкие лучики света, рассеивающие темноту сквозь разлом, влетели ошметки багряного камзола с вышитым золотым шмелем, куски широкого пояса и клочки меха. Звякнули о пол звенья цепочки, сорванной с шеи Кирдули. Прилетело и шмякнуло голенище, оторванное от сапога. Вскоре эхо от криков умолкло, утих звук перекатывающихся камней, и настала тяжелая, гнетущая тишина.

Леммонт отвел Таю подальше от края.

– Какая ужасная гибель, – передернуло адмирала. – Такой не пожелаешь самому злому врагу.

– Да, много я видел лихих кончин, но эту мне бы хотелось забыть, – сказал Бармут. – Не то будет сниться в кошмарах, да так, что до утра не оправишься от нервной трясучки.

– Нужно будет замуровать пролом, – решил Леммонт.

– Сделаем, – пообещал адмирал. – А пока выйдем на воздух, не то чудище может почуять нас и попробовать выбраться.

Игруны хлынули вверх по ступеням. Тая приблизилась к Леммонту – принц казался задумчивым и отрешенным.

– Что-то не так, ваше высочество? – с участием спросила она.

– Я думаю о Равионе, – признался принц. – Его убийца наказан, но я не чувствую удовлетворения.

– Злодей получил по заслугам. То, что мы видели – похуже казни, – постарался утешить его Тар.

– Дело не в этом. Друга уже не вернуть. Местью потерю не залечить. Я бы хотел, чтобы Равиона похоронили в красивом месте, на высоком берегу острова, с которого открывается вид на бескрайний простор.

– Мы так и сделаем, ваше высочество, – пообещал адмирал. – Не беспокойтесь, память о вашем спутнике будет сохранена.

– Меня утешает лишь то, что взамен одного друга я приобрел много новых, – улыбнулся Леммонт. – Я убедился, что могу рассчитывать на вас и на Таю.

– Вы вряд ли помните это, но я держал вас на руках, когда вы были ребенком.

Мягкая улыбка тронула губы пожилого вельможи.

– Что ж, будьте мне вместо отца, которого я потерял, – проговорил Леммонт.

Цензурион Шипилио Жмых отошел к обочине проселочной дороги и проводил взглядом тягостную процессию, состоящую из понурых придворных и разжалованных баронов. Герцогиня, Тупилио и Пирифор дю Меллон уныло брели к Гранитному замку, едва виднеющемуся на фоне блистающих под ярким солнечным светом гор.

Стражники Задрубал и Обар Мотт, бредущие встречным курсом, посторонились и примкнули к начальнику.

– Вы чего тут? – спросил их Шипилио.

– С Каменной башни сняли охрану, заключенные разлетелись. Мы остались не у дел. Теперь не знаем, куда податься, – пожаловался Задрубал.

– Начальство переменялось. Надо новому показаться, авось, жалованья подбавит, – покрутил ус Шипилио.

– А не накажут? За всю нашу прежнюю выслугу... – с сомнением спросил Обар Мотт.

– Дурень! – двинул его по башке цензурион. – Начальство меняется, а стража всегда остается. Пошли со мной, и даже не сомневайтесь. Я вам так скажу, ребята: держитесь меня, и не прогадаете.

Оба стражника повеселели, и двинулись вслед за командиром к столице, над которой уже разносился радостный гул долгого, шумного праздника.

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://pixabay.com/> по лицензии CC0.

Автор будет благодарен за мнения и комментарии об этой книге, которые можно высказать на персональном сайте www.limonardi.ru и в социальных сетях, список которых приведен на странице <http://limonardi.ru/index.php/contacts> .